

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов

<Безотцовщина>

Действующие лица

Анна Петровна Войничева, молодая вдова, генеральша.

Сергей Павлович Войницев, сын генерала Войничева от первого брака.

Софья Егоровна, его жена.

Порфирий Семенович Глагольев 1.

Кирилл Порфирьевич Глагольев 2, его сын.

Герасим Кузьмич Петрин;

Павел Петрович Щербук. Помещики, соседи Войничевых.

Марья Ефимовна Грекова, девушка 20 лет.

Иван Иванович Трилецкий, полковник в отставке.

Николай Иванович, его сын, молодой лекарь.

Абрам Абрамович Венгерович 1, богатый еврей.

Исак Абрамович, его сын, студент.

Тимофей Гордеевич Бугров, купец.

Михаил Васильевич Платонов, сельский учитель.

Александра Ивановна (Саша), его жена, дочь И. И. Трилецкого.

Осип, малый лет 30, конокрад.

Марко, рассыльный мирового судьи, маленький старичок.

Василий;

Яков;

Катя, прислуга Войничевых

Гости, прислуга.

Действие происходит в имении Войничевых в одной из южных губерний.

Действие первое

Гостиная в доме Войничевых. Стеклянная дверь в сад и две двери во внутренние покои. Мебель старого и нового фасона, смешанная. Рояль, возле нее пюпитр со скрипкою и нотами.

Фисгармония. Картины (олеография) в золоченых рамах.

Явление I

Анна Петровна сидит за роялью, склонив голову к клавишам.

Николай Иванович Трилецкий входит.

Трилецкий (подходит к Анне Петровне). Что?

Анна Петровна (поднимает голову). Ничего... Скучненько...

Трилецкий. Дайте, топ анге, [1] покурить! Плоть ужасно курить хочет. С самого

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
утра почему-то еще не курил.

Анна Петровна (подает ему папиросы). Берите больше, чтобы потом не беспокоить.
Закуривают.

Скучно, Николая! Тоска, делать нечего, хандра... Что и делать, не знаю...

Трилецкий берет ее за руку.

Анна Петровна. Вы это за пульсом? Я здорова...

Трилецкий. Нет, я не за пульсом... Я чмокнуть...

Целует руку.

В вашу руку целуешь, как в подушечку... Чем это вы моете свои руки, что они у вас такие белые? Чудо руки! Даже еще раз поцелую.

Целует руку.

В шахматы, что ли?

Анна Петровна. Давайте...

Смотрит на часы.

Четверть первого... Небось, наши гости проголодались...

Трилецкий (приготавливает шахматную доску). По всей вероятности. Что касается меня, то я страшно голоден.

Анна Петровна. Я о вас и не спрашиваю... Вы всегда голодны, хоть и едите каждую минуту...

Садятся за шахматы.

Ходите вы... Уж и пошел... Надо сперва подумать, а потом уже и идти... Я сюда... Вы всегда голодны...

Трилецкий. Вы так пошли... Тэк-с... Голоден-с... Обедать скоро будем?

Анна Петровна. Не думаю, чтобы скоро... Повар изволил ради нашего приезда нализаться и теперь без ног. Завтракать скоро будем. Seriously, Николай Иванович, когда вы будете сыты? Ест, ест, ест... без конца ест! Ужас что такое! Какой маленький человек и такой большой желудок!

Трилецкий. О да! Удивительно!

Анна Петровна. Забрался в мою комнату и не спросив съел полпирога! Вы знаете ведь, что это не мой пирог? Свинство, голубчик! Ходите!

Трилецкий. Ничего я не знаю. Знаю только, что он у вас там прокиснет, если я его не съем. Вы так? Можете-с... А я этак... Если я много ем, то я, значит, здоров, а если здоров, то, с вашего позволения... *Mens sana in corpore sano.*[2] Зачем думаете? Ходите, милая дамочка, не думая... (Поет.) Я хочу вам рассказать, рассказать...[3]

Анна Петровна. Молчите... Вы мешаете мне думать.

Трилецкий. Жаль, что вы, такая умная женщина, ничего не смыслите в гастрономии. Кто не умеет хорошо поесть, тот урод... Нравственный урод!.. Ибо... Позвольте, позвольте! Так не ходят! Ну? Куда же вы? А, ну это другое дело. Ибо вкус занимает в природе таковое же место, как и слух и зрение, то есть входит в число пяти чувств, которые всецело относятся к области, матушка моя, психологии. Психологии!

Анна Петровна. Вы, кажется, острить собираетесь... Не острите, дорогой мой! И

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
надоело, и не к лицу вам... Вы заметили, что я не смеюсь, когда вы остриете? Пора, кажется, заметить...

Трилецкий. Ваш ход, votre excellence!.. [4] Берегите коня. Не смеетесь, потому что не понимаете... Так-с...

Анна Петровна. Чего глазеете? Ваш ход! Как полагаете? Ваша «она» будет сегодня у нас или нет?

Трилецкий. Обещала быть. Дала слово.

Анна Петровна. Пора уж ей быть в таком случае. Первый час... Вы... извините за нескромность вопроса... Вы и с этой «да так» или же серьезно?

Трилецкий. То есть?

Анна Петровна. Откровенно, Николай Иванович! Не ради сплетен спрашиваю, по-приятельски... Что Грекова для вас и что вы для нее? Откровенно и без острот, пожалуйста... Ну? Ей-ей, по-приятельски спрашиваю...

Трилецкий. Что она для меня и что я для нее? Пока неизвестно-с...

Анна Петровна. По крайней мере...

Трилецкий. Езжу к ней, болтаю, надоедаю, ввожу ее маменьку в расход по кофейной части и... больше ничего. Ваш ход. Езжу, надо вам сказать, через день, а иногда и каждый день, гуляю по темным аллеям... Я толкую ей про свое, она толкует мне про свое, причем держит меня за эту пуговку и снимает с моего воротника пушок... Я ведь вечно в пуху.

Анна Петровна. Ну?

Трилецкий. Ну и ничего... Что собственно тянет меня к ней, определить трудно. Скука ли то, любовь ли, или что-либо другое прочее, не могу знать... Знаю, что после обеда мне бывает страшно скучно за ней... По случайно наведенным справкам оказывается, что и она скучает за мной...

Анна Петровна. Любовь, значит?

Трилецкий (пожимает плечами). Очень может быть. Как вы думаете, люблю я ее или нет?

Анна Петровна. Вот это мило! Вам же лучше знать...

Трилецкий. Э-э... да вы не понимаете меня!.. Ваш ход!

Анна Петровна. Хожу. Не понимаю, Николая! Женщине трудно понять вас в этом отношении...

Пауза.

Трилецкий. Она хорошая девочка.

Анна Петровна. Мне нравится. Светленькая головка... Только вот что, приятель... Не наделайте-ка вы ей как-нибудь неприятностей!.. Как-нибудь... За вами этот грех водится... Пошлетесь, пошлетесь, наговорите кучу вздора, наобещаете, разнесете славу и тем и покончите... Мне ее жалко будет... Что она теперь подельывает?..

Трилецкий. Читает...

Анна Петровна. И химией занимается?

Смеется.

Трилецкий. Кажется.

Анна Петровна. Славная... Потихе! Вы рукавом свезете! Нравится она мне со своим острым носиком! Из нее мог бы выйти недурной ученый...

Трилецкий. Дороги не видит, бедная девочка!

Анна Петровна. Вот что, Николая... Попросите Марью Ефимовну, чтобы она поехала ко мне немного... Я с ней познакомлюсь и... Я, впрочем, маклеровать не стану, а так только... Мы ее вместе раскусим и или отпустим с миром, или же примем ее к сведению... Авось...

Пауза.

Я считаю вас малюточкой, ветерком, а потому и вмешиваюсь в ваши дела. Ваш ход. Мой совет таков. Или не трогать ее вовсе, или же жениться на ней... Только жениться, но... не далее! Паче чаяния жениться захотите, извольте подумать сперва... Извольте рассмотреть ее со всех сторон, не поверхностно, подумать, помыслить, порассуждать, чтоб потом не плакать... Слышите?

Трилецкий. Как же... Уши развесил.

Анна Петровна. Знаю я вас. Всё делаете не думая и женитесь не думая. Вам только палец покажи женщина, так вы уж готовы на всякую всячину. Посоветоваться с близкими людьми должны... Да... На свою глупую голову не надейтесь. (Стучит о стол.) Вот она у вас, ваша голова! (Свистит.) Свистит, матушка! Мозгу в ней много, да толку что-то не видно.

Трилецкий. Свистит, точно мужик! Удивительная женщина!

Пауза.

Ездить она к вам не станет.

Анна Петровна. Почему?

Трилецкий. Потому что к вам шляется Платонов... Она терпеть не может его после тех его выходок. Вообразил человек, что она дура, вбил себе это в свою нечесаную голову, и теперь черт его не разубедит! Считает почему-то своею обязанностью надоедать дурам, выделять над ними разные штуки... Ходите!.. А разве она дура? Понимает же он людей!

Анна Петровна. Пустяки. Мы не позволим ему лишнего. Скажите ей, чтоб не боялась. А чего это Платонова так долго нет? Давно уж пора ему быть... (Смотрит на часы.) Невежливо с его стороны. Шесть месяцев не видались.

Трилецкий. Когда я ехал к вам, в школе ставни были наглухо закрыты. Должно быть, спит еще. Каналья человек! Я его сам давно уж не видел.

Анна Петровна. Здоров он?

Трилецкий. Он всегда здоров. Жив курилка!

Входят Глагольев 1 и Войнищев.

Явление II

Те же, Глагольев 1 и Войнищев.

Глагольев 1 (входя). Так-то, милейший Сергей Павлович. В этом отношении мы, заходящие светила, лучше и счастливее вас, восходящих. И мужчина не был, как видите, в проигрыше, и женщина была в выигрыше.

Садятся.

Сядемте, а то я утомился... Мы любили женщин, как самые лучшие рыцари, веровали в нее, поклонялись ей, потому что видели в ней лучшего человека... А женщина лучший человек, Сергей Павлович!

Анна Петровна. Зачем же мошенничать?

Трилецкий. Кто мошенничает?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Анна Петровна. А кто эту шашку сюда поставил?

Трилецкий. Да вы же сами поставили!

Анна Петровна. Ах да... Pardon...

Трилецкий. То-то что pardon.

Глагольев 1. У нас были и друзья... Дружба в наше время не была так наивна и так ненужна. В наше время были кружки, арзамасы... За друзей у нас, между прочим, было принято в огонь лазить.

Войницев (зевает). Славное было время!

Трилецкий. А в наше ужасное время пожарные на то есть, чтоб в огонь лазить за друзьями.

Анна Петровна. Глупо, Николая!

Пауза.

Глагольев 1. В прошлую зиму в Москве на опере я видел, как один молодой человек плакал под влиянием хорошей музыки... Ведь это хорошо?

Войницев. Пожалуй, что и очень даже хорошо.

Глагольев 1. И я так думаю. Но зачем же, скажите вы мне, пожалуйста, глядя на него, улыбались близь сидящие дамочки и кавалеры? Чему они улыбались? И он сам, заметив, что добрые люди видят его слезы, завертелся на кресле, покраснел, состроил на своем лице скверную улыбочку и потом вышел из театра... В наше время не стыдились хороших слез и не смеялись над ними...

Трилецкий (Анне Петровне). Умереть этому медоточивому от меланхолии! Страсть не люблю! Уши режет!

Анна Петровна. Тссс...

Глагольев 1. Мы были счастливее вас. В наше время понимающие музыку не выходили из театра, досиживали оперу до конца... Вы зевааете, Сергей Павлович... Я оседлал вас...

Войницев. Нет... Подводите же итог, Порфирий Семеныч! Пора...

Глагольев 1. Ну-с... И так далее, и так далее... Если теперь подвести итог всему мною сказанному, то и получится, что в наше время были любящие и ненавидящие, а следовательно, и негодующие и презирающие...

Войницев. Прекрасно, а в наше время их нет, что ли?

Глагольев 1. Думаю, что нет.

Войницев встает и идет к окну.

Отсутствие этих-то людей и составляет современную чахотку...

Пауза.

Войницев. Голословно, Порфирий Семеныч!

Анна Петровна. Не могу! От него так несет этими несносными пачулями, что мне даже дурно делается. (Кашляет.) Отодвиньтесь немного назад!

Трилецкий (отодвигается). Сама проигрывает, а бедные пачули виноваты. Удивительная женщина!

Войницев. Грешно, Порфирий Семенович, бросать в лицо обвинение, основанное на одних только догадках и пристрастии к минувшей молодости!..

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Глагольев 1. Может быть, я и ошибаюсь.

Войницев. Может быть... В данном случае не должно иметь места это «может быть»... Обвинение не шуточное!

Глагольев 1 (смеется). Но... вы сердиться, милый мой, начинаете... Гм... Одно уж это доказывает, что вы не рыцарь, что вы не умеете относиться с должным уважением к взглядам противника.

Войницев. Одно уж это доказывает, что я умею возмущаться.

Глагольев 1. Я не всех, разумеется, поголовно... Есть и исключения, Сергей Павлович!

Войницев. Разумеется... (Кланяется.) Покорнейше вас благодарю за уступочку! Вся прелесть ваших приемов заключается в этих уступках. Ну а что если бы наскочил на вас человек неопытный, вас не знающий, верующий в ваше знание? Ведь вам удалось бы убедить его, что мы, то есть я, Николай Иванович, тамап и вообще всё более или менее молодое, не умеем негодовать и презирать...

Глагольев 1. Но... вы уж... Я не говорил...

Анна Петровна. Я хочу Порфирия Семеновича слушать. Давайте бросим! Довольно.

Трилецкий. Нет, нет... Играйте и слушайте!

Анна Петровна. Довольно. (Встает.) Надоело. После доиграем.

Трилецкий. Когда проигрываю, она сидит, как приклеенная, а как только начну выигрывать, у нее является желание слушать Порфирия Семеновича! (Глагольеву.) И кто вас просит говорить? Мешаете только! (Анне Петровне.) Извольте сесть и продолжать, в противном же случае я буду считать вас проигравшей!

Анна Петровна. Читайте! (Садится против Глагольева.)

Явление III

Те же и Венгерович 1.

Венгерович 1 (входит). Жарко! Эта жара напоминает мне, жиду, Палестину. (Садится у рояли и перебирает клавиши.) Там, говорят, очень жарко!

Трилецкий (встает). Так и запишем. (Вынимает из кармана записную книжку.) Так и запишем-с, добрая женщина! (Записывает.) За генеральшей... за генеральшей три рубля... Итого с прежними – десять. Эге! Когда я буду иметь честь получить с вас эту сумму?

Глагольев 1. Эх, господа, господа! Не видали вы прошлого! Другое бы запели... Поняли бы... (Вздыхает.) Не понять вам!

Войницев. Литература и история имеет, кажется, более прав на нашу веру... Мы не видели, Порфирий Семеныч, прошлого, но чувствуем его. Оно у нас очень часто вот тут чувствуется... (Бьет себя по затылку.) Вот вы так не видите и не чувствуете настоящего.

Трилецкий. Прикажете считать за вами, votre excellence, или сейчас заплатите?

Анна Петровна. Перестаньте! Вы не даете слушать!

Трилецкий. Да зачем вы их слушаете? Они до вечера будут говорить!

Анна Петровна. Сержель, дай этому юродивому десять рублей!

Войницев. Десять? (Вынимает бумажник.) Давайте-ка, Порфирий Семенович, переменим разговор...

Глагольев 1. Давайте, если он вам не нравится.

Войницев. Люблю вас слушать, но не люблю слушать то, что отзывается клеветой...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
(Подает Трилецкому десять рублей.)

Трилецкий. Мерсі (Бьет по плечу Венгеровича.) Вот как нужно жить на этом свете! Посадил беззащитную женщину за шахматы да и обчистил ее без зазрения совести на десять целкачей. Каково? Похвально?

Венгерович 1. Похвально. Вы, доктор, настоящий иерусалимский дворянин!

Анна Петровна. Перестаньте же, Трилецкий! (Глагольеву.) Так женщина лучший человек, Порфирий Семенович?

Глагольев 1. Лучший.

Анна Петровна. Гм... По-видимому, вы большой женолюбец, Порфирий Семенович!

Глагольев 1. Да, я люблю женщин. Я им поклоняюсь, Анна Петровна. Я вижу в них отчасти всё то, что я люблю: и сердце, и...

Анна Петровна. Вы им поклоняетесь... Ну а стоят они ваших поклонов?

Глагольев 1. Стоят.

Анна Петровна. Вы убеждены в этом? Сильно убеждены или только заставляете себя так думать?

Трилецкий берет скрипку и водит по ней смычком.

Глагольев 1. Сильно убежден. Достаточно знать мне одну только вас, чтобы быть убежденным в этом...

Анна Петровна. Серьезно? В вас какая-то особенная закваска.

Войницев. Он романтик.

Глагольев 1. Может быть... Что ж? Романтизм вещь не безусловно дурная. Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое...

Анна Петровна. Не сводите, друг мой, на полемику. Не умею спорить. Изгнали или не изгнали, но во всяком случае умней стали, слава богу! Ведь умней, Порфирий Семенович? А это главное... (Смеется.) Были бы умные люди, да умнели бы, а остальное само собой приложится... Ах! Не рипите, Николай Иванович! Положите скрипку!

Трилецкий (вешает скрипку). Хороший инструмент.

Глагольев 1. Удачно однажды выразился Платонов... Мы, сказал он, поумнели по части женщин, а поумнеть по части женщин значит втоптать самого себя и женщину в грязь...

Трилецкий (хохочет). Должно быть, именинником был... Хватил лишнее...

Анна Петровна. Это он сказал? (Смеется.) Да, он любит иногда отпускать такие изреченьица... Но да ведь он для красного словца... Кстати, к слову пришлось... Кто такой, что за человек, на ваш взгляд, этот Платонов? Герой или не герой?

Глагольев 1. Как вам сказать? Платонов, по-моему, есть лучший выразитель современной неопределенности... Это герой лучшего, еще, к сожалению, ненаписанного, современного романа... (Смеется.) Под неопределенностью я разумею современное состояние нашего общества: русский беллетрист чувствует эту неопределенность. Он стал в тупик, теряется, не знает, на чем остановиться, не понимает... Трудно понять ведь этих господ! (Указывает на Войницева.) Романы донельзя плохи, натянуты, мелочны... и немудрено! Всё крайне неопределенно, непонятно... Всё смешалось до крайности, перепуталось... Вот этой-то неопределенности, по моему мнению, и является выразителем наш умнейший Платонов. Он здоров?

Анна Петровна. Говорят, что здоров.

Пауза.

Славный человек...

Глагольев 1. Да... Его грешно не уважать. Я зимой несколько раз заезжал к нему и никогда не забуду тех немногих часов, которые мне посчастливилось провести с ним.

Анна Петровна (смотрит на часы). Пора уже ему быть. Сергей, ты посылай за ним? Войницев. Два раза.

Анна Петровна. Вы всё врете, господа. Трилецкий, бегите, пошлите за ним Якова!

Трилецкий (потягивается). Приказать на стол собирать?

Анна Петровна. Я сама прикажу.

Трилецкий (идет и сталкивается у двери с Бугровым). Пыхтит, как локомотив, бакалейный человек! (Хлопает его по животу и уходит.)

Явление IV

Анна Петровна, Глагольев 1, Венгерович 1, Войницев и Бугров.

Бугров (входя). Уф! Страсть как жарит! Перед дождем, знать.

Войницев. Вы из сада?

Бугров. Из сада-с...

Войницев. Софи там?

Бугров. Какая Софи?

Войницев. Моя жена. Софья Егоровна! [5]

Венгерович 1. Я сейчас... (Уходит в сад.)

Явление V

Анна Петровна, Глагольев 1, Войницев, Бугров, Платонов и Саша (в русском костюме).

Платонов (в дверях Саше). Пожалуйста! Милости просим, молодая женщина! (Входит за Сашей.) Вот мы и не дома, наконец! Кланяйся, Саша! Здравствуйте, ваше превосходительство! (Подходит к Анне Петровне, целует у нее одну руку и потом другую.)

Анна Петровна. Жестокий, нелюбезный... Можно ли заставлять ждать себя так долго? Ведь вы знаете, как я нетерпелива? Дорогая Александра Ивановна... (Целуется с Сашей.)

Платонов. Вот мы и не дома, наконец! Слава тебе, господи! Шесть месяцев не видели мы ни паркета, ни кресел, ни высоких потолков, ниже даже людей... всю зиму проспали в берлоге, как медведи, и только сегодня выползли на свет божий! Сергею Павловичу! (Целуется с Войницевым.)

Войницев. И вырос, и пополнил и... черт знает чего только... Александра Ивановна! Батюшки, как пополнила! (Жмет Саше руку.) Здоровы? Похорошела и пополнила!

Платонов (пожимает руку Глагольеву). Порфирий Семенович... Очень рад вас видеть...

Анна Петровна. Как поживаете? Как живете-можете, Александра Ивановна? Да садитесь же, господа! Рассказывайте-ка... Сядем!..

Платонов (хохочет). Сергей Павлович! Он ли это? Господи! Где же длинные волосы, блузочка и сладенький тенорок? А ну-ка, скажите-ка что-нибудь!

Войницев. Я дурандас. (Смеется.)

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Платонов. Бас, совершенный бас! Ну? Сядем... Подвигайтесь–ка, Порфирий Семеныч! Я сажусь. (Садится.) Садитесь, господа! Ф–ф–ф... Жара... Что, Саша! Нюхаешь?

Садятся.

Саша. Нюхаю.

Смех.

Платонов. Человечьим мясом пахнет. Прелесть что за запах! Мне кажется, что мы уже сто лет не видались. Черт знает, как долго эта зима тянется! А вон и мое кресло! Узнаешь, Саша? На нем шесть месяцев тому назад просиживал я дни и ночи, отыскивая с генеральшей причину всех причин и проигрывая твои блестящие гривеннички... Жарко...

Анна Петровна. Я заждалась, терпение потеряла... Здоровы?

Платонов. Очень здоровы... Надо вам доложить, ваше превосходительство, что вы и пополнили, и чуточку похорошели... Сегодня и жарко, и душно... Я уж начинаю скучать за холодом.

Анна Петровна. Как они оба варварски пополнили! Экий счастливый народ! Как жилось, Михаил Васильич?

Платонов. Скверно по обыкновению... всю зиму спал и шесть месяцев не видел неба. Пил, ел, спал, Майн Рида жене вслух читал... Скверно!

Саша. Жилось хорошо, только скучно, разумеется...

Платонов. Не скучно, а очень скучно, душа моя. За вами скучал страшно... Как кстати для меня теперь мои глаза! Видеть вас, Анна Петровна, после долгого, томительнейшего безлюдья и сквернолюдья – да ведь это непростительная роскошь!

Анна Петровна. Натейте вам за это папироску! (Дает ему папиросу.)

Платонов. Mercі.

Закуривают.

Саша. Вы вчера приехали?

Анна Петровна. В десять часов.

Платонов. В одиннадцать видел у вас огни, да побоялся зайти к вам. Небось утомлены были?

Анна Петровна. И что б зайти! Мы до двух часов проболтали.

Саша шепчет Платонову на ухо.

Платонов. Ах черт возьми! (Бьет себя по лбу.) Вот память–то! Что же ты раньше молчала? Сергей Павлович!

Войницев. Что?

Платонов. А он и молчит! Женился и молчит! (Встает.) Я забыл, а они и молчат!

Саша. И я забыла, пока он тут говорил... Поздравляю вас, Сергей Павлович! Желаю вам... всего, всего!

Платонов. Честь имею... (Кланяется.) Совет да любовь, милый человек! Чудо сотворил, Сергей Павлович! Я от вас такого важного и отважного поступка никак не ожидал! Как скоро и как быстро! Кто мог ожидать от вас такой ереси?

Войницев. Каков я? И скоро, и быстро! (Хохочет.) Я сам не ожидал от себя такой ереси. Вмиг, батенька, склеилось дело. Влюбился и женился!

Платонов. Без «влюбился» не проходила ни одна зима, а в эту зиму еще и женился,

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
цензурой обзавелся, как говорит наш поп. Жена – это самая ужасная, самая
придирчивая цензура! Горе, если она глупа! Местечко нашли?

Войницев. Предлагают место в прогимназии, да не знаю, как быть. Не хотелось бы
мне в прогимназию! Жалованья мало, да и вообще...

Платонов. Берете?

Войницев. Пока еще решительно ничего не знаю. Вероятно, нет...

Платонов. Гм... Гулять, значит, будем. Три года прошло с тех пор, как вы кончили
университет?

Войницев. Да.

Платонов. Так... (Вздыхает.) Бить вас некому! Нужно будет жене вашей сказать...
Прогулять три хороших года! а?

Анна Петровна. Жарко теперь толковать о высоких материях... Мне зевать хочется.
Чего ради вы так долго не являлись, Александра Ивановна?

Саша. Времени не было... Миша клетку починял, а я в церковь ходила... Клетка
поломалась, и нельзя было соловья так оставить.

Глагольев 1. А в церкви же что сегодня? Праздник какой?

Саша. Нет... Ходила заказывать отцу Константину обедню. Сегодня именинник Мишин
отец покойник, и неловко как-то не помолиться... Панихиду отслужила...

Пауза.

Глагольев 1. Сколько прошло с тех пор, как скончался ваш отец, Михаил Васильич?

Платонов. Года три, четыре...

Саша. Три года и восемь месяцев.

Глагольев 1. Ну-те? Боже мой! Как быстро время летит! Три года и восемь месяцев!
Давно ли, кажется, мы виделись с ним в последний раз? (Вздыхает.) В последний
раз виделись мы в Ивановке, присяжными заседателями оба были... И тогда же
произошел случай, как нельзя лучше характеризующий покойника... Судили, помню,
одного бедненького и пьяненького казенного землемера за лихоимство и (смеется)
оправдали... Василий Андреич, покойник, настоял... Часа три настаивал, доводы
приводил, горячился... «Не обвиню его, кричит, пока вы не присягнете, что вы сами
не берете взятки!» Нелогично, но... ничего с ним нельзя было поделать! Утомились
мы страшно по его милости... С нами тогда был и покойный генерал Войницев, ваш
супруг, Анна Петровна... Тоже человек в своем роде.

Анна Петровна. Ну этот не оправдал бы...

Глагольев 1. Да, он настаивал на обвинении... Помню обоих, красных, клокочущих,
свирепых... Крестьяне держали сторону генерала, а мы, дворяне, сторону Василия
Андреича... Мы пересилили, разумеется... (Смеется.) Ваш отец вызвал генерала на
дуэль, генерал назвал его... извините, подлецом... Потеха была! Мы напоили после их
пьяными и помирили... Нет ничего легче, как мирить русских людей... Добряк был ваш
отец, доброе имел сердце...

Платонов. Не доброе, а безалаберное...

Глагольев 1. Великий человек был в своем роде... Я уважал его. Мы были с ним в
прекраснейших отношениях!

Платонов. Ну а вот я так не могу похвалиться этим. Я разошелся с ним, когда у
меня не было еще ни волоска на подбородке, а в последние три года мы были
настоящими врагами. Я его не уважал, он считал меня пустым человеком, и... оба мы
были правы. Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно.
Умер так, как умирают честные люди. Быть подлецом и в то же время не хотеть
сознавать этого – страшная особенность русского негодяя!

Глагольев 1. De mortuis aut bene, aut nihil,[6] Михаил Васильич!

Платонов. Нет... Это латинская ересь. По-моему: de omnibus aut nihil, aut veritas.[7] Но лучше veritas, чем nihil, поучительнее, по крайней мере... Полагаю, что мертвые не нуждаются в уступке...

Входит Иван Иванович.

Явление VI
Те же и Иван Иванович.

Иван Иванович (входит). Та-та-та... Зять и дочка! Светила из созвездия полковника Трилецкого! Здравствуйте, голубчики! Салют вам из крупповской пушки! Господи, как жарко! Мишенька, голубчик мой...

Платонов (встает). Здравствуй, полковник! (Обнимает его.) Здоров?

Иван Иванович. Я всегда здоров... Терпит господь и не наказывает. Сашенька... (Целует Сашу в голову). Давно я вас не лицезрел... Здорова, Сашенька?

Саша. Здорова... Ты здоров?

Иван Иванович (садится рядом с Сашей). Я всегда здоров. Во всю жизнь мою ни разу не был болен... Давно уж я вас не видел! Каждый день все собираюсь к вам, внучка повидать да с зятьком свет белый покритиковать, да никак не соберусь... Занят, ангелы мои! Позавчера хотел к вам поехать, новую двустволочку желал показать тебе, Мишенька, да исправник остановил, в преферанс засадил... Славная двустволочка! Аглицкая, сто семьдесят шагов дробью наповал... Внучек здоров?

Саша. Здоров, тебе кланяется...

Иван Иванович. Разве он умеет кланяться?

Войницев. Сие нужно понимать духовно.

Иван Иванович. Ну да, ну да... Духовно... Скажи ему, Сашурка, чтоб скорей рос. На охоту возьму с собой... Для него я уже и двустволочку маленькую приготовил... Охотника из него сделаю, чтоб было кому после смерти свои охотничьи причиндалы оставить...

Анна Петровна. Душка этот Иван Иваныч! Мы с ним на Петров день перепелов стрелять поедем.

Иван Иванович. Го-го! Мы, Анна Петровна, на бекасов поход устроим. Мы на Бесово болотце полярную экспедицию устроим...

Анна Петровна. Попробуем вашу двустволочку...

Иван Иванович. Попробуем. Диана божественная! (Целует ее руку.) Помните, матушка, прошлый год? Ха-ха! Люблю таких особ, побей меня бог! Не люблю малодушия! Вот она где самая-то и есть эмансипация женская! Ее в плечико нюхаешь, а от нее порохов, Ганнибалами да Гамилькарами пахнет! Воевода, совсем воевода! Дай ей эполеты, и погиб мир! Поедем! И Сашку с собой возьмем! Всех возьмем! Покажем им, что значит кровь военная, Диана божественная, ваше превосходительство, Александра Македонская!

Платонов. А ты уже клюкнул, полковник?

Иван Иванович. Разумеется... Sans doute...[8]

Платонов. То-то ты так и раскудахтался.

Иван Иванович. Я приехал сюда, братец ты мой, часов в восемь... Все еще спали... Пришел сюда, да и давай ногами стучать... Смотрю, выходит она... смеется... Бутылочку мадерки распили. Диана три рюмочки выпила, а я остальное...

Анна Петровна. А нужно это рассказывать!

Вбегают Трилецкий.

Явление VII
Те же и Трилецкий.

Трилецкий. Господам родственникам!

Платонов. А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходительства! *Argentum nitricum... aquae destillatae...*[9] Очень рад видеть, любезный! Здоров, сияет, блещет и пахнет!

Трилецкий (целует Сашу в голову). Да и разнесли же черти твоего Михаила! Бык, настоящий бык!

Саша. Фи, как от тебя духами пахнет! Здоров?

Трилецкий. Здоровехонек. Умно сделали, что пришли. (Садится.) Как дела, Мишель?

Платонов. Какие?

Трилецкий. Твои, разумеется.

Платонов. Мои? А кто их знает, каковы они! Долго, брат, рассказывать, да и неинтересно. Где это ты так шикарно остригся? Хороша прическа! Стоит целковый?

Трилецкий. Меня не цирюльник чешет... У меня на это дамы есть, а дамам я не за прическу плачу целковые... (Ест мармелад.) Я, братец ты мой...

Платонов. Состричь хочешь? Ни, ни, ни... Не беспокойся! Избавь, пожалуйста.

Явление VIII
Те же, Петрин и Венгерович 1.

Петрин входит с газетой и садится. Венгерович 1 садится в угол.

Трилецкий (Ивану Ивановичу). Заплачь, отче!

Иван Иванович. Для чего мне плакать?

Трилецкий. Да вот, например, хоть от радости... Взгляни на меня! Это сын твой!.. (Указывает на Сашу.) Это дочь твоя! (Указывает на Платонова.) Этот юноша зять твой! Дочь-то одна чего стоит! Это перл, папаша! Один только ты мог породить такую восхитительную дочь! А зять?

Иван Иванович. Чего же мне, друг мой, плакать? Плакать не нужно.

Трилецкий. А зять? О... это зять! Другого такого не сыщешь, хоть обрыскай всю вселенную! Честен, благороден, великодушен, справедлив! А внук?! Что это за мальчишка разанафемский! Машет руками, тянется вперед этак и всё пищит: «дедь! дедь! где дедь? Подайте-ка мне сюда его, разбойника, подайте-ка мне сюда его усищи!»

Иван Иванович (вытаскивает из кармана платок). Чего же плакать? Ну и слава богу... (Плачет.) Плакать не нужно.

Трилецкий. Ты плачешь, полковник?

Иван Иванович. Нет... Зачем? Ну и слава тебе, господи!.. Что ж?..

Платонов. Перестань, Николай!

Трилецкий (встает и садится рядом с Бугровым). Жаркий нонче темперамент в воздухе, Тимофей Гордеич!

Бугров. Это действительно. Жарко, как в бане на самой верхней полочке. Темперамент в градусов тридцать, надо полагать.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Трилецкий. Что бы это значило? Отчего это так жарко, Тимофей Гордеич?

Бугров. Вам это лучше знать.

Трилецкий. Я не знаю. Я по докторской части шел.

Бугров. А по-моему-с, оттого так жарко, что мы засмеялись бы с вами, ежели б в июне месяце было холодно.

Смех.

Трилецкий. Так-с... Теперь понимаю.. Что лучше для травы, Тимофей Гордеич, климат или атмосфера?

Бугров. Все хорошо, Николай Иваныч, только для хлеба дождик нужней... Что толку с климата, ежели дождя нет? Без дождя он и гроша медного не стоит.

Трилецкий. Так... Это правда.. Вашими устами, надо полагать, гласит сама мудрость. А какого вы мнения, господин бакалейный человек, касательно остального прочего?

Бугров (смеется). Никакого.

Трилецкий. Что и требовалось доказать. Умнейший вы человек, Тимофей Гордеич! Ну, а какого вы мнения насчет того астрономического фокуса, чтобы Анна Петровна дала нам поесть? а?

Анна Петровна. Подождите, Трилецкий! Все ждут, и вы ждите!

Трилецкий. Аппетитов она наших не знает! Не знает она, как нам с вами, а в особенности вам со мной выпить хочется! А славно мы выпьем и закусим, Тимофей Гордеич! Во-первых... Во-первых... (Шепчет Бугрову на ухо.) Плохо? Это за галстух... *Сгемагум симплекс*... [10] Там всё есть: и распивочно и навынос... Икра, балык, семга, сардины... Далее – шести- или семиэтажный пирог... Во какой! Начинен всевозможными чудесами флоры и фауны Старого и Нового Света... Скорей бы только... Сильно голоден, Тимофей Гордеич? Откровенно...

Саша (Трилецкому). Не так тебе есть хочется, как бунт поднимать! Не любишь, когда люди покойно сидят!

Трилецкий. Не люблю, когда людей голодом морят, толстуха!

Платонов. Ты сейчас сострил, Николай Иваныч, отчего же это не смеются?

Анна Петровна. Ах, как он надоел! Как он надоел! Нахален до безобразия! Это ужасно! Ну подождите же, скверный человек! Я вам дам поесть! (Уходит.)

Трилецкий. Давно бы так.

Явление IX
Те же, кроме Анны Петровны.

Платонов. Впрочем, не мешало бы... Который час? Я тоже голоден...

Войнищев. Где же моя жена, господи? Платонов ведь ее не видел еще... Надо познакомиться. (Встает.) Пойду ее искать. Ей так понравился сад, что она никак не расстанется с ним.

Платонов. Между прочим, Сергей Павлович... Я просил бы вас не представлять меня вашей супруге... Мне хотелось бы знать, узнает она меня или нет? Я когда-то был с ней знаком немножко и...

Войнищев. Знакомы? С Соней?

Платонов. Был во время оно... Когда еще был студентом, кажется. Не представляйте, пожалуйста, и молчите, не говорите ей ни слова обо мне...

Войнищев. Хорошо. Этот человек со всеми знаком! И когда он успевает знакомиться? (Уходит в сад.)

Трилецкий. А какую я важную корреспонденцию поместил в «Русском курьере», господа! Читали? Вы читали, Абрам Абрамыч?

Венгерович 1. Читал.

Трилецкий. Не правда ли, замечательная корреспонденция? Вас-то, вас, Абрам Абрамыч, каким я людоедом выставил! Такое про вас написал, что вся Европа ужаснется!

Петрин (хохочет). Так это вот про кого?! Вот кто этот В.! Ну, а кто же Б.?

Бугров (смеется). Это я-с. (Вытирает лоб.) Бог с ними!

Венгерович 1. Что ж! Это очень похвально. Если бы я умел писать, то непременно писал бы в газеты. Во-первых, деньги за это дают, а во-вторых, у нас почему-то принято пишущих считать очень умными людьми. Только не вы, доктор, написали эту корреспонденцию. Ее написал Порфирий Семеныч.

Глагольев 1. Вы откуда это знаете?

Венгерович 1. Знаю.

Глагольев 1. Странно... Я писал, это правда, но откуда вам это известно?

Венгерович 1. Всё можно узнать, лишь бы только желание было. Вы заказным посылали, ну а приемщик на нашей почте имеет хорошую память. Вот и всё... И разгадывать нечего. Мое еврейское ехидство тут ни при чем... (Смеется.) Не бойтесь, мстить не стану.

Глагольев 1. Я и не боюсь, но... мне странно!

Входит Грекова.

Явление X
Те же и Грекова.

Трилецкий (вскакивает). Марья Ефимовна! Вот это так мило! Вот это так сюрприз!

Грекова (подаёт ему руку). Здравствуйте, Николай Иваныч! (Кивает всем головой.) Здравствуйте, господа!

Трилецкий (снимает с нее тальму). Стащу с вас тальмочку... Живы, здоровы? Здравствуйте еще раз! (Целует руку.) Здоровы?

Грекова. Как всегда... (Конфузится и садится на первое попавшееся стуло.) Анна Петровна дома?

Трилецкий. Дома. (Садится рядом.)

Глагольев 1. Здравствуйте, Марья Ефимовна!

Иван Иванович. Это Марья Ефимовна? Насилу узнал! (Подходит к Грековой и целует у нее руку.) Имею счастье видеть... Весьма приятно...

Грекова. Здравствуйте, Иван Иваныч! (Кашляет.) Ужасно жарко... Не целуйте мне, пожалуйста, рук... Я себя неловко чувствую... Не люблю...

Платонов (подходит к Грековой). Честь имею кланяться!.. (Хочет поцеловать руку.) Как поживаете? Дайте же руку!

Грекова (отдергивает назад руку). Не нужно...

Платонов. Почему? Недостоин?

Грекова. Не знаю, достойны вы или недостойны, но... вы ведь неискренно?

Платонов. Неискренно? Почему же вы знаете, что неискренно?

Грекова. Вы не стали бы целовать моей руки, если бы я не сказала, что я не люблю этого целования... Вы вообще любите делать то, чего я не люблю.

Платонов. Сейчас уж и заключение!

Трилецкий (Платоновеу). Отойти!

Платонов. Сейчас... Как ваш клоповый эфир, Марья Ефимовна?

Грекова. Какой эфир?

Платонов. Я слышал, что вы добываете из клопов эфир... Хотите обогатить науку... Хорошее дело!

Грекова. Вы всё шутите...

Трилецкий. Да, он всё шутит... Итак, значит, вы приехали, Марья Ефимовна... Как ваша мама поживает?

Платонов. Какая вы розовенькая! Как вам жарко!

Грекова (встает). Для чего вы мне это всё говорите?

Платонов. Поговорить хочу с вами... Давно с вами не беседовал. Зачем же сердиться? Когда же, наконец, вы перестанете на меня сердиться?

Грекова. Я замечаю, что вы чувствуете себя не в своей тарелке, когда видите меня... Не знаю, чем я вам мешаю, но... Я делаю вам удовольствие и по возможности избегаю вас... Если бы Николай Иванович не дал мне честного слова, что вы здесь не будете, то я не приехала бы сюда... (Трилецкому). Стыдно вам лгать!

Платонов. Стыдно тебе лгать, Николай! (Грековой.) Вы плакать собираетесь... Поплачьте! Слезы приносят иногда облегчение...

Грекова быстро идет к двери, где встречается с Анной Петровной.

явление XI
Те же и Анна Петровна.

Трилецкий (Платоновеу). Глупо... глупо! Понимаешь ты? Глупо! Еще раз и... мы враги!

Платонов. Ты-то тут при чем?

Трилецкий. Глупо! Ты не знаешь, что ты Анна делаешь!

Глагольев 1. Жестоко, Михаил Васильич!

Анна Петровна. Марья Ефимовна! Как я рада! (Пожимает Грековой руку.) Очень рада... Вы такая редкая у меня гостья... Вы приехали, и я вас люблю за это... Сядемте...

Садятся.

Очень рада... Спасибо Николаю Ивановичу... Он потрудился выклянчить вас из вашей деревеньки...

Трилецкий (Платонову). А если я ее люблю, положим?

Платонов. Люби... Сделай такое одолжение!

Трилецкий. Не знаешь ты, что ты говоришь!

Анна Петровна. Как вы поживаете, моя дорогая?

Грекова. Благодарю.

Анна Петровна. Вы утомлены... (Смотрит ей в лицо.) Проехать двадцать верст мудрено без привычки...

Грекова. Нет... (Подносит к глазам платок в плачет.) Нет...

Анна Петровна. Что с вами, Марья Ефимовна?

Пауза.

Грекова. Нет...

Трилецкий ходит по сцене.

Глагольев 1 (Платонову). Надо вам извиниться, Михаил Васильич!

Платонов. Для чего?

Глагольев 1. Вы спрашиваете?! Вы были жестоки...

Саша (подходит к Платонову). Объяснись, а то я уйду!.. Извинись!

Анна Петровна. Я сама имею обыкновение плакать после дороги... Нервы расстраиваются!..

Глагольев 1. Наконец... я хочу этого! Нелюбезно! Не ожидал я от вас!

Саша. Извинись, тебе говорят! Бессовестный!

Анна Петровна. Понимаю... (Смотрит на Платонова.) Успел уж... Извините меня, Марья Ефимовна. Я забыла поговорить с этим... с этим... Я виновата...

Платонов (подходит к Грековой). Марья Ефимовна!

Грекова (поднимает голову). Что вам угодно?

Платонов. Извиняюсь... Публично прошу прощения... Сгораю от стыда на пятидесяти кострах!.. Давайте же руку... Клянусь честью, что искренно... (Берет ее руку.) Помиримся... Не будем хныкать... Мир? (Целует руку.)

Грекова. Мир. (Закрывает платком лицо и убегает.)

За ней уходит Трилецкий.

Явление XII

Те же, кроме Грековой и Трилецкого.

Анна Петровна. Не думала, что вы позволите себе... Вы!

Глагольев 1. Осторожность, Михаил Васильич, ради бога осторожность!

Платонов. Довольно... (Садится на диван.) Бог с ней... Я сделал глупость, что заговорил с ней, а глупость не стоит того, чтобы о ней много говорили...

Анна Петровна. Для чего Трилецкий пошел за ней? Не всем женщинам приятно, если видят их слезы.

Глагольев 1. Уважаю я в женщинах эту чуткость... Особенного ничего ведь вы... не сказали ей, кажется, но... Один намек, словечко...

Анна Петровна. Нехорошо, Михаил Васильич, нехорошо.

Платонов. Я извинился, Анна Петровна.

Входят Войницев, Софья Егоровна и Венгерович 2.

Явление XIII

Те же, Войницев, Софья Егоровна, Венгерович 2 и потом Трилецкий.

Войницев (вбегает). Идет, идет! (Поет.) Идет!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Венгерович 2 становится у дверей, скрестив на груди руки.

Анна Петровна. Наконец-то Софи надоел этот несносный зной! Милости просим!

Платонов (в стороне). Соня! Творец небесный, как она изменилась!

Софья Егоровна. Я так заболталась с м-г Венгеровичем, что совершенно забыла про зной... (Садится на диван на аршин от Платонова.) Я в восторге от нашего сада, Сергей.

Глагольев 1 (садится возле Софьи Егоровны). Сергей Павлович!

Войницев. Что прикажете?

Глагольев 1. Софья Егоровна, милейший мой друг, дала мне слово, что в четверг вы все будете у меня.

Платонов (в сторону). На меня посмотрела!

Войницев. Мы и сдержим это слово. Прикатим к вам целой компанией...

Трилецкий (входит). О женщины, женщины! сказал Шекспир и сказал неправду. Нужно было сказать: ах вы, женщины, женщины!

Анна Петровна. Где Марья Ефимовна?

Трилецкий. Я ее в сад проводил. Пусть себе пошляется с горя!

Глагольев 1. Вы у меня еще ни разу не были, Софья Егоровна! У меня вам, надеюсь, понравится... Сад получше вашего, река глубокая, лошадки есть хорошие...

Пауза.

Анна Петровна. Молчание... Дурак родился.

Смех.

Софья Егоровна (тихо Глагольеву, кивая на Платонова). Кто это такой? Вот этот, что рядом со мной сидит!

Глагольев 1 (смеется). Это наш учитель... фамилии не знаю...

Бугров (Трилецкому). Скажите мне на милость, Николай Иваныч, вы всякие болезни лечить можете или не всякие?

Трилецкий. Всякие.

Бугров. И сибирку?

Трилецкий. И сибирку.

Бугров. А ежели собака бешеная укусит, и это можете?

Трилецкий. А вас бешеная собака укусила? (Отодвигается от него.)

Бугров (конфузится). Боже меня сохрани! Что это вы, Николай Иваныч! Христос с вами!

Смех.

Анна Петровна. Как к вам ехать, Порфирий Семеныч? Через Юсновку?

Глагольев 1. Нет... Круг дадите, если поедете через Юсновку. Езжайте прямо на Платоновку. Я обитаю почти что в самой Платоновке, в двух верстах от нее.

Софья Егоровна. Я знаю эту Платоновку. Она всё еще существует?

Глагольев 1. Как же...

Софья Егоровна. Я когда-то с ее помещиком была знакома, с Платоновым. Сергей, ты не знаешь, где теперь этот Платонов?

Платонов (в сторону). Спросила бы она у меня, где он.

Войницева. Кажется, знаю. Не помнишь ли, как его зовут? (Смеется.)

Платонов. Я тоже когда-то был с ним знаком. Его зовут, кажется, Михаилом Васильичем.

Смех.

Софья Егоровна. Да, да... Его зовут Михаилом Васильичем. Когда я была с ним знакома, он был еще студентом, почти мальчиком... Вы смеетесь, господа... А я, право, ничего не нахожу остроумного в моих словах...

Анна Петровна (хохочет и указывает на Платонова). Да узнайте же его, наконец, а то он лопнет от нетерпения!

Платонов поднимается.

Софья Егоровна (поднимается и смотрит на Платонова). Да... он. Что же вы молчите, Михаил Васильич?.. Неужели... это вы?

Платонов. Не узнаете, Софья Егоровна? И немудрено! Прошло четыре с половиной года, почти пять лет, а никакие крысы не в состоянии изгрызть так хорошо человеческую физиономию, как мои последние пять лет.

Софья Егоровна (подает ему руку). Я теперь только начинаю узнавать вас. Как вы изменились!

Войницева (подводит к Софье Егоровне Сашу). А это, рекомендую тебе, его жена!.. Александра Ивановна, сестра остроумнейшего из людей – Николая Иваныча!

Софья Егоровна (подает Саше руку). Очень приятно. (Садится.) Вы уж и женаты!.. Давно ли? Впрочем, пять лет...

Анна Петровна. Молодец, Платонов! Он нигде не бывает, но всех знает. Это, Софи, рекомендую вам, наш друг!

Платонов. Этой роскошной рекомендации достаточно для того, чтобы иметь право спросить вас, Софья Егоровна, как вы вообще поживаете? Как ваше здоровье?

Софья Егоровна. Поживаю вообще очень сносно, но здоровье плоховато. Вы как поживаете? Что поделяваете теперь?

Платонов. Со мной судьба моя сыграла то, чего я ни в каком случае не мог предполагать в то время, когда вы видели во мне второго Байрона, а я в себе будущего министра каких-то особенных дел и Христофора Колумба. Я школьный учитель, Софья Егоровна, только всего.

Софья Егоровна. Вы?

Платонов. Да, я...

Пауза

Пожалуй, что немножко и странно...

Софья Егоровна. Невероятно! Почему же... Почему же не больше?

Платонов. Мало одной фразы, Софья Егоровна, чтобы ответить на ваш вопрос...

Пауза. Софья Егоровна. Университет вы по крайней мере кончили?

Платонов. Нет. Я его бросил.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Софья Егоровна. Гм... Это все-таки не мешает ведь вам быть человеком?

Платонов. Виноват... Я не понимаю вашего вопроса...

Софья Егоровна. Я неясно выразилась. Это вам не мешает быть человеком... тружеником, хочу сказать, на поприще... ну хоть, например, свободы, эмансипации женщин... Не мешает это вам быть служителем идеи?

Трилецкий (в сторону). Завралась!

Платонов (в сторону). Вот как! Гм... (Ей.) Как вам сказать? Пожалуй, что это и не мешает, но... чему же мешать-то? (Смеется.) Мне ничто не может мешать... Я лежачий камень. Лежачие камни сами созданы для того, чтоб мешать...

Входит Щербук.

Явление XIV
Те же и Щербук.

Щербук (в дверях). Лошадям овса не давай: плохо везли!

Анна Петровна. Ура! Мой кавалер пришел!

Все. Павел Петрович!

Щербук (молча целует у Анны Петровны и Саши руку, молча кланяется мужчинам, каждому отдельно и отдает общий поклон). Друзья мои! Скажите мне, недостойному субъекту, где та особа, видеть которую душа моя стремится? Подозрение имею и думаю, что эта особа – оне! (Указывает на Софью Егоровну.) Анна Петровна, позвольте мне просить вас отрекомендовать меня им, чтобы они знали, что я такой за человек!

Анна Петровна (берет его под руку и подводит к Софье Егоровне). Отставной гвардии корнет Павел Петрович Щербук!

Щербук. А касательно чувств?

Анна Петровна. Ах да... Наш приятель, сосед, кавалер, гость и кредитор.

Щербук. Действительно! Друг первейший его превосходительства покойничка генерала! Под предводительством его брал крепости, именуемые женским полонезом. (Кланяется.) Позвольте ручку-с!

Софья Егоровна (протягивает руку и отдергивает ее назад). Очень приятно, но... не нужно.

Щербук. Обидно-с... Вашего супруга на руках носил, когда он еще под стол пешком ходил... Я от него знак имею и знак сей в могилу унесу. (Открывает рот.) В-во! Зуба нет! Замечаете?

Смех.

Я его на руках держал, а он, Сереженька-то, пистолетом, коим забавляться изволил, мне по зубам реприманду устроил. Хе, хе, хе... Шалун! Вы его, матушка, не имею чести знать имени и отчества, в строгости содержите! Красотой своей вы мне одну картину напоминаете... Носик только не такой... Не дадите ручки?

Петрин подсаживается к Венгеровичу 1 и читает ему

вслух газету.

Софья Егоровна (протягивает руку). Если вы уж так...

Щербук (целует руку). Мерсі вас! (Платонову.) Как здоровье, Мишенька? Молодец-то какой вырос! (Садится.) Я знал тебя еще в тот период, когда ты на свет божий с недоумением глядел... И всё растет, и всё растет... Тьфу! чтоб не сглазить! Молодчина! Красавец-то какой! Ну чего, купидон, по военной не идешь?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Платонов. Грудью слаб, Павел Петрович!

Щербук (указывает на Трилецкого). Он сказал? Верь ему, свистуну, так без головы останешься!

Трилецкий. Прошу не ругаться, Павел Петрович!

Щербук. Он мне поясницу лечил... Того не ешь, другого не ешь, на полу не спи... Ну и не вылечил. Я его и спрашиваю: «Зачем же ты деньги взял, а не вылечил?» А он и говорит: «Что-нибудь из двух, говорит, или лечить, или деньги брать». Каков молодец?

Трилецкий. Для чего же врать, Вельзевул Буцефалович? Сколько вы мне дали денег, позвольте вас спросить? Припомните-ка! Съездил я к вам шесть раз и получил только всего рубль, да еще порванный рубль... Хотел его нищему дать, да нищий не взял. «Порван, говорит, очень, номеров нет!»

Щербук. И ездил шесть раз не потому, что я болен был, а потому, что у моего арендатора дочка кельк шоз. [11]

Трилецкий. Платонов, ты близко к нему сидишь... Щелкни его раз от моего имени по лысине! Сделай милость!

Щербук. Отстань! Довольно! Не раздражай спящего льва! Молод еще, еле видим! (Платонову.) И отец твой был молодец! Мы с ним, с покойничком, большие друзья были. Штукарь он был! Теперь таких и нет проказников, какими мы с ним были... Эхх. Прошло время... (Петрину.) Герася! Побойся всевышнего! Мы здесь беседуем, а ты вслух читаешь! Имей деликатность!

Петрин продолжает читать.

Саша (толкает Ивана Ивановича в плечо). Папа! Папа, не спи здесь! стыдно!

Иван Иванович просыпается и чрез минуту опять засыпает.

Щербук. Нет... Не могу я говорить!.. (Встает.) Его слушайте... Он читает!..

Петрин (встает и подходит к Платонову). Что вы сказали-с?

Платонов. Решительно ничего...

Петрин. Нет, вы что-то сказали-с... Вы сказали что-то про Петрина...

Платонов. Вам приснилось, должно быть...

Петрин. Критикуете-с?

Платонов. Ничего я не говорил! Уверяю вас, что вам это приснилось!

Петрин. Можете говорить, сколько вам угодно... Петрин... Петрин... Что Петрин? (кладет газету в карман.) Петрин, может быть, в университете обучался, кандидат прав, может быть... Вам это известно?... Ученое звание за мной до гроба останется... Так-то-с. Надворный советник... Вам это известно? И пожил побольше вашего. Шестой десяточек, слава богу, доживаю.

Платонов. Очень приятно, но... что же из этого следует?

Петрин. Поживите с мое, душенька, так узнаете! Жизнь пережить не шутка! Жизнь кусается...

Платонов (пожимает плечами). Право, не знаю, что вы хотите этим сказать, Герасим Кузьмич... Я вас не понимаю... Начали вы о себе, а с себя съехали на жизнь... Что может быть общего между вами и жизнью?

Петрин. Вот как ломает вас жизнь, потрясет хорошенечко, тогда сами на молодых с предостережением смотреть станете... Жизнь, сударь мой... Что такое жизнь? А вот

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
что-с! Когда родится человек, то идет на одну из трех дорог жизненных, кроме которых других путей не имеется: пойдешь направо – волки тебя съедят, пойдешь налево – сам волков съешь, пойдешь прямо – сам себя съешь.

Платонов. Скажите... Гм... Вы пришли к этому умозаключению путем науки, опыта?

Петрин. Путем опыта.

Платонов. Путем опыта... (Смеется.) Говорите, почтенный Герасим Кузьмич, кому-нибудь другому, а не мне... Вообще бы я вам советовал не говорить со мной о высоких материях... И смеюсь, и, ей-богу, не верю. Не верю я вашей старческой, самодельной мудрости! Не верю, друзья моего отца, глубоко, слишком искренно не верю вашим простым речам о мудреных вещах, всему тому, до чего вы дошли своим умом!

Петрин. Да-с... Действительно... Из молодого деревца всё сделаешь: и домик, и корабль, и всё... а старое, широкое да высокое, ни к черту не годится...

Платонов. Я не говорю вообще про стариков; я говорю про друзей моего отца.

Глагольев 1. Я тоже был другом вашего отца, Михаил Васильич!

Платонов. Мало ли у него было друзей... Бывало, весь двор был запружен каретами да колясками.

Глагольев 1. Нет... Но, значит, и мне вы не верите? (Хохочет.)

Платонов. Гм... Как вам сказать?... И в вас, Порфирий Семеныч, плохо верю.

Глагольев 1. Да? (Протягивает ему руку.) Спасибо, дорогой мой, за откровенность! Ваша откровенность еще более привязывает меня к вам.

Платонов. Вы добряк... Я даже глубоко уважаю вас, но... но...

Глагольев 1. Пожалуйста, говорите!

Платонов. Но... но нужно быть слишком доверчивым, чтобы веровать в тех фонвизинских солидных Стародумов и сахарных Милонов, которые всю свою жизнь ели щи из одной чашки со Скотиниными и Простаковыми, и в тех сатрапов, которые потому только и святы, что не делают ни зла, ни добра. Не рассердитесь, пожалуйста!

Анна Петровна. Не люблю я подобных бесед, а в особенности, если они ведутся Платоновым... Всегда плохо оканчиваются. Михаил Васильич, рекомендую вам нашего нового знакомого! (Указывает на Венгеровича 2.) Исак Абрамович Венгерович, студент...

Платонов. А... (Встает и идет к Венгеровичу 2.) Очень приятно! Очень рад. (Протягивает руку.) Дорого я дал бы теперь, чтобы иметь право опять называться студентом...

Пауза.

Я вам руку подаю... Берите же мою или давайте мне свою...

Венгерович 2. Я не сделаю ни того, ни другого...

Платонов. Что?

Венгерович 2. Я не подам вам своей руки.

Платонов. Загадка... Почему-с?

Анна Петровна (в сторону). Черт знает что!

Венгерович 2. Потому что я имею на это основание... Я презираю таких людей, как вы!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Платонов. Брависсимо... (Осматривает его.) Я сказал бы вам, что это мне ужасно нравится, если бы это не пощекотало вашего самолюбия, которое нужно поберечь для будущего...

Пауза.

Вы смотрите на меня, точно великан на пигмея. Может быть, вы и в самом деле великан.

Венгерович 2. Я честный человек и не пошляк.

Платонов. С чем вас и поздравляю.. Странно было бы видеть в молодом студенте нечестного человека... О вашей честности вас никто и не спрашивает... Не дадите руки, юноша?

Венгерович 2. Я не подаю милостыни.

Трилецкий шикает.

Платонов. Не подаете? Ваше дело... Я о приличии говорю, а не о милостыне... Сильно презираете?

Венгерович 2. Насколько это возможно для человека, всей душой ненавидящего пошлость, тунеядство, фиглярство...

Платонов (вздыхает). Давно уж я не слышал таких речей... Что-то слышится родное в звонких песнях ямщика!.. [12] И я когда-то был мастером рассыпаться... Только, к сожалению, всё это фразы... Милые фразы, но только фразы... Чутьочку бы искренности... Фальшивые звуки ужасно действуют на непривычное ухо...

Венгерович 2. Не прекратить ли нам этот разговор?

Платонов. Для чего? Нас охотно слушают, да и мы еще не успели надоест друг другу... Давайте еще побеседуем в том же духе...

Вбегает Василий и за ним Осип.

Явление XV
Те же и Осип.

Осип (входит). Кгм... Честь имею и удовольствие поздравить ваше превосходительство с приходом...

Пауза.

Желаю вам всего того, что вы от бога желаете.

Смех.

Платонов. Кого вижу?! Чертов кум! Самый страшный из людей! Ужаснейший из смертных!

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста! Вас недоставало! Зачем пришел?

Осип. Поздравить.

Анна Петровна. Очень нужно! Проваливай!

Платонов. Ты ли это, во тьму ночей и в свет дня вселяющий грозный ужас? Давно уж я не видел тебя, человекоубийца, шестьсот шестьдесят шесть! Ну, приятель? Распространись о чем-нибудь! Вонмем великому Осипу!

Осип (кланяется). С приходом, ваше превосходительство! Сергею Павлычу! С браком с законным! Дай бог, чтоб всё... что касательно семейства выходило лучше... всего! Дай бог!

Войнищев. Спасибо! (Софье Егоровне.) Это, Софи, рекомендую тебе, наше войнищевское пугало!

Анна Петровна. Не держите его, платонов! Пусть уходит! Я на него сердита. (Осипу.) Скажешь на кухне, чтобы тебе дали пообедать... Экие ведь какие зверские глаза! Много за зиму нашего леса накрал?

Осип (смеется). Деревца три-четыре...

Смех.

Анна Петровна (смеется). Врешь, больше! У него и цепочка есть! Скажите! Это золотая цепочка? Позвольте узнать, который час?

Осип (смотрит на стенные часы). Двадцать две минуты второго... Позвольте мне вашу ручку поцеловать!

Анна Петровна (подносит к его губам руку). На, целуй...

Осип (целует руку). Очень вам благодарен, ваше превосходительство, за ваше сочувствие! (Кланяется.) Что вы за меня держитесь, Михаил Васильч!

Платонов. Боюсь, чтобы ты не ушел. Люблю тебя, милый! Какой молодец, черт тебя задери совсем! Каким это образом, мудрый, тебя угораздило попасть сюда?

Осип. За дураком гнался, за Василием, да и зашел кстати.

Платонов. Умный гнался за дураком, а не наоборот! Честь имею, господа, представить! Интереснейший субъект! Одно из интереснейших кровожадных животных современного зоологического музея! (Поворачивает Осипа на все стороны). Известен всем и каждому как Осип, конокрад, чужеяд, человекоубийца и вор. Родился в Войницевке, грабил и убивал в Войницевке и пропадет в той же Войницевке!

Смех.

Осип (смеется). Чудной вы человек, Михаил Васильч!

Трилецкий (рассматривает Осипа). Чем занимаешься, любезный?

Осип. Воровством.

Трилецкий. Гм... Приятное занятие... Какой же ты, однако, циник!

Осип. Что значит циник?

Трилецкий. Циник слово греческое, в переводе на твой язык значущее: свинья, желающая, чтобы весь свет знал, что она свинья.

Платонов. Он улыбается, боги! Что это за улыбка! А лицо-то, лицо! В этом лице сто пудов железа! Не скоро разобьешь его о камень! (Подводит его к зеркалу.) Посмотри-ка, чудовище! Видишь? И ты не удивляешься?

Осип. Самый обыкновенный человек! Даже хуже...

Платонов. Будто бы? А не богатырь? Не илья Муромец? (Хлопает его по плечу.) О храбрый, победоносный росс! Что мы теперь значим с тобой? Шляемся из угла в угол мелкими людишками, чужеядами, места своего не знаем... Нам бы с тобой пустыню с витязями, нам бы с тобой богатырей с стопудовыми головами, с шипом, с посвистом! Уколотил бы Соловья Разбойника? а?

Осип. А кто ж его знает!

Платонов. Уколотил бы! Ведь у тебя силища! Это не мускулы, а канаты! Кстати, отчего ты не на каторге?

Анна Петровна. Кончите, платонов! Право, надоело.

Платонов. Ты сидел хоть раз в остроге, Осип?

Осип. Случается... Каждую зиму сажу.

Платонов. Так и следует... В лесу холодно – иди в острог. Но отчего же ты не на каторге?

Осип. Не знаю... Пустите, Михаил Васильич!

Платонов. Ты не от мира сего? Ты вне времени и пространства? Ты вне обычаев и закона?

Осип. Позвольте–с... В законе написано, что только тогда пойдешь в Сибирь, когда на тебя обстоятельно докажут или на месте преступления поймут... Всякому, положим, известно, что я, положим, вор да разбойник (смеется), да не всякий доказать это может... Гм... Не смел нонче народ стал, глуп, неумный то есть... Бойтся всего... Ну и доказать бойтся... Выслать бы мог, да законов не понимает... Всё ему страшно... Осел нонче народ стал, одним словом... Всё норовит исподтишка, артелью... Пакостный народ, плевый... Невежество... И обижать такой народ не жалко...

Платонов. Как он важно рассуждает, подлец! Своим умом дошел, отвратительное животное! И он ведь на основании теорий... (Вздыхает.) Какая гадость еще возможна в России!..

Осип. Не один я так рассуждаю, Михаил Васильич! Все нонче так рассуждают. Да вот, например, хоть Абрам Абрамыч...

Платонов. Да, но и этот тоже незаконный... Всяк знает, да не всяк докажет.

Венгерович 1. Меня, полагаю, можно оставить в покое...

Платонов. Про него и толковать нечего... Это подобие твое; разница только в том, что он умней тебя и счастлив, как аркадский пастушок. Ну и... в глаза нельзя назвать, а тебя можно. Одного поля ягоды, но... Шестьдесят кабаков, друг мой, шестьдесят кабаков, а у тебя и шестидесяти копеек нет!

Венгерович 1. Шестьдесят три кабака.

Платонов. Через год будет семьдесят три... Он благодеяния делает, обеды дает, всеми уважаем, все перед ним шапку ломают, ну а ты... ты великий человек, но... жить, брат, не умеешь! Не умеешь жить, вредный человек!

Венгерович 1. Вы начинаете фантазировать, Михаил Васильич! (Встает и садится на другой стул.)

Платонов. На этой голове и громоотводов больше... Проживет преспокойно еще столько же, сколько и жил, если не больше, и умрет... и умрет ведь спокойно!

Анна Петровна. Перестаньте, Платонов!

Войнищев. Помирней, Михаил Васильич! Осип, уходи отсюда! Своим присутствием ты только раздражаешь платоновские инстинкты.

Венгерович 1. Ему хочется выгнать меня отсюда, но не удастся!

Платонов. Удастся! Не удастся, сам уйду.

Анна Петровна. Платонов, вы не перестанете? Вы не распространяйтесь, а прямо говорите: перестанете вы или нет?

Саша. Замолчи, ради бога! (Тихо.) Неприлично! Ты меня срамишь!

Платонов (Осипу). Проваливай! От души желаю тебе скорейшего исчезновения!

Осип. У Марфы Петровны есть попугайчик, который всех людей да собак называет дураками, а как завидит коршуна или Абрама Абрамыча, то и кричит: «Ах ты, проклятый!» (Хохочет.) Прощайте–с! (Уходит.)

Явление XVI
Те же без Осипа.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Венгерович 1. Кто бы, да не вы, молодой человек, позволяли себе читать мне мораль и еще в такой форме. Я гражданин и, скажу правду, полезный гражданин... Я отец, а вы кто? Кто вы, молодой человек? Извините, хлыщ, промотавшийся помещик, взявший в свои руки святое дело, на которое вы не имеете ни малейшего права, как испорченный человек...

Платонов. Гражданин... Если вы гражданин, то это очень нехорошее слово! Ругательное слово!

Анна Петровна. Он не перестанет! Платонов, зачем отравлять нам день своим резонерством? Зачем говорить лишнее? И имеете ли вы право?

Трилецкий. Не покойно живется с этими справедливейшими и честнейшими... Всюду вмешиваются, везде у них дело, всё до них касается...

Глагольев 1. Начали, господа, о здравии, а оканчиваете за упокой...

Анна Петровна. Не следует, Платонов, забывать того, что если гости бранятся, то хозяева чувствуют себя очень неловко...

Войнищев. Это справедливо, а посему с этой же минуты всеобщее тссс... Мир, согласие и тишина!

Венгерович 1. Не дает и минуты покоя! Что я ему сделал? Это шарлатанство!

Войнищев. Тссс...

Трилецкий. Пусть себе бранятся! Нам же веселей.

Пауза.

Платонов. Как поглядишь вокруг себя, да подумаешь серьезно, в обморок падаешь!.. И что хуже всего, так это то, что всё мало-мальски честное, сносное молчит, мертвецки молчит, только смотрит... Всё смотрит на него с боязнью, всё кланяется до земли этому ожиревшему, позолоченному выскочке, всё обязано ему от головы до пяток! Честь в трубу вылетела!

Анна Петровна. Успокойтесь, Платонов! Вы начинаете прошлогоднюю историю, а я не выношу этого!

Платонов (пьет воду). Ладно. (Садится.)

Венгерович 1. Ладно.

Пауза.

Щербук. Мученик я, друзья мои, мученик!

Анна Петровна. Что там еще?

Щербук. Горе мне, друзья мои! Лучше в гробу лежать, чем с женою ехидною жить! Опять материя была! Чуть не убила меня неделю тому назад со своим дьяволом, рыжим Дон-Жуаном. Сплю я себе на дворе под яблонькой, сны вкушаю, на прошлые картины во сне с завистью поглядываю... (Вздыхает.) Вдруг... Вдруг как шарахнет меня кто-то по голове моей! Господи! Конеч, думаю, пришел! Землетрясение, борьба стихий, потоп, дождь огненный... Открываю глаза, а передо мной рыжий... Схватил меня рыжий за бока, да как даст со всего размаху по этим местам, а потом шлеп меня о землю! Подскочила лютая... Схватила меня за мою невинную бороду (хватает себя за бороду), а тут не пообедаешь! (Бьет себя по лысине). Чуть не убили... Думал, что богу душу отдам...

Анна Петровна. Вы преувеличиваете, Павел Петрович...

Щербук. Старуха ведь, старей всех на свете, ни кожи, ни рожи у старой кочерги, а туда же... любовь! Ах ты, ведьма! А рыжему это и на руку... Ему денешки нужны мои, а любовь ее ему не нужна...

Яков входит и подает Анне Петровне визитную карточку. Войнищев. От кого это?

Анна Петровна. Перестаньте, Павел Петрович! (Читает.) «Comte Glagolief».[13] К чему эти церемонии? Пожалуйста, проси! (Глагольеву 1.) Ваш сын, Порфирий Семеныч!

Глагольев 1. Мой сын?! Откуда он мог взяться? Он за границей!

Входит Глагольев 2.

Явление XVII
Те же и Глагольев 2.

Анна Петровна. Кирилл Порфирыч! Как это любезно!

Глагольев 1 (встает). Ты, Кирилл... приехал? (Садится.)

Глагольев 2. Здравствуйте, mesdames! Платонову, Венгеровичу, Трилецкому... И чудак Платонов здесь... Салют, почет и уважение! Ужасно жарко в России... Прямо из Парижа! Прямехонько из французской земли! Ф-ф... Не верите? Честное и благородное слово! Домой только чемодан завез... Ну, да и Париж же, господа! Вот город!

Войницев. Садитесь, французский человек!

Глагольев 2. Нет, нет, нет... Я не в гости приехал, я так только... Мне одного только отца нужно видеть... (Отцу.) Ты что же это, послушай?

Глагольев 1. Что такое?

Глагольев 2. Ты ссориться хочешь? Ты зачем не присылал мне денег, когда я просил, а?

Глагольев 1. Дома об этом потолкуем.

Глагольев 2. Почему ты не присылал мне денег? Ты смеешься? Тебе всё шутки? Ты шутишь? Господа, можно за границей жить без денег?

Анна Петровна. Как вам жилось в Париже? Вы сядьте, Кирилл Порфирыч!

Глагольев 2. По его милости я воротился с одной только зубочисткой! Я послал ему из Парижа тридцать пять телеграмм! Почему ты не присылал мне денег, я тебя спрашиваю? Краснеешь? Стыдно?

Трилецкий. Не кричите, пожалуйста, ваше сиятельство! Будете кричать, pošлю судебному следователю вашу визитную карточку и привлеку вас к судебной ответственности за присвоение не принадлежащего вам графского титула! Неприлично!

Глагольев 1. Не делай, Кирилл, скандала! Я полагал, что шести тысяч будет достаточно. Успокойся!

Глагольев 2. Дай мне денег, я опять поеду! Давай сейчас! Сейчас давай! Еду! Давай скорей! Я спешу!

Анна Петровна. Куда вы так спешите? Успеете! Расскажите-ка нам лучше что-нибудь из своего путешествия...

Яков (входит). Готово-с!

Анна Петровна. Да? В таком случае, господа, идемте есть!

Трилецкий. Есть? ура-а-а! (Хватает одной рукой за руку Сашу, а другой Глагольева 2 и бежит.)

Саша. Пусти! Пусти, сорванец! я сама пойду!

Глагольев 2. Пустите! Что за свинство? Я не люблю шуток! (Вырывается.)

Саша и Трилецкий убегают.

Анна Петровна (берет Глагольева 2 под руку). Пойдемте-ка, парижанин! Нечего кипятиться попусту! Абрам Абрамыч, Тимофей Гордеич... Прошу! (Уходит с Глагольевым 2.)

Бугров (встает и потягивается). Пока дожدهшься этого завтрака, так весь слюной изойдешь. (Уходит.)

Платонов (подает Софье Егоровне руку). Вы позволите? Какие у вас удивленные глаза! Для вас этот мир – неведомый мир! Это мир (тише) глупцов, Софья Егоровна, глупцов набитых, невылазных, безнадежных... (Уходит с Софьей Егоровной.)

Венгерович 1 (сыну). Теперь видел?

Венгерович 2. Это оригинальнейший негодяй! (Уходит с отцом.)

Войницев (толкает Ивана Ивановича). Иван Иваныч! Иван Иваныч! Завтракать!

Иван Иванович (вскакивает). А? Кто?

Войницев. Никто... Завтракать идемте!

Иван Иванович. Очень хорошо, душенька!

Уходит с Войницевым и Щербуком.

Явление XVIII

Петрин и Глагольев 1.

Петрин. Хочешь?

Глагольев 1. Я не прочь... Я уже говорил тебе!

Петрин. Голубчик... непременно женишься?

Глагольев 1. Не знаю, братец. Захочет ли она еще?

Петрин. Захочет! Побей меня бог, захочет!

Глагольев 1. Кто знает? Предполагать не следует... Чужая душа потемки. Ты-то чего так хлопчешь?

Петрин. О ком же мне хлопотать, душенька? Ты человек хороший, она такая славная... Хочешь, я с ней поговорю?

Глагольев 1. Я и сам поговорю. Ты молчи пока и... если можно, пожалуйста, не хлопчи! Я и сам сумею жениться. (Уходит.)

Петрин (один). Вот ежели б сумел! Святые угодники, войдите в мое положение!.. Выйди генеральша за него, я богатый человек! По векселям получу, святые угодники! Даже аппетит пропал от этой радостной мысли. Венчаются рабы божии Анна и Порфирий или, то бишь, Порфирий и Анна...

Входит Анна Петровна.

Явление XIX

Петрин и Анна Петровна.

Анна Петровна. Вы же чего не идете завтракать?

Петрин. Матушка, Анна Петровна, можно вам намек сделать?

Анна Петровна. Делайте, только поскорей, пожалуйста... Мне некогда...

Петрин. Гм... Не дадите вы мне немножко денюжат, матушка?

Анна Петровна. Какой же это намек? Это далеко не намек. Сколько вам нужно? Рубль, два?

Петрин. Сделайте умаление векселям. Надоело глядеть на векселя эти... Векселя – это одна только обманчивость, мечта туманная. Они говорят: ты владеешь! А на деле-то выходит, что ты вовсе не владеешь.

Анна Петровна. Вы всё про те же шестнадцать тысяч толкуете? Как вам не стыдно? Неужели вас ничто не коробит, когда вы клянчите этот долг? Как вам не грешно? На что вам, старику холостому, сдались эти нехорошие деньги?

Петрин. Они мне сдались, потому что они мои, матушка.

Анна Петровна. Вы эти векселя выманили у моего мужа, когда он был не трезв, болен... Вы это помните?

Петрин. Что ж такое, матушка? А на то они и векселя, чтоб по ним денежки требовались и платились. Деньги счет любят.

Анна Петровна. Хорошо, хорошо... Довольно. Денег у меня нет и не будет для вашего брата! Убирайтесь, протестуйте! Эх вы, кандидат прав! Ведь вы на днях умрете, для чего же мошенничаете? Чудак вы!

Петрин. Можно вам, матушка, намек сделать?

Анна Петровна. Нельзя. (Идет к двери.) Ступайте жевать!

Петрин. Позвольте, матушка! Родненькая, на минуточку! Вам Порфиша нравится?

Анна Петровна. Вам какое дело? Какое вам дело до меня, кандидат вы этакий!

Петрин. Какое дело? (Бьет себя по груди.) А кто, позвольте вас спросить, первым другом покойного генерал-майора был? Кто ему глаза на смертном одре закрыл?

Анна Петровна. Вы, вы, вы! Молодец вы за это!

Петрин. Пойду выпью за упокой его души... (Вздыхает.) И за ваше здравие! Горды и надменны, сударыня! Гордость порок есть... (Уходит.)

Входит Платонов.

Явление XX

Анна Петровна и Платонов.

Платонов. Черт знает что за самолюбие! Его гонишь, а он сидит, как ни в чем не бывало... Вот уж воистину хамское барышническое самолюбие! О чем мыслите, превосходительная?

Анна Петровна. Вы успокоились?

Платонов. Успокоился... Но не будем сердиться... (Целует ее руку.) Все они, наша дорогая генеральша, достойны того, чтобы всякий имел право выгнать их из вашего дома...

Анна Петровна. С каким удовольствием я сама бы, невыносимый Михаил Васильич, прогнала этих гостей!.. В том и вся наша беда, что честь, о которой вы сегодня трактовали на мой счет, удобоварима только в теории, но никак не в практике. Ни я и ни ваше красноречие не имеем права прогнать их. Ведь всё это наши благодетели, кредиторы... Погляди я на них косо – и завтра же нас не будет в этом имении... Или имение, или честь, как видите... Выбираю имение... Понимайте это, милый пустослов, как хотите, и если вам угодно, чтобы я не уехала из прекрасных здешних мест, то не напоминайте мне о чести и не трогайте моих гусей... Меня зовут там... Сегодня после обеда едем кататься... Не смей уходить! (Бьет его по плечу.) Заживем! Идемте есть! (Уходит.)

Платонов (после паузы). А все-таки я его выгоню... Я всех выгоню!.. Глупо, нетактично, но... выгоню... Дал себе слово не трогать этого свинства, но что поделаешь? Характер – стихия, а бесхарактерность и подавно...

Входит Венгерович 2.

Явление XXI

Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2. Послушайте, господин учитель, я советовал бы вам не трогать моего отца.

Платонов. Мерсі за совет.

Венгерович 2. Я не шучу. Мой отец знаком с очень многими и поэтому легко может лишитъ вас места. Я вас предостерегаю.

Платонов. Великодушный юноша! Как вас зовут?

Венгерович 2. Исаак.

Платонов. Авраам, значит, роди Исака. Благодарю вас, великодушный юноша! В свою очередь потрудитесь передать вашему папаше, что я желаю ему и его многим провалиться сквозь землю! Идите кушать, а то там всё поедят без вас, юноша!

Венгерович 2 (пожимает плечами и идет к двери). Странно, если не глупо... (Останавливается.) Не думаете ли вы, что я сержусь на вас за то, что вы не даете покоя моему отцу? Ничуть. Я поучаюсь, а не сержусь... Я изучаю на вас современных Чацких и... я понимаю вас! Если бы вам было весело, если бы не было так бездельнически скучно, то, поверьте, вы не трогали бы моего отца. Вы, господин Чацкий, не правды ищете, а увеселяетесь, забавляетесь... Дворни у вас теперь нет, надо же кого-нибудь распекать! Ну и распекаете всех и вся...

Платонов (смеется). Ей-богу, славно! А у вас, знаете ли, есть этакое маленькое соображение...

Венгерович 2. Замечательно то отвратительное обстоятельство, что вы никогда не ссоритесь с моим отцом с глазу на глаз, tête-à-tête; вы выбираете для своих увеселений гостиную, где бы вы были видны глупцам во всем своем величии! О, театрал!

Платонов. Желал бы я поговорить с вами лет через десять, даже пять... Как-то вы сохранитесь? Останется ли нетронутым этот тон, этот блеск очей? А ведь попортитесь, юноша! По наукам у вас хорошо идут дела?... По лицу вижу, что плохо... Попортитесь! Впрочем, идите есть! Я не буду больше беседовать с вами. Мне не нравится ваша злая физиономия...

Венгерович 2 (смеется). Эстетик. (Идет к двери.) Лучше злая физиономия, чем физиономия, напрашивающаяся на пощечину.

Платонов. Да, лучше... Но... ступайте есть!

Венгерович 2. Мы не знакомы... Не забудьте, пожалуйста... (Уходит.)

Платонов (один). Мало знающий, много думающий и из-за угла много говорящий юноша. (Смотрит в дверь столовой.) А вон и Софья. По сторонам смотрит... Меня ищет своими бархатными глазами. Какая она еще хорошенькая! Сколько в ее лице красивого! Волосы всё те же! Тот же цвет, та же прическа... Сколько раз приходилось мне целовать эти волосы! Славные воспоминания навевают на меня эта головка...

Пауза.

Неужели и для меня уже настала пора довольствоваться одними только воспоминаниями?

Пауза.

Воспоминания вещь хорошая, но... неужели мне-то... уж конец? Ох, не дай бог, не дай бог! Лучше смерть... Надо жить... Жить еще... Молод я еще!

Входит Войницев.

Явление XXII

Платонов и Войницев и потом Трилецкий.

Войницев (входит и вытирает губы салфеткой). Идемте за здоровье Софи пить, нечего прятаться!.. Ну что?

Платонов. Смотрю и люблюсь на вашу супругу... Чудо барыня!

Войницев смеется.

Платонов. Большой вы счастличик!

Войницев. Да... Я сознаю... Я счастлив. Не то чтобы счастлив, а с точки зрения... нельзя сказать, чтобы совершенно... Но вообще очень счастлив!

Платонов (смотрит в дверь столовой). Я давно уже знаю ее, Сергей Павлович! Я ее знаю, как свои пять пальцев. Как она хороша, но как она была хороша! Жаль, что вы ее не знали тогда! Как она хороша!

Войницев. Да.

Платонов. Глаза-то?!

Войницев. А волосы?!

Платонов. Она была чудной девушкой! (Смеется.) А моя-то Саша, моя Авдотья, Матрена, Пелагея... Вон она сидит! Чуть видна из-за графина с водкой! Раздражена, взволнована, возмущена моим поведением! Терзается, бедная, мыслью, что все теперь осуждают и ненавидят меня за то, что я поругался с Венгеровичем!

Войницев. Извини за нескромность вопроса... Ты счастлив с ней?

Платонов. Семья, брат... Отними ты у меня ее, и я, кажется, окончательно пропал... Гнездо! Поживешь, узнаешь. Жаль только, что ты мало собачился, цены семье не знаешь. Я свою Сашку и за миллион не продам. Мы с ней сошлись как нельзя лучше... Она глупа, а я никуда не годен...

Трилецкий входит.

(Трилецкому.) Натрескался?

Трилецкий. Страсть. (Бьет себя по животу.) Твердыня! Пойдемте-ка, гуси лапчатые, выпьем... Надо бы, господа, для приезда господ... Эх, братцы... (Обнимает их обоих вместе.) Да и выпьем же! Эх! (Потягивается.) Эх! Жизнь наша человеческая! Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых... (Потягивается.) Гуси вы лапчатые! Жулики...

Платонов. У своих больных ты сегодня был?

Трилецкий. Об этом после... Или вот что, Мишель... Говорю тебе раз навсегда. Меня не трогай! Надоел ты мне пуще горькой редьки своими поучениями! Будь человеколюбив! Убедись наконец, что я стена, а ты горох! Или уж если тебе так приспичило, если чешется твой язык, то изложи мне письменно всё то, что тебе нужно. Наизусть выучу! Или, наконец, даже читай мне поучения в определенный час. Даю тебе час в сутки... От четырех до пяти пополудни, например... Хочешь? Я даже платить тебе буду по рублю за этот час. (Потягивается.) Целый день, целый день...

Платонов (Войницеву). Объясни мне, пожалуйста, что значит объявление в «Ведомостях»? Неужели в самом-таки деле пришла пора?

Войницев. Нет, не беспокойся! (Смеется.) Это маленькая коммерческая комбинация... Будут торги, и имение наше купит Глагольев. Порфирий Семеныч освободит нас от банка, и мы ему, а не банку, будем платить проценты. Это его выдумка.

Платонов. Не понимаю. Какая ему тут выгода? Дарит он, что ли? Не понимаю я этого подарка, да и едва ли он вам... нужен.

Войницев. Нет... Впрочем, я сам не совсем понимаю... Спроси у татап, она растолкует... Знаю только, что имение после продажи останется за нами и что выплачивать за

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
него мы будем Глагольеву. Маман сейчас же выдает ему своих пять тысяч в уплату. Во всяком случае с банком не так удобно вести дела, как с ним. Ох, да и надоел же мне этот банк! Ты не надоел так Трилецкому, как мне надоел этот банк! Бросим коммерцию! (Берет Платонова под руку.) Пойдем, выпьем за наше «ты»! Николай Иваныч! Пойдем, брат! (Берет Трилецкого под руку.) Выпьемте за наши хорошие отношения, друзья! Пусть судьба лишает меня всего! Пусть пропадут к черту все эти коммерческие комбинации! Были бы живы да здоровы люди, которых я люблю, вы, да моя Соня, да моя мачеха! В вас моя жизнь! Пойдем!

Платонов. Иду. Я выпью за всё и выпью, должно быть, всё! Я давно уже не был пьян, и мне хочется напиться.

Анна Петровна (в дверь). О дружба, это ты! Хороша тройка! (Поет.) Запрягу ль я тройку борзых...

Трилецкий. Темно-карих лошадей... С коньяка начинать, ребята!

Анна Петровна (в дверь). Идите, дармоеды, есть! Простыло всё!

Платонов. Ох, о дружба, это ты! Всегда везло мне в любви, но никогда не везло в дружбе. Боюсь, господа, чтоб и вам не пришлось плакать от моей дружбы! Выпьем за благополучный исход всех дружб, в том числе и нашей! Да будет конец ее так же не бурен и постепенен, как и начало! (Уходят в столовую.)

Конец первого действия

Действие второе

Картина первая

Сад. На первом плане цветник с круговой аллейкой. В центре цветника статуя. На голове статуи площадка. Скамьи, стулья, столики. Направо фасад дома. Крыльцо. Окна открыты. Из окон несутся смех, говор, звуки рояля и скрипки (кадриль, вальсы и проч.). В глубине сада китайская беседка, увешанная фонарями. Над входом в беседку вензель с литерами «С. В.». За беседкой игра в кегли; слышны катание шаров и возгласы: «Пять хороших! Четыре нехороших!» и т. п. Сад и дом освещены. По саду снуют гости и прислуга. Василий и Яков (в черных фраках, пьяные) развешивают фонари и зажигают лампы.

Явление I

Бугров и Трилецкий (в фуражке с кокардой).

Трилецкий (выходит из дома под руку с Бугровым). Дай же, Тимофей Гордеич! Ну что тебе стоит дать? Взаймы ведь прошу!

Бугров. Верьте богу, не могу-с! Не обижайте, Николай Иваныч!

Трилецкий. Можешь, Тимофей Гордеич! Ты всё можешь! Ты можешь всю вселенную купить и выкупить, только не хочешь! Ведь займы прошу! Пойми ты, чудак! Честное слово, не отдам!

Бугров. Видите-с, видите-с? Проговорились касательно неотдачи!

Трилецкий. Ничего не вижу! Вижу одно только твое бесчувствие. Дай, великий человек! Не дашь? Дай, тебе говорят! Прошу, умоляю наконец! Неужели ты такой бесчувственный? Где же твое сердце?

Бугров (вздыхает). Э-хе-хех, Николай Иваныч! Исцелять-то вы не исцеляете, а деньги тащите...

Трилецкий. Ты хорошо сказал! (Вздыхает.) Ты прав.

Бугров (вынимает бумажник). И насмешка тоже по вашей части... Чуть что, сейчас: ха-ха-ха! Нешто можно так? То-то, что не можно... Хоть необразованные, а все же крещеные, как и ваш брат ученый... Ежели я глупо говорю, то вы должны наставить, а не смеяться... Так-то. Мы люди мужики, не пудренные, кожа на нас дубленая, с нас мало и спрашивают, извиняйте... (Открывает бумажник.) В последний раз, Николай Иваныч! (Считает.) Один... шесть... двенадцать...

Трилецкий (смотрит в бумажник). Батюшки! А еще говорят, что у русских денег нет!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Где ты их набрал столько?

Бугров. Пятьдесят... (Подает ему деньги.) В последний раз.

Трилецкий. А это что за бумажка? И ее ты дай. Она на меня так умильно смотрит! (Берет деньги.) Дай же и эту бумажку!

Бугров (дает еще). Получите–с! Жадности в вас много, Николай Иваныч!

Трилецкий. И всё рублевки, и всё рублевки... Милостыню ты собирал, что ли? А они у тебя не фальшивые?

Бугров. Пожалуйте назад, ежели фальшивые!

Трилецкий. Отдал бы назад, ежели бы они тебе были нужны... Мерси, Тимофей Гордеич! Желаю тебе еще больше потолстеть и медаль получить. Скажи мне, пожалуйста, Тимофей Гордеич, зачем ты такую ненормальную жизнь ведешь? Пьешь много, говоришь басом, потеешь, не спишь, когда следует... Например, отчего ты сейчас не спишь? Ты человек полнокровный, желчный, вспыльчивый, бакалейный, тебе рано ложиться нужно! У тебя и жил больше, чем у других. Можно ли так убивать себя?

Бугров. Но?

Трилецкий. Вот тебе и но! Впрочем, не пугайся... Шучу... Рано тебе еще умирать... Поживешь! Много у тебя денег, Тимофей Гордеич?

Бугров. Хватит на наш век.

Трилецкий. Хороший, умный ты человек, Тимофей Гордеич, но большой мошенник! Ты меня извини... Я по дружбе... Ведь мы друзья? Большой мошенник! Для чего ты вексель Войницева скупаешь? Для чего ему деньги даешь?

Бугров. Не вашего ума это дело, Николай Иваныч!

Трилецкий. Хочешь с Венгеровичем шахты генеральшины схватить? Генеральша, мол, сжалится над пасынком, не даст ему погибнуть, отдаст тебе свои шахты? Великий ты человек, но мошенник! Плут!

Бугров. Вот что–с, Николай Иваныч... Я пойду усну где–нибудь около беседочки маленько, а вы, когда станут ужин подавать, меня и разбудите.

Трилецкий. Прелестно! Иди спи.

Бугров (идет). А ежели не будут ужина подавать, то разбудите в половину одиннадцатого! (Уходит к беседке.)

Явление II
Трилецкий и потом Войницев.

Трилецкий (рассматривает деньги). Мужиком пахнут... Надрал, каналья! Куда же мне их девать? (Василию и Якову.) Эй, вы, вольнонаемники! Василий, позови сюда Якова, Яков, позови сюда Василия! Ползите сюда! Живо!

Яков и Василий подходят к Трилецкому.

Они во фраках! Ах, черт возьми! Ужасно вы на господ похожи! (Дает Якову рубль.) Это тебе рубль! (Василию.) Это тебе рубль! Это вам за то, что у вас носы длинные.

Яков и Василий (кланяются). Много довольны, Николай Иваныч!

Трилецкий. Что же вы, славяне, качаетесь? Пьяны? Оба как веревки? Будет же вам от генеральши, коли узнает! По мордасам отлупит! (Дает еще по рублю.) Натя еще по рублю! Это за то, что тебя Яковым зовут, а его Василием, а не наоборот. Кланяйтесь!

Яков и Василий кланяются.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Совершенно верно! А это вам еще по рублю за то, что меня Николаем Ивановичем, а не Иваном Николаевичем зовут! (Дает еще.) Кланяйтесь! Так! Смотрите, не пропить! Горького лекарства пропишу! Ужасно вы на господ похожи! Ступайте фонари зажигать! Марш! Довольно с вас! 57

Яков и Василий отходят. Войнищев проходит через сцену.

(Войнищеву.) На тебе три рубля!

Войнищев берет деньги, машинально кладет их в карман и уходит в глубину сада.

Поблагодари же!

Выходят из дома Иван Иванович и Саша.

Явление III

Трилецкий, Иван Иванович и Саша.

Саша (входя). Боже мой! Когда же всему этому конец будет? И за что ты так наказал меня? Этот пьян, Николай пьян, Миша тоже... Хоть бы бога вы побоялись, бессовестные, если людей не стыдитесь! Все смотрят на вас! Мне-то, мне-то каково видеть, как все на вас пальцем указывают!

Иван Иванович. Не то, не то! Постой... Ты меня запутала... Постой...

Саша. Вас в благородный дом пускать нельзя! Не успели войти, как уже и пьяны! У, безобразный! А еще тоже старый! Ты должен пример им подавать, а не то что вместе с ними пить!

Иван Иванович. Постой, постой... Ты меня запутала... О чем бишь я? Да! И не лгу, брат Саша! Верь! Послужи я еще лет пять, генералом был бы! А что ты думаешь, не был бы генералом? Фи!.. (Хохочет.) С моим характером да не быть генералом? С моим образованием? Не понимаешь же ты ничего после этого... Ты, значит, не понимаешь...

Саша. Пойдем! Генералы не пьют так.

Иван Иванович. От восторга все пьют! Был бы генералом! Да молчи ты, сделай милость! Вся в мать! Зу-зу-зу... Господи, ей-богу! Та, бывало, день и ночь, день и ночь... То не так, другое не так... Зу-зу-зу... О чем бишь я? Да! И вся ты в покойницу мать, моя крошечка! Вся ты... Вся... И глазки, и волосочки... И ходила та тоже так, как гусочка... (Целует ее.) Ангел мой! Вся ты в покойницу... Страсть как любил покойницу! Не уберег, старый шут Иваныч Балалайкин!

Саша. Будет тебе... Идем! Серьезно, папа... Пора уже тебе оставить выпивку и скандалы. Предоставь это тем здоровилам... Они молодые, а тебе все-таки, старику, не к лицу, право...

Иван Иванович. Слушаю, друг мой! Понимаю! Не буду... Слушаю... Ну да, ну да... Понимаю... О чем бишь я?

Трилецкий (Ивану Ивановичу). На тебе, ваше высокоблагородие, сто копеек! (Дает ему рубль.)

Иван Иванович. Так-с... Беру, сын мой! Мерси... От чужого не возьму, но от сына своего всегда возьму... Возьму и возрадуюсь... Не люблю, деточки, чужих финансов. И, боже мой, как не люблю! Честен, дети! Честен ваш отец! В жизнь мою ни разу не грабил ни отечества, ни пенатов! А стоило только чуточку руку кое-куда запустить, и был бы богат и славен!

Трилецкий. Похвально, но не нужно, отец, хвастать!

Иван Иванович. Не хвастаю я, Николай! Поучаю, дети мои! Вразумляю... За вас ответ перед творцом дам!

Трилецкий. Куда это вы?

Иван Иванович. Домой. Провожая вот эту жужелицу... Проводи да проводи... Ввязалась...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Вот и провожаю. Самой страшно. Я провожу ее, да опять сюда приду.

Трилецкий. Разумеется, приходи. (Саше.) И тебе дать? На и тебе, и тебе на! Три целковых! Тебе три целковых!

Саша. Прибавь к стати и еще два. Мише на летние панталоны куплю, а то у него только одни. А хуже нет, как иметь одни! Во время стирки приходится надевать суконные...

Трилецкий. Я ему никаких бы не дал, ни летних, ни суконных, если бы это от меня зависело: ходи, как знаешь! Но что с тобой поделаешь? На, возьми еще два! (Дает деньги.)

Иван Иванович. О чем бишь я? Да... Как теперь помню... Ну да... В генеральном штабе служил, дети мои... Я головой против неприятеля действовал, мозгами турецкую кровь проливал... Штыка не знаю, нет, не знаю... Ну да...

Саша. Что же мы стоим? Пора уже. Прощай, Коля! Идем, папа!

Иван Иванович. Постой! Замолчи ты Христа ради! Тар-тар-тар... Цысарка! Шкворец! Вот как жить надо, дети мои! Честно, благородно, беспорочно... Ну да, ну да... Владимира третьей степени получил...

Саша. Будет тебе, папа! Пойдем!

Трилецкий. Мы и без разглагольствований знаем, что ты за человек... Ступай, провожай!

Иван Иванович. Умнейший ты человек, Николай! Быть тебе Пироговым!

Трилецкий. Ступай, ступай...

Иван Иванович. О чем бишь я? Да... Видал я Пирогова... Когда еще в Киеве был... Ну да, ну да... Умнейший человек... Ничего себе... Так я иду... Идем, Сашурка! Я, дети, ослабел... На панихиду похож стал... Ох, господи, прости нас, грешных! Согрешихом, согрешихом... Ну да, ну да... Грешен, деточки! Теперь мамону служу, а в молодости богу не молился. Базаристой меня и человека не было... Материя! Штоф унд крафт! [14] Ах, господи... Ну да... Молитесь, деточки, чтоб я не умер! Ты уж пошла, Сашурочка? Где ты? Вот где ты... Идем...

Анна Петровна смотрит в окно.

Трилецкий. А сам ни с места... Зарапортовался малый... Ну, ступайте! Мимо мельницы не ходите, собаки порвут.

Саша. На тебе, Коля, его фуражка... Отдай ему, а то простудится...

Трилецкий (снимает фуражку и надевает ее на отца). Шествуй, старче! Налево кругом... марш!

Иван Иванович. По-лу-о-брот нааале...во! Ну да, ну да... Справедлив ты, Николай! Видит бог, что ты справедлив! И Михайло, зять, справедлив! Вольнодумен, но справедлив! Иду, иду... (Идут.) Идем, Саша... Ты идешь? Дай я тебя понесу!

Саша. Вот еще глупости!

Иван Иванович. Дай я тебя понесу! Всегда я мать носил... Несу, бывало, а сам качаюсь... Раз с пригорка загремел с ней вместе... Засмеялась только, голубка, ничуть не рассердилась... Дай я тебя понесу!

Саша. Не выдумывай... Надень картуз как следует. (Поправляет ему фуражку.) Какой ты еще молодец у нас!

Иван Иванович. Ну да, ну да...

Уходят. Входят Петрин и Щербук.

Явление IV

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Трилецкий, Петрин и Щербук.

Петрин (выходит из дому под руку с Щербуком).

Положи ты передо мной пятьдесят тысяч, и я украду... Честное слово, украду... Лишь бы только ничего за это не было... Украду... Положи перед тобой, и ты украдешь.

Щербук. Не украду, Герася! Нет!

Петрин. Положи рубль, и рубль украду! Честность! Фи-фи! Кому нужна твоя честность? Честный значит дурак...

Щербук. Я дурак... Пускай я дурак...

Трилецкий. Нате вам, старцы, по рублю! (Дает им по рублю.)

Петрин (берет деньги). Давайте...

Щербук (хохочет и берет деньги). Мерсі, господин доктор!

Трилецкий. Напузырились, господа почтенные?

Петрин. Малость...

Трилецкий. А это вам еще по рублю на поминание душ ваших! Ведь грешны? Берите же! Вам бы по кукишу следовало, да так уж ради праздника... расщедрюсь, черт возьми!

Анна Петровна (в окно). Трилецкий, дайте и мне рубль! (Скрывается.)

Трилецкий. Вам не рубль, а пять рублей, генерал-майорская вдова! Сейчас! (Уходит в дом.)

Петрин (смотрит на окно). Скрылась фея?

Щербук (смотрит на окно). Скрылась.

Петрин. Не терплю! Нехорошая женщина! Гордыни много... Женщина должна быть смиренная, уважительная... (Качает головой.) Видал Глагольева? Вот тоже еще чучело! Сидит, как гриб, на одном месте, молчит да глазами лупает! Разве так ухаживают за дамами?

Щербук. Женится!

Петрин. Когда он женится? Через сто лет? Покорнейше вас благодарю! Через сто лет мне не нужно.

Щербук. Не нужно, Герася, жениться ему, старику... Женился бы, коли уж так жениться понадобилось, на какой-нибудь простушечке... И он для нее не годится... Она молодая, огненная, дама европейская, образованная...

Петрин. Вот ежели б женился! То есть так мне этого хочется, что и выразить словесно не умею! Ведь у них ровно ничего нету от самой смерти покойничка генерала, царство ему небесное! Есть у ней шахты, да на те Венгерович метит... Где мне с Венгеровичем тягаться? Что я теперь могу получить по векселям с них? Протестуй я теперь, что я получу?

Щербук. Nihil. [15]

Петрин. А ежели она замуж за Глагольева пойдет, то я буду знать, с чего мне получить... Векселя сейчас протестую, запрещение наложу... Небось не даст пасынку погибнуть, выплатит! Эх-эх-ох! Исполнишь, мечтание мое! Шестнадцать тысяч, Павочка!

Щербук. А мне три тысячи... Приказывает моя кочерга, чтоб я получил... Как я получу? Не умею я получать... Это не мужики... Это друзья... Пусть сама едет сюда и получает... Пойдем, Герася, во флигель!

Петрин. Зачем?

Щербук. К дамскому полонезу баллады нашептывать...

Петрин. А Дуняша во флигеле?

Щербук. Там. (Идут.) У них веселей... (Поет.) Ах, как я несчастлив, перестав жить в нем!

Петрин. Тик-ток, тик-ток... (Кричит.) Да-с! (Поет.) Год новый радостно встречаем в собрание искренних друзей...

Уходят.

Явление V

Войницев и Софья Егоровна выходят

из глубины сада.

Войницев. О чем ты думаешь?

Софья Егоровна. Право, не знаю.

Войницев. Ты чуждаешься моей помощи... Неужели я не в состоянии помочь тебе? Что за тайны, Софи? Тайны от мужа... Гм...

Садятся.

Софья Егоровна. Какие тайны? Я сама не знаю, что во мне происходит... Не мучь себя понапрасну, Сергей! Не обращай внимания на мою хандру...

Пауза.

Уедем отсюда, Сергей!

Войницев. Отсюда?

Софья Егоровна. Да.

Войницев. Зачем?

Софья Егоровна. Хочу... Хоть за границу. Уедем?

Войницев. Ты этого хочешь... Но зачем же?

Софья Егоровна. Здесь хорошо, здорово, весело, но не могу... Все идет хорошо, благополучно, только... уехать нужно. Ты дал слово не расспрашивать.

Войницев. Завтра же уедем... Завтра же нас здесь не будет! (Целует руку.) Тебе здесь скучно! Да это и понятно! Я понимаю тебя! Черт знает, что за среда! Петрины, Щербуки...

Софья Егоровна. Они не виноваты... Оставим их в покое.

Пауза.

Войницев. И откуда у вас, у женщин, берется столько тоски? Ну чего тосковать? (Целует жену в щеку.) Полно! Будь весела! Живи, пока живется! Нельзя ли эту тоску, как говорит Платонов, по шапке? Ба! Очень кстати вспомнил Платонова! Отчего ты с ним редко беседуешь? Это человек не из мелко плавающих, малый развитой и слишком нескудный! Поговори-ка с ним по душе, посвободней! Как рукой снимет тоску! С татап говори почаще, с Трилецким... (Смеется.) Поговори-ка, а не смотри на них свысока! Ты еще не раскусила этих людей... Я рекомендую тебе их, потому что эти люди – моего вкуса люди. Я их люблю. Ты их тоже полюбишь, когда покороче узнаешь.

Анна Петровна (в окно). Сергей! Сергей! Кто там? Позовите Сергея Павловича!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Войницев. Что прикажете?

Анна Петровна. Ты здесь? На минутку!

Войницев. Сейчас! (Софье Егоровне.) Завтра же едем, коли не передумаешь. (Идет в дом.)

Софья Егоровна (после паузы). Ведь это почти что несчастье! Я уже в состоянии по целым дням не думать о муже, забывать о его присутствии, не обращать внимания на его слова... В тягость становится... Что делать? (Думает.) Ужасно! Так недавно была свадьба и уже... А всё это тот... Платонов! Сил не хватает, нет характера, ничего нет такого, что помогало бы мне стоять против этого человека! Он преследует меня от утра до вечера, ищет меня, не дает мне покою своими понятными глазами... Это ужасно... и глупо, наконец! Ручаться за себя даже нет сил! Сделай он шаг, и, пожалуй, всё может произойти!

Явление VI
Софья Егоровна и Платонов.

Платонов выходит из дома.

Софья Егоровна. Вот он идет! Водит вокруг своими глазами и ищет! Кого он ищет? По походке вижу, кто ему нужен! Как нечестно с его стороны не давать мне покоя!

Платонов. Жарко! Не нужно бы пить... (Увидев Софью Егоровну.) Вы здесь, Софья Егоровна? В уединении? (Смеется.)

Софья Егоровна. Да.

Платонов. Смертных избегаете?

Софья Егоровна. Нет надобности мне избегать их. Они мне не противны и не мешают.

Платонов. Да? (Садится рядом.) Вы позволите?

Пауза. Но если вы не избегаете людей, зачем вы меня, Софья Егоровна, избегаете? За что? Позвольте, дайте договорить! Очень рад, что могу-таки, наконец, поговорить с вами. Вы избегаете меня, обходите, не смотрите на меня... Что это? Комедия или серьез?

Софья Егоровна. Я и не думала избегать вас! Откуда вы это взяли?

Платонов. Сначала вы как будто благоволили ко мне, достаивали меня своим благовниманием, а теперь и видеть меня не хотите! Я в одну комнату – вы в другую, я в сад – вы из сада, я начинаю говорить с вами, вы отнекиваетесь или говорите сухое, знойное «да» и уходите... Наши отношения превратились в какое-то недоумение... Виноват я? Противен? (Встает.) Вины я за собой никакой не чувствую. Потрудитесь сейчас же вывести меня из этого институтски-глупого положения! Выносить его долее я не намерен!

Софья Егоровна. Признаюсь, я вас... избегаю немножко... Знай я, что это вам так неприятно, я иначе повела бы дело...

Платонов. Избегаете? (Садится.) Признаетесь? Но... за что, с какой стати?

Софья Егоровна. Не кричите, то есть... не говорите так громко! Вы мне, надеюсь, не выговор делаете. Я не люблю, если кричат на меня. Я избегаю не вас собственно, а бесед с вами... Человек вы, насколько я вас знаю, хороший... Здесь все вас любят, уважают, некоторые даже поклоняются вам, считают за честь поговорить с вами...

Платонов. Ну-те, ну-те...

Софья Егоровна. Когда я приехала сюда, я сама сейчас же, после первой же нашей беседы, присоединилась к вашим слушателям, но мне, Михаил Васильич, не посчастливилось, решительно не повезло... Вы скоро стали для меня почти невыносимы... Не подыщу более мягкого слова, извините... Вы почти каждый день беседовали со мной о том, как вы меня любили когда-то, как я вас любила и так далее... Студент любил девочку, девочка любила студента... история слишком старая и

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
обыкновенная, чтобы о ней столько много рассказывать и придавать ей для нас с вами теперь какое бы то ни было значение... Не в этом, впрочем, дело... Дело в том, что когда вы говорили со мной о прошлом, то... то говорили так, как будто бы чего-то просили, как будто бы вы тогда, в прошлом, чего-то не добрали, что хотели бы взять теперь... Каждый день тон ваш был томительно одинаков, и каждый день мне казалось, что вы намекаете на какие-то как бы обязательства, наложенные на нас с вами нашим общим прошлым... И потом мне казалось, что вы придаете уж слишком большое значение... что, как бы выразиться яснее, преувеличиваете наши отношения добрых знакомых! Вы как-то странно смотрите, выходите из себя, кричите, хватаете за руку и преследуете... Точно шпионите! Для чего это?... Одним словом, вы не даете мне покоя... Для чего этот надзор? Что я для вас? Право, можно подумать, что вы выжидаете какого-то удобного случая, который вам для чего-то нужен...

Пауза.

Платонов. Всё? (Встает.) Мерси за откровенность! (Идет к двери.)

Софья Егоровна. Вы сердитесь? (Встает.) Постойте, Михаил Васильич! Для чего же в амбицию вламываться? Я не хотела...

Платонов (останавливается). Эх вы!

Пауза.

Выходит, значит, что я вам не надоел, а что вы боитесь, трусите... Трусите, Софья Егоровна? (Подходит к ней.)

Софья Егоровна. Перестаньте, Платонов! Лжете! Я не боялась и не думаю бояться!

Платонов. Где же ваш характер, где сила здравомыслящих мозгов, если каждый встречный, мало-мальски не банальный мужчина может вам казаться опасным для вашего Сергея Павловича! Я и без вас шлялся сюда каждый день, а беседовал с вами, потому что считал вас умной, понимающей женщиной! Какая глубокая испорченность! Впрочем... Виноват, я увлекся... Я не имел права говорить вам всё это... Извините за неприличную выходку...

Софья Егоровна. Никто не дал вам права говорить такие вещи! Если вас слушают, то из этого не следует, что вы имеете право говорить всё то, что вам вздумается! Ступайте от меня!

Платонов (хохочет). Вас преследуют?! Вас ищут, хватают вас за руки?! Вас, бедную, хотят отнять у вашего мужа?! В вас влюблен Платонов, оригинал Платонов?! Какое счастье! Блаженство! Да ведь это такие конфеты для нашего маленького самолюбья, каких не едал ни один конфетный фабрикант! Смешно... Не к лицу развитой женщине эти сладости! (Идет в дом.)

Софья Егоровна. Вы дерзки и резки, Платонов! Вы с ума сошли! (Идет за ним и останавливается у двери.) Ужасно! Для чего он говорил всё это? Он хотел ошеломить меня... Нет, я этого не выношу... Я пойду, скажу ему... (Уходит в дом.)

Из-за беседки выходит Осип.

Явление VII

Осип, Яков и Василий.

Осип (входит). Пять хороших! Шесть нехороших! Черт знает, чем занимаются! Шли бы лучше в преферанс играть... По одной десятой... Или в стуколку... (Якову.) Здоров, Яша! Того... м-м-м... Венгерович здесь?

Яков. Здесь.

Осип. Пойди позови! Потихонечку вызови! Скажи, что дело есть большое...

Яков. Ладно. (Идет в дом.)

Осип (срывает фонарь, тушит и кладет его в карман). В прошлом году в городе я у Дарьи Ивановны, что вещи краденые покупает да питейное заведение с девицами

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
держит, в стуюлку играл... Три копейки обязательного были... Ремизы доходили до
двух целковых... Выиграл восемь рублей... (Срывает другой фонарь.) Весело в городе!

Василий. Не для вас фонари повешены! Чего рвать?

Осип. А я тебя и не вижу! Здорово, осел! Как поживаешь? (Подходит к нему.) Как дела?

Пауза.

Ах ты, лошадь! Ах ты, свинопас! (Снимает с него шапку.) Смешной ты человек!
Ей-богу, смешной! У тебя хоть капелька ума есть? (Бросает шапку на дерево.)
Ударь меня по щеке за то, что я вредный человек!

Василий. Пуцай вас кто другой ударит, а я не стану бить!

Осип. А убивать станешь? Нет, коли у тебя есть ум, так ты не артелью убивай, а
сам убей! Плюнь мне в лицо за то, что я вредный человек!

Василий. Не плюну. Ну чего пристали?

Осип. Не плюнешь? Боишься меня, значит? Становись же передо мной на колени!

Пауза.

Ну? Становись! Кому говорю? Стенам или человеку живому?

Пауза.

Кому говорю?

Василий (становится на колени). Грех вам, Осип Иваныч!

Осип. Стыдно стоять? Очень мне это приятно... Господин во фраке, а на коленках
пред разбойником стоит... Ну, а теперь кричи ура, что есть духу... Ну?

Входит Венгерович 1.

Явление VIII

Осип и Венгерович 1.

Венгерович 1 (выходит из дома). Кто здесь меня звал?

Осип (быстро снимает шапку). Я-с, ваше степенство!

Василий поднимается, садится на скамью и плачет.

Венгерович 1. Что тебе нужно?

Осип. Вы изволили искать и спрашивать меня у кабатчика, вот я и пришел!

Венгерович 1. Ах да... Но... не мог разве выбрать другого места?

Осип. Для хороших людей, ваше превосходительство, всякое место хорошо!

Венгерович 1. Ты мне отчасти нужен... Отойдем отсюда... Вон к той скамье!

Идут к скамье, стоящей в глубине сцены.

Стань немного поодаль так, как будто ты со мной не говоришь... Вот так! Тебя
кабатчик Лев Соломоныч прислал?

Осип. Так точно.

Венгерович 1. Напрасно... Я не тебя хотел, но... что поделаешь? Ничего с тобой не
поделаешь. С тобой не следовало бы делов иметь... Ты такой нехороший человек...

Осип. Очень нехороший! Хуже всех на свете.

Венгерович 1. Говори тише! Сколько я передавал тебе денег, так это ужас, а ты этого не чувствуешь, как будто мои деньги камни или другой какой-нибудь ненужный предмет... Ты позволяешь себе дерзости, воруешь... Отворачиваешься? Не нравится правда? Правда глаза колет?

Осип. Колет, да только не ваша, ваше превосходительство! Вы позвали меня сюда только за тем, чтобы наставления мне читать?

Венгерович 1. Говори тише... Ты знаешь... Платонова?

Осип. Учителя? Как не знать!

Венгерович 1. Да, учителя. Учителя, который учит только ругаться и больше ничему. За сколько ты возьмешься искалечить этого учителя?

Осип. То есть как искалечить?

Венгерович 1. Не убить, а искалечить... Убивать людей не следует... Для чего их убивать? Убийство – это вещь такая, что... Искалечить, то есть побить так, чтобы всю жизнь помнил...

Осип. Это могу-с...

Венгерович 1. Поломай ему что-нибудь, на лице уродство сделай... Что возьмешь? Тссс... Кто-то идет... Отойдем немного далее...

Идут в глубину сцены... Из дома выходят Платонов и Грекова.

Явление IX

Венгерович 1 и Осип (в глубине сцены), Платонов и Грекова.

Платонов (смеется). Что, что? как? (Хохочет.) как? Я не расслышал...

Грекова. Не расслышали? Что ж? Я могу повторить... Я даже еще резче выражусь... Вы не обидитесь, разумеется... Вы так привыкли к разного рода резкостям, что мои слова едва ли будут вам в диковинку...

Платонов. Говорите, говорите, красавица!

Грекова. Я не красавица. Кто считает меня красавицей, тот не имеет вкуса... Откровенно – ведь я некрасива? Как на ваш взгляд?

Платонов. После скажу. Говорите вы теперь!

Грекова. Так слушайте же... Вы или необыкновенный человек, или же... негодяй, кто-нибудь из двух.

Платонов хохочет.

Смеетесь... Впрочем, смешно... (Хохочет.)

Платонов (хохочет). Она это сказала! Ай да дурочка! Скажите, пожалуйста! (Берет ее за талию.)

Грекова (садится). Позвольте однако ж...

Платонов. И она туда же, куда и люди! философствует, химией занимается и какие изречения откалывает! Поди ты с ней, с презренной! (Целует ее.) Хорошенькая, оригинальная бестия...

Грекова. Позвольте же... Что же это? Я... я не говорила... (Встает и опять садится.) Зачем вы меня целуете? Я вовсе...

Платонов. Сказала и удивила! Дай, мол, скажу и поражу! Пусть увидит, какая я умная! (Целует ее.) Растерялась... растерялась... Глупо смотрит... Ах, ах...

Грекова. Вы... Вы меня любите? Да?... Да?

Платонов (пищит). А ты меня любишь?

Грекова. Если... если... то... да... (Плачет.) Любишь? Иначе бы ты не делал так... Любишь?

Платонов. Ни капельки, моя прелесть! Не люблю дурачков, грешный человек! Люблю одну дуру, да и то от нечего делать... О! Побледнела! Глазами засверкала! Знай, мол, наших!..

Грекова (поднимается). Издеваетесь, что ли?

Пауза.

Платонов. Чего доброго пощечину влепит...

Грекова. Я горда... Не умею пачкать рук... Я вам сказала, милостивый государь, что вы или необыкновенный человек, или же негодяй, теперь же я вам говорю, что вы необыкновенный негодяй! Презираю вас! (Идет к дому.) Не заплачу теперь... Я рада, что наконец-таки узнала, что вы за птица...

Входит Трилецкий.

Явление X

Те же и Трилецкий (в цилиндре).

Трилецкий (входит). Журавли кричат! Откуда это они взялись? (Смотрит вверх.) Так рано...

Грекова. Николай Иванович, если вы уважаете меня... себя хоть сколько-нибудь, то не знайтесь с этим человеком! (Указывает на Платонова.)

Трилецкий (смеется). Помилуйте! Это мой почтеннейший родственник!

Грекова. И друг?

Трилецкий. И друг.

Грекова. Не завидую вам. И ему тоже, кажется... не завидую. Вы добрый человек, но... этот шуточный тон... Бывает время, когда тошнит от ваших шуток... Я не хочу вас обидеть этим, но... я оскорблена, а вы... шутите! (Плачет.) Я оскорблена... Но, впрочем, я не заплачу... Я горда. Знайтесь с этим человеком, любите его, поклоняйтесь его уму, бойтесь... Вам всем кажется, что он на Гамлета похож... Ну и любуйтесь им! Дела мне нет... Не нужно мне от вас ничего... Шутите с ним, сколько вам угодно, с этим... негодяем! (Уходит в дом.)

Трилецкий (после паузы). Съел, брат?

Платонов. Ничего я не ел...

Трилецкий. Пора бы, Михаил Васильич, по чести, по совести оставить ее в покое. Стыдно, право... Такой умный и большой человек, а выделяешь черт знает что... Вот и назвали негодяем...

Пауза. Не могу же я в самом деле разорваться на две половины, чтобы одной половиной уважать тебя, а другой благоволить к девушке, назвавшей тебя негодяем...

Платонов. Не уважай меня, не понадобится это раздвоение.

Трилецкий. Не могу же я не уважать тебя! Ты сам не знаешь, что ты говоришь.

Платонов. Остается, значит, только одно: не благоволить к ней. Не понимаю я тебя, Николай! Что хорошего, умный человек, ты нашел в этой дурочке?

Трилецкий. Гм... Генеральша часто упрекает меня в недостатке джентльменства и указывает мне на тебя, как на образец джентльменства... А по-моему, этот упрек можно всецело отнести и к тебе, образцу... Все вы, а в особенности ты, кричите на каждом переулке, что я влюблен в нее, смеетесь, дразните, подозреваете, следите...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Платонов. Выражайся ясней...

Трилецкий. Я, кажется, ясно выражаюсь... И в то же время у вас хватает совести величать ее при мне дурочкой, дрянью... Не джентльмен ты! Джентльмены знают, что у влюбленных есть известное самолюбие... Не дура она, братец! Она не дура! Она жертва ненужная, вот что! Бывают минутки, друг мой, когда хочется кого-нибудь ненавидеть, в кого-нибудь вьестся, на ком-нибудь выместить свою какую-нибудь пакость... Отчего же на ней не попробовать? Она годится! Слаба, безответна, смотрит на тебя так до глупости доверчиво... Понимаю я всё это очень хорошо... (Встает.) Пойдем выпьем!

Осип (Венгеровичу). Ежели не отдадите тогда остальных, то на сто украду. Об этом не сомневайтесь!

Венгерович 1 (Осипу). Говори тише! когда будешь его бить, то не забудь сказать: «благодарный кабатчик!» Тсс... Ступай! (Идет к дому.)

Осип уходит.

Трилецкий. Черт возьми, Абрам Абрамыч! (Венгеровичу.) Ты, Абрам Абрамыч, не болен?

Венгерович 1. Ничего... Слава богу, здоров.

Трилецкий. Какая жалость! А мне так деньги нужны! Верить ли? До зарезу, что называется...

Венгерович 1. Следовательно, выходит, доктор, из ваших слов, что вам больные нужны до зарезу? (Смеется.)

Трилецкий. Удачно сострил! Хотя тяжело, да зато удачно! Ха-ха-ха и паки ха-ха-ха! Смейся, Платонов! Дай, голубчик, если можешь!

Венгерович 1. Вы мне и так уже много должны, доктор!

Трилецкий. Для чего говорить это? Кто этого не знает? А сколько я тебе должен?

Венгерович 1. Около... Ну да... Двести сорок пять рублей, кажется.

Трилецкий. Дай, великий человек! Одолжи, и я одолжу тебя когда-нибудь! Будь столь добр, великодушен и храбр! Самый храбрый из евреев тот, кто дает займы без расписки! Будь самым храбрым евреем!

Венгерович 1. Гм... евреем... Всё евреи да евреи... Уверю вас, господа, что во всю жизнь мою я не видел ни одного русского, который давал бы деньги без расписки, и уверю вас, что нигде не практикуется в таких больших размерах давание денег без расписки, как среди нечестного еврейства!.. Пусть отнимет у меня бог мою жизнь, если я лгу! (Вздыхает.) Многому, очень многому можно с успехом и с пользой поучиться вам, молодые люди, у нас, евреев, а в особенности у стариков евреев... Очень многому... (Вынимает из кармана бумажник.) Вам занимаешь деньги с охотой, с удовольствием, а вы... смеяться, пошутить любите... Нехорошо, господа! Я старик... У меня есть дети... Считаю подлецом, но обходись по-человечески... На то вы и в университете учились...

Трилецкий. Ты хорошо говоришь, Абрам Абрамыч!

Венгерович 1. Нехорошо, господа, дурно... Можно подумать, что между вами, развитыми людьми, и моими приказчиками нет никакой разницы... И тыкать вам никто не позволил... Сколько вам? Очень дурно, молодые люди... Сколько вам?

Трилецкий. Сколько дашь...

Пауза.

Венгерович 1. Я вам дам... Я вам могу дать... пятьдесят рублей... (Дает деньги.)

Трилецкий. Роскошно! (Берет деньги.) Велик!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Венгерович 1. На вас, доктор, моя шляпа!

Трилецкий. Твоя? Гм... (Снимает шляпу.) На, возьми... Отчего ты не отдашь его почистить? Ведь дешево возьмут! Как по-еврейски цилиндр?

Венгерович 1. Как угодно. (Надевает шляпу.)

Трилецкий. А тебе идет цилиндр, к лицу. Барон, совсем барон! Отчего ты не купишь себе баронства?

Венгерович 1. Ничего я не знаю! Оставьте меня, пожалуйста!

Трилецкий. Ты велик! Отчего это тебя понять не хотят?

Венгерович 1. Отчего не хотят оставить в покое, Скажите лучше! (Уходит в дом.)

Явление XI

Платонов и Трилецкий.

Платонов. Для чего ты взял у него эти деньги?

Трилецкий. Да так... (Садится.)

Платонов. Как это: да так?

Трилецкий. Взял да и шабаш! А тебе его жалко, что ли?

Платонов. Не в том дело, братец!

Трилецкий. В чем же?

Платонов. Не знаешь?

Трилецкий. Не знаю.

Платонов. Врешь, знаешь!

Пауза.

Великою любовью воспылал бы я к тебе, душа моя, если бы ты хоть недельку, хоть денек пожил по каким-нибудь правилам, хоть бы самым мизерным! Для таких субъектов, как ты, правила необходимы, как хлеб насущный...

Пауза.

Трилецкий. Ничего не знаю... Не нам, брат, с тобой переделывать плоть нашу! Не нам сломать ее... Знал я это, когда еще с тобой в гимназии по-латыни единицы получал... Не будем же болтать попусту... Да прильпнут гортани к языкам!

Пауза.

Смотрел я третьего дня, братец ты мой, у одной своей дамочки портреты «Современных деятелей» и читал их биографии. И что же ты думаешь, любезный? Ведь нет нас с тобой среди них, нет! Не нашел, как ни бился! *Lasciate*, Михаил Васильич, *ogni speranza!*[16] – говорят итальянцы. Не нашел я ни тебя, ни себя среди современных деятелей и – вообрази! Я спокоен! Вот Софья Егоровна так не того... не спокойна...

Платонов. При чем же тут Софья Егоровна?

Трилецкий. Обижается, что ее между «Современными деятелями» нет... Воображает, что стоит ей только мизинцем шевельнуть – и земной шар рот разинет, человечество от радости шапку потеряет... Воображает... Гм... Ни в одном умном романе ты не найдешь столько белиберды, сколько в ней... А в сущности гроша медного не стоит. Лед! Камень! Статуя! Так и хочется подойти к ней и соскоблить с ее носа капельку гипса... А чуть что... сейчас истерика, глас и вздыхания... Силенок ни на грош... Умная кукла... На меня с презрением смотрит, шалопаем считает... А чем ее Сереженька лучше нас с тобой? Чем? Тем только и хорош, что водки не пьет, возвышенно мыслит и без

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
зазрения совести величает себя человеком будущего. Впрочем, не судите, не судимы
будете... (Встает.) Пойдем выпьем!

Платонов. Не пойду. Мне там душно.

Трилецкий. Пойду сам. (Потягивается.) Кстати, что означают на вензеле эти Слово
и Веди? Софью ли Войницеву или Сергея Войничева? Кого хотел уважить этими
литерами наш филолог, себя или свою супругу?

Платонов. Мне сдается, что эти литеры означают: «Слава Венгеровичу!» На его
деньги кутим.

Трилецкий. Да... Что это с генеральшей сегодня делается? Хохочет, стонет, лезет
целоваться... Точно влюблена...

Платонов. В кого ей тут влюбиться? В самое себя разве? Ты не верь в ее смех.
Нельзя верить в смех той умной женщины, которая никогда не плачет: она хохочет
тогда, когда ей плакать хочется. А нашей генеральше не плакать, а застрелиться
хочется... Это и по глазам ее видно...

Трилецкий. Женщины не стреляются, а травятся... Но не будем философствовать... Когда
я философствую, я жестоко вру... Славная бабенка наша генеральша! Я вообще ужасно
скверно мыслю, когда смотрю на женщину, но это единственная женщина, от которой
отскакивают все мои лютые помыслы, как горох от стены. Единственная... Когда я
гляжу на ее реальное лицо, я начинаю верить в платоническую любовь. Идешь?

Платонов. Нет.

Трилецкий. Пойду сам... С попом выпью... (Идет и сталкивается у двери с Глагольевым
2.) Ах! Ваше сиятельство, самоделковый граф! Натя вам три рубля! (Сует ему в
руку три рубля и уходит.)

Явление XII

Платонов и Глагольев 2.

Глагольев 2. Странная личность! Ни с того ни с сего: натя вам три рубля!
(Кричит.) Я сам могу вам дать три рубля! Гм... Какой идиот! (Платонову.) Он ужасно
поражает меня своею глупостью. (Смеется.) Глуп до безобразия!

Платонов. Что же вы, танцор, не танцуете?

Глагольев 2. Танцевать? Здесь? С кем, позвольте спросить? (Садится рядом.)

Платонов. Уж будто бы и не с кем?

Глагольев 2. Одни только типы! Все типы, на кого ни посмотришь! Какие-то рожи,
орлиные носы, жеманство... А дамы? (Хохочет.) Черт знает что! При такой публике я
всегда предпочитаю танцам буфет.

Пауза.

Какой в России, однако же, воздух несвежий! Какой-то промозглый, душный... Терпеть
не могу России!.. Невежество, вонь... Бррр... То ли дело... Вы были хоть раз в Париже?

Платонов. Не был.

Глагольев 2. Жаль. Впрочем, успеете еще побывать. Когда будете ехать туда, то
скажите мне. Я вам открою все тайны Парижа. Я дам вам триста рекомендательных
писем, и триста шикажнейших французских кокоток в вашем распоряжении...

Платонов. Благодарю вас, я сыт. Скажите мне, правду ли говорят, что ваш отец
хочет купить Платоновку?

Глагольев 2. Право, не знаю. Я далеко держу себя от коммерции... А вы заметили,
как *mon père*[17] ухаживает за вашей генеральшей? (Хохочет.) Вот еще тоже тип!
Этот старый барсук хочет жениться! Глуп, как тетерев! А ваша генеральша
charmante![18] Совсем недурна!

Пауза.

Она такая душка, такая душка... А формы?! Фи, фи! (Бьет платонова по плечу.) Счастливец! Она затягивается? Сильно затягивается?

Платонов. Не знаю... Я не присутствую при ее туалете...

Глагольев 2. А мне говорили... Разве вы не...

Платонов. Вы, граф, идиот!

Глагольев 2. Но я пошутил... Зачем сердиться? Какой вы, право, чудак! (Тихо.) А правду ли говорят, что она... Немножко щекотливый вопрос, но между нами, я полагаю... Правду ли говорят, что она иногда любит деньги до положения риз?

Платонов. Об этом спросите у нее самой. Я не знаю.

Глагольев 2. Спросить у нее самой? (Хохочет.) Что за идея?! Платонов! Что вы говорите?!

Платонов (садится на другую скамью). Какой же вы мастер надоедать!

Глагольев 2 (хохочет). А что если на самом-таки деле спросить? Впрочем, почему же и не спросить?

Платонов. Разумеется... (В сторону.) Спроси только... Она отобьет тебе твои глупые щеки! (Ему.) Спросите!

Глагольев 2 (вскакивает). Клянусь, что это великая идея!.. Миллион чертей! Я спрошу, Платонов, и даю вам честное слово, что она моя! У меня предчувствие есть! Сейчас же спрошу! Держу пари, что она моя! (Бежит к дому и у двери сталкивается с Анной Петровной и Трилецким.) Mille pardons, [19] madame! (Расшаркивается и уходит.)

Платонов садится на старое место.

Явление XIII

Платонов, Анна Петровна и Трилецкий.

Трилецкий (на крыльце). Вон он сидит, наш великий мудрец и философ! Сидит настороже и с нетерпением ожидает добычи: кому бы нотацию прочесть на сон грядущий?

Анна Петровна. Не клюет, Михаил Васильич!

Трилецкий. Плохо! Не клюется что-то сегодня! Бедный моралист! Жалею тебя, Платонов! Однако же я пьян и... однако же меня там дьякон ждет! Прощайте! (Уходит.)

Анна Петровна (идет к Платонову). Что вы тут сидите?

Платонов. В комнатах душно, и это хорошее небо лучше вашего побеленного бабами потолка!

Анна Петровна (садится). Прелесть, что за погода! Чистый воздух, прохлада, звездное небо и луна! Жалею, что барыням нельзя спать на дворе под небом. Когда я была девочкой, я всегда летом ночевала в саду.

Пауза.

А у вас галстух новый?

Платонов. Новый.

Пауза. Анна Петровна. Я сегодня в каком-то особенном настроении... Мне сегодня всё нравится... Гуляю! Ну да говорите же что-нибудь, Платонов! Чего вы молчите? Я для того и явилась сюда, чтобы вы говорили... Экой вы!

Платонов. Что вам говорить?

Анна Петровна. Скажите мне что-нибудь новенькое, хорошенькое, кисленькое... Вы сегодня такой умненький, такой хорошенький... Право, мне кажется, что я сегодня влюблена в вас более, чем когда-либо... Душка вы такой сегодня! И бунтуете мало!

Платонов. И вы сегодня такая красавица... Впрочем, вы всегда красавица!

Анна Петровна. Мы с вами друзья, Платонов?

Платонов. По всей вероятности... Пожалуй, что друзья... Что же другое можно назвать дружбой?

Анна Петровна. Во всяком случае друзья? а?

Платонов. Полагаю, что большие... Я к вам сильно привык и привязан... Много нужно времени, чтобы отучить меня от вас...

Анна Петровна. Большие друзья?

Платонов. Для чего эти вопросы? Бросьте их, матушка! Друзья... друзья... Точно дева старая...

Анна Петровна. Хорошо... Мы друзья, а знаете ли, что от дружбы между мужчиной и женщиной до любви единый только шаг, милостивый государь? (Смеется.)

Платонов. Вот как! (Смеется.) К чему вы это говорите? Ну да мы с вами не дошагаемся до чертиков, как бы широко ни шагали...

Анна Петровна. Любовь – чертики... Сравнил! Не слышит тебя твоя жена! Pardon, я на вас тыкнула... Ей-богу, Мишель, нечаянно! А почему же нам и не дошагаться? Разве мы не люди, что ли? Любовь вещь хорошая... Чего же краснеть-то?

Платонов (смотрит на нее пристально). Вы, я вижу, или шутите мило, или же хотите... договориться до чего-то... Пойдемте-ка вальс танцевать!

Анна Петровна. Не умеете вы танцевать!

Пауза. Надо с вами поговорить как следует... Пора... (Оглядывается.) Потрудитесь, топ cher, [20] слушать и не философствовать!

Платонов. Пойдемте плясать, Анна Петровна!

Анна Петровна. Сядемте подальше... Идите сюда! (Садятся на другую скамью.) Вот только не знаю, с чего начать... Вы такой неповоротливый и лживый человечина...

Платонов. Не начать ли мне, Анна Петровна?

Анна Петровна. Ведь вы околесную понесете, Платонов, когда начнете! Скажите, пожалуйста! Он сконфузился! Поверю – держи карман! (Бьет Платонова по плечу.) Шутник Миша! Ну говорите же, говорите... Покороче только...

Платонов. Я буду короток... Вот что я вам хочу сказать: для чего?

Пауза.

Честное слово, не стоит, Анна Петровна!

Анна Петровна. Почему же? Да вы послушайте... Вы меня не понимаете... Будь вы свободны, я, недолго думая, сделалась бы вашей женой, отдала бы вам в вечное владение мое превосходительство, но теперь... Ну? Молчание знак согласия? Так, что ли?

Пауза.

Послушайте, Платонов, в данном случае неприлично молчать!

Платонов (вскакивает). Забудем этот разговор, Анна Петровна! Давайте, бога ради,
Страница 46

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
сделаем так, как будто бы его вовсе и не было! Не было его!

Анна Петровна (пожимает плечами). Станный человек! Почему же?

Платонов. Потому что я уважаю вас! Я так уважаю в себе это уважение к вам, что расстаться с ним для меня будет тяжелее, чем провалиться сквозь землю! Друг мой, я свободный человек, я не прочь приятно провести время, я не враг связей с женщинами, не враг даже благородных интрижек, но... с вами заводите мелкую интрижку, вас делать предметом своих праздных помыслов, вас, умную, прекрасную, свободную женщину?! Нет! Это уж слишком! Лучше прогоните меня от себя за тридевять земель! Пожить глупо месяц, другой, а там... краснея разойтись?!

Анна Петровна. Речь идет о любви!

Платонов. А разве я не люблю вас? Я люблю вас добрую, умную, милосердную... Я люблю вас отчаянно, бешено! Жизнь свою я отдам за вас, если вы захотите! Люблю как женщину – человека! Неужели же всякая любовь должна подтасовываться под известный род любви? Моя любовь для меня в тысячу раз дороже той, которая взбрела вам на ум!..

Анна Петровна (встает). Ступай, милый, проспись! Проспишься, тогда и поговорим...

Платонов. Забудем этот разговор... (Целует руку.) Будем друзьями, но не будем шалить друг другом: мы стоим по отношению друг к другу лучшей участи!.. И к тому же я все-таки... хоть немножко, да женат! Оставим этот разговор! Да будет всё по-старому!

Анна Петровна. Ступай, милый, ступай! Женат... Ведь меня любишь? Зачем же тут про жену толковать? Марш! После поговорим, часика через два... Теперь ты находишься в припадке лжи...

Платонов. Лгать я вам не умею... (Тихо ей на ухо.) Если бы я умел тебе лгать, то давно уже я был бы твоим любовником...

Анна Петровна (резко). Убирайтесь!

Платонов. Врете, не сердитесь... Это вы так только... (Уходит в дом.)

Анна Петровна. Чудак человек! (Садится.) Сам не понимает, что говорит... Всякую любовь подтасовывать под известный род любви... Чепуха какая! Точно любовь писателя к писательнице...

Пауза.

Невыносимый человек! Этак мы до страшного суда с тобой, друг милый, проболтаем! Не взяла честью, силой возьму... Сегодня же! Пора уже обоим выйти из этого глупого выжидательного положения... Надоело... Возьму силой... Это кто идет? Глагольев... меня ищет...

Входит Глагольев 1.

Явление XIV

Анна Петровна и Глагольев 1.

Глагольев 1. Скучно! Говорят эти люди о том, что я годы тому назад слышал; думают то, о чем я в детстве думал... Всё старо, ничего нового... Поговорю с ней и уеду.

Анна Петровна. О чем это вы бормочете, Порфирий Семеныч? Можно узнать?

Глагольев 1. Вы здесь? (Идет к ней.) Я браню себя за то, что я здесь лишний...

Анна Петровна. Не потому ли, что на нас не похожи? Полноте! Мирятся люди с тараканами, помиритесь и вы с нашими людьми! Подсаживайтесь-ка, потолкуем!

Глагольев 1 (садится рядом). Я вас искал, Анна Петровна! Мне нужно с вами поговорить кое о чем...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Анна Петровна. И давайте говорить...

Глагольев 1. Мне хотелось бы с вами поговорить... Мне хочется узнать ответ моему... письму...

Анна Петровна. Гм... На что я вам сдалась, Порфирий Семеныч?

Глагольев 1. Я, знаете ли, отрешаюсь... от прав мужа... Не до прав мне! Мне нужен друг, умная хозяйка... У меня есть рай, но нет в нем... ангелов.

Анна Петровна (в сторону). Что ни слово – то сахару кусок! (Ему.) Часто я задаю себе вопрос, что я буду в раю делать, я – человек, а не ангел, если попаду в него?

Глагольев 1. Можете ли вы знать, что вы будете делать в раю, если не знаете, что будете делать завтра? Хороший человек везде найдет себе работу, и на земле, и на небе...

Анна Петровна. Всё это прекрасно, но будет ли мое житье у вас стоить того, что я за него буду получать? Немножко странно, Порфирий Семеныч! Извините меня, Порфирий Семеныч, но мне ваше предложение кажется очень странным... Для чего вам жениться? Для чего вам сдался друг в юбку? Не мое дело, извините... но уж на то пошло, договорю. Будь я в ваших летах, имей я столько денег, ума и правды, сколько вы имеете, я ничего не искала бы на этом свете, кроме общего блага... то есть, как бы так выразиться, я ничего не искала бы, кроме удовлетворения любви к ближним...

Глагольев 1. Не умею я биться за благополучие людей... Для этого нужны воля железная и умение, а их-то и не дал мне бог! Я родился для того только, чтобы любить великие дела и наделать массу грошовых, ничего не стоящих... Только любить! Пойдемте ко мне!

Анна Петровна. Нет. Не говорите больше ни слова об этом... Не придавайте моему отказу жизненного значения... Суета, мой друг! Если бы мы владели всем тем, что мы любим, то у нас не хватило бы места... для наших владений... Значит, не совсем неумно и нелюбезно поступают, когда отказывают... (Хохочет.) Вот вам и философия на закуску! Что это за шум? Слышите? Бьюсь об заклад, что это Платонов бунтует... Что за характер!

Входят Грекова и Трилецкий.

Явление XV
Анна Петровна, Глагольев 1, Грекова и Трилецкий.

Грекова (входя). Это выше всяких оскорблений! (Плачет.) Выше! Молчать могут, видя это, одни только испорченные люди!

Трилецкий. Верю, верю, но при чем же я тут? Я-то тут при чем? Не идти же мне на него с дубиной, согласитесь сами!

Грекова. Должны были идти с дубиной, если не имеете других средств! Отойдите от меня! Я, я, женщина, не молчала бы, если бы при мне оскорбляли вас так низко, так бесстыдно и незаслуженно!

Трилецкий. Но ведь я же того... Рассуждайте умно!.. Чем виноват я?..

Грекова. Вы трус, вот кто вы! Ступайте от меня прочь к вашему отвратительному буфету! Прощайте! Не трудитесь ездить ко мне больше! Не нужны мы друг другу... Прощайте!

Трилецкий. Прощайте, сделайте милость, прощайте! Надоело всё это, опротивело без конца! Слезы, слезы... А, боже мой! У меня у самого в голове вертеж... coenurus cerebraлис! Э-э-э... (Машет рукой и уходит.)

Грекова. Coenurus cerebraлис... (Идет.) Оскорбил... За что? что я сделала?

Анна Петровна (подходит к ней). Марья Ефимовна... Не держу вас... Я сама бы ушла отсюда на вашем месте... (Целует ее.) Не плачьте, моя дорогая... Большая часть

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
женщин создана для того, чтобы сносить всякие гадости от мужчин...

Грекова. Только не я... Я его... уволю! Он не будет здесь учителем! Он не имеет права быть учителем! Завтра же поеду к директору народных училищ...

Анна Петровна. Полноте... На днях я побываю у вас, и мы вместе осудим Платонова, а пока успокойтесь... Перестаньте плакать... Вы будете удовлетворены... На Трилецкого же вы не сердитесь, моя дорогая... Он не заступился за вас потому, что он слишком добр и мягок, а такие люди не в состоянии заступаться... Что он вам сделал?

Грекова. Он при всех поцеловал... назвал душой и... и... пхнул на стол... Не думайте, что это пройдет ему безнаказанно! Или он сумасшедший, или же... Я покажу ему! (Уходит.)

Анна Петровна (ей вслед). Прощайте! Скоро увидимся! (Якову.) Яков! Подать экипаж Марье Ефимовне! Ах, Платонов, Платонов... Добуянится он когда-нибудь до беды...

Глагольев 1. Прекрасная девушка! Не взлюбил ее наш добрейший Михаил Васильич... Обижает...

Анна Петровна. Ни за что! Сегодня обижает, а завтра извиняется... Барская струнка!

Входит Глагольев 2.

Явление XVI
Те же и Глагольев 2.

Глагольев 2 (в сторону). С ней! Опять с ней! Это, наконец, уж черт знает что такое? (Смотрит в упор на отца.)

Глагольев 1 (после паузы). Что тебе?

Глагольев 2. Ты здесь сидишь, а тебя там ищут! Иди, тебя там зовут!

Глагольев 1. Кто меня там зовет?

Глагольев 2. Люди!

Глагольев 1. Знаю, что люди... (Встает.) Как хотите, а я не отстану от вас, Анна Петровна! Авось другое заговорите, когда поймете меня! Увидимся... (Уходит в дом.)

Явление XVII
Анна Петровна и Глагольев 2.

Глагольев 2 (садится рядом). Старый барсук! Осел! Его никто не зовет! Это я надул его!

Анна Петровна. Когда вы поумнеете, вы сильно ругнете себя за отца!

Глагольев 2. Шутите... Вот зачем я сюда пришел... Два слова... Да или нет?

Анна Петровна. То есть?

Глагольев 2 (смеется). Будто бы не понимаете? Да или нет?

Анна Петровна. Решительно не понимаю!

Глагольев 2. Сейчас поймете... При помощи злата всё понимается... Если «да», то не угодно ли вам будет, генералиссимус души моей, залезть ко мне в карман и вытащить оттуда мой бумажник с папашиними деньгами?... (Подставляет боковой карман.)

Анна Петровна. Откровенно... Да ведь за такие речи умным людям пощечины дают!

Глагольев 2. От приятной дамы приятно и пощечину получить... Сперва пощечину даст, а потом немного погодя и «да» скажет...

Анна Петровна (встает). Берите вашу шапку и убирайтесь отсюда сию же секунду!

Глагольев 2 (встает). Куда?

Анна Петровна. Куда угодно! Убираться и не смей показываться сюда!

Глагольев 2. Фи... Для чего же сердиться? Я не уйду, Анна Петровна!

Анна Петровна. Ну так я прикажу вас вывести! (Уходит в дом.)

Глагольев 2. Какая вы сердитая! Я ведь ничего не сказал такого, особенного... Что же я сказал? Сердится не нужно... (Уходит за ней.)

Явление XVIII

Платонов и Софья Егоровна выходят из дома.

Платонов. В школе я и доселе пребываю в качестве занимающего не свое место, а место учителя... Вот что было после того, как мы расстались!.. (Садятся.) Не говорю про людей, что я сделал лично для себя? Что я в себе посеял, что взлелеял, что возрастил?.. А теперь! Эх! Страшное безобразие... Возмутительно! Зло кишит вокруг меня, пачкает землю, глотает моих братьев во Христе и по родине, я же сижу, сложив руки, как после тяжелой работы; сижу, гляжу, молчу... Мне двадцать семь лет, тридцати лет я буду таким же – не предвижу перемены! – там дальше жирное халатничество, отупение, полное равнодушие ко всему тому, что не плоть, а там смерть!! Пропала жизнь! Волосы становятся дыбом на моей голове, когда я думаю об этой смерти!

Пауза.

Как подняться, Софья Егоровна?

Пауза.

Вы молчите, не знаете... Да и знать ли вам? Софья Егоровна, не жалко мне себя! Черт с ним, с этим мной! Но что с вами поделалось? Где ваша чистая душа, ваша искренность, правдивость, ваша смелость? Где ваше здоровье? Куда вы дели его? Софья Егоровна! Проводить целые годы в безделье, мозолить чужие руки, любоваться чужими страданиями и в то же время уметь прямо глядеть в глаза – это разврат!

Софья Егоровна встает.

(Сажает ее.) Это последнее слово, стойте! Что сделало вас жеманной, ленивицей, фразеркой? Кто научил вас лгать? А какой вы были прежде! Позвольте! Я сейчас отпущу вас! Дайте договорить! Как вы были хороши, Софья Егоровна, как велики! Голубушка, Софья Егоровна, может быть, вам еще можно подняться, не поздно! Подумайте! Соберите все ваши силы и поднимайтесь ради самого бога! (Хватает ее за руку.) Дорогая моя, скажите мне откровенно, ради того нашего общего прошлого, что заставило вас выйти замуж за этого человека? Чем прельстило вас это замужество?

Софья Егоровна. Он прекрасный человек...

Платонов. Не говорите того, во что вы не верите!

Софья Егоровна (встает). Он мой муж, и я просила бы вас...

Платонов. Будь он чем ему угодно, а я скажу правду! Сядьте! (Сажает ее). Отчего вы не выбрали себе труженика, страдальца? Отчего не взяли себе в мужа кого-нибудь другого, а не этого пигмея, погрязшего в долгах и безделье?..

Софья Егоровна. Оставьте! Не кричите! Идут...

Проходят гости.

Платонов. Черт с ними! Пусть все слышат! (Тихо.) Извините меня за резкость... Но ведь я любил вас! Я любил вас больше всего на свете, а потому вы и теперь мне дороги... Я так любил эти волосы, эти руки, это лицо... Для чего вы пудритесь, Софья Егоровна? Бросьте! Эх! Попадись вы другому человеку, вы скоро бы поднялись, а здесь вы еще больше погрязнете! Бедная... Будь у меня, несчастного, силы, вырвал

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
бы я с корнем и себя и вас из этого болота...

Пауза.

Жизнь! Отчего мы живем не так, как могли бы?!

Софья Егоровна (встает и закрывает руками лицо). Оставьте меня!

В доме шум.

Отойдите! (Идет к дому.)

Платонов (идет за ней). Отнимите от лица руки! Вот так! Вы не уедете? Ведь нет? Будемте друзьями, Софи! Ведь не уедете? Мы будем еще беседовать? Да?

В доме усиленный шум и беганье по лестнице.

Софья Егоровна. Да.

Платонов. Будемте друзьями, моя дорогая... Зачем нам быть врагами? Позвольте... Еще пару слов...

Выбегает из дома Войницев и за ним гости.

Явление XIX

Те же, Войницев с гостями, потом Анна

Петровна и Трилецкий.

Войницев (вбегая). Ах... Вот они, самые главные! Идем фейерверки зажигать! (Кричит.) Яков, к реке марш! (Софье Егоровне.) Не передумала, Софи?

Платонов. Не уедет, здесь останется...

Войницев. Да? В таком случае ура! Руку, Михаил Васильич! (Пожимает Платонову руку.) Я всегда верил в твое красноречие! Идем огни зажигать! (Идет с гостями в глубину сада.)

Платонов (после паузы). Да, такие-то дела, Софья Егоровна... Гм...

Голос Войницева. Матап, где вы? Платонов!

Пауза.

Платонов. Пойду-ка, черт возьми, и я... (Кричит.) Сергей Павлович, подожди, не зажигай без меня! Пошли, братец, Якова ко мне за шаром! (Убегает в сад.)

Анна Петровна (выбегает из дома). Подождите! Сергей, подожди, еще не все сошлись! Стреляйте пока из пушки! (Софье.) Идите, Софи! Чего приуныли?

Голос Платонова. Сюда, барынька! Затянем старую песню, не начиная новой!

Анна Петровна. Иду, моншер! (Убегает.)

Голос Платонова. Кто со мной в лодку? Софья Егоровна, не хотите ли со мной на реку?

Софья Егоровна. Идти или не идти? (Думает.)

Трилецкий (входит). Эй! Где вы? (Поет.) Иду, иду! (Смотрит в упор на Софью Егоровну.)

Софья Егоровна. Что вам нужно?

Трилецкий. Ничего-с...

Софья Егоровна. Ну так и отойдите! Я не расположена сегодня ни беседовать, ни слушать...

Трилецкий. Знаю, знаю..

Пауза.

Мне ужасно почему-то хочется провести пальцем по вашему лбу: из чего он у вас сделан? Ужасно хочется!.. Не для того, чтобы оскорбить вас, а так... для контенансу...

Софья Егоровна. Шут! (Отворачивается.) Не комик, а шут, паяц!

Трилецкий. Да... Шут... За шутовство я и харчи получаю от генеральши... Ну да-с... И деньги карманные... А когда надоем, меня с позором выгонят из этих местов. Ведь верно говорю-с? Впрочем, это не я один говорю... Это говорили и вы, когда изволили гостить у Глагольева, этого масона нашего времени...

Софья Егоровна. Хорошо, хорошо... Очень рада, что вам передали... Теперь вы знаете, значит, что я умею отличать шутов от остроумных людей! Будь вы актером, вы были бы фаворитом райка, но партер шикал бы вам... Я вам шикаю.

Трилецкий. Острота удачна до сверхъестественности... Похвально... Честь имею кланяться! (Кланяется.) До приятного свидания! Побеседовал бы еще с вами, но... робею, поражен! (Идет в глубину сада.)

Софья Егоровна (стучит ногой). негодный! Не знает он, какого я о нем мнения! Пустой человечиска!

Голос Платонова. Кто на реку со мной?

Софья Егоровна. Ээ... Чему быть, тому не миновать! (Кричит.) Иду! (Убегает.)

Явление XX

Глагольев 1 и Глагольев 2 выходят из дома.

Глагольев 1. Лжешь! Лжешь, скверный мальчишка!

Глагольев 2. Что за глупости? С какой стати я буду врать? Спроси ее самое, если не веришь! Как только ты ушел, я вот на этой самой скамье шепнул ей два-три слова, обнял, чмокнул... Попросила сначала три тысячи, ну а я поторговался и сошелся на тысяче! Дай же мне тысячу рублей!

Глагольев 1. Кирилл, дело идет о чести женщины! Не пачкай этой чести, она свята! Замолчи!

Глагольев 2. Клянусь честью! Не веришь? Клянусь всем святым! Дай же тысячу рублей! Я сейчас же поднесу ей эту тысячу...

Глагольев 1. Ужасно... Лжешь ты! Она пошутила с тобой, с глупцом!

Глагольев 2. Но... обнял ее, тебе говорят! Что же тут удивительного? Все женщины теперь таковы! Не верь их невинности! Знаю я их! А ты еще тоже жениться хотел! (Хохочет.)

Глагольев 1. Ради бога, Кирилл! Ты знаешь, что такое значит клевета?

Глагольев 2. Дай тысячу рублей! Я при тебе вручу ей эту тысячу! На этой самой скамье я обнял ее, поцеловал и поторговался... Клянусь! Чего же тебе еще нужно? Для того я и прогнал тебя, чтобы с нею поторговаться! Он не верит, что я умею побеждать женщин! Предложи ей две тысячи, и она твоя! Знаю я женщин, брат!

Глагольев 1 (вынимает из кармана бумажник и бросает его на землю). Возьми!

Глагольев 2 поднимает бумажник и считает деньги.

Голос Войнищева. Я начинаю! Матап, стреляйте! Трилецкий, полезай на беседку! Кто это на коробку наступил? Вы!

Голос Трилецкого. Лезу, черт меня подери! (Хохочет.) Кто это? Бугрова раздавили!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Я Бугрову на голову наступил! Где спички?

Глагольев 2 (в сторону). Я отмщен! (Кричит.) Ура-а-а! (Убегает.)

Трилецкий. Кто это там орет? Дайте ему по шеем!

Голос Войницева. Начинать?

Глагольев 1 (хватает себя за голову). Боже мой! Разврат! Гной! Я молился ей! Прости ее, господи! (Садится на скамью и закрывает лицо руками.)

Голос Войницева. Кто веревочку взял? Маман, как вам не стыдно? Где моя веревочка, что тут лежала?

Голос Анны Петровны. Вот она, ротозей!

Глагольев 1 (валится со скамьи).

Голос Анны Петровны. Вы! Кто вы? Не топчитесь здесь! (Кричит.) Дай сюда! Дай сюда!

Вбегает Софья Егоровна.

Явление XXI
Софья Егоровна (одна).

Софья Егоровна (бледная, с помятой прической). Не могу! Это уж слишком, выше сил моих! (Хватает себя за грудь.) Гибель моя или... Счастье! Душно здесь!.. Он или погубит, или... вестник новой жизни! Приветствую, благословляю... тебя, новая жизнь! Решено!

Голос Войницева (кричит). Берегись!

Фейерверк.

Картина вторая
Лес. Просека. У начала просеки, с левой стороны – школа. По просеке, теряющейся вдаль, тянется полотно железной дороги, которое возле школы поворачивает направо. Ряд телеграфных столбов. Ночь.

Явление I
Саша (сидит у открытого окна) и Осип (с ружьем через спину, стоит перед окном).

Осип. Как это случилось? Очень просто... Иду я по узлеску, недалече отсюда, смотрю, а она стоит в балочке: подсучила платье и лопухом из ручья воду черпает. Зачерпнет да и выпьет, зачерпнет да и выпьет, а потом голову помочит... Я спустился вниз, подошел близко да и гляжу на нее... Она и внимания не обращает: дурак, мол, ты, мужик, мол, зачем же мне на тебя внимание обращать в таком случае? «Сударыня, говорю, ваше превосходительство, попить холодной водицы, знать, захотели?» – «А тебе, говорит, какое дело? Ступай отсюда туда, откуда пришел!» Сказала и не смотрит... Я обробел... Меня и стыд взял, и обидно стало, что я из мужицкого звания... «Чего смотришь на меня, дуралей? Не видал, говорит, никогда людей, что ли?» И посмотрела на меня пронизательно... «Аль, говорит, понравилась?» – «Страсть, говорю, понравились! Уж такая вы, ваше превосходительство, благородная, чувствительная особа, такая красавица... Красивей вас, говорю, отродясь не видал... Наша деревенская красавица Манька, сотского дочка, говорю, супротив вас лошадь, верблюду... Нежности в вас сколько! Поцеловал бы кажись, говорю, да и помер бы на этом самом месте!» Она засмеялась... «Что ж, говорит. Целуй, коли хочешь!» Меня после этих самых слов в жар бросило. Подошел я к ней, взял ее тихонько за плечико и поцеловал со всего размаху вот тут, в это самое место, в щечку и в шейку зараз...

Саша (хохочет). Она же что?

Осип. «Ну теперь, говорит, проваливай! Умывайся, говорит, почаще да ногти себе не запускай!» Я и отошел.

Саша. Какая она смелая! (Подает Осипу тарелку щей.) На, кушай! Присядь

где-нибудь!

Осип. Не велик барин, и постою.. Очень вам благодарен за ваше дружелюбие, Александра Ивановна! Я вам когда-нибудь за ваши ласки одолжение сделаю..

Саша. Сними шапку.. В шапке грешно есть. Ты с молитвой кушай!

Осип (снимает шапку). Давно уж я этих святостей не соблюдал.. (Ест.) И с той поры я как будто очумел.. Верите ли? Не ем, не сплю.. Всё она у меня перед глазами.. Закрою, бывало, глаза, а она перед глазами.. Такую нежность на себя напустил, что хоть вешайся! Чуть было не утопился от тоски, генерала хотел подстрелить.. А когда овдовела, начал я всякие поручения исполнять.. Куропаток ей стрелял, перепелов ловил, беседочку ей разноцветными красками выкрасил.. Волка ей однажды живого привел.. Всякое удовольствие ей доставлял.. Бывало, что ни прикажет, всё исполняю.. Приказала бы самого себя слопать, себя бы слопал.. Нежные чувства.. Ничего с ними не поделаешь..

Саша. Да.. Я когда полюбила Михаила Васильича и не знала еще, что он меня любит, тоже ужасно тосковала.. Несколько раз у бога, грешница, смерти даже просила..

Осип. Вот видите-с.. Чувства такие.. (Выпивает из тарелки.) Не пожалуете ли еще щец? (Подает тарелку.)

Саша (уходит и через полминуты появляется у окна с кастрюлькой). Щей нет, а вот не хочешь ли картофли? Жареная на гусином жиру..

Осип. Мерси.. (Берет кастрюльку и ест.) Страсть, как наелся! И вот этак ходил я, ходил, как очумелый.. Я все про то же, Александра Ивановна.. Ходил, ходил.. Приношу ей в прошлом годе после Святой зайчика.. «Вот извольте, говорю, ваше превосходительство.. Косого зверинца вам принес!» Она взяла его на руки, погладила да и спрашивает меня: «Правду ли говорят, Осип, что ты разбойник?» – «Истинная, говорю, правда. Не станут люди понапрасну говорить..» Взял и рассказал ей всё.. – «Надо, говорит, тебя исправить. Ступай, говорит, пешком в Киев. Из Киева ступай в Москву, из Москвы в Троицкую Лавру, из Троицкой Лавры в Новый Иерусалим, а оттуда домой. Сходи и через год ты другой человек будешь». Напустил я на себя убожество, надел сумочку и пошел в Киев.. Не тут-то было! Исправился, да не совсем.. Славная картошка! Связался под Харьковом с почтенной компанией, пропил денежки, подрался и воротился назад. И пачпорт даже потерял..

Пауза.

Теперь ничего от меня не берет.. Сердится..

Саша. Почему ты в церковь не ходишь, Осип?

Осип. Я пошел бы, да того.. Народ смеяться станет.. Ишь, скажет, каяться пришел! Да и ходить около церкви днем страшно. Народу много – убьют.

Саша. Ну, а за что ты бедных людей обижаешь?

Осип. А за что их не обижать? Не вашего ума это дело, Александра Ивановна! Не вам рассуждать о грубостях. Не вам понять. А Михаил Васильич никого не обижает?

Саша. Никого! Он если и обидит кого-нибудь, то нехотя, нечаянно. Он добрый человек!

Осип. Я, признаться, его более всех уважаю.. Генералчонок Сергей Павлыч глупый человек, неумный; братец ваш тоже неумный, хоть и в докторях, ну а в Михаиле Васильиче много умственных способностей! У него есть чин?

Саша. А как же? Он коллежский регистратор!

Осип. Ну?

Пауза.

Молодчина! Так у него и чин есть.. Гм.. Молодчина! Доброты у него только мало.. Все у него дураки, все у него холуи.. Нешто можно так? Ежели б я был хорошим

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
человеком, то я так бы не делал... Я этих самых холуев, дураков и жуликов ласкал бы... Самый несчастный народ они, заметьте! Их-то и нужно жалеть... Мало в нем доброты, мало... Гордости нет, запанибрата со всяким, а доброты ни-ни... Не вам понять... Покорнейше благодарю! Век бы целый такую картошку ел... (Подает кастрюльку.) Благодарю...

Саша. Не за что.

Осип (вздыхает). Славная вы женщина, Александра Ивановна! За что вы меня каждый раз кормите? У вас, Александра Ивановна, есть хоть капелька женской злобы? Благочестивая! (Смеется.) В первый раз такую вижу... Святая Александра, моли бога о нас грешных! (Кланяется.) Радуйся, святая Александра!

Саша. Михаил Васильич идет.

Осип. Обманываете... Он в настоящий момент с молодой барыней про нежные чувства рассуждает... Красивый он у вас человек! Коли б захотел, так за ним весь женский пол пошел... Краснобай такой... (Смеется.) Всё к генеральше ластится... Ну та и нос натрет, не посмотрит, что он красивый... Он хотел бы, может быть, да она...

Саша. Ты уж начинаешь лишнее болтать... Я не люблю этого... Иди с богом!

Осип. Сейчас пойду... Вам давно уже пора спать... Небось мужа поджидаете?

Саша. Да...

Осип. Хорошая жена! Платонов, должно быть, такую жену себе десять годов искал, со свечками да с понятиями... Нашел-таки где-то... (Кланяется.) Прощайте, Александра Ивановна! Спокойной ночи!

Саша (зевает). Ступай с богом!

Осип. Пойду... (Идет.) Пойду к себе домой... Мой дом там, где пол земля, потолок небо, а стены и крыша неизвестно в каком месте... Кого бог проклял, тот и живет в этом доме... Велик он, да негде голову положить... Только и хорош тем, что за него в волость поземельных платить не надо... (Останавливается.) Спокойной ночи, Александра Ивановна! В гости пожалуйте! В лес! Спросите Осипа, каждая птица и ящерица Посмотрите-ка, как пенек светится! Как будто мертвец из гроба встал... А вон другой! Моя мать мне говорила, что под тем пеньком, который светится, грешник зарыт, а светится пень для того, чтоб молились... И надо мной будет пень светиться... Я тоже грешник... А вон и третий! Много же на этом свете грешников! (Уходит и минуты через две свистит.)

Явление II

Саша.

Саша (выходит из школы со свечой и книгой). Как долго Миши нет... (Садится.) Как бы он себе здоровья не испортил... Эти гулянья ничего не дают, кроме нездоровья... Да и мне уже спать хочется... Где я остановилась? (Читает.) «Пора, наконец, снова возвестить о тех великих, вечных идеалах человечества, о тех бессмертных принципах свободы, которые были руководящими звездами наших отцов и которым мы изменили, к несчастью». Что это значит? (Думает.) Не понимаю... Отчего это не пишут так, чтоб всем понятно было? Далее... Ммм... Пропущу предисловие... (Читает.) «Захер Мазох»... [21] Какая смешная фамилия!.. Мазох... Должно быть, не русский... Далее... Миша заставил читать, так надо читать... (Зевает и читает.) «Веселым зимним вечером»... Ну, это можно пропустить... Описание... (Перелистывает и читает.) «Трудно было решить, кто играл и на каком инструменте... Сильные величавые звуки органа под железной мужской рукой вдруг сменялись нежной флейтой как бы под прелестными женскими устами и наконец замирали...» Тссс... Кто-то идет... (Пауза.) Это Мишины шаги... (Тушит свечу.) Наконец-то... (Встает и кричит.) Ау! Раз, два, раз, два!левой, правой, левой, правой!левой!левой!

Входит Платонов.

Явление III

Саша и Платонов.

Платонов (входя). Назло тебе: правой! правой! Впрочем, милая моя, ни правой, ни

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
левой! У пьяного нет ни права, ни лева; у него есть вперед, назад, вкось и вниз...

Саша. Пожалуйте сюда, пьяненький, садитесь сюда! Вот я вам покажу, как шагать вкось да вниз! Садитесь! (Бросается Платонову на шею.)

Платонов. Сядем... (Садится.) Ты чего же это не спишь, инфузория?

Саша. Не хочется... (Садится рядом.) Поздно же тебя отпустили!

Платонов. Да, поздно... Пассажирский уж прошел?

Саша. Нет еще. Товарка с час тому назад прошла.

Платонов. Значит, нет еще двух часов. Ты давно оттуда?

Саша. Я в десять часов была уже дома... Пришла, а Колька ревет на чем свет стоит... Я ушла не простившись, пусть извинят... Танцы после меня были?

Платонов. И танцы были, и ужин был, и скандалы были... Между прочим... знаешь? При тебе это случилось? С Глагольевым стариком удар случился!

Саша. Что ты?!

Платонов. Да... Твой братец кровь пускал и вечную память пел...

Саша. Отчего же это? Что с ним? Он кажется здоровый такой на вид...

Платонов. Легенький удар... Легенький к его счастью и к несчастью его осленка, которого он по глупости величает сыном... Домой отвезли... Ни один вечер без скандала не обходится! Такова наша судьба, знать!

Саша. Воображаю, как перепугались Анна Петровна и Софья Егоровна! А какая славная Софья Егоровна! Я таких хорошеньких дамочек редко вижу... Что-то в ней такое особенное...

Пауза.

Платонов. Ох! Глупо, мерзко...

Саша. Что?

Платонов. Что я наделал?! (Закрывает руками лицо.) стыдно!

Саша. Что ты наделал?

Платонов. Что наделал? Ничего хорошего! Когда я делал то, чего впоследствии не стыдился?

Саша (в сторону). Пьян, бедненький! (Ему.) Пойдем спать!

Платонов. Гадок был, как никогда! Уважай себя после этого! Нет более несчастья, как быть лишенным собственного уважения! Боже мой! Нет ничего во мне такого, за что можно было бы ухватиться, нет ничего такого, за что можно было бы уважать и любить!

Пауза.

Ты вот любишь... Не понимаю! Нашла, значит, во мне что-то такое, что можно любить? Любишь?

Саша. Что за вопрос! Может ли быть, чтоб я тебя не любила?

Платонов. Знаю, но назови мне то хорошее, за что ты меня так любишь! Укажи мне то хорошее, что ты любишь во мне!

Саша. Гм... За что я тебя люблю? Какой же ты сегодня чудак, Миша! Как же мне не любить тебя, если ты мне муж?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Платонов. Только и любишь за то, что я тебе муж?

Саша. Я тебя не понимаю.

Платонов. Не понимаешь? (Смеется.) Ах ты, моя дурочка набитая! Зачем ты не муха? Между мухами с своим умом ты была бы самой умной мухой! (Целует ее в лоб.) Что было бы с тобой, если бы ты понимала меня, если бы у тебя не было твоего хорошего неведения? Была бы ты так женски счастлива, если бы умела постигать своей нетронутой головкой, что у меня нет ничего того, что можно любить? Не понимай, мое сокровище, не ведай, если хочешь любить меня! (Целует ее руку.) Самочка моя! И я счастлив по милости твоего неведения! У меня, как у людей, семья есть... Есть семья...

Саша (смеется). Чудак!

Платонов. Сокровище ты мое! Маленькая, глупенькая бабеночка! Не женой тебя иметь, а на столе под стеклом тебя держать нужно! И как это мы ухитрились с тобой Николку породить на свет божий? Не Николок рождают, а солдатиков из теста лепить тебе впору, половина ты моя!

Саша. Глупости ты говоришь, Миша!

Платонов. Сохрани тебя бог понимать! Не понимай! Да будет земля на китах, а киты на вилах! Где мы брали бы себе постоянных жен, если бы вас не было, Саши? (Хочет ее поцеловать.)

Саша (не дается). Пошел вон! (Сердито.) Зачем же ты женился на мне, если я так глупа? Ну и брал бы себе умную! Я не неволила!

Платонов (хохочет). А вы и сердиться умеете? Ах, черт возьми! Да это целое открытие из области... Из какой области? Целое открытие, душа моя! Так ты умеешь и сердиться? Ты не шутишь?

Саша (встает). Иди-ка, брат, спать! Если бы не пил, не делал бы открытий! Пьяница! А еще тоже учитель! Ты не учитель, а свинтус! Ступай спать! (Бьет его по спине и уходит в школу.)

Явление IV
Платонов (один).

Платонов. В самом деле я пьян? Не может быть, я пил мало... В голове, впрочем, не совсем нормально...

Пауза.

А когда с Софьей говорил, был я... пьян? (Думает.) Нет, не был! Не был, к несчастью, святые угодники! Не был! Проклятая трезвость моя! (Вскакивает.) В чем провинился предо мной ее несчастный муж? За что я опачкал его перед ней такую грязью? Не прощай мне этого, моя совесть! Я разболтался пред ней, как мальчишка, рисовался, театральничал, хвастался... (Дразнит себя.) «Зачем вы не вышли за труженика, за страдальца?» А для чего бы она сдалась труженику, страдальцу? Зачем же ты, безумец, говорил то, чему не верил? Ах!.. Она поверила... Она выслушала бредни глупца и опустила глазки! Раскисла, несчастная, разнежилась... Как это всё глупо, как это всё мерзко, нелепо! Опротивело всё... (Смеется.) Самодур! Осмеяли купцов самодуров, осмеяли насквозь... Был и смех сквозь слезы и слезы сквозь смех... Кто же меня осмеет? Когда? Смешно! Взятки не берет, не ворует, жены не бьет, мыслит порядочно, а... негодяй! Смешной негодяй! Необыкновенный негодяй!..

Пауза. Надо ехать... Буду у инспектора просить другого места... Сегодня же напишу в город...

Входит Венгерович 2.

Явление V
Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2 (входя). Гм... Школа, в которой вечно спит тот недоделанный мудрец...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спит он теперь по обыкновению или же бранится по обыкновению? (Увидев Платонова.) Вот он, пустой и звонкий... Не спит и не бранится... Не в нормальном положении... (Ему.) Не спите еще?

Платонов. Как видите! Чего же вы остановились? Позвольте вам пожелать спокойной ночи!

Венгерович 2. Сейчас уйду. Вы предаетесь уединению? (Оглядывается.) Чувствуете себя царем природы? В этукую прелестную ночь...

Платонов. Вы домой идете?

Венгерович 2. Да... Отец уехал, и я принужден идти пешком. Наслаждаетесь? А ведь как приятно – не правда ли? – выпить шампанского и под куражем обозреть самого себя! Можно сесть возле вас?

Платонов. Можете.

Венгерович 2. Благодарю. (Садится.) Я люблю за всё благодарить. Как сладко сидеть здесь, вот на этих ступенях, и чувствовать себя полным хозяином! Где ваша подруга, Платонов? Ведь к этому шуму, к этому шепоту природы, пению и трещанию кузнечиков недостает только любовного лепета, чтобы всё это обратилось в рай! К этому кокетливому, робкому ветерку недостает только горячего дыхания милой, чтобы ваши щеки пылали от счастья! К шепоту матери-природы недостает слов любви... Женщину!! Вы смотрите на меня с изумлением... Ха-ха! Я заговорил не своим языком? Да, это не мой язык... Отрезвившись, я не раз покраснею за этот язык... Впрочем, почему же мне и не поболтать поэтически? Гм... Кто мне воспретит?

Платонов. Никто.

Венгерович 2. Или, может быть, этот язык богов не соответствует моему положению, моей фигуре? У меня лицо не поэтическое?

Платонов. Не поэтическое...

Венгерович 2. Не поэтическое... Гм... Очень рад. У всех евреев физиономии не поэтические. Подшутила природа, не дала нам, евреям, поэтических физиономий! У нас судят обыкновенно по физиономии и на основании того, что мы имеем известные физиономии, отрицают в нас всякое поэтическое чувство... Говорят, что у евреев нет поэтов.

Платонов. Кто говорит?

Венгерович 2. Все говорят... А какая ведь это подлая клевета!

Платонов. Полно придирааться! Кто это говорит?

Венгерович 2. Все говорят, а между тем сколько у нас настоящих поэтов, не Пушкиных, не Лермонтовых, а настоящих! Ауэрбах, Гейне, Гете...

Платонов. Гете немец.

Венгерович 2. Еврей!

Платонов. Немец!

Венгерович 2. Еврей! Знаю, что говорю!

Платонов. И я знаю, что говорю, но пусть будет по-вашему! Полуученого еврея трудно переспорить.

Венгерович 2. Очень трудно...

Пауза.

Да хоть бы и не было поэтов! Велика важность! Есть поэты – хорошо, нет их – еще лучше! Поэт, как человек чувства, в большинстве случаев дармоед, эгоист... Гете, как поэт, дал ли хоть одному немецкому пролетарию кусок хлеба?

Платонов. Старо! Полно, юноша! Он не взял куска хлеба у немецкого пролетария! Это важно... Потом, лучше быть поэтом, чем ничем! В миллиард раз лучше! Впрочем, давайте замолчим... Оставьте вы в покое кусок хлеба, о котором вы не имеете ни малейшего понятия, и поэтов, которых не понимает ваша высушенная душа, и меня, которому вы не даете покоя!

Венгерович 2. Не стану, не стану шевелить вашего великого сердца, шипучий человек!. Не стану стягивать с вас теплого одеяла... Спице себе!

Пауза.

Посмотрите-ка на небо! Да... Здесь хорошо, покойно, здесь одни только деревья... Нет этих сытых, довольных физиономий... Да... Деревья шепчут не для меня... И луна не смотрит на меня так приветливо, как на этого Платонова... Она старается смотреть холодно... Ты, мол, не наш... Ступай отсюда, из этого рая, в свою жидовскую лавочку... Впрочем, чепуха... Я заболтался... довольно!..

Платонов. Довольно... Идите, юноша, домой! Чем более будете сидеть, тем больше наболтаете... А за болтовню эту вы краснеть будете, как вы сказали! Идите!

Венгерович 2. Хочу болтать! (Смеется.) Я теперь поэт!

Платонов. Не поэт тот, кто стыдится своей молодости! Вы переживаете молодость, будьте же молодым! Смешно, глупо, может быть, но зато человечно!

Венгерович 2. Так... какие глупости! Вы большой чудак, Платонов! Все вы чудачки здесь... Вам бы жить во времена Ноя... И генеральша чудачка, и Войнищев чудак... Между прочим, генеральша недурна в телесном отношении... Какие у нее неглупые глаза! Какие у нее хорошие пальцы!.. Недурна отчасти... Грудь, шея...

Пауза.

Почему? Хуже я вас, что ли? Хоть бы раз в жизни! Если мысли так сильно привлекательно действуют на мой... спинной мозг, то какое блаженство растопило бы меня в пух и прах, если бы она показалась сейчас между этими деревьями и поманила бы меня своими прозрачными пальцами!.. Не смотрите на меня так... Я глуп теперь, мальчуган... Впрочем, кто же смеет запретить мне хоть раз в жизни быть глупым? Я с научной целью хотел бы сейчас быть глупым, счастливым по-вашему... Я и счастлив... Кому какое дело? Гм...

Платонов. Но... (Рассматривает его цепь.)

Венгерович 2. Впрочем, личное счастье эгоизм!

Платонов. О да! Личное счастье эгоизм, а личное несчастье добродетель! Сколько же, однако, в вас белиберды! Какая цепь! Какие чудные брелоки! Как сияет!

Венгерович 2. Вас занимает эта цепь?! (Смеется.) Вас манит к себе эта мишура, этот блеск... (Качает головой.) В эти минуты, когда вы поучаете меня чуть ли не стихами, вы можете восхищаться золотом! Возьмите эту цепь! Бросьте! (Срывает с себя цепь и бросает ее в сторону.)

Платонов. Важно звякнула! По одному этому звуку уж можно заключить, как она тяжела!

Венгерович 2. Золото тяжело не на один только вес! Счастливы вы, что можете сидеть на этих грязных ступенях! Здесь вы не испытываете всей тяжести этого грязного золота! О, эти мне золотые цепи, золотые оковы!

Платонов. Не всегда прочные оковы! Пропили их наши отцы!

Венгерович 2. Сколько несчастных, сколько голодных, сколько пьяных под луной! Когда же, наконец, миллионы много сеющих и ничего не ядущих перестанут голодать? Когда, я вас спрашиваю? Платонов, отчего же вы не отвечаете?

Платонов. Оставьте меня! Сделайте такое одолжение! Не люблю без умолку и без толку звонящих колоколов! Извините, но оставьте меня! Спать хочу!

Венгерович 2. Я колокол? Гм... Скорей же вы колокол...

Платонов. Я колокол и вы колокол, с тою только разницею, что я в себя сам звоню, а в вас звонят другие... Спокойной ночи! (Встает.)

Венгерович 2. Спокойной ночи!

В школе бьет два часа.

Уже два часа... В это время нужно уже спать, а я не сплю... Бессонница, шампанское, волнение... Ненормальная жизнь, благодаря которой разрушается организм... (Встает.) У меня, кажется, грудь уже начинает болеть... Спокойной ночи! Руки я вам не подаю и горжусь этим. Вы не имеете права на пожатие моей руки...

Платонов. Какие глупости! Мне всё одно.

Венгерович 2. Надеюсь, что нашу беседу и мою... болтовню никто, кроме нас, не слышал и не услышит... (Идет в глубину сцены и идет обратно.)

Платонов. Что вам угодно?

Венгерович 2. Тут где-то была моя цепь...

Платонов. Вот она, ваша цепь! (Швыряет цепь ногой.) Не забыл-таки! Послушайте, будьте так любезны, пожертвуйте эту цепь в пользу одного моего знакомого, принадлежащего к разряду много сеющих и ничего не ядущих! Эта цепь будет кормить его и его семью целые годы!.. Позвольте передать ее ему?

Венгерович 2. Нет... С удовольствием отдал бы, но, честное слово, не могу! Это подарок, сувенир...

Платонов. Да, да... Убирайтесь!

Венгерович 2 (поднимает цепь). Отстаньте, пожалуйста! (Идет и в глубине сцены, утомленный, садится на полотно железной дороги и закрывает руками лицо.)

Платонов. Пошлость! Быть молодым и в то же время не быть светлою личностью! Какая глубокая испорченность! (Садится.) Как противны нам люди, в которых мы видим хоть намек на свое нечистое прошлое! Я когда-то был немного похож на этого... Ох!

Слышен конский топот.

Явление VI

Платонов и Анна Петровна (входит в амазонке, с хлыстом в руке).

Платонов. Генеральша!

Анна Петровна. Как мне его увидеть? Постучать разве? (Увидев Платонова.) Вы здесь? Как это кстати! Я знала, что вы еще не спите... Да и можно ли спать теперь? Для спанья бог зиму дал... Доброй ночи, человечина! (Протягивает руку.) Ну? Что же вы? Руку!

Платонов протягивает руку.

Анна Петровна. Вы не пьяны?

Платонов. А черт меня знает! Или трезв, или же пьян, как самый горький пьяница... Вы что же это? Прогуливаться с жиру изволите, почтеннейшая сомнамбула?

Анна Петровна (садится рядом). Н-да-с...

Пауза.

Да-с, милейший Михаил Васильич! (Поет.) Сколько счастья, сколько муки... [22]

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
(Хохочет.) Какие большие, удивленные глаза! Полноте, не бойтесь, дружище!

Платонов. Я и не боюсь... за себя по крайней мере...

Пауза.

Вы, я вижу, ерундой вздумали заниматься...

Анна Петровна. На старости лет...

Платонов. Старухам простительно... Те сдуру... А вы какая старуха? Вы молоды, как лето в июне. Ваша жизнь впереди.

Анна Петровна. Мне нужна жизнь теперь, а не впереди... А я молода, Платонов, ужас как молода! Чувствую... Так ветром и ходит по мне эта молодость! Чертовски молода... Холодно!

Пауза.

Платонов (вскакивает). Не хочу ни понимать, ни угадывать, ни предполагать... Ничего не хочу! Идите! Назовите меня невеждой и оставьте меня! Прошу вас! Гм... Для чего смотреть так? Да вы... вы подумайте!

Анна Петровна. Я уже думала...

Платонов. Вы подумайте, гордая, умная, прекрасная женщина! Куда и зачем вы пришли?! Ах...

Анна Петровна. Не пришла, а приехала, мой милый!

Платонов. С таким умом, с такой красотой, молодостью... ко мне?! Глазам, ушам не верится... Пришла победить, взять крепость! Не крепость я! Не побеждать вы пришли... Я слабость, страшная слабость! Поймите вы!

Анна Петровна (встает и подходит к нему). Самоуничижение паче гордости... Как же быть, Мишель? Надо же чем-нибудь кончить? Согласись сам, что...

Платонов. Не буду я кончать, потому что я ничего не начинал!

Анна Петровна. Э... философия гадкая! И тебе не стыдно лгать? В эту ночь, при таком небе... и лгать? Лги осенью, если хочешь, в грязь, в слякоть, но не теперь, не здесь... Тебя слышат, на тебя смотрят... Взгляни, чудак, вверх!

Пауза.

Вон и звезды мерцают, что ты лжешь... Полно, милый мой! Будь же хорошим, как всё это хорошо! Не нарушай своей маленькой особой этой тишины... Отгони от себя своих бесов! (Обнимает его одной рукой.) Нет другого, которого я любила бы так, как я тебя люблю! Нет женщины, которую ты любил бы так, как меня любишь... Возьмем себе одну только любовь, а остальное, что тебя так мучит, пусть решат другие... (Целует его.) Возьмем себе одну только любовь...

Платонов. Одиссей стоил того, чтоб ему пели сирены, но не царь Одиссей я, сирена! (Обнимает ее.) Если бы я мог дать тебе счастье! Как ты хороша! Но не дам я тебе счастье! Я сделаю из тебя то, что делал я из всех женщин, бросавшихся мне на шею... Я сделаю тебя несчастной!

Анна Петровна. Как много ты о себе думаешь! Неужели ты так ужасен, Дон-Жуан? (Хохочет.) Какой же ты хорошенький при лунном свете! Прелесть!

Платонов. Знаю я себя! Те только романы и оканчиваются благополучно, в которых меня нет...

Анна Петровна. Сядем... Сюда вот... (Садятся на полотно.) Еще что скажешь, философ?

Платонов. Если бы я был честным человеком, я ушел бы от тебя... Я сегодня предчувствовал это, предвидел... Почему же я, негодяй, не ушел?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Анна Петровна. Отгони от себя бесов, Мишель! Не отравляйся... Ведь к тебе женщина пришла, а не зверь... Лицо постное, на глазах слезы... Фи! Если тебе это не нравится, то я уйду... Хочешь? Я уйду, и всё останется по-старому... Идет? (Хохочет.) Дуралей! Бери, хватай, хапай!.. Что тебе еще? Выкури всю, как папиросу, выжми, на кусочки раздробь... Будь человеком! (Тормошит его.) Смешной!

Платонов. Но разве ты моя? Разве ты про меня писана? (Целует ее руки.) Иди к другому, моя дорогая... Ступай к тому, который стоит тебя...

Анна Петровна. Ах... Полно тебе молоть чепуху! Дело ведь очень просто: к тебе пришла женщина, которая тебя любит и которую ты любишь... Погода прелестная... Что может быть проще? К чему же тут эта философия, политика? Порисоваться разве хочешь?

Платонов. Гм... (Встает.) А если ты пришла пошалить мной, поразвратничать, покуралесить?.. Тогда что? Ведь я не гожусь во временнообязанные... Я не позволю играть собой! Ты не отделаешься от меня грошами, как отделалась от десятка!.. Слишком дорог я для интрижки... (Хватает себя за голову.) Уважать, любить тебя и в то же время... мелочь, пошлость, мещанская, плебейская игра!

Анна Петровна (подходит к нему). Ты меня любишь, уважаешь, для чего же ты, беспокойная душа, торгуешься со мной, говоришь мне эти мерзости? Для чего эти «если»? Я люблю... Я сказала тебе, и сам ты знаешь, что я тебя люблю... Что же тебе еще? Покоя мне... (Кладет голову ему на грудь.) Покоя... Пойми же наконец, Платонов! Я отдохнуть хочу... Забыться, и больше мне ничего не нужно... Ты не знаешь... Ты не знаешь, как тяжела для меня жизнь, а я... жить хочу!

Платонов. Не сумею я дать тебе покой!

Анна Петровна. Сумей только не философствовать!.. Живи! Всё живет, всё движется... Кругом жизнь... Давай же и мы жить! Завтра решать вопросы, а сегодня, в эту ночь, жить, жить... Жить, Мишель!

Пауза.

Да что я в самом деле распелась пред тобой? (Хохочет.) Скажите, пожалуйста! Я ною, а он и ломается!

Платонов (хватает ее за руку). Послушай... В последний раз... Как честный человек говорю... Уйди!.. В последний раз! Уйди!

Анна Петровна. Будто бы? (Хохочет.) А ты не шутишь?.. Глупишь, брат! Теперь уж я тебя не оставлю! (Бросается ему на шею.) Слышишь? В последний раз говорю: не выпущу! Во что бы то ни стало, что бы там ни было! Хоть меня погуби, хоть сам пропади, а возьму! Жить! Тра-та-та-та... ра-ра-ра... Чего рвешься, чудак? Мой! Мели теперь свою философию!

Платонов. Еще раз... Как честный человек...

Анна Петровна. Честью не взяла, силой возьму... Люби, коли любишь, а не строй из себя дурачка! Тра-та-та-та... Звон победы раздавайся...[23] Ко мне, ко мне! (Накидывает ему на голову черный платок.) Ко мне!

Платонов. К тебе? (Смеется.) Пустая ты женщина! Добра ты себе не желаешь... Плакать ведь будешь! Мужем твоим я не буду, потому что не про меня ты писана, а играть собой не позволю... Посмотрим, кто кем играть будет... Увидим... Заплачешь... Идем, что ли?

Анна Петровна (хохочет). Allons! (Берет его под руку.) Постой... Кто-то идет. Станем пока за дерево... (Прячутся за дерево.) В сюртуке кто-то, не мужик... Отчего ты в газеты передовых статей не пишешь? Ты славно бы писал... Не шутя.

Входит Трилецкий.

Явление VII
Те же и Трилецкий.

Трилецкий (идет к школе и стучит в окно). Саша! Сестренка! Сашурка!

Саша (отворяет окно). Кто здесь? Это ты, Коля? Чего тебе?

Трилецкий. Ты еще не спишь? Пусты меня, душечка, переночевать!

Саша. Сделай милость...

Трилецкий. Положишь меня в классной... Да пожалуйста, чтоб Мишель не узнал, что я у вас ночую: спать не даст своей философией! У меня голова ужасно кружится... Всё в глазах двоится... Стою перед одним окном, а мне кажется, что их два: в какое лезть? Комиссия! Хорошо, что я не женат! Будь я женат, мне показалось бы, что я двоеженец... Всё двоится! У тебя на двух шеях две головы! Кстати, между прочим... Там около срубленного дуба, что над речкой – знаешь? – я сморкался, козявочка, и выронил из платка сорок рублей... Поднимешь их, душечка, завтра пораньше... Поищи и возьми себе...

Саша. Их чуть свет плотники поднимут... Какой же ты разгильдяй, Коля! Ах, да! Чуть было не позабыла... Приходила жена лавочника и просила тебя убедительно чтобы ты пришел к ним, как можно скорей... Ее муж внезапно заболел... В голову какой-то удар сделался... Иди скорей!

Трилецкий. Бог с ним совсем! Мне не до того... У меня у самого стреляет и в голове, и в брюхе... (Лезет в окно.) Посторонись...

Саша. Влезай скорей! Ногой меня зацепил... (Запирает окно.)

Платонов. Еще кого-то черти несут!

Анна Петровна. Стой.

Платонов. Не держи... Уйду, если захочу! Кто это?

Анна Петровна. Петрин и Щербук.

Входят Петрин и Щербук, без сюртуков, покачиваясь.

На первом черный цилиндр, на втором – серый.

Явление VIII
Венгерович 2 (в глубине сцены), Платонов, Анна

Петровна, Петрин и Щербук.

Петрин. Виват, Петрин, кандидат прав! Ура! Где дорога? Куда зашли? Что это? (Хохочет.) Тут, Павочка, народное просвещение! Тут дураков учат бога забывать да людей надувать! Вот куда мы зашли... Гм... Так-с... Тут, брат, тот... как его, черт? – Платошка живет, цивилизованный человек... Пава, а где теперь Платошка? Выскажи мнение, не стыдись! С генеральшей дуэт поет? Ох, господи, твоя воля... (Кричит.) Глагольев дурак! Она ему нос натерла, а с ним удар сделался!

Щербук. Домой хочу, Герася... Спать хочется, страсть как! Шут с ними со всеми!

Петрин. А где наши сюртуки, Пава? К начальнику станции ночевать идем, а сюртуков нет... (Хохочет.) Девки сняли? Ах ты, кавалер, кавалер!.. Девки сюртуки снимали... (Вздыхает.) Эх, Пава, Павочка... Ты шампань пил? Небось, вот ты пьян теперь? А чье ты пил? Мое ты пил... И пил ты сейчас мое, и ел ты сейчас мое... На генеральше платье мое, на Сережке чулки мои... всё мое! Я им всё передавал! У самого каблучонки на сапожках кривые... Всё им отдал, всё на них просадил, а что получил? Ты спроси, что я получил? Кукиш и позор... Да... Лакей за столом обносит да локтем норовит толкнуть, сама же как с свинством обращается. . .

Платонов. Надоело мне!

Анна Петровна. Постой... Сейчас уйдут! Какой же скот этот Петрин! Как лжет! А та старая тряпка и верит...

Петрин. Жиду почета больше... Жид у изголовья, а мы у подножия ног... А почему? А потому, что жид больше денег дает... А на лбу роковые слова: продается с

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
публичного торга! [24]

Щербук. Это Некрасова... Говорят, помер Некрасов...

Петрин. Ладно же! Больше ни копейки! Слышишь? Ни копейки! Пусть старичок в могиле сердится... Пусть там себе с... гробокопателями! Шабаш! Протестую вексель! Завтра же! Я ее в грязь головой поставлю, неблагодарную!

Щербук. Она граф, барон! У нее генеральское лицо! А я... калмык и больше ничего... Меня пушай Дуняша обожает... Какая дорога неровная! Шоссе бы надо со столбами телеграфическими... с колоколами... Дзинь, дзинь, дзинь...

Уходят.

Явление IX
Те же без Петрина и Щербука.

Анна Петровна (выходит из-за деревьев). Ушли?

Платонов. Ушли...

Анна Петровна (берет его за плечи). Шествуем?

Платонов. Пойдем! Иду, но если бы ты знала, как мне не хочется идти!.. Пойду не я к тебе, а черт, который бьет меня теперь по затылку: иди, иди! Пойми же! Если моя совесть не принимает твоей любви, то только потому, что она глубоко убеждена в том, что ты делаешь непоправимую ошибку...

Саша (в окно). Миша, Миша! Где ты?

Платонов. Черт возьми!

Саша (в окно). Ах... Я вижу тебя... С кем это ты? (Хохочет.) Анна Петровна! Насилу я вас узнала! Вы такая черная! В чем это вы? Здравствуйте!

Анна Петровна. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Саша. Вы в амазонке? Катаетесь, значит? Отличное дело! Ночь такая хорошая! Поедем и мы с тобой, Миша!

Анна Петровна. Я уже накаталась, Александра Ивановна... Домой сейчас еду...

Саша. В таком случае, разумеется... Иди, Миша, в комнату!.. Я не знаю, право, что делать! С Колей дурно...

Платонов. С каким Колей?

Саша. С братом Николаем... Выпил, должно быть, много... Войди, пожалуйста! Заходите и вы, Анна Петровна! Я сбегая в погреб и сливок принесу... По стакану выпьем... Холодные сливки!

Анна Петровна. Благодарю вас... Я сейчас домой еду... (Платонову.) Ступай... Я подожду...

Саша. А то бы я сбегала в погреб... Иди, Миша! (Скрывается.)

Платонов. Совершенно забыл о ее существовании... Верит-то, верит как?! Ступай... Я уложу ее спать и приду...

Анна Петровна. Скорей же...

Платонов. Чуть-чуть скандала не было! Прощай пока... (Идет в школу.)

Явление X
Анна Петровна, Венгерович 2 и потом Осип.

Анна Петровна. Сюрприз... И я совершенно забыла о ее существовании...

Пауза.

Жестоко... Впрочем, ему не в первый раз надувать эту бедную девочку!.. Э-э-э... грешить так грешить! Один только бог будет знать! Не впервой... Канальство! Жди теперь, пока он уложит ее спать!.. Час протянется, если не больше...

Венгерович 2 (идет к ней). Анна Петровна... (Падает перед ней на колени.) Анна Петровна... (Хватает ее за руки.) Анна!

Анна Петровна. Кто это? Кто вы? (Нагиается к нему.) Кто это? Вы, Исаак Абрамыч? Вы ли? Что с вами?

Венгерович 2. Анна! (Целует руку.)

Анна Петровна. Уйдите! Нехорошо так! Вы мужчина!

Венгерович 2. Анна!

Анна Петровна. Полно вам цепляться! Уйдите прочь! (Пхает его в плечо.)

Венгерович 2 (растягивается на земле), Ох! Глупо... глупо!

Осип (входит). Комедьянты! Это, бывает, не вы, ваше превосходительство? (Кланяется.) Как это вы попали в наши святые места?

Анна Петровна. Это ты, Осип? Здравствуй! Подсматриваешь? Шпионишь? (Берет его за подбородок.) Всё видел?

Осип. Всё.

Анна Петровна. А чего ты бледен так? а? (Смеется.) Ты влюблен в меня, Осип?

Осип. Это как вам угодно...

Анна Петровна. Влюблен?

Осип. Я вас не понимаю... (Плачет.) Я вас за святую почитал... Ежели б приказали в огонь лезть, в огонь бы полез...

Анна Петровна. Отчего ты в Киев не пошел?

Осип. Что мне Киев? Я вас за святую почитал... Для меня святей вас и людей не было...

Анна Петровна. Полно, дуралей... Носи опять ко мне зайчиков... Опять буду брать... Ну, прощай... Приходи завтра ко мне, и я тебе дам денег: по железной дороге в Киев поедешь... Идет? Прощай... Платонова у меня не смей трогать! Слышишь?

Осип. Вы мне с этой поры уж не указ...

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста! Не прикажете ли мне в монастырь идти? Его дело!.. Ну, ну... Плачет... Маленький ты, что ли? Довольно... Когда он будет идти ко мне, то выстрелишь!..

Осип. В него?

Анна Петровна. Нет, в воздух... Прощай, Осип! Погромче выстрели! Выстрелишь?

Осип. Выстрелю.

Анна Петровна. Ну и умничек...

Осип. Только он к вам не пойдет... Он с женой теперь.

Анна Петровна. Толкуй... Прощай, душегуб! (Убегает.)

Явление XI

Осип и Венгерович 2.

Осип (бьет шапкой оземь и плачет). Кончено! Всё кончено, и чтоб оно провалилось сквозь землю!

Венгерович 2 (лежа). Что он говорит?

Осип. Видел всю эту материю, слышал! Глаза лопались, в ушах кто-то здоровенным молотом колотил! Всё слышал! Ну как его не убить, ежели хочется в клочки его разорвать, слопать... (Садится на насыпь задом к школе.) Надо убить...

Венгерович 2. Что он говорит? Кого убить?

Явление XII

Те же, Платонов и Трилецкий.

Платонов (выталкивает из школы Трилецкого). Вон! Изволь сию же минуту отправляться к лавочнику! Марш!

Трилецкий (потягивается). Лучше бы ты потянул меня завтра большой палкой, чем сегодня будить!

Платонов. Ты негодяй, Николай, негодяй! Понимаешь?

Трилецкий. Что ж делать? Таким, значит, бог создал?

Платонов. А что если лавочник уже умер?

Трилецкий. Если умер, то царство ему небесное, а если же еще продолжает борьбу за существование, то напрасно ты говоришь страшные слова... Не пойду я к лавочнику! Мне спать хочется!

Платонов. Пойдешь, скот! Пойдешь! (Толкает его). Я не дам тебе спать! Да что ты в самом деле? Что ты строишь из себя? Отчего ты ничего не делаешь? Ради чего ты здесь проедаешься, проводишь свои лучшие дни и бездельничаешь?

Трилецкий. Пристал... Какой же ты, братец, право... клещ!

Платонов. Что ты за существо, скажи ты мне, пожалуйста? Это ужасно! Для чего ты живешь? Отчего ты не занимаешься наукой? Отчего не продолжаешь своего научного образования? Наукой отчего не занимаешься, животное?

Трилецкий. Об этом интересном предмете поговорим, когда мне не будет спать хотеться, а теперь пусти меня спать... (Чешется.) Черт знает что! Ни с того, ни с сего: вставай, негодяй! Гм... Честные правила... Черт бы их съел, эти честные правила!

Платонов. Какому богу ты служишь, странное существо? Что ты за человек? Нет, не будет из нас толку! Нет, не будет!

Трилецкий. Послушай, Михаил Васильич, кто дал тебе право запускать свои холодные лапищи в чужие сердца? Твоя бесцеремонность выше всяких удивлений, братец!

Платонов. Не выйдет из нас ничего, кроме лишаев земли! Пропаций мы народ! Гроша мы не стоим! (Плачет.) Нет человека, на котором могли бы отдохнуть глаза! Как всё пошло, грязно, истаскано... Поди прочь, Николай! Уйди!

Трилецкий (пожимает плечами). Плачешь?

Пауза.

Я пойду к лавочнику! Слышишь? Я пойду!

Платонов. Как хочешь!

Трилецкий. Пойду! Иду вот...

Платонов (стучит ногами). Пошел прочь!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Трилецкий. Хорошо... Ложись–ка спать, Мишель! Не стоит волноваться! Прощай! (Идет и отстраняется.) На прощанье одно слово... Посоветуй всем проповедникам, в том числе и самому себе, чтобы слово проповедническое клеилось с делами проповедника... Если твои глаза не умеют отдохнуть на тебе самом, то не могли требовать от меня отдыха для твоих глаз, которые, à propos, [25] очень хороши у тебя при лунном свете! Они блестят у тебя, как зеленые стеклышки... И еще вот что... С тобой бы говорить не следовало... Тебя бы избить страшно, изломать на куски, разорвать бы с тобой навсегда за ту девочку... Сказать бы тебе то, чего ты отродясь не слышал! Но... не умею! Я плохой дуэлист! И это твоё счастье!..

Пауза.

Прощай! (Уходит.)

Явление XIII

Платонов, Венгерович 2 и Осип.

Платонов (хватает себя за голову). Не один я таков, все таковы! Все! Где же люди, боже мой? Я–то каков! Не ходи к ней! Она не твоя! Это чужое добро! Испортишь ее жизнь, исковеркаешь навсегда! Уйти отсюда! Нет! Буду у ней, буду здесь жить, буду пьянствовать, языничать... Развратные, глупые, пьяные... Вечно пьяные! Глупая мать родила от пьяного отца! Отец... мать! Отец... О, чтоб у вас там кости так пере–ворочились, как вы спяна и сдуру переворочили мою бедную жизнь!

Пауза.

Нет... Что я сказал? Бог простит... Царство небесное... (Наталкивается на лежащего Венгеровича.) Это кто?

Венгерович 2 (поднимается на колени). Дикая, безобразная, позорная ночь!

Платонов. Аааа... Пойди и запиши эту дикую ночь в свой дурацкий дневник чернилами из отцовской совести! Прочь отсюда!

Венгерович 2. Да... Запишу! (Уходит.)

Платонов. Что он здесь делал? Подслушивал? (Осипу.) Ты кто? Ты зачем здесь, вольный стрелок? Тоже подслушивал? Прочь отсюда! Или постой... Догони Венгеровича и сними с него цепь!

Осип (встает). Какую цепь?

Платонов. У него на груди висит большая золотая цепь! Догони его и сними! Живей! (Стучит ногами.) Скорей, а то не догонишь! Он бежит теперь к деревне, как сумасшедший!

Осип. А вы к генеральше?

Платонов. Беги скорей, негодяй! Не бей его, а только сними цепь! Пошел! Чего стоишь? Беги!

Осип убегает.

(После паузы.) Идти... Идти или не идти? (Вздыхает.) Идти... Пойду затяну длинную, в сущности скучную, безобразную песню... Я же думал, что я хожу в прочной броне! А что же оказывается? Женщина сказала слово, и во мне поднялась буря... У людей мировые вопросы, а у меня женщина! Вся жизнь – женщина! У Цезаря – Рубикон, у меня – женщина... Пустой бабник! Не жалко было бы, если бы не боролся, а то ведь борюсь! Слаб, бесконечно слаб!

Саша (в окно). Миша, ты здесь?

Платонов. Здесь, мое бедное золото!

Саша. Иди в комнату!

Платонов. Нет, Саша! Я хочу побыть на воздухе. У меня голова трещит. Спи, мой ангел!

Саша. Спокойной ночи! (Закрывает окно.)

Платонов. Тяжело надувать того, кто верит безгранично! Я и вспотел и покраснел... Иду! (Идет.)

Навстречу ему идут Катя и Яков.

Явление XIV

Платонов, Катя и Яков.

Катя (Якову). Постой здесь... Я сейчас... Только книгу возьму... Не уйди же, смотри! (Идет навстречу Платонову.)

Платонов (увидев Катю). Ты? Что тебе?

Катя (испугавшись). Ах... это вы? Мне вас нужно.

Платонов. Это ты, Катя? Все, начиная с барыни и кончая горничной, все – ночные птицы! Что тебе?

Катя (тихо). Вам барыня письмо прислала.

Платонов. Что?

Катя. Вам барыня письмо прислала!

Платонов. Что врешь? Какая барыня?

Катя (тише). Софья Егоровна...

Платонов. Что? Ты с ума сошла? Окати себя холодной водой! Пошла вон отсюда!

Катя (подаёт письмо). Вот оно!

Платонов (вырывает письмо). Письмо... письмо... Какое письмо? Нельзя было завтра принести? (Распечатывает.) Как же я его буду читать?

Катя. Просили как можно скорей...

Платонов (зажигает спичку). Черт вас носит! (Читает.) «Я делаю первый шаг. Иди, сделаем его вместе. Я воскресаю. Иди и бери. Твоя». Черт знает... Телеграмма какая-то! «Жду до четырех часов в беседке около четырех столбов. Пьяный муж уехал с молодым Глагольевым на охоту. Вся твоя С.». Этого еще не доставало! Боже мой! Этого еще не доставало! (Кате.) Что смотришь?

Катя. Как же мне не смотреть, если у меня глаза есть?

Платонов. Выколи себе свои глаза! Это ко мне письмо?

Катя. К вам-с...

Платонов. Врешь! Прочь отсюда!

Катя. Слушаю-с.

Уходит с Яковым.

Явление XV

Платонов (один).

Платонов (после паузы). Вот они, последствия... Доигрался малый! Исковеркал женщину, живое существо, так, без толку, без всякой на то надобности... Прроклый язык! Довел до чего... Что теперь делать? А ну-ка, мудрая ты голова, подумай! Брани себя теперь, рви волосы... (Думает.) Ехать! Сейчас же ехать и не сметь показываться сюда до самого страшного суда! Марш отсюда на все четыре стороны, в ежовые рукавицы нужды, труда! Лучше худшая жизнь, чем эта с этой историей!

Пауза.

Еду... Но... неужели Софья на самом-таки деле любит меня? да? (Смеется.) За что? Как всё темно и странно на этом свете!

Пауза.

Странно... Неужели эта прекрасная, мраморная женщина с чудными волосами в состоянии полюбить нищего чудака? Неужели любит? Невероятно! (Зажигает спичку и пробегает письмо.) Да... Меня? Софья? (Хохочет.) Любит? (Хватает себя за грудь.) Счастье! Да ведь это счастье! Это мое счастье! Это новая жизнь, с новыми лицами, с новыми декорациями! Иду! Марш в беседку около четырех столбов! Жди, моя Софья! Была ты и будешь моей! (Идет и останавливается.) Не пойду! (Идет обратно.) Разбивать семью? (Кричит.) Саша, идут в комнату! Отворяй! (Хватает себя за голову.) Не пойду, не пойду... не пойду!

Пауза.

Пойду! (Идет.) Иди, разбивай, топчи, оскверняй... (Сталкивается с Войницевым и Глагольевым 2.)

Явление XVI

Платонов, Войницев и Глагольев 2.

Войницев и Глагольев 2 вбегают с ружьями через спину.

Войницев. Вот он! Вот он! (Обнимает Платонова.) Ну? На охоту едем!

Платонов. Нет... Пстой!

Войницев. Что рвешься, друг? (Хохочет.) Пьян, я пьян! Первый раз в жизни пьян! Боже мой, как я счастлив! Друг мой! (Обнимает Платонова.) Едем? Она послала меня... Приказала настрелять для нее дичи...

Глагольев 2. Скорей едемте! Уже светает...

Войницев. Ты слышал, что мы выдумали? Не гениально разве? Мы думаем Гамлета сыграть! Честное слово! Такой театр удерем, что даже чертей затошнит! (Хохочет.) Как ты бледен... И ты пьян?

Платонов. Пусти... Пьян.

Войницев. Пстой... Моя идея! Завтра же начинаем декорации писать! Я – Гамлет, Софи – Офелия, ты – Клавдий, Трилецкий – Горацио... Как я счастлив! Доволен! Шекспир, Софи, ты и татап! Больше мне ничего не нужно! Впрочем, еще Глинка. Ничего больше! Я Гамлет...

И этому злодею,
Стыд женщины,
Супруги, матери забыв,
Могла отдаться ты!.. [26]
(Хохочет.) Чем не Гамлет?

Платонов (вырывается и бежит). Подлец! (У бегают.)

Войницев. Тюлюлю! Пьян! Важно! (Хохочет.) Каков наш друг?

Глагольев 2. Наспиртован... Едем!

Войницев. Едем... И вы были бы моим другом, если бы... Офелия! О нимфа, помани мои грехи в твоих святых молитвах!

Уходят.

Слышен шум идущего поезда.

Явление XVII

Осип и потом Саша.

Осип (вбегает с цепью). Где он? (Оглядывается.) Где он? Ушел? Нет его? (Свистит.) Михаил Васильич! Михаил Васильич! Ау!

Пауза.

Нет? (Подбегает к окну и стучит.) Михаил Василич! Михаил Васильич! (Разбивает стекло.)

Саша (в окно). Кто здесь?

Осип. Позовите Михаила Васильича! Скорей!

Саша. Что случилось? Его нет в комнате!

Осип (кричит). Нет? Пошел к генеральше, значит! Генеральша здесь была и к себе его звала! Всё пропало, Александра Ивановна! К генеральше пошел он, проклятый!

Саша Лжешь!

Осип. Накажи меня господь, к генеральше! Всё слышал и видел! Они тут обнимались, целовались...

Саша. Лжешь!

Осип. Чтоб ни отцу моему, ни матери не увидеть царства небесного, коли вру! К генеральше! От жены ушел! Догоните его, Александра Ивановна! Нет, нет... Всё пропало! И вы несчастная теперь! (Снимает с плеч ружье.) Она приказала мне в последний раз, а я исполняю в последний раз! (Стреляет в воздух.) Пусть встречает! (Бросает ружье на землю.) Зарежу его, Александра Ивановна! (Перепрыгивает через насыпь и садится на пень.) Не беспокойтесь, Александра Ивановна... не беспокойтесь... Я его зарежу... Не сомневайтесь...

Показываются огни. Саша (выходит в ночной кофточке, с распущенными волосами). Ушел... Обманул... (Рыдает.) Пропала я... Убей меня, господи, после этого...

Свисток.

Под машину лягу... Не хочу я жить... (Ложится на рельсы.) Обманул... Убей меня, божья мать!

Пауза.

Прости, господи... Прости, господи... (Вскрикивает.) Коля! (Поднимается на колени.) Сын! Спасите! Спасите! Вот она, машина, идет!.. Спасите!

Осип подскакивает к Саше

(Падает на рельсы.) Ах...

Осип (берет ее и несет в школу). Зарежу... Не беспокойтесь!

Идет поезд.

Конец второго действия

Действие третье

Комната в школе. Направо и налево двери. Шкаф с посудой, комод, старый фортепиан, стулья, диван, обитый клеенкой, гитара и т. п. Полный беспорядок.

Явление I

Софья Егоровна и Платонов.

Платонов спит на диване, у окна. Лицо закрыто соломенной шляпой.

Софья Егоровна (будит Платонова). Платонов! Михаил Васильич! (Толкает его.)

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Проснись! Мишель! (Снимает с его лица шляпу.) Можно ли класть на лицо такую грязную шляпу? Фи, какой неряха, нечистот! Запонки растерял, спит с открытой грудью, неумытый, в грязной сорочке... Мишель! Тебе говорят! Вставай!

Платонов. А?

Софья Егоровна. Проснитесь!

Платонов. После... Хорошо...

Софья Егоровна. Будет тебе! Изволь подняться!

Платонов. Кто это? (Поднимается.) Это ты, Софья?

Софья Егоровна (подносит к его глазам часы.) Взгляните!

Платонов. Хорошо... (Ложится.)

Софья Егоровна. Платонов!

Платонов. Ну, чего тебе? (Поднимается.) Ну?

Софья Егоровна. Взгляните на часы!

Платонов. Что такое? Опять ты, Софья, с причудами!

Софья Егоровна. Да, я опять с причудами, Михаил Васильич! Извольте взглянуть на часы! Который теперь час?

Платонов. Половина восьмого.

Софья Егоровна. Половина восьмого... А условие забыли?

Платонов. Какое условие? Выражайся ясней, Софья! Я не расположен сегодня ни шутить, ни решать ерундистые загадки!

Софья Егоровна. Какое условие? А ты забыл? Что с тобой? У тебя глаза красные, ты весь измят... Ты болен?

Пауза.

Условие: быть сегодня обоим в шесть часов в избе... Забыл? Шесть часов прошло...

Платонов. Дальше что?

Софья Егоровна (садится рядом). И тебе не стыдно? Отчего ты не приходил? Ты дал честное слово...

Платонов. Я и сдержал бы это слово, если бы не уснул... Ведь ты видишь, что я спал? Что же пристаешь?

Софья Егоровна (качает головой). Какой же ты недобросовестный человек! Что злобно смотришь? Недобросовестный по отношению ко мне, по крайней мере... Подумай-ка... Являлся ли ты хоть раз вовремя на наши свидания? Сколько раз не сдерживал ты данного мне честного слова!

Платонов. Очень рад это слышать!

Софья Егоровна. Неумно, Платонов, стыдно! Зачем ты перестаешь быть благородным, умным, самим собой, когда я с тобой? Для чего эти плебейские выходки, не достойные человека, которому я обязана спасением своей духовной жизни? При мне держишь ты себя каким-то уродом... Ни ласкового взгляда, ни нежного слова, ни одного слова любви! Прихожу к тебе – от тебя пахнет вином, одет ты безобразно, не причесан, отвечаешь дерзко и невпопад...

Платонов (вскакивает и шагает по сцене). Пришла!

Софья Егоровна. Ты пьян?

Платонов. Вам какое дело?

Софья Егоровна. Как это мило! (Плачет.)

Платонов. Женщины!!

Софья Егоровна. Не говори мне про женщин! Тысячу раз на день ты говоришь мне о них! Надоело! (Встает.) Что ты делаешь со мной? Ты уморить меня хочешь? Я больна через тебя! У меня день и ночь грудь болит по твоей милости! Ты этого не видишь? Знать ты этого не хочешь? Ты ненавидишь меня! Если бы ты любил меня, то не смел бы так обращаться со мной! Я не какая-нибудь простая девчонка для тебя, неотесанная, грубая душа! Я не позволю какому-нибудь... (Садится.) Ради бога! (Плачет.)

Платонов. Довольно!

Софья Егоровна. За что ты убиваешь меня? Не прошло и трех недель после той ночи, а я уже стала походить на щепку! Где же обещанное тобою счастье? Чем кончатся эти твои выходы? Подумай, умный, благородный, честный человек! Подумай, Платонов, пока еще не поздно! Думай вот сейчас... Сядь вот на это стуло, выкинь всё из головы и подумай только об одном: что ты делаешь со мной?

Платонов. Я не умею думать.

Пауза.

А вот ты подумай! (Подходит к ней.) Ты подумай! Я лишил тебя семьи, благополучия, будущности... За что? К чему? Я ограбил тебя, как самый злейший враг твой! Что я могу тебе дать? Чем я могу заплатить тебе за твои жертвы? Этот незаконный узел твое несчастье, твое *минут*, твоя гибель! (Садится.)

Софья Егоровна. Я сошлась с ним, а он смеет называть эту связь незаконным узлом!

Платонов. Э-э... Не время теперь придирааться к каждому слову! У тебя свой взгляд на эту связь, у меня свой... Я погубил тебя, вот и всё! Да и не тебя одну... Подожди, что еще запоет твой муж, когда узнает!

Софья Егоровна. Ты боишься, чтобы он не наделал тебе неприятностей?

Платонов. Этого я не боюсь... Я боюсь, чтобы мы его не убили...

Софья Егоровна. Зачем же ты, малодушный трус, шел тогда ко мне, если ты знал, что мы убьем его?

Платонов. Пожалуйста, не так... патетично! Меня не проймешь грудными нотами... А зачем ты... Впрочем... (машет рукой) говорить с тобой значит проливать твои слезы...

Софья Егоровна. Да, да... Никогда я не плакала, пока не сошлась с тобой! Бойся, дрожи! Он уже знает!

Платонов. Что?

Софья Егоровна. Он уже знает.

Платонов (поднимается). Он?!

Софья Егоровна. Он... Я сегодня утром объяснилась с ним...

Платонов. Шутки...

Софья Егоровна. Побледнел?! Тебя бы ненавидеть нужно, а не любить! Я с ума сошла... Я не знаю, за что... за что я люблю тебя? Он уж знает! (Треплет его за рукав.) Дрожи же, дрожи! Он всё знает! Клянусь тебе честью, что он всё знает! Дрожи!

Платонов. Быть не может! Не может быть этого!

Пауза.

Софья Егоровна. Он всё знает... Нужно же было когда-нибудь сделать это?

Платонов. Отчего же ты дрожишь? Как ты объяснилась с ним? Что ты ему сказала?

Софья Егоровна. Я объявила ему, что я уже... что не могу...

Платонов. Он же что?

Софья Егоровна. Был похож на тебя... Испугался! А как невыносимо твое лицо в настоящую минуту!

Платонов. Что он сказал?

Софья Егоровна. Он сперва думал, что я шучу, но когда убедился в противном, то побледнел, зашатался, заплакал, начал ползать на коленях... У него было такое же противное лицо, как у тебя теперь!

Платонов. Что ты наделала, мерзкая?! (Хватает себя за голову.) Ты убила его! И ты можешь, и ты смеешь говорить это так хладнокровно? Ты убила его! Ты... назвала меня?

Софья Егоровна. Да... Как же иначе?

Платонов. Он же что?

Софья Егоровна (вскакивает). Постыдись же, наконец, Платонов! Ты не знаешь, что ты говоришь! По-твоему, значит, не нужно было говорить?

Платонов. Не нужно! (Ложится на диван лицом вниз.)

Софья Егоровна. Честный человек, что ты говоришь?

Платонов. Честнее было бы не говорить, чем убивать! Мы убили его! Он заплакал, ползал на коленях... Ах! (Вскакивает.) Несчастный человек! Если бы не ты, он до самой смерти не узнал бы о нашей связи!

Софья Егоровна. Я обязана была объяснить с ним! Я честная женщина!

Платонов. Знаешь, что ты наделала этим объяснением? Ты рассталась с мужем навсегда!

Софья Егоровна. Да, навсегда... Как же иначе? Платонов, ты начинаешь говорить как... подлец!

Платонов. Навсегда... Что же будет с тобой, когда мы разойдемся? А мы скоро разойдемся! Ты первая перестанешь заблуждаться! Ты первая откроешь глаза и оставишь меня! (Машет рукой.) Впрочем... делай, Софья, что хочешь! Ты честней и умней меня, возьми же всю эту некстати заваренную кашу в свое распоряжение! Делай и говори ты! Воскрешай меня, если можешь, поднимай меня на ноги! Скорее только, ради бога, а то я сойду с ума!

Софья Егоровна. Мы завтра уезжаем отсюда.

Платонов. Да, да, едем... Скорей только!

Софья Егоровна. Надо увезти тебя отсюда... Я написала о тебе матери. Мы к ней поедем...

Платонов. К кому хочешь!.. Делай, что знаешь!

Софья Егоровна. Мишель! Ведь новая же жизнь... Пойми ты это!.. Слушайся, Мишель, меня! Пусть всё будет по-моему! У меня свежей голова, чем у тебя! Верь мне, мой дорогой! Я подниму тебя на ноги! Я повезу тебя туда, где больше света, где нет этой грязи, этой пыли, лени, этой грязной сорочки... Я сделаю из тебя человека... Счастье я тебе дам! Пойми же...

Пауза. Я сделаю из тебя работника! Мы будем людьми, Мишель! Мы будем есть свой хлеб, мы будем проливать пот, натирать мозоли... (Кладет голову ему на грудь.) Я буду работать...

Платонов. Где ты будешь работать? Не такие есть женщины, как ты, посильнее, да и те валяются, как снопы, от безделья! Не умеешь ты работать, да и что ты будешь работать? Наше положение, Соня, таково теперь, что полезнее было бы рассуждать здраво, а не утешать себя иллюзиями... Впрочем, как знаешь!

Софья Егоровна. Увидишь! Есть женщины не такие, как я, но я сильнее их... Веруй же, Мишель! Я освещу путь твой! Ты воскресил меня, и вся жизнь моя будет благодарностью... Едем завтра? Да? Я сейчас пойду в дорогу собираться... Собирайся и ты... В десять часов приходи в избу и приноси свои вещи... Придешь?

Платонов. Приду.

Софья Егоровна. Дай мне честное слово, что ты придешь!

Платонов. А-а-а... Сказал же!

Софья Егоровна. Дай честное слово!

Платонов. Честное слово... Божусь... Уедем!

Софья Егоровна (смеется). Верю, верю! Даже раньше приходи... Я раньше десяти часов буду готова... А ночью и покатим! Заживем, Мишель! Счастья своего ты не понимаешь, глупый человек! Ведь это наше счастье, наша жизнь!.. Завтра же ты будешь другим человеком, свежим, новым! Задышим новым воздухом, потечет в наших жилах новая кровь... (Хохочет.) Прочь, ветхий человек! На тебе руку! жми ее! (Подает руку.)

Платонов целует руку.

Софья Егоровна. Приходи же, мой тюлень! Я буду ждать... Не хандри... Прощай пока! Я живо соберусь!.. (Целует его.)

Платонов. Прощай... В одиннадцать или в десять?

Софья Егоровна. В десять... Даже раньше приходи! Прощай! Оденься на дорогу поприличней... (Смеется.) Денежки у меня есть... Дорогой и поужинаем... Прощай! Пойду собираться... Будь же весел! В десять часов жду! (Убегает.)

Явление II

Платонов (один).

Платонов (после паузы.) Не новая песня... Сто раз слышал...

Пауза.

Напишу ему и Саше по письму... Пусть поплачут, простят и забудут!.. Прощай, Войницевка! Прощай всё! И Саша, и генеральша... (Открывает шкаф.) Завтра я уже новый человек... Страсть какой новый! Во что белье взять? У меня нет чемодана... (Наливает вино.) Прощай, школа! (Пьет.) Прощайте, мои ребятишки! Исчезает ваш плохой, но добрый Михаил Васильич! Это я пил сейчас? Для чего? Больше не стану пить... Это в последний раз... Сяду писать Саше... (Ложится на диван.) Софья искренно верит... Блаженни верующие!.. Смейся, генеральша! А ведь генеральша смеяться будет! Хохотать будет!.. Да! От нее, кажется, письмо было... Где оно? (Достает с окна письмо.) Сотое письмо, если не двухсотое после дикой ночи... (Читает.) «Вы, Платонов, не отвечающий на мои письма, неделикатный, жестокий, глупый невежда! Если и это письмо оставите без внимания, не явитесь, то, так и быть уж, сама явлюсь к вам, черт с вами! Жду целый день. Глупо, Платонов! Можно подумать, что вам стыдно той ночи. Забудем ее, если уж на то пошло! Сергей и Софья ведут себя прескверно – конец месяцу, вымазанному диким медом. А всё потому, что нет красноречивого болванчика с ними. Вы болванчик. До свиданья!»

Пауза.

А почерк-то какой! Аккуратный, смелый... Запятые, точки, ять, е – всё на своем

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
месте... Женщина, правильно пишущая, редкое явление...

Входит Марко.

Надо будет ей письмо написать, а то придет, пожалуй... (Увидев Марко.) Явление...

Явление III
Платонов и Марко.

Платонов. Милости просим! Кого надобно? (Поднимается.)

Марко. К вашему благородию... (Вынимает из сумки повестку.) Повесточку к вашей милости...

Платонов. А... Очень приятно. Какую повесточку? Ты от кого?

Марко. От Ивана Андреича, мирового судьи-с...

Платонов. Гм... От мирового? На что я ему сдался? Дай сюда! (Берет повестку.) Не понимаю... На крестины зовет, что ли? Плодовит как саранча, старый грешник! (Читает.) «В качестве обвиняемого по делу об оскорблении действием дочери статского советника Марьи Ефимовны Грековой». (Хохочет.) Ах, черт возьми! Браво! Черт возьми! Браво, клоповый эфир! Когда будет разбираться это дело? Послезавтра? Приду, приду... Скажи, старче, что приду... Умница, ей-богу, умница! Молодец девка! Вот давно бы так и следовало!

Марко. Извольте расписаться-с!

Платонов. Расписаться? Изволь... Ужасно ты, братец, на подстреленную утку похож!

Марко. Никак нет-с...

Платонов (садится за стол). На кого же ты похож?

Марко. На образ и подобие божие-с...

Платонов. Так... Николаевский?

Марко. Точно так... После Севастопольской кампании-с отставку получил... Сверх службы четыре года в госпитале пролежал... Унтер-офицер... Я по артиллерии-с...

Платонов. Так... Хороши были пушки?

Марко. Обнаковенные... Круглого диаметра...

Платонов. Карандашом можно?

Марко. Можно-с... Получил сию повестку такой-то. Имя, отчество и фамилия.

Платонов (встает). Получи. Пять раз расписался. Ну что твой мировой? Играет?

Марко. Так точно.

Платонов. От пяти часов вечера до пяти часов вечера?

Марко. Точно так.

Платонов. Цепи своей еще не проиграл?

Марко. Никак нет-с.

Платонов. Скажи ему... Впрочем, ничего не говори ему... Карточных долгов, разумеется, не платит... Играет, глупец, должника, а у самого детей целая куча... Ведь этакая она умница, ей-богу! Не ожидал, совсем не ожидал! Свидетелями же кто? Кому еще есть повестки?

Марко (перебирает повестки и читает). «Господину доктору Николаю Иванычу Трилецкому-с»...

Платонов. Трилецкому? (Хохочет.) Можно будет комедь удрать! А еще кому?

Марко (читает). «Господину Кириллу Порфирьичу Глагольеву-с, господину Альфонсу Иванычу Шрифтеру, его благородию господину отставному гвардии корнету Максиму Егорычу Алеутову-с, сыну действительного статского советника господину гимназисту Ивану Талье, господину кандидату Санкт-Петербургского неперситета»...

Платонов. Там так и написано «неперситета»?

Марко. Никак нет-с...

Платонов. Зачем же ты так читаешь?

Марко. По невежеству-с... (Читает.) «...уни... уни... неперситета Сергею Павлычу... Павловичу Войницеву, жене кандидата Санкт-Петербургского уни...неперситета Софье Егоровне госпоже Войницевой, господину студенту Харьковского неперситета Исаку Абрамычу Венгеровичу». Все-с!

Платонов. Гм... Это послезавтра, а завтра ехать нужно... Жалко. Вот был бы, воображаю, процесс... Гм... Экая досада! Доставил бы ей удовольствие... (Ходит по сцене.) Досада...

Марко. На чаек бы с вашего благородия...

Платонов. А?

Марко. На чаек бы... Шесть верст шел-с...

Платонов. На чаек? Не нужно... Впрочем, что я говорю? Хорошо, мой милый! На чаек я тебе не дам, а я тебе лучше чайку дам... И мне выгоднее, да и для тебя трезвее... (Вынимает из шкафа чайницу.) Подойди сюда... Чай хороший, крепкий... Хоть не сорокаградусный, но крепкий... Во что же тебе дать?

Марко (подставляет карман). Сыпьте-с...

Платонов. Прямо в карман? А не провоняет?

Марко. Сыпьте-с, сыпьте-с... Не сомневайтесь...

Платонов (сыплет чай). Довольно?

Марко. Благодарим покорно...

Платонов. Какой же ты старей... Люблю я вас, старых солдатиков!.. Душа вы народ!.. Но и между вами встречаются иногда такие ужасные...

Марко. Всякие бывают-с... Один господь без греха... Счастливо оставаться!

Платонов. Постой... Сейчас... (Садится и пишет на повестке.) «Тогда целовал, потому что... потому что был раздражен и не знал, чего хотел, теперь же поцеловал бы, как святыню. Гадок был с вами, сознаю. Со всеми я гадок. На суде, к сожалению, не увидимся. Завтра уезжаю навсегда. Будьте счастливы и будьте хоть вы справедливы ко мне! Не прощайте!» (Марку.) Знаешь, где Грекова живет?

Марко. Знаю-с. Двенадцать верст отсюда, если пройти реку бродом-с.

Платонов. Ну да... В Жилкове... Отнеси ты ей это письмо, и ты получишь три целковых. Барышне прямо отдашь... Ответа не нужно... Будет давать, не бери... Сегодня же отнесешь... Сейчас... Отнесешь, а потом уж разнесешь повестки. (Ходит по сцене.)

Марко. Понимаю.

Платонов. Еще что? Да! Будешь говорить всем, что я у Грековой прощения просил и что она меня не простила.

Марко. Понимаю. Счастливо оставаться!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Платонов. Прощай, друг! Будь здоров!

Марко уходит.

Явление IV
Платонов (один).

Платонов. С Грековой, значит, квиты... На всю губернию осрамит... Так и следует... Первый раз в жизни меня наказывает женщина... (Ложится на диван.) Им пакостишь, а они тебе на шею вешаются... Софья, например... (Закрывает платком лицо.) Был свободен, как ветер, а теперь лежи вот здесь, мечтай... Любовь... Ато, атоас, ама... [27] Связался... и ее погубил, и себя уважил... (Вздыхает.) Бедные Войницева! А Саша? Бедная девочка! Как-то она заживет без меня? Зачахнет, умрет... Ушла, почуяла правду, ушла с ребенком, не сказав ни одного слова... Ушла после той же ночи... Проститься бы с ней...

Анна Петровна (в окно). Можно войти? Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Платонов. Анна Петровна! (Вскакивает.) Генеральша! Что ей сказать! Ну зачем ей приходить сюда, спрашивается? (Поправляется.)

Анна Петровна (в окно). Можно войти? Я вхожу! Слышите?

Платонов. Пришла! Каким образом не впустить ее? (Причесывается.) Как бы ее спровадить? Выпью, пока еще не вошла... (Быстро отворяет шкаф.) И за каким чертом... Не понимаю! (Быстро выпивает.) Хорошо, если она еще ничего не знает, ну а если знает? Покраснею...

Явление V
Платонов и Анна Петровна. Анна Петровна входит. Платонов медленно запирает шкаф.

Анна Петровна. Мое почтение! Наше вам!

Платонов. Не запирается...

Пауза.

Анна Петровна. Вы! Здравствуйте!

Платонов. Ах... Это вы, Анна Петровна? Pardon, я и не заметил... Не запирается да и только... Странно... (Роняет ключ и поднимает.)

Анна Петровна. Подходите же ко мне! Оставьте шкаф в покое! Оставьте!

Платонов (подходит к ней). Здравствуйте...

Анна Петровна. Что же это вы на меня не смотрите?

Платонов. Стыдно. (Целует руку.)

Анна Петровна. Чего стыдно?

Платонов. Всего...

Анна Петровна. Гм... Соблазнил кого-нибудь?

Платонов. Да, в этом роде...

Анна Петровна. Ай да Платонов! Кого же?

Платонов. Не скажу...

Анна Петровна. Сядем...

Садятся на диван.

Узнаем, молодой человек, узнаем... Чего же меня-то стыдиться? Ведь я вашу грешную душу давно уже знаю...

Платонов. Не спрашивайте, Анна Петровна! Не расположен я сегодня присутствовать на собственном допросе. Говорите, если хотите, но не спрашивайте!

Анна Петровна. Ладно. Письма получал?

Платонов. Да.

Анна Петровна. Отчего же не являлся?

Платонов. Не могу.

Анна Петровна. Отчего же не можете?

Платонов. Не могу.

Анна Петровна. Дуетесь?

Платонов. Нет. За что мне дуться? Не спрашивайте, ради бога!

Анна Петровна. Извольте мне отвечать, Михаил Васильич! Сядьте хорошенько! Отчего вы не являлись к нам в эти последние три недели?

Платонов. Болен был.

Анна Петровна. Лжете!

Платонов. Лгу. Не спрашивайте, Анна Петровна!

Анна Петровна. Как от вас винищем несет! Платонов, что это всё значит? Что с вами? На что вы стали похожи? Глаза красные, лицо скверное... Вы грязны, в комнатах грязь... Посмотрите вокруг себя, что это за безобразия? Что с вами? Вы пьете?

Платонов. Ужасно пью!

Анна Петровна. Гм... Прошлогодня история... В прошлом году соблазнил и до самой осени ходил мокрой курицей, так и теперь... Дон-Жуан и жалкий трус в одном теле. Не смей пить!

Платонов. Не буду...

Анна Петровна. Честное слово? Впрочем, для чего отягощать вас честным словом? (Встает.) Где ваше вино?

Платонов указывает на шкаф. Стыдно, Миша, быть таким малодушным! Где ваш характер? (Отпирает шкаф.) А в шкафу-то какой беспорядок! Задаст же вам Александра Ивановна, когда воротится! Хотите, чтобы жена воротилась?

Платонов. Хочу только одного: не задавайте вопросов и не смотрите мне прямо в лицо!

Анна Петровна. В какой бутылке вино?

Платонов. Во всех.

Анна Петровна. Во всех пяти? Ах вы пьяница, пьяница! Да у вас в шкафу целое питейное заведение! Нужно, чтобы Александра Ивановна воротилась... Вы ей объясните как-нибудь... Я соперница не из ужасных... Подельчива... Не в моих планах разводить вас... (Отпивает из бутылки.) А вино вкусное... Идите-ка, выпьем немножко! Хотите? Выпьем да и больше пить не будем!

Платонов идет к шкафу.

Держите стакан! (Льет вино.) Дуйте! Больше не налью.

Платонов пьет.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

А теперь и я выпью... (наливает.) За здоровье плохих! (Пьет.) Плохой вы! Хорошее вино! У вас есть вкус... (Подает ему бутылки.) Держите-ка! Несите сюда! (Идут к окну.) Прощайтесь с вашим вкусным вином! (Смотрит в окно.) Выливать жалко... Еще разве выпить, а? Выпьем?

Платонов. Как хотите...

Анна Петровна (наливает). Пейте... Скорей!

Платонов (пьет). За ваше здоровье! Дай бог вам счастья!

Анна Петровна (наливает и пьет). Скучал за мной? Сядем... Поставьте бутылки пока...

Садятся.

Скучал?

Платонов. Каждую минуту.

Анна Петровна. Отчего же не являлся?

Платонов. Не спрашивайте! Ничего я вам не скажу не потому, что я не откровенен с вами, а потому, что жалею ваши уши! Я пропадаю, совсем пропадаю, моя дорогая! Угрызения совести, тоска, хандра... мука, одним словом! Вы пришли, и мне стало легче.

Анна Петровна. Вы похудели, подурнели... Не терплю я этих романических героев! Что вы строите из себя, Платонов? Разыгрываете героя какого романа? Хандра, тоска, борьба страстей, любовь с предисловиями... Фи! Держите себя по-человечески! Живите, глупый человек, как люди живут! Что вы за архангел такой, что вам не живется, не дышится и не сидится так, как обыкновенным смертным?

Платонов. Это говорить легко... Что же делать?

Анна Петровна. Человек живет, мужчина то есть, живет и не знает, что ему делать! Странно! Что ему делать?! Извольте, я отвечу вам на ваш вопрос, как умею, хотя он и не стоит ответа, как вопрос праздный!

Платонов. Ничего вы не ответите...

Анна Петровна. Во-первых, живите по-человечески, то есть, не пейте, не лежите, умывайтесь почаще и ходите ко мне, а во-вторых, будьте довольны тем, что имеете... Глупите, сэр! Мало вам вашего учительства? (Встает.) Пойдемте сейчас ко мне!

Платонов. Как? (Встает.) К вам идти? Нет, нет...

Анна Петровна. Идемте! Людей увидите, поговорите, послушаете, побранитесь...

Платонов. Нет, нет... И не приказывайте!

Анна Петровна. Почему же?

Платонов. Не могу, вот и всё!

Анна Петровна. Можете! Надевайте вашу шляпу! Идемте!

Платонов. Не могу, Анна Петровна! Ни за что! Шага из дома не сделаю!

Анна Петровна. Можете! (Надевает на него шляпу.) Глупишь, брат Платонов, шутишь! (Берет его под руку.) Ну? Раз, два!.. Идите, Платонов! Вперед!

Пауза.

Да ну же, Мишель! Идите!

Платонов. Не могу!

Анна Петровна. Упрямится, точно молодой бык! Начинайте шагать! Ну? раз, два...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Мишель, голубчик, родненький, хорошенький...

Платонов (вырывается). Не пойду я, Анна Петровна!

Анна Петровна. Пойдем вокруг школы пройдемся!

Платонов. Зачем приставать? Ведь сказал же, что не пойду! Хочу сидеть дома, а потому и позвольте мне делать так, как я хочу!

Пауза.

Не пойду!

Анна Петровна. Гм... Вот что, Платонов... Я вам займу немного денег, а вы уезжайте отсюда куда-нибудь на месяц, на два...

Платонов. Куда?

Анна Петровна. В Москву, в Петербург... Идет? Поезжайте, Мишель! Вам более чем необходимо проветриться! Прокатайтесь, людей посмотрите, в театры сходите, освежитесь, проветритесь... Я вам <дам> денег, писем... Хочешь и я с тобой поеду? Хочешь? Покатаемся, нагуляемся... Приедем сюда обратно обновленными, сияющими...

Платонов. Прелестная идея, но, к несчастью, неисполнимая... Завтра я еду отсюда, Анна Петровна, но не с вами!

Анна Петровна. Как хотите... Куда едете?

Платонов. Еду...

Пауза.

Навсегда уезжаю отсюда...

Анна Петровна. Пустяки... (Отпивает из бутылки.) Вздор!

Платонов. Не пустяки, моя дорогая! Еду! Навсегда!!

Анна Петровна. Для чего же, странный вы человек?

Платонов. Не спрашивайте! Ей-богу, навсегда! Уезжаю и... Прощайте, вот что! Не спрашивайте! Ничего вы не узнаете от меня теперь...

Анна Петровна. Вздор!

Платонов. Сегодня только и видимся... Навсегда скроюсь... (Берет ее за рукав и потом, за плечо.) Забудьте дурака, осла, подлеца и мерзавца Платонова! Он провалится сквозь землю, стучается... Встретимся, быть может, через десятки лет, когда оба будем в состоянии хохотать и старчески плакать над этими днями, а теперь... черт с ним! (Целует руку.)

Анна Петровна. На-ка выпей! (Наливает ему вина.) Пьяному не грешно молоть чепуху...

Платонов (выпивает). Не буду я пьян... Буду помнить, моя мать, моя хорошая фея!.. Никогда не забуду! Смейся, развитая, светлоголовая женщина! Завтра я бегу отсюда, бегу от самого себя, сам не знаю куда, бегу к новой жизни! Знаю я, что такое эта новая жизнь!

Анна Петровна. Всё это прекрасно, но что с вами поделалось?

Платонов. Что? Я... После всё узнаете! Друг мой, когда вы ужаснетесь моему поступку, не проклинайте меня! Помните, что я уже почти что наказан... Расстаться с вами навсегда больше чем наказание... Чего улыбаетесь? Верьте! Честное слово, верьте! Так горько на душе, так скверно и подло, что рад был бы задушить себя!

Анна Петровна (сквозь слезы). Не думаю, чтобы вы были способны на ужасное что-нибудь... Вы мне напишете по крайней мере?

Платонов. Не посмею я написать к вам, да и вы сами не захотите читать моих писем! Безусловно навсегда... прощайте!

Анна Петровна. Гм... Пропадете вы без меня, Платонов! (Трет себе лоб.) Я чуточку опьянела... Поедем вместе!

Платонов. Нет... Завтра всё узнаете и... (Отворачивается к окну.)

Анна Петровна. Вам нужны деньги?

Платонов. Нет...

Анна Петровна. А... помочь не могу?

Платонов. Не знаю. Пришлите сегодня мне вашу карточку... (Оборачивается.) Уходите, Анна Петровна, или я черт знает чего наделаю! Я разрыдаюсь, отколочу себя и... Уходите! Нельзя мне оставаться! Вам говорят русским языком! Чего же вы ждете? Я должен ехать, поймите вы это! Зачем же так смотреть? Для чего делать такое лицо?

Анна Петровна. Прощайте... (Подает руку.) Мы еще увидимся...

Платонов. Нет... (Целует руку.) Не нужно... Уходите, моя родная... (Целует руку.) Прощайте... Оставьте... (Закрывает себе лицо ее рукой.)

Анна Петровна. Раскис, сердечный, растаял... Ну? Пустите руку... Прощайте! Выпьем на прощании, что ли? (Наливает.) Пейте!.. Счастливого пути, а после пути счастья!

Платонов пьет.

Остался бы, Платонов! А? (Наливает и пьет.) Важно пожили бы... Что за преступление такое? Возможно ли оно в Войницевке?

Пауза.

Налить еще с горя?

Платонов. Да.

Анна Петровна (наливает). Пей, душа моя... Эх, черт возьми!

Платонов (пьет). Будьте счастливы! Живите тут себе... И без меня можно...

Анна Петровна. Пить так пить... (Наливает.) И пить умирать, и не пить умирать, так лучше же пить умирать... (Пьет.) Пьяница я, Платонов... А? Налить еще? Не нужно, впрочем... Язык свяжет, а чем тогда говорить будем? (Садится.) Нет ничего хуже, как быть развитой женщиной... Развитая женщина и без дела... Ну что я значу, для чего живу?

Пауза.

Поневоле безнравственная... Я безнравственная женщина, Платонов... (Хохочет.) А? и тебя люблю, может быть, потому, что безнравственная... (Трет себе лоб.) Я и пропаду... Такие всегда пропадают... Меня бы куда-нибудь профессором, директором... Будь я дипломатом, я бы весь свет перебаламутила... Развитая женщина и... без дела. Не нужна, значит... Лошади, коровы и собаки нужны, а ты не нужна, лишняя... А? Что же ты молчишь?

Платонов. Обоим нам плохо...

Анна Петровна. Хоть бы дети были... Ты любишь детей? (Встает.) Останься, голубчик! Останешься? Хорошо пожили бы!.. Весело, дружно... Ты уедешь, а я же как? Ведь мне же отдохнуть хочется... Мишель! Мне отдохнуть надо! Я хочу быть... женой, матерью...

Пауза.

Не молчи! Говори! Останешься? Ведь... ведь любишь, чудак? Любишь?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Платонов (смотрит в окно). Убью себя, если останусь.

Анна Петровна. Ведь любишь?

Платонов. Кто вас не любит?

Анна Петровна. Ты меня любишь, я тебя тоже, что же тебе еще нужно? С ума ты сходишь, должно быть... Что тебе еще нужно? Отчего тогда ночью не приходил?

Пауза.

Остаешься?

Платонов. Уходите ради бога! Вы мучаете меня!

Анна Петровна (подаёт руку). Ну... в таком случае... Желаю всего лучшего...

Платонов. Уйдите же, или я всё расскажу, а если расскажу, то убью себя!

Анна Петровна. Я руку подаю... Не видите? Я вечером забегу на минуту...

Платонов. Не нужно! Сам приду проститься! Сам к вам приду... Ни за что не приду! Не увидишь ты меня больше, и я тебя не увижу! Сама не захочешь увидеть! Отвернешься навсегда! Новая жизнь... (Обнимает ее и целует.) В последний раз... (Выталкивает ее в дверь.) Прощай! Ступай и будь счастлива! (Запирает дверь на задвижку.)

Анна Петровна (за дверью). Клянусь богом, что увидимся!

Платонов. Нет! Прощай! (Затыкает пальцами уши.) Ничего не слышу! Молчи и уходи! Я заткнул уши!

Анна Петровна. Ухожу! Я пришлю к тебе Сергея и даю слово, что ты не уедешь, а если уедешь, то со мной! Прощай!

Пауза.

явление VI
Платонов (один).

Платонов. Ушла? (Идет к двери и слушает.) Ушла... А может быть и не ушла? (Отворяет дверь.) Она ведь бес... (Смотрит за дверь.) Ушла... (Ложится на диван.) Прощай, милая женщина!.. (Вздыхает.) И не увижу больше никогда... Ушла... Могла бы еще побыть минут пять...

Пауза.

Это было бы недурно! Попрошу-ка Софью отложить отъезд недели на две, а сам с генеральшей поеду! Право... Две недели – только! Софья согласится... Может пока у матери пожить... Попрошу-ка... а?... Пока я буду ездить с генеральшей, Софья поотдохнет... сил наберется то есть... Ну да ведь не навеки же уеду!

Стук в двери.

Еду! Решено! Отлично...

Стук.

Кто стучит? Генеральша? Кто там?

Стук.

Это вы? (Встает.) Не впущу! (Идет к двери.) Она ли это?

Стук.

Хихикает, кажется... (Смеется.) Она... Надо впустить... (Отворяет дверь.) Ах!

Входит Осип.

Явление VII
Платонов и Осип.

Платонов. Что такое? Ты, черт? Зачем пожаловал?

Осип. Здравствуйте, Михаил Васильич!

Платонов. Что скажешь? Чему и кому обязан посещением такой важной персоны? Говори скорей и убирайся к черту!

Осип. Я сяду... (Садится.)

Платонов. Сделайте такое одолжение!

Пауза.

Ты ли это, Осип? Что с тобой? На лице у тебя написаны все десять египетских казней! Что с тобой поделалось? Ты бледен, худ, тощ... Ты болен?

Осип. У вас тоже казни на лице написаны... Что с вами поделалось? Меня черт берет, ну а вы?

Платонов. Я? Я с чертом не знаком... Я сам себя беру... (Трогает Осипа за плечо.) Одни кости!

Осип. Жирок ваш где? Больны, Михаил Васильич? От хорошего поведения?

Платонов (садится рядом). Зачем пришел?

Осип. Проститься...

Платонов. Разве уезжаешь?

Осип. Не я уезжаю, а вы уезжаете.

Платонов. Вот как! А ты почему знаешь?

Осип. Как не знать!

Платонов. Не уезжаю, брат, я. Напрасно ты пришел.

Осип. Уезжаете-с...

Платонов. И всё ты знаешь, и до всего тебе дело... Ты, Осип, колдун. Еду, любезный. Ты прав.

Осип. Вот видите ли, значит, знаю. Знаю даже, куда и поедете!

Платонов. Да? Экий ты какой... А я не знаю. Мудрец, совсем мудрец! Ну-ка скажи, куда?

Осип. А вам хочется знать?

Платонов. Помилуй! Интересно! Куда же?

Осип. На тот свет.

Платонов. Далеко!

Пауза.

Загадка. Не ты ли отправителем будешь?

Осип. Так точно. Подорожную вам принес.

Платонов. Очень приятно!.. Гм... Убить, значит, пришел?

Осип. Так точно...

Платонов (дразнит). Так точно... Какое нахальство, черт побери! Он пришел отправить меня на тот свет... Гм... Убивать меня станешь от себя или же по чьему-нибудь поручению?

Осип (показывает четвертную). Вот... Венгерович дал, чтобы я вашу милость покалечил! (Рвет деньги.)

Платонов. Ага... Старый Венгерович?

Осип. Он самый...

Платонов. Для чего же это ты порвал деньги? Великодушие свое показать хочешь, что ли?

Осип. Не умею я великодушие показывать, а для того деньги эти порвал, чтобы вы не подумали на том свете, что я вас из-за денег убил.

Платонов встает и ходит по сцене.

Боиесь, Михаил Васильич? Страшно? (Смеется.) Бежите, кричите! Около дверей не стою, дверей не держу: выход есть. Подите народ сзывайте, скажите, что Осип убить пришел! А убить пришел... Не верите?

Пауза.

Платонов (подходит к Осипу и смотрит на него). Удивительно!

Пауза.

Что улыбаешься? Дурак! (Бьет его по руке.) Не улыбаться! С тобой говорят! Молчать! Я тебя повешу! Я из тебя мочалу сделаю, разбойник! (Быстро отходит от него.) Впрочем... Не сердь меня... Мне нельзя сердиться... Мне больно.

Осип. Ударьте меня по щеке за то, что я вредный человек!

Платонов. Сколько угодно! (Подходит к Осипу и дает ему пощечину.) Что? Шатаешься? Подожди, не так еще зашатаешься, когда сотни палок будут дробить твою пустую голову! Помнишь, как умер рябой филька?

Осип. Собаке собачья и смерть.

Платонов. В-в-в... как ты отвратителен, тварь! Я исковеркать тебя готов, негодяй! За что ты вредишь им, подлая душа, как болезнь, как шальной огонь? Что они сделали тебе? В-в-в... Мерзавец!! (Бьет его по щеке.) Гадость! Я тебя... я тебя... (Быстро отходит от Осипа.) Ступай!

Осип. Плюньте мне в глаза за то, что я вредный человек!

Платонов. Слюны жалко!

Осип (поднимается). А вы смеете так говорить?

Платонов. Ступай отсюда, пока я тебя с грязью не смешал!

Осип. Не смеете! Вы тоже вредный человек!

Платонов. Ты еще разговаривать со мной станешь? (Подходит к нему.) Ты убить, кажется, пришел? На! Убивай! Вот он я! Убивай же!

Осип. Уважал я вас, господин Платонов, за важного человека почитал! Ну а теперь... Жалко убивать, да надо... Уж вредны очень... Зачем к вам сегодня молодая барыня приходила?

Платонов (треплет его за грудь). Убивай! Убивай же!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Осип. А генеральша зачем после нее приходила? Вы генеральшу обманываете, значит? А жена ваша где? Какая из них троих самая настоящая? а? И вы не вредный человек после этого? (Быстро валит его через ногу и падает вместе с ним на пол.)

Платонов. Прочь пошел! Я убью, а не ты убьешь! Я сильнее тебя!

Борются.

Тише!

Осип. Вы на живот повернитесь! Руки-то не крутите! Рука нисколько не виновата, за что ее крутить? Ну вот еще! На том свете будете, генералу Войницеву от меня поклон низжайший!

Платонов. Пусти!

Осип (вынимает из-за пояса нож). Тише! Всё одно убью! А у вас сила! Важный человек! Не хочется помирать? Не трогай того, что не для тебя положено!

Платонов (кричит). Руку! Пстой, пстой... Руку!

Осип. Не хочется помирать? Сейчас вы в царстве небесном будете...

Платонов. В спину только не бей, железное животное, в грудь бей! Руку! Пусти, Осип! Жена, сын... Это нож блестит? О злоба проклятая!

Вбегает Саша.

Явление VIII
Те же и Саша.

Саша (вбегает). Что такое? (Вскрикивает.) Миша! (Бежит к борющимся и падает на них.) Что вы делаете?

Осип. Кто это? Александра Ивановна? (Вскакивает.) Живой останется! (Саше.) Натё вам ножик! (Дает нож.) При вас не зарежу... Живой останется!! После зарежу! Не уйдет! (Выскакивает в окно.)

Платонов (после паузы). Экий черт... Здорово, Саша! Это ты, кажется? (Стонет.)

Саша. Он не повредил тебя? Можешь встать? Скорей!

Платонов. Не знаю... Эта тварь из чугуна вылита... Дай мне руку! (Поднимается.) Не пугайся, моя родная... Я целехонек. Он меня помял только...

Саша. Какой же он подлый человек! Говорила ведь я тебе, чтоб ты его не трогал!

Платонов. Где диван? Ну что смотришь? Жив твой изменник! Не видишь разве? (Ложится на диван.) Спасибо, что пришла, а то быть бы тебе вдовушкой, а мне покойником!

Саша. Ложись на подушку! (Кладет ему под голову подушку.) Вот так! (Садится ему на ноги.) Ничего не болит?

Пауза.

Зачем ты закрыл глаза?

Платонов. Нет, нет... Это я так... Пришла, Саша? Пришло, мое сокровище? (Целует руку.)

Саша. Коля наш заболел!

Платонов. Что с ним?

Саша. Кашель такой, жар, сыпь... Две ночи уж не спит и кричит... Не пьет, не ест... (Плачет.) Сильно он захворал, Миша! Боюсь я за него!.. Так боюсь! И сон снился нехороший...

Платонов. Что же твой братец смотрит? Ведь он лекарь!

Саша. Что он? Разве он может сочувствовать? Он четыре дня тому назад заехал на минутку, покрутился и уехал. Я ему рассказываю про Колину болезнь, а он щипается да зеваает... Дурой назвал...

Платонов. Вот еще тоже балбес! Он и себя когда-нибудь прозевает! И от себя уедет, когда заболит!

Саша. Что делать?

Платонов. Уповать... Ты у отца теперь живешь?

Саша. Да.

Платонов. Он же что?

Саша. Ничего. Ходит себе по комнате, трубку курит да к тебе съездить собирается. Я приехала к нему встревоженная, ну а он и догадался, что я... что мы с тобой... Что с Колей делать?

Платонов. Не беспокойся, Саша!

Саша. Как же не беспокоиться? Умри он, чего не дай господи, что с нами тогда будет?

Платонов. Да... Не возьмет бог у тебя нашего мальчишку! За что тебя наказывать? Разве за то, что за шалопая замуж вышла?

Пауза.

Береги, Саша, моего маленького человечка! Сбереги ты мне его, и клянусь я тебе всем святым, что я сделаю из него человека! Каждый его шаг будет твоею радостью! А ведь он, бедняга, тоже Платонов! Фамилию бы ему только переменить... Как человек я мал, ничтожен, но как отец я буду велик! Не бойся за его судьбу! Ох, рука! (Стонет.) Рука у меня болит... Сильно помял ее тот разбойник... Что с ней? (Рассматривает руку.) Красна... Ну черт с ней! Так-то, Саша... Счастлива будешь ты сыном! Смеешься... Смейся, мое золото! А теперь плачешь? Чего же ты плачешь? Гм... Не плачь, Саша! (Обнимает ее голову.) Пришла... А зачем уходила? Не плачь, суслик! Для чего слезы? Ведь люблю тебя, девочка!.. Сильно люблю! Велика моя вина, но что поделаешь? Простить надо... Ну, ну...

Саша. Интрига кончилась?

Платонов. Интрига? Что это за слово, мещаночка?

Саша. Не кончилась?

Платонов. Как тебе сказать? Интриги нет никакой, но есть какая-то чудовищная галиматья... Не смущайся сильно этой галиматъей! Если не кончилась она, то скоро... кончится!

Саша. Когда же?

Платонов. Надо думать, что скоро! Скоро заживем, Саша, по-старому! Пропали оно, всё новое! Измучился весь, истаскался... Не верь ты в прочность этого узла, как я не верю! Не туго он затянут... Сама она первая охладит и первая взглянет со смехом и горечью на этот узел. Не пара мне Софья. В ней бродит то, что во мне давно уже перебродило; она со слезами умиления смотрит на то, что я не могу видеть без смеха... Не пара она мне...

Пауза.

Верь мне! Софья недолго будет твоей соперницей... Саша, что с тобой?

Саша встает и шатается.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
(Поднимается.) Саша!

Саша. Ты... ты с Софьей, а не с генеральшей?

Платонов. Первый раз об этом слышишь?

Саша. С Софьей?.. Подло... низко...

Платонов. Что с тобой? Ты бледна, шатаешься... (Стонет.) Не мучь хоть ты меня, Саша! Рука болит, а тут ты еще... Неужели это... это для тебя новость? В первый раз слышишь? Отчего же ты тогда ушла? Разве не от Софьи?

Саша. С генеральшей уж так и сяк, ну а с чужой женой?! Низко, грешно... Не ожидала я от тебя такой подлости! Бог тебя накажет, бессовестный человек! (Идет к двери.)

Платонов (после паузы). Возмущена? Но куда ты?

Саша (останавливается у двери). Дай бог счастья...

Платонов. Кому?

Саша. Вам и Софье Егоровне.

Платонов. Глупых романов начиталась, Саша! Я для тебя еще «ты»: у нас мальчишка есть, и я... все-таки же твой муж! А во-вторых, не нужно мне счастья!.. Останься, Саша! Ты вот уходишь... И, небось, навсегда?

Саша. Не могу! Ох, боже мой, боже мой...

Платонов. Не можешь?

Саша. Боже мой... И неужели это правда? (Берется руками за виски и приседает.) Я... Я не знаю, что делать...

Платонов. Не можешь? (Подходит к ней.) Твоя воля... А то осталась бы! Зачем реветь, дурочка?

Пауза.

Эх, Саша, Саша... Велик мой грех, но неужели уж и простить нельзя?

Саша. А сам ты себя простил?

Платонов. Философский вопрос! (Целует ее в голову.) Осталась бы... Каюсь ведь! Ведь без тебя водка, грязь, Осипы... Замучился! Сиделкой, а не женой останься! Станный народ вы, женщины! Станна ты, Саша! Если ты кормишь негодяя Осипа, не даешь покоя своим милосердием собакам и кошкам, читаешь до полночи акафисты за каких-то врагов своих, то что стоишь тебе своему провинившемуся, кающемуся мужу? Зачем и ты являешься палачом? Останься, Саша! (Обнимает ее.) Не могу без няньки! Я негодяй, я у друга жену отнял, я любовник Софьи, быть может даже любовник и генеральши, я многоженец, большой мошенник с точки зрения семьи... Возмущайся, негодуй! Но кто тебя так любить будет, как я люблю? Кто оценит тебя так дорого, бабенка, как я оценил? Кому ты обед варить будешь, чай суп пересаливать? Права будешь, коли уйдешь... Справедливость этого требует, но... (поднимает ее) кто тебя поднимать так будет? Возможна ли ты, золото, без меня?

Саша. Не могу! Пусти меня! Я пропала! Ты шутишь, а я пропадаю! (Вырывается.) Ведь знаешь, что это не шутка? Прощай! Не могу я жить с тобой! Теперь все тебя будут считать подлым человеком! Каково же мне?! (Рыдает.)

Платонов. Ступай с богом! (Целует ее в голову и ложится на диван.) Я понимаю...

Саша. Разбил нашу семью... Счастливо, покойно жили... Счастливей меня никого и не было на свете... (Садится.) Что ты наделал, Миша? (Встает.) Что ты наделал? Ведь не воротись теперь... Пропащая я... (Рыдает.)

Платонов. Иди с богом!

Саша. Прощай! Не увидишь меня больше! Не езди к нам... Колю к тебе отец будет возить... БОГ тебя простит, как я прощаю! Погубил ты нашу жизнь!

Платонов. Ты ушла?

Саша. Ушла... Хорошо... (Смотрит некоторое время на Платонова и уходит.)

Явление IX

Платонов (один) и потом Войницев.

Платонов. Вот для кого начинается новая жизнь! Больно!! Всего лишаясь... С ума схожу! Боже мой! Саша, комашка, клоп – и та осмеливается, и та... в силу какой-то святости имеет право бросать в меня камни! Проклятые обстоятельства! (Ложится на диван.)

Войницев входит и останавливается у двери.

(После паузы.) Это эпилог или еще только комедия? (Увидев Войницева, закрывает глаза и слегка храпит.)

Войницев (подходит к Платонову). Платонов!

Пауза.

Ты не спишь... Я вижу это по твоему лицу... (Садится возле.) Не думаю, чтобы... можно было спать...

Платонов поднимается.

(Встает и смотрит в окно.) Ты меня убил... Ты это знаешь?

Пауза.

Благодарю... Мне что? Бог с тобой... Пусть. Значит, так тому и быть... (Плачет.)

Платонов встает и медленно идет в другой угол комнаты.

Раз получил от судьбы подарок и... тот отняли! Мало ему его ума, его красоты, его великой души... Ему понадобилось еще мое счастье! Отнял... А я? Что я? Я ничего... Так... Больной, недалекого ума, женоподобный, сентиментальный, обиженный богом... С склонностью к безделью, мистицизму, суеверный... Добил друг!

Платонов. Уйди отсюда!

Войницев. Сейчас... Шел на дуэль вызвать, а пришел и разревелся... Я уйду.

Пауза.

Я окончательно потерял?

Платонов. Да.

Войницев (свистит.) Так... Разумеется...

Платонов. Уйди отсюда! Я прошу! Уйди!

Войницев. Сейчас... Что мне здесь делать? (Идет к двери.) Нечего мне здесь делать...

Пауза.

Отдай мне ее назад, Платонов! Будь добр! Моя ведь она! Платонов! Ты и так счастлив! Спаси, голубчик! А? Отдай! (Рыдает.) Ведь она моя! Моя! Понимаешь?

Платонов (идет к дивану). Уходи... Я застрелюсь... Клянусь честью!

Войницев. Не надо... Бог с вами! (Машет рукой и уходит.)

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Платонов (хватает себя за голову). О несчастный, жалкий! Боже мой! Проклятие моей богом оставленной голове! (Рыдает.) Прочь от людей, гадина! Несчастьем был я для людей, люди были для меня несчастьем! Прочь от людей! Бьют, бьют и никак не убьют! Под каждым стулом, под каждой щепкой сидит убийца, смотрит в глаза и хочет убить! Бейте! (Бьет себя по груди.) Бейте, пока еще сам себя не убил! (Бежит к двери.) Не бейте меня по груди! Растерзали мою грудь! (Кричит.) Саша! Саша, ради бога! (Отворяет дверь.)

Входит Глагольев 1.

Явление X

Платонов, Глагольев 1 и потом Глагольев 2.

Глаголев 1 (входит окутанный, с костью). Вы дома, Михаил Васильич? Очень рад... Я вам помешал... Но я не задержу вас, я сейчас же уйду... Задам вам один вопрос. Вы ответите, и я уйду. Что с вами, Михаил Васильич? Вы бледны, шатаетесь, дрожите... что с вами?

Платонов. Что со мной? А? Я пьян, должно быть, или... схожу с ума! Я пьян... пьян... Голова кружится...

Глагольев 1 (в сторону). Спрошу! Что у трезвого на душе, то у пьяного на языке. (Ему.) Вопрос странный, может быть даже глуп, но, ради бога, ответьте мне, Михаил Васильич! Вопрос мой для меня жизненный вопрос! Ответу вашему я поверю, потому что я знаю вас за честнейшего человека... Пусть мой вопрос покажется вам странным, нелепым, глупым и даже, быть может, оскорбительным, но, ради бога... ответ! Я нахожусь в страшном положении! Наша общая знакомая... Вы ее хорошо знаете... Я считал ее совершенством в человеческом смысле... Анна Петровна Войницева... (Поддерживает Платонова.) Не упадите, ради бога!

Платонов. Уйдите! Я всегда считал тебя... вас глупым стариком!

Глагольев 1. Вы друг ее, вы знаете ее, как свои пять пальцев... Ее мне или оклеветали, или... открыли мне глаза... Она честная женщина, Михаил Васильич? Она... она... Имеет ли она право быть женою честного человека?

Пауза.

Не знаю, как формулировать свой вопрос... Поймите меня, ради бога! Мне сказали, что она...

Платонов. Всё подло, низко, грязно на этом свете! Всё... подло... низко... (Падает без чувств на Глагольева и валится на землю.)

Глагольев 2 (входит). Что же ты застрял здесь? Я не намерен ждать!

Глагольев 1. Всё подло, грязно, низко... Всё, в том числе, значит, и она...

Глагольев 2 (смотрит на Платонова). Отец, что это с Платоновым?

Глагольев 1. Отвратительно пьян... Да, подло, грязно... Глубокая, беспощадная, колючая правда!

Пауза.

Едем в Париж!

Глагольев 2. Что?! В Па... в Париж? Зачем тебе в Париж? (Хохочет.)

Глагольев 1. Валяться так, как этот валяется! (Указывает на Платонова.)

Глагольев 2. Валяться... в Париже?!

Глагольев 1. Едем искать счастья на другом поприще! Довольно! Полно играть комедию для самого себя, морочить себя идеалами! Нет больше ни веры, ни любви! Нет людей! Едем!

Глагольев 2. В Париж?

Глагольев 1. Да... Если грешить, то грешить на чужой, а не на родной земле! Пока еще не сгнили, заживем по-людски! Будь учителем, сын! Едем в Париж!

Глагольев 2. Вот это мило, отец! Ты научил меня читать, а я научу тебя жить! Едем!

Уходят.

<Конец третьего действия>

Действие четвертое

Кабинет покойного генерала Войницева. Две двери. Старинная мебель, персидские ковры, цветы. Стены увешаны ружьями, пистолетами, кинжалами (кавказской работы) и т. п. Фамильные портреты. Бюсты Крылова, Пушкина и Гоголя. Этажерка с чучелами птиц. Шкаф с книгами. На шкафу мундштуки, коробки, палки, ружейные стволы и т. п. Письменный стол, заваленный бумагами, портретами, статуэтками и оружием. Утро.

Явление I

Софья Егоровна и Катя входят.

Софья Егоровна. Вы не волнуйтесь! Говорите толком!

Катя. Что-то нехорошее делается, барыня! Двери и окна все настежь, в комнатах переверочено, перебито... Дверь сорвана с крючьев... Что-то нехорошее случилось, барыня! Недаром у нас курица петухом пела!

Софья Егоровна. Что же вы думаете?

Катя. Ничего не думаю, барыня. Что я могу думать? Знаю только, что случилось что-то... Или Михаил Васильич уехали совсем, или же руку на себя наложили... У них, барыня, горячий карахтер! Я их уж два года знаю...

Софья Егоровна. Нет... На деревне вы были?

Катя. Была-с... Нету нигде... Часа четыре ходила...

Софья Егоровна (садится). Что делать? Что же делать?

Пауза.

Вы уверены в том, что его здесь нигде нет? Уверены?

Катя. Не знаю, барыня... Нехорошее что-то случилось... Недаром у меня сердце ноет! Бросьте, барыня! Грех ведь! (Плачет.) Барина Сергея Павловича жалко... Красавец был такой, а на что похож стал? Измаялся за два дня, сердечный, и как шальной ходит. Перевелся хороший господин... Михаила Васильича жалко... Бывало, самый веселый человек был, проходу, бывало, от его веселости не было, а теперь он на смерть похож стал... Бросьте, барыня!

Софья Егоровна. Что бросить?

Катя. Любовь. Что с нее толку? Одна только срамота. И вас жалко. На что вы похожи стали? Похудали, не пьете, не кушаете, не спите, а одно только и делаете, что кашляете...

Софья Егоровна. Ступайте, Катя, опять! Может быть, он уже в школе.

Катя. Сейчас...

Пауза.

Вы бы спать легли.

Софья Егоровна. Ступайте, Катя, опять! Вы ушли?

Катя (в сторону). Не мужицкого ты звания! (Резко, плаксиво.) Куда же мне идти,
Страница 90

барыня?

Софья Егоровна. Мне спать хочется. Я всю ночь не спала. Не кричи так громко! Уйди отсюда!

Катя. Слушаю... Напрасно вы себя так изводите!.. Шли бы к себе в комнату да легли бы на постель! (Уходит.)

Явление II

Софья Егоровна и потом Войнищев.

Софья Егоровна. Ужасно! Дал вчера честное слово явиться в избу к десяти часам и не явился... Ждала его до рассвета... И это честное слово! Это любовь, это наш отъезд!.. Он не любит меня!

Войнищев (входит). Спать лягу... Может быть, усну как-нибудь... (Увидев Софью Егоровну.) Вы... у меня? В моем кабинете?

Софья Егоровна. Я здесь? (Смотрит кругом.) Да... Но я зашла сюда нечаянно, сама того не замечая... (Идет к двери.)

Войнищев. На минуту!

Софья Егоровна (останавливается). Ну?

Войнищев. Дайте мне, пожалуйста, минуты две-три... Можете вы здесь побыть две-три, минуты?

Софья Егоровна. Говорите! Вы сказать что-нибудь хотите?

Войнищев. Да...

Пауза.

Прошло то время, когда мы в этой комнате не были чужими друг для друга...

Софья Егоровна. Прошло.

Войнищев. Извините впрочем, я заговариваться стал. Вы уезжаете?

Софья Егоровна. Да.

Войнищев. Гм... Скоро?

Софья Егоровна. Сегодня.

Войнищев. С ним?

Софья Егоровна. Да.

Войнищев. Желаю вам счастья!

Пауза.

Хороший материал для счастья! Разыгравшаяся плоть и несчастье другого... Несчастье другого всегда бывает чьим-нибудь счастьем! Впрочем, это старо... Новая ложь охотнее слушается, чем старая истина... Бог с вами! Живите, как знаете!

Софья Егоровна. Вы хотели что-то сказать.

Войнищев. А разве я молчу? Ну да... Вот что я хотел сказать... Я хочу, чтобы я пред вами был совершенно чист, не был бы вам должен, а потому прошу вас извинить за мое вчерашнее поведение... Я вчера вечером наговорил вам дерзостей, был груб, зол... Извините, пожалуйста... Извиняете?

Софья Егоровна. Извиняю. (Хочет уйти.)

Войнищев. Пойдите же, пойдите, еще не всё! Я скажу еще что-нибудь. (Вздыхает.)

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Я сумасшедший, Софи! Не в силах перенести этот страшный удар... Я сумасшедший, но еще пока всё понимаю... В моей голове среди необъятного тумана, в массе чего-то такого серого, свинцового, тяжелого торчит светлый кусочек, которым я всё понимаю... Оставит меня и этот кусочек, ну тогда, значит... совсем пропал. Я всё понимаю...

Пауза.

Это стою я в своем кабинете; в этом кабинете жил когда-то мой отец, свиты его величества генерал-майор Войницев, георгиевский кавалер, человек великий, славный! На нем видели одни только пятна... Видели, как он бил и топтал, а как его били и топтали, никто не хотел видеть... (Указывает на Софью Егоровну.) Это моя экс-жена...

Софья Егоровна хочет уйти.

Войницев. Пойдите! Дайте договорить! Глупо говорю, но послушайте! В последний раз ведь!

Софья Егоровна. Всё вы уже сказали... Что вы еще можете сказать? Расстаться нужно... Что же еще тут говорить? Вам хочется доказать, что я виновата перед вами? Не трудитесь! Я знаю, что мне думать о себе самой...

Войницев. Что я могу сказать? Ох, Софья, Софья! Ничего ты не знаешь! Ничего, иначе ты не смотрела бы так надменно! Что выделяется в душе моей, так это ужас! (Становится перед ней на колени.) Что ты делаешь, Софи? Куда ты пхаешь себя и меня? Ради бога, пожалей! Умираю и схожу с ума! Останься со мной! Всё забуду, всё простил уже... Буду твоим рабом, любить тебя буду... буду, как доселе не любил! Я дам тебе счастье! Ты будешь счастлива у меня, как богиня! Не даст он тебе счастья! И себя погубишь, и его погубишь! Погубишь Платонова, Софья!.. Знаю, что насильно мил не будешь, но останься! Опять ты будешь весела, не будешь так мертвецки бледна, так несчастлива! Опять я буду человеком, опять будет ходить к нам... Платонов! Утопия, но... останься! Воротим прошлое, пока еще не поздно! Платонов согласится... Я знаю его... Он не любит тебя, а так... ты отдалась ему, а он и взял... (Встает.) Ты плачешь?

Софья Егоровна (встает). Не принимайте этих слез на свой счет! Может быть, Платонов согласится... Пусть соглашается! (Резко.) Вы все подлые люди! Где Платонов?

Войницев. Не знаю я, где он.

Софья Егоровна. Не приставайте ко мне! Отстаньте! Я вас ненавижу! Убирайтесь прочь! Где Платонов? Подлые люди... Где он? Ненавижу я вас!

Войницев. За что?

Софья Егоровна. Где он?

Войницев. Я дал ему денег, и он обещал мне уехать. Если он исполнил свое обещание, то, значит, уехал.

Софья Егоровна. Вы его подкупили? Что вы лжете?

Войницев. Я дал ему тысячу рублей, и он отказался от вас. Впрочем, лгу! Всё это я лгу! Не верьте вы мне, ради бога! Жив и здоров этот проклятый Платонов! Подите берите его, целуйтесь с ним!.. Не подкупал я его! И неужели вы... он будет счастлив? И это моя жена, моя Софья... Что же всё это значит? И до сих пор даже не верю! Вы с ним платонически? Не дошло еще до... крупного?

Софья Егоровна. Я его жена, любовница, что хотите! (Хочет уйти.) Для чего задерживать? У меня нет времени выслушивать разные...

Войницев. Постой, Софья! Ты его любовница? С какой же это стати? Ты так смело говоришь! (Хватает ее за руку.) И ты могла? Ты могла?

Входит Анна Петровна.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Софья Егоровна. Отстаньте! (Уходит.)

Явление III
Войницев и Анна Петровна.

Анна Петровна входит и смотрит в окно.

Войницев (машет рукой). Шабаш!

Пауза.

Что там?

Анна Петровна. Осипа мужики убили.

Войницев. Уже?

Анна Петровна. Да... Около колодезя... Видишь? Вон он!

Войницев (смотрит в окно). Что ж? Так ему и надо.

Пауза. Анна Петровна. Слыхал, сынок, новости? Платонов, говорят, куда-то исчез и... Читал письмо?

Войницев. Читал.

Анна Петровна. Тю-тю имение! Как тебе это нравится? Сплыло... Бог дал, бог и взял... Вот тебе и хваленый коммерческий фокус! А всё потому, что Глагольеву поверили... Обещался купить имение, а на торгах не был... Прислуга говорит, что в Париж уехал... Сострил, каналья, на старости лет! Не будь его, платили бы мы с тобой потихонечку проценты да жили бы... (Вздыхает.) Не следует на этом свете доверять врагам, а заодно уж с ними и друзьями!

Войницев. Да, не следует верить друзьям!

Анна Петровна. Ну, феодал? Что теперь делать будешь? Куда пойдешь? Бог предкам дал, а у тебя взял... Ничего у тебя не осталось...

Войницев. Мне всё одно.

Анна Петровна. Нет, не всё одно. Кушать что будешь? Давай сядем... (Садятся.) Как ты мрачен... Что ж делать? Жалко расставаться с гнездышком, но что же поделаешь, голубчик мой? Не воротишь... Так тому и быть, значит... Будь умницей, Сержень!

Первое дело – хладнокровие.

Войницев. Не обращайтесь на меня внимания, татап! Что уж обо мне-то говорить? Вы сами едва сидите... Утешьте сперва себя самое, а потом придите и меня утешать.

Анна Петровна. Ну... Не о бабах речь... Баб всегда на задний план... Первое дело – хладнокровие! Ты потерял то, что у тебя было, а важно не то, что было, а то, что впереди. У тебя целая жизнь впереди, хорошая, трудовая, мужская жизнь! Чего же тебе горевать? Поступишь в прогимназию или гимназию, начнешь работать... Ты у меня молодец. Филолог, благонамеренный такой, ни в какие дела нехорошие не суешься, убеждения имеешь, тихоня, женат... Коли захочешь, ты далеко пойдешь! Умница ты у меня мальчик! Не надо только с женою ссориться... Не успели пожениться, как уже и ссоритесь... Отчего ты мне не скажешь, Сержень? Болеешь душой, а молчишь... Что происходит между вами?

Войницев. Не происходит, а уже произошло.

Анна Петровна. Что же? Или, может быть, секрет?

Войницев (вздыхает). Страшное несчастье стряслось над нашим домом, мама Аня! Отчего я вам не сказал до сих пор? Не знаю. Все надеялся, да и стыдно говорить... Сам только вчера утром узнал... А на имение мне наплевать!

Анна Петровна (смеется). Как ты меня пугаешь! Рассердилась, что ли?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Войницев. Смейтесь! Подождите, не так еще засмеетесь!

Пауза.

Она изменила мне... Честь имею рекомендоваться: рогатый муж!

Анна Петровна. Что за глупости, Сергей?! Что за глупые фантазии! Говорить о таких чудовищных вещах и говорить не думая! Удивительный ты человек! Иногда такое сморозишь, что просто уши вянут! Рогатый муж... Не знаешь ты, значит, что это значит...

Войницев. Знаю, татап! Не теоретически, но уже практически знаю!

Анна Петровна. Жены своей не оскорбляй, чудак! Ах...

Войницев. Клянусь вам богом!

Пауза.

Анна Петровна. Странно... О невозможных вещах говоришь ты. Ты клеветешь! Невозможно! Здесь, в Войницевке?

Войницев. Да, здесь, в вашей проклятой Войницевке!

Анна Петровна. Гм... Да кому здесь, в нашей проклятой Войницевке, может залезть в голову невозможная мысль поставить на твою аристократическую голову рога? Совершенно некому! Младшему Глагольеву разве? Навряд, Глагольев перестал к нам ездить... Твоя Софи никому здесь не под стать. Глупо ревнуешь, милый!

Войницев. Платонов!

Анна Петровна. Что Платонов?

Войницев. Он.

Анна Петровна (вскакивает). Можно говорить глупости, но такие глупости, как ты сейчас сказал, послушай... Сморозил!! Меру знать нужно! Непростительно глупо!

Войницев. Спросите ее, подите спросите его самого, если не верите! Сам не хотел и не хочу верить, а она уезжает сегодня, оставляет меня! Нужно верить! И он с ней едет! Да неужели же, наконец, вы не видите, что я хожу и смотрю на свет белый, как дохлая кошка! Я пропадаю!

Анна Петровна. Не может быть этого, Сергей! Это плод твоей мальчишеской фантазии! Верь мне! Ничего этого нет!

Войницев. Верьте мне, что она уезжает сегодня! Верьте, что она не перестает в эти последние два дня твердить мне, что она его любовница! Она сама! Произошло такое, чему невозможно поверить, но приходится помимо желания и сверх всяких сил верить!

Анна Петровна. Помню, помню... Теперь всё понимаю... Дай стуло, Сергей! Нет, не нужно... Так вот оно что! Гм... Постой, постой, дай припомнить, как следует...

Пауза.

Входит Бугров.

Явление IV

Анна Петровна, Войницев и Бугров.

Бугров (входит). Здравствуйте-с! С воскресным днем-с! живы, здоровы-с!

Анна Петровна. Да-да-да... Это ужасно...

Бугров. Дождик идет, а жарко... (Утирает лоб.) Ффф... Сваришься, покедова дойдешь или доедешь... Здоровы-с?

Пауза.

Я собственно по тому случаю заехал к вам-с, что вчерась были торги, как вам известно... А к тому как это, знаете, немножко (смеется) для вас, разумеется, чувствительно и обидно, то я... то вы на меня не обижайтесь, сделайте милость! Не я купил именье! Купил его Абрам Абрамыч, а на мое имя только...

Войницев (сильно звонит). Черт бы их побрал...

Бугров. Так-то-с... Вы не подумайте-с... Не я-с... Следовательно, на мое только имя, стало быть! (Садится.)

Яков входит.

Войницев (Якову). Сколько раз я просил вас, подлецов, мерзавцев (кашляет), негодяев, не впускать никого без доклада! Перепороть вас всех, скотов! (Бросает звонок под стол.) Вон отсюда! Мерзавцы... (Ходит по сцене.)

Яков пожимает плечами и уходит.

Бугров (кашляет). На мое имя, только-с... Абрам Абрамыч приказал передать, что жить можете тут сколько вашей душе угодно, хоть до Рождества... Переделочки тут кое-какие будут, ну да они вам не помешают-с... А ежели что такое, и во флигель можете перебраться... Комнат много, да и тепло-с... Он приказал еще спросить-с, не желаете ли вы продать мне, то есть на мое имя, шахты? Шахты ваши-с, Анна Петровна... Вот не желаете ли в настоящее время продать их? Цену хорошую дадим...

Анна Петровна. Нет... Не продам никакому черту я шахт! Что вы мне за них дадите? Грош? Подавитесь этим грошом!

Бугров. Абрам Абрамыч велел еще передать, что в случае ежели если не угодно будет-с вам, Анна Петровна, продать ему свои шахты с вычетом долга Сергея Павлыча и покойника его превосходительства Павла Иваныча, то он протестует векселя... И я тоже протестую-с... Хи-хи-с... Дружба дружбой, знаете, а денежки врозь... Коммерция! Проклятое дело такое. Я, того... купил ваши векселя у Петрина...

Войницев. Никому я не позволю рассчитывать на имение моей мачехи! Ее имение – не мое!..

Бугров. Они, может быть, сжалятся...

Войницев. Некогда мне с вами разговаривать!.. Э-э... (Машет рукой.) Делайте, что хотите!

Анна Петровна. Оставьте нас, Тимофей Гордеич! Извините... Уйдите, пожалуйста!

Бугров. Слушаю-с... (Встает.) Так вы не извольте беспокоиться... Жить здесь можете хоть до Рождества. Я завтра или послезавтра заеду-с. Будьте здоровы-с! (Уходит.)

Анна Петровна. Завтра же выедем отсюда! Да, теперь помню... Платонов... Так вот оно то, от чего он бежит!..

Войницев. Пусть делают, что хотят! Пусть всё берут! Нет у меня уж больше жены, ничего же мне и не нужно! Нет жены, тапан!

Анна Петровна. Да, нет у тебя больше жены... Но что он нашел в этой размазне Софье? Что он нашел в этой девчонке? Что он мог в ней найти? Как неразборчивы эти глупые мужчины! Они способны увлечься всякою дрянью... Ты же чего смотрел, муж? Где были твои глаза? Плакса! Нюнил до тех пор, пока не утащили из-под его носа жены! И это мужчина! Мальчишка ты! Женят вас, мальчишек, дураков, только насмех, ослов этаких! Оба вы никуда не годитесь, ни ты, ни твой Платонов! Это из рук вон что такое!

Войницев. Ничто теперь не поможет, не помогут и упреки. Она уже не моя, а он не ваш. Что ж тут много рассказывать? Оставьте меня, тапан! Не выносите моей глупой физиономии!

Анна Петровна. Но что же делать? Что-нибудь да нужно же сделать! Надо спасти!

Войницев. Кого спасти? Спасать нужно одного только меня... Они пока счастливы. (Вздыхает.)

Анна Петровна. Поди ты с своей логикой! Их, а не тебя спасать нужно! Платонов не любит ее! Знаешь ты это? Он обольстил ее, как ты когда-то обольстил свою глупую немку! Не любит он ее! Уверяю тебя! Что она говорила тебе? Что ты молчишь?

Войницев. Она говорила, что она его любовница.

Анна Петровна. Дура она его, а не любовница! Замолчи! Может быть, еще можно поправить... Платонов из-за одного только поцелуя или пожатия руки в состоянии поднять шум... До крупного у них дело не доходило еще! Я в этом уверена...

Войницев. Доходило!

Анна Петровна. Ты ничего не понимаешь.

Входит Грекова.

Явление V
Войницев, Анна Петровна и Грекова.

Грекова (входит). Вот где вы! Здравствуйте! (Подает руку Анне Петровне.) Здравствуйте, Сергей Павлович! Извините, пожалуйста, я, кажется, вам помешала... Гость не вовремя хуже... хуже... Как это говорится? Хуже татару, ну да... Я к вам на минуточку... Вы и представить себе не можете! (Смеется.) Я вам сейчас покажу, Анна Петровна... Извините, Сергей Павлович, мы будем секретничать... (Отводит Анну Петровну в сторону.) Прочтите... (Подает ей записку.) Это я вчера получила... Прочтите!

Анна Петровна (пробегает записку). А...

Грекова. Я, знаете ли, в суд подала... (Кладет ей на грудь голову.) Пошлите за ним, Анна Петровна! Пусть он придет!

Анна Петровна. Для чего это вам?

Грекова. Я хочу посмотреть, какое у него теперь лицо... Что у него теперь на лице написано? Пошлите за ним! Умоляю вас! Я хочу ему два слова сказать... Вы не знаете, что я наделала! Что я наделала! Не слушайте, Сергей Павлович! (Шепотом.) Я ездила к директору... Михаила Васильича переведут по моей просьбе в другое место... Что я наделала! (Плачет.) Пошлите за ним!.. Кто знал, что он напишет это письмо?! Ах, если б я могла знать! Боже мой... Я страдаю!

Анна Петровна. Идите, моя дорогая, в библиотеку! Я сейчас приду к вам, тогда и потолкуем... Мне нужно с Сергеем Павловичем наедине поговорить...

Грекова. В библиотеку? Хорошо... А вы пошлете за ним? Какое у него лицо теперь после этого письма? Вы читали? Дайте я спрячу! (Прячет письмо.) Милая моя, дорогая... Прошу вас! Я пойду... но вы пошлите! Не слушайте, Сергей Павлович! Будемте говорить по-немецки, Анна Петровна! Schicken Sie, meine Liebe![28]

Анна Петровна. Хорошо... Ступайте же!

Грекова. Хорошо... (Быстро целует ее.) Не сердитесь на меня, моя дорогая! Я... я страдаю! Вы не можете себе представить! Я уйду, Сергей Павлович! Можете продолжать свою беседу! (Уходит.)

Анна Петровна. Я сейчас всё разузнаю... Ты не кипятись! Может быть, можно будет еще починить твою семью... Ужасная история! Кто мог ожидать?! Я сейчас поговорю с Софьей! Я спрошу ее как следует... Ты ошибаешься и глупишь... Впрочем, нет! (Закрывает руками лицо.) Нет, нет...

Войницев. Нет! Не ошибаюсь я!

Анна Петровна. А все-таки я поговорю с ней... Я и с ним пойду поговорю...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Войницев. Идите говорите! Напрасно только! (Садится за стол.) Уедемте отсюда!
Нет надежды! И соломинки нет, за которую можно было бы ухватиться...

Анна Петровна. Я сейчас всё разузнаю... А ты сиди и плачь! Спать ложись, мужчина!
Где Софья?

Войницев. Должно быть, у себя...

Анна Петровна уходит.

Явление VI
Войницев и потом Платонов.

Войницев. Тяжелое горе! Сколько времени оно будет тянуться? И завтра, и послезавтра, и через неделю, через месяц, год... Нет конца муке! Застрелиться нужно.

Платонов (входит с подвязанной рукой). Сидит... Плачет, кажется...

Пауза.

Мир душе твоей, мой бедный друг! (Подходит к Войницеву.) Ради бога, выслушай! Не оправдаться я пришел... Не мне и не тебе судить меня... Я пришел просить не за себя, а за тебя... Братски прошу тебя... Ненавидь, презирай меня, думай обо мне как хочешь, но не... убивай себя! Я не говорю про револьверы, а... вообще... Ты слаб здоровьем... Горе добьет тебя... Не буду я жить!.. Я себя убью, не ты себя убьешь! Хочешь моей смерти? Хочешь, чтоб я перестал жить?

Пауза.

Войницев. Ничего я не хочу.

Входит Анна Петровна.

Явление VII
Войницев, Платонов и Анна Петровна.

Анна Петровна. Он здесь?! (Медленно подходит к Платонову.) Платонов, это правда?

Платонов. Правда.

Анна Петровна. Он еще смеет... смеет говорить так хладнокровно! Правда... Подлый человек, ведь вы знали, что это подло, низко?

Платонов. Подлый человек... Нельзя ли повежливей? Ничего я не знал! Я знал и знаю из всей этой истории одно только то, что я никогда не желал ему и тысячной доли того, что он теперь переносит!

Анна Петровна. И кроме этого вам, друг, не мешало бы еще знать, что жена одного друга не должна и не может быть игрушкой другого! (Кричит.) Не любите вы ее! Вам скучно было!

Войницев. Спросите его, тамап, зачем он пришел?

Анна Петровна. Подло! Подло играть людьми! Они такие же живые существа, как и вы, чересчур умный человек!

Войницев (вскакивает). Пришел сюда! Дерзость! Зачем вы явились сюда? Знаю, зачем вы явились, но не удивите и не поразите нас своими громкими фразами!

Платонов. Кого это «нас»?

Войницев. Знаю я теперь цену всем этим громким фразам! Оставьте меня в покое! Если вы пришли многоглаголением искупить свою вину, то знайте же, что пышными речами не искупишь вины!

Платонов. Как пышными речами не искупишь вины, так криком и злостью не докажешь ее, но я ведь, кажется, сказал, что я застрелюсь?

Войницев. Не так искупают свою вину! Не словами, которым я теперь не верю! Презираю ваши слова! Вот как искупает вину русский человек! (Показывает в окно.)

Платонов. Что там?

Войницев. Вон у колодезя лежит искупивший свои вины!

Платонов. Видел... А вы-то зачем фразерствуете, Сергей Павлович? Вы ведь, кажется, теперь в горе... Вы весь обратились в горе и в то же время театральничаете? Чему это приписать: неискренности или же... глупости?

Войницев (садится), Матап, спросите его, зачем он пришел сюда?

Анна Петровна. Платонов, что вам здесь нужно?

Платонов. Вы сами спросите, зачем беспокоить матап? Всё пропало! Жена ушла – и всё пропало, ничего не осталось! Прекрасная, как майский день, Софи – идеал, за которым не видно других идеалов! Без женщины мужчина – что без паров машина! Пропала жизнь, улетучились пары! Всё пропало! И честь, и человеческое достоинство, и аристократизм, всё! Конец пришел!

Войницев. Не слушаю я. Можете оставить меня!

Платонов. Разумеется. Не оскорбляй, Войницев! Я пришел сюда не за тем, чтобы меня оскорбляли! Не дает тебе права твое несчастье топтать меня в грязь! Я человек, и обходись же со мной по-человечески. Несчастлив ты, но ничего ты не стоишь со своим несчастьем в сравнении с теми страданиями, которые вынес я после твоего ухода! Была страшная ночь, Войницев, после того, как ты ушел! Клянусь вам, филантропы, что ваше несчастье не стоит и тени моих мук!

Анна Петровна. Очень может быть, но кому какое дело до вашей ночи, до ваших мук?

Платонов. И вам нет дела?

Анна Петровна. Уверяю вас, что и нам нет дела!

Платонов. Да? Не лгите, Анна Петровна! (Вздыхает.) А может быть, вы по-своему и правы... Может быть... Но где же людей искать? К кому идти? (Закрывает лицо руками.) Где же люди? Не понимают... Не понимают! Кто же поймет? Глупы, жестоки, бессердечны...

Войницев. Нет, понимаю я! Понял я! Не к лицу вам, милостивый государь, мой бывший друг, это казанское сиротство! Я понимаю вас! Вы ловкий подлец! Вот кто вы!

Платонов. Прощаю тебе, глупцу, это слово! Побереги себя, не говори больше! (Анне Петровне.) Вы-то чего торчите здесь, любительница сильных ощущений? Любопытно? Нет вам здесь дела! Свидетелей не нужно!

Анна Петровна. И вам здесь нет дела! Можете... убираться! Нахальство! Нагадить, напакостить, наподличать, а потом прийти и на муки свои жаловаться! Дипломат! Впрочем... извините меня! Если не хотите выслушать еще что-нибудь, то уходите! Сделайте милость!

Войницев (вскакивает). Что ему от меня нужно еще, не понимаю! Что ты хочешь, что ты ждешь от меня? Не понимаю!

Платонов. Вижу, что не понимаете... Прав тот, кто с горя идет не к людям, а в кабаки... Тысячу раз прав! (Идет к двери.) Жалею, что говорил с вами, унижался... Имел глупость считать вас порядочными людьми... А вы те же... дикари, грубое, неотесанное мужичье... (Хлопает дверью и уходит.)

Анна Петровна (ломает руки). Мерзости какие... Изволь сию же минуту догнать его и сказать ему... Скажи ему, что...

Войницев. Что я могу ему сказать?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Анна Петровна. Найдешь, что сказать... Что-нибудь. Беги, Сержель! Умоляю тебя! Он приходил сюда с хорошим чувством! Ты должен был понять его, а ты был жесток с ним. Беги, мой родной!

Войницев. Не могу! Оставьте меня!

Анна Петровна. Но да ведь не один же он виноват! Сержель, все виноваты! У всех есть страсти, у всех нет сил... Беги! Скажи ему что-нибудь примиряющее! Покажи ему, что ты человек! Ради бога... Да ну же! Ну! Беги!

Войницев. Я с ума схожу...

Анна Петровна. Сходи с ума, но не смей оскорблять людей! Ах... но беги же, ради бога! (Плачет.) Сергей!

Войницев. Оставьте меня, татап!

Анна Петровна. Я сама пойду... Что же я сама не бегу? Я сама...

Платонов (входит). Ох! (Садится на диван.)

Войницев встает. Анна Петровна (в сторону). Что с ним?

Пауза.

Платонов. Рука болит... Я голоден, как самая голодная собака... Холодно... Лихорадка трясет... Больно! Поймите вы, что мне больно! Жизнь моя пропадает! Что вы хотите от меня? Что вам еще нужно? Мало вам той проклятой ночи?

Войницев (подходит к Платонову). Михаил Васильич, простим друг другу... Я... Но вы поймете мое положение... Разойдемся, как следует...

Пауза.

Я прощаю... Честное слово, прощаю! и если б я мог забыть всё это, то был бы счастлив, как никогда! Оставим друг друга в покое!

Платонов. Да.

Пауза.

Нет, развинтился... Испортилась машина. Спать хочу ужасно, глаза слиплись, но нет сил уснуть... Смирюсь, прошу прощения, виноват, молчу... Делайте, что знаете, и думайте, что знаете...

Войницев отходит от Платонова и садится за стол.

Платонов. Не уйду отсюда, хоть дом зажгите! Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... (Хочет лечь.) Дайте мне чего-нибудь теплого... Не есть, а укрыться... Не пойду я к себе... На дворе дождь... Тут лягу.

Анна Петровна (подходит к Платонову). Ступайте, Михаил Васильич, домой! Я пришлю и принесу то, что вам нужно. (Трогает его за плечо.) Идите! Идите домой!

Платонов. Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... Дайте мне воды напиться! Пить хочу.

Анна Петровна подает ему графин.

(Пьет из графина.) Болен... Совсем болен, милая женщина!

Анна Петровна. Идите к себе!.. (Прикладывает руку к его лбу.) Голова горяча... Идите домой. Я за Трилецким пошлю.

Платонов (тихо). Худо, ваше превосходительство! Худо... Худо...

Анна Петровна. Мне-то какво? Идите! я вас прошу! Вам во что бы то ни стало уехать нужно! Слышите?

Входит Софья Егоровна.

Явление VIII

Те же и Софья Егоровна.

Софья Егоровна (входит). Потрудитесь взять ваши деньги обратно! Что за великодушие? Я уж сказала вам, кажется... (Увидев Платонова.) Вы... здесь?! Зачем вы здесь?

Пауза.

Странно... Что вы здесь делаете?

Платонов. Я-то?

Софья Егоровна. Да, вы!

Анна Петровна. Выйдем, Сергей! (Выходит и через минуту входит на цыпочках и садится в углу.)

Платонов. Всё кончено, Софья!

Софья Егоровна. То есть?

Платонов. Да, то есть... После поговорим.

Софья Егоровна. Михаил Васильич! Что значит это... всё?

Платонов. Ничего мне не нужно, ни любви, ни ненависти, дайте мне одного только покоя! Прошу... И говорить даже не хочется... Довольно с меня и того, что было... Пожалуйста...

Софья Егоровна. Что он говорит?

Платонов. То говорю, что довольно. Не надо мне новой жизни. И старой девать некуда... Ничего мне не нужно!

Софья Егоровна (пожимает плечами). Не понимаю...

Платонов. Не понимаете? Узел разорвался, вот что!

Софья Егоровна. Вы не едете, что ли?

Платонов. Не нужно бледнеть, Софья... впрочем, Егоровна!

Софья Егоровна. Вы подличаете?

Платонов. По всей вероятности...

Софья Егоровна. Подлец вы! (Плачет.)

Платонов. Знаю... Сто раз слышал... После бы поговорили и... без свидетелей.

Софья Егоровна рыдает.

Шли бы к себе в комнату! Самая лишняя вещь в несчастье – это слезы... Должно было случиться и случилось... В природе есть законы, а в нашей жизни... логика... По логике и случилось...

Пауза.

Софья Егоровна (рыдает). Я же тут причем? Какое дело мне, какое дело моей жизни, которую вы взяли, до того, что вы утомились? Я же тут причем? Вы не любите больше?

Платонов. Утешьтесь чем-нибудь... Хоть тем, например, что этот скандал послужит уроком для вашего будущего?

Софья Егоровна. Не уроком, а гибелью! Вы смеете это говорить? Подло!

Платонов. Для чего плакать? Как всё это мне... опротивело! (Кричит.) Болен я!

Софья Егоровна. Он клялся, просил, он первый начал, а теперь вот пришел сюда! Я вам опротивела? Вам нужна была я только на две недели? Ненавижу я вас! Не могу я видеть его! Убирайтесь вон отсюда! (Рыдает сильнее.)

Анна Петровна. Платонов!

Платонов. А?

Анна Петровна. Уйдите отсюда!

Платонов встает и медленно идет к двери.

Софья Егоровна. Подождите... Не уходите! Вы... правда? Вы, может быть, не трезвы... Вы сядьте, подумайте! (Хватает его за плечо.)

Платонов. Сидел я уже и думал. Избавьтесь от меня, Софья Егоровна! Не ваш я человек! Я так долго гнил, моя душа так давно превратилась в скелет, что нет возможности воскресить меня! Закопать подальше, чтоб не заражал воздуха! Верьте мне в последний раз!

Софья Егоровна (ломает руки). Что же я буду делать? Что делать мне? Научите! Ведь я умру! Я не переживу этой подлости! Я не проживу и пяти минут! Убью себя... (Садится в кресло, стоящее в углу.) Что вы делаете со мной? (Истерика.)

Войницев (подходит к Софье Егоровне). Софи!

Анна Петровна. Бог знает, что делается! Успокойтесь, Софи! дай воды, Сергей!

Войницев. Софи! Не убивайте себя... Перестаньте! (Платонову.) Чего вы ждете здесь, Михаил Васильич? Уйдите, бога ради!

Анна Петровна. Будет, Софи, будет! Довольно!

Платонов (подходит к Софье Егоровне). Ну чего? Э-э... (Быстро отходит.) Идиотство!

Софья Егоровна. Отойдите от меня прочь! Все! Не нуждаюсь я в вашей помощи! (Анне Петровне.) Отойдите прочь! Я вас ненавижу! Я знаю, кому я обязана всем этим! Не пройдет это вам даром!

Анна Петровна. Тссс... Не следует браниться.

Софья Егоровна. Не будь над ним вашего развращающего авторитета, не губил бы он меня! (Рыдает.) Прочь! (Войницеву.) И вы... И вы отойдите!

Войницев отходит, садится за стол и кладет голову на руки.

Анна Петровна (Платонову). Ступайте отсюда, вам говорят! Удивительный вы идиот сегодня! Чего вы еще хотите?

Платонов (затыкает уши). Куда же я пойду? Я окоченел от холода... (Идет к двери.) Хоть бы черти прибрали скорей...

Входит Трилецкий.

Явление IX
Те же и Трилецкий.

Трилецкий (в дверях). Я тебе задам такого доклада, что ты и своих не узнаешь!

Голос Якова. Барин приказали...

Трилецкий. Пойди и поцелуйся с своим баринком! Он такой же болван, как и ты! (Входит.) Неужели и здесь его нет? (Падает на диван.) Ужасно! Это... это... это...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
(Вскакивает.) Ох! (Платонову.) Трагедия на исходе, трагик! На исходе-с!

Платонов. Что тебе?

Трилецкий. Что ты здесь проедаешься? Где ты шляешься, несчастный? Как тебе не стыдно, не грешно? Философствуешь здесь? Проповеди читаешь?

Платонов. Говори по-человечески, Николай! Что тебе?

Трилецкий. Это скотство! (Садится и закрывает руками лицо.) Несчастье, какое несчастье! Кто мог ожидать?

Платонов. Что случилось?

Трилецкий. Что случилось? А ты и не знаешь? Тебе и дела нет до этого? Тебе некогда?

Анна Петровна. Николай Иваныч!

Платонов. Саша, что ли? Говори, Николай! Этого еще не доставало! Что с ней?

Трилецкий. Спичками отравилась!

Платонов. Что ты говоришь?

Трилецкий (кричит). Спичками отравилась! (Вскакивает.) На, читай! читай! (Подносит к его глазам записку.) Читай, философ!

Платонов (читает). «Самоубийцев грешно поминать, но меня поминайте. Я лишила себя жизни в болезни. Миша, люби Колю и брата, как я тебя люблю. Не оставь отца. Живи по закону. Коля, господь тебя благословит, как я благословляю материнским благословением. Простите грешную. Ключ от Мишиного комода в шерстяном платье»... Золото мое! Грешная! Она грешная! Этого еще не доставало! (Хватает, себя за голову.) Отравилась...

Пауза.

Саша отравилась... Где она? Послушай! Я к ней пойду! (Срывает с руки повязку.) Я... я воскрешу ее!

Трилецкий (ложится на диван лицом вниз). Прежде чем воскрешать, не нужно было убивать!

Платонов. Убивать... Зачем ты, безумец, говоришь... это слово? Да разве я убивал ее? Разве... разве я хотел ее смерти? (Плачет.) Отравилась... Этого еще не доставало, чтоб переехать меня колесом, как собаку! Если это наказание, то... (машет кулаком) это жестокое, безнравственное наказание! Нет, это уж выше сил моих! Выше! За что? Ну грешен, положим, подл... но всё-таки ведь жив еще!

Пауза.

Глядите на меня теперь все! Глядите! Нравится?

Трилецкий (вскакивает). Да, да, да... Будем теперь плакать... Кстати, глаза на мокром месте... Выпороть бы тебя хорошенько! Одевай шапку! Едем! Муж! Хорош муж! Погубил женщину ни за что, ни про что! Довел до чего! А эти и держат его здесь! Нравится он им! Оригинальный человек, интересный субъект, с грустью благородной на лице! Со следами когда-то бывшей красоты! Поедем-ка! Посмотришь, что ты наделал, интересный субъект, оригинал!

Платонов. Без слов... без слов... Не нужно слов!

Трилецкий. Счастье твое, живодер, что я сегодня чуть свет домой заехал! Ну что было бы, если бы я не заехал, если б я не захватил? Умерла бы она! Понимаешь ты это или нет? Ты обыкновенно всё понимаешь, кроме самых обыкновенных вещей! О, я бы тебе тогда задал! Я не посмотрел бы на твою жалостную физиономию! Если бы ты поменьше болтал своим окаянным языком да побольше сам слушал, то не было бы этого несчастья! За нее я и десять не возьму таких, умников, как ты! Едем!

Войницева. Не кричите! Ах... Как надоели все...

Трилецкий. Едем!

Платонов. Постой... Так она... не умерла, ты говоришь?

Трилецкий. А тебе хотелось бы, чтоб она умерла?

Платонов (вскрикивает). Не умерла! Я не пойму никак... Не умерла? (Обнимает Трилецкого.) Жива! (Хохочет.) Жива!

Анна Петровна. Не понимаю!.. Трилецкий, извольте сказать толком! Все они сегодня как-то особенно глупы! Что же значит это письмо?

Трилецкий. Она написала это письмо... Если б не я, она успела бы умереть... А теперь страшно больна! Не знаю, вынесет ли ее организм... О, пусть она только умрет, тогда... Отойди ты от меня, пожалуйста!

Платонов. Напугал ты меня как! Боже мой! Жива она еще! Значит, ты не допустил ее умереть? Милый мой! (Целует Трилецкого.) Дорогой! (Хохочет.) Не верил в медицину, но теперь даже и в тебя верю! Что с ней теперь? Слаба? Нездорова? Но мы поднимем ее!

Трилецкий. Вынесет ли она еще!

Платонов. Вынесет! Не она вынесет, так я вынесу! Зачем же ты сначала не сказал, что она жива? Анна Петровна! Милая женщина! Воды стакан холодной, и я счастлив! Простите меня, господа, все! Анна Петровна!.. Я с ума схожу!.. (Целует у Анны Петровны руку.) Жива Саша... Воды, воды... моя дорогая!

Анна Петровна выходит с пустым графином и через минуту входит с водой.

(Трилецкому.) Едем к ней! На ноги ее, на ноги! Вверх ногами всю медицину от Гиппократов до Трилецкого! Всё переворочаем! Кому же и жить на этом свете, как не ей? Едем! Но нет... подожди! Голова кружится... Я страшно болен... Постой... (Садится на диван.) Отдохну и едем... Очень слаба?

Трилецкий. Очень... Обрадовался! Чему он обрадовался, не понимаю!

Анна Петровна. И я испугалась. Говорить нужно потолковей! Пейте! (Подает Платонову воду.)

Платонов (пьет с жадностью). Спасибо, добрая женщина! Негодяй я, необыкновенный негодяй! (Трилецкому.) Сядь возле меня! (Трилецкий садится.) И ты весь измучился... Спасибо тебе, друг. Много онахватила?

Трилецкий. Хватило бы на тот свет отправиться.

Платонов. Экая... Ну, слава богу. Рука болит... Дайте мне еще пить. Я сам ужасно болен, Николай! Еле голову на плечах держу... Того и смотри, что свалится... У меня, должно быть, горячка будет. Солдатики в ситцевых мундирах, с острыми шапочками так и мелькают перед глазами... Желто и зелено кругом... Закати-ка мне *chinini sulphurici*...

Трилецкий. Закатить бы тебе сотню-другую горячих!

Платонов (хохочет). Шути, шути... Я иногда смеюсь твоим остротам. Ты мне деверь или шуринок? Боже мой, как я болен! Ты представить себе не можешь, как я болен!

Трилецкий щупает ему пульс.

Анна Петровна (тихо Трилецкому). Везите его, Николай Иванович! Я сама к вам сегодня приеду, поговорю с Александрой Ивановной. Что это ей вздумалось нас так пугать? Не опасно?

Трилецкий. Нельзя еще ничего сказать. Отравиться не удалось, но в общем... беда!

Платонов. Что ты ей дал?

Трилецкий. То, что следует. (Встает.) Едем!

Платонов. А генеральше что ты сейчас дал?

Трилецкий. Бредишь... Едем!

Платонов. Едем... (Встает.) Сергей Павлович! Брось! (Садится.) Брось! Чего пригорюнился? Точно солнце у земли украли! А еще тоже философию когда-то учил! Будь Сократом! А? Сергей Павлович! (Тихо.) Впрочем, я сам не знаю, что говорю...

Трилецкий (кладет ему на голову руку). Ты еще заболей! Ну да тебе для очистки совести не мешает поболеть!

Анна Петровна. Платонов, езжайте с богом! Пошлите в город за другим доктором... Консилиум не мешало бы... Я сама, Впрочем, пошлю, не беспокойтесь... Успокойте же Александру Ивановну!

Платонов. У вас, Анна Петровна, по груди ползет маленький фортепьянчик! Комизм! (Смеется.) Комизм! Сядь, Николай, сыграй что-нибудь!.. (Хохочет.) Комизм! Я болен, Николай... Серьезно говорю... Не шутя... Едем!

Входит Иван Иванович.

Явление X
Те же и Иван Иванович.

Иван Иванович (растрепанный, в халате). Саша моя! (Плачет.)

Трилецкий. Тебя еще недоставало здесь с твоими слезами! Ступай отсюда! Чего прибежал?

Иван Иванович. Умирает она! Исповедоваться хочет! Боюсь, боюсь... Ох как боюсь! (Подходит к Платонову.) Мишенька! Умоляю тебя господом и всеми святыми! Дорогой, умный, прекрасный, честный человек! Пойди ты, скажи ей, что ты ее любишь! Брось ты все эти романы паскудные! Умоляю тебя коленопреклоненно! Помирает ведь! Одна у меня... одна! Умрет... погибну! Без покаяния погибну! Скажи ты ей, что ты ее любишь, за жену свою считаешь! Успокой ты ее ради Христа! Мишенька! Ложь бывает во спасение... Видит бог, что ты справедлив, но солги для спасения ближнего! Поедем, сделай милость! Поддай ты мне эту милостыню Христа ради, старику! Сторицею господь воздаст тебе! Трясусь весь, трясусь от ужаса!

Платонов. Уже успел клюкнуть, полковник? (Смеется.) Вылечим Сашку и вместе выпьем! Ах, как пить хочу!

Иван Иванович. Поедем, благороднейший... праведнейший! Скажи ты ей два слова, и она спасена! Не спасут медикаменты, когда психиатрия душевная страдает!

Трилецкий. Выйди отсюда, отец, на минутку! (Ведет отца за рукав.) Кто тебе сказал, что она умрет? Откуда ты это выдумал? Вовсе не опасно! Подождешь в той комнате. Сейчас поедем к ней с ним вместе. Постыдился <бы> в таком виде вваливаться в чужой дом!

Иван Иванович (Анне Петровне). Грех вам, Диана! Не простит вас бог! Он молодой человек, неопытный...

Трилецкий (вталкивает его в другую комнату). Подожди там! (Платонову.) Желаете ехать?

Платонов. Страшно болен... Болен я, Николай!

Трилецкий. Желаете ехать, я вас спрашиваю, или нет?

Платонов (поднимается). Поменьше слов... Что делать, чтоб во рту не сохло? Едем... Я сюда, кажется, без шапки пришел... (Садится.) Поищи мою шапку!

Софья Егоровна. Он должен был это предвидеть. Я отдавалась ему, не спрашивая... Я

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
знала, что я убиваю мужа, но я... ни перед чем для него не остановилась!
(Поднимается и подходит к Платонову.) Что вы сделали со мной? (Рыдает.)

Трилецкий (хватает себя за голову). Комиссия! (Ходит по сцене.)

Анна Петровна. Успокойтесь, Софи! Не время... Он болен.

Софья Егоровна. Можно ли, человечно ли издеваться так над целой человеческой жизнью? (Садится рядом с Платоновым.) Ведь вся жизнь теперь моя пропала... Я уж не жива теперь... Спасите меня, Платонов! Не поздно! Платонов, не поздно!

Пауза.

Анна Петровна (плачет). Софи... Что вы хотите? Успеете еще... Что он вам может сказать теперь? Разве вы не слышали... не слышали?

Софья Егоровна. Платонов... Еще раз прошу... (Рыдает.) Нет?

Платонов отодвигается от нее.

Не нужно... Хорошо же... (Падает на колени.) Платонов!

Анна Петровна. Это уже слишком, Софи! Не смеете вы этого делать! Никто не стоит того, чтоб... на коленях... (Поднимает ее и сажает.) Вы... женщина!

Софья Егоровна (рыдает). Скажите ему... Уговорите...

Анна Петровна. Призовите к себе все силы вашего ума... Надо быть... стойкой... Вы женщина! Ну... полноте! Идите к себе в комнату!

Пауза.

Идите, лягте на постель... (Трилецкому.) Николай Иванович! Что делать?

Трилецкий. Об этом нужно спросить милого Мишеньку! (Ходит по сцене.)

Анна Петровна. Поведите ее на постель! Сергей! Николай Иванович! Да помогите же мне, наконец!

Войницев встает и подходит к Софье Егоровне.

Трилецкий. Поведите. Надо дать успокоительного.

Анна Петровна. Я сама приняла бы теперь хлороформу... (Войницеву.) Будь мужчиной, Сергей! Не теряйся хоть ты! Мне не лучше твоего, однако же... стою на ногах... Пойдемте, Софи! Экий денек нынче выдался...

Ведут Софью Егоровну.

Мужайся, Сержель! Будем людьми!

Войницев. Постараюсь, тамап. Креплюсь...

Трилецкий. Не горюй, брат Сергей! Авось вытянем! Не ты первый, не ты и последний!

Войницев. Постараюсь... Да, я постараюсь...

Уходят.

Явление XI
Платонов и потом Грекова.

Платонов (один). Папиросу, Николай, и воды! (Оглядывается.) Нет их? Ехать нужно...

Пауза.

Разгромил, придушил женщин слабых, ни в чем не повинных... Не жалко было бы, если

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
бы я их убил как-нибудь иначе, под напором чудовищных страстей, как-нибудь по-испански, а то убил так... глупо как-то, по-русски... (Машет рукой перед глазами.) Mouches volantes...[29] Облачки... Бредить, должно быть, буду... Раздавлен, приплюснут, скомкан... А давно ли перестал хорохориться? (Закрывает руками лицо.) Стыд, жгучий стыд... Больно от стыда! (Встает.) Был голоден, холоден, истаскался, пропадал, исшарлатанился весь, пришел в этот дом... Дали мне теплый угол, одели, приласкали, как никого... Хорошо заплатил! Однако же болен... Плохо... Убить себя нужно... (Подходит к столу.) Выбирай, арсенал целый... (Берет револьвер.) Гамлет боялся сновидений... Я боюсь... жизни! Что будет, если я жить буду? Стыд заест один... (Прикладывает револьвер к виску.) Finita la commedia![30] Одним умным скотом меньше! Прости, Христос, мне мои грехи!

Пауза. Ну? Сейчас смерть, значит... Боли теперь, рука, сколько хочешь...

Пауза.

Нет сил!! (Кладет револьвер на стол.) Жить хочется... (Садится на диван.) Жить хочется... (Входит Грекова.) Воды бы... Где же Трилецкий? (Увидев Грекову.) Это кто? А-а-а... (Смеется.) Враг злейший... Будем завтра судиться?

Пауза.

Грекова. Но, разумеется, после того письма мы уж не враги.

Платонов. Всё одно. Воды нет?

Грекова. Вам воды? Что с вами?

Платонов. Болен... У меня горячка будет... Мне это понравилось. Умно. Но еще умнее было бы, если бы вы со мной вовсе не связывались... Застрелиться хотел... (Смеется.) Не удалось... Инстинкт... Ум свое, природа свое... Остроглазая! Ведь умница? (Целует руку.) Рука холодная... Слушайте... Вы хотите меня слушать?

Грекова. Да, да, да...

Платонов. Возьмите меня к себе! Я болен, пить хочу, страдаю страшно, невыносимо! Спать хочу, а лечь негде... Меня хоть бы в сарай, лишь бы угол, вода и... хинину немножко. Пожалуйста! (Протягивает руку.)

Грекова. Едемте! Я с удовольствием!.. Вы можете жить у меня, сколько угодно... Вы еще не знаете, что я наделала! Едемте!

Платонов. Мерси, умная девочка... Папироса, вода и постель! На дворе дождь?

Грекова. Дождь.

Платонов. По дождю ехать придется... Судиться не станем. Мир! (Смотрит на нее.) Я брежу?

Грекова. Нисколько. Едемте! Экипаж у меня крытый.

Платонов. Хорошенькая... Чего же краснеешь? Не трону. Ручку вот холодную поцелую... (Целует руку и тянет ее к себе.)

Грекова (садится к нему на колени). Нет... Не следует... (Встает.) Едемте... У вас лицо странное... Пустите руку!

Платонов. Болен. (Встает.) Едем... В щечку... (Целует ее в щеку.) Без всякой задней мысли. Не могу... Впрочем, пустяки. Едемте, Марья Ефимовна! И, пожалуйста, поскорей! Вот... вот этим револьвером застрелиться хотел... В щечку... (Целует в щеку.) Брежу, но вижу ваше лицо... Всех людей люблю! Всех! Я и вас люблю... Люди были для меня дороже всего... Никого не хотел обидеть, а всех обидел... Всех... (Целует руку.)

Грекова. Я всё поняла... Я понимаю ваше положение... Софи... да?

Платонов. Софи, Зизи, Мими, Маша... Вас много... Всех люблю... Был в университете, и на Театральной площади, бывало... падшим хорошие слова говорил... Люди в театре, а я

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
на площади... Раису выкупил... Собрал со студентами триста целковых и другую
выкупил... Показать ее письма?

Грекова. Что с вами?

Платонов. С ума, думаете, сошел? Нет, это так... Бред горячечный... Спросите
Трилецкого... (Берет ее за плечи.) И меня все любят... Все! Оскорбишь, бывало, и то...
любят... Грекову, например, оскорбил, на стол пхнул, и то... любит. Вы, впрочем,
сама Грекова... Виноват...

Грекова. Что у вас болит?

Платонов. Платонов болит. Вы ведь меня любите? Любите? Откровенно... Я ничего не
хочу... Вы только скажите мне, любите?

Грекова. Да... (Кладет голову ему на грудь.) Да...

Платонов (целует ее в голову). Все любят... Когда выздоровею, развращу... Прежде
хорошие слова говорил, а теперь развращаю...

Грекова. Мне всё одно... Мне ничего не нужно... Ты только и... человек. Не хочу я
знать других! Что хочешь делай со мной... Ты... ты только и человек! (Плачет.)

Платонов. Понимаю я царя Эдипа, выколовшего себе глаза! [31] Как я низок и как
глубоко познаю свою низость! Отойдите! Не стоит... Я болен. (Освобождается.) Я еду
сейчас... Извините меня, Марья Ефимовна! Я с ума схожу! Где Трилецкий?

Входит Софья Егоровна.

Явление XII

Те же и Софья Егоровна.

Софья Егоровна подходит к столу и роется на нем.

Грекова (хватает Платонова за руку). Тссс...

Пауза.

Софья Егоровна берет револьвер, стреляет в Платонова и дает промах.

(Становится между Платоновым и Софьей Егоровной.) Что вы делаете?! (Кричит.)
Сюда! Скорей сюда!

Софья Егоровна. Пустите... (Обегает вокруг Грековой и стреляет Платонову в грудь,
в упор.)

Платонов. Постойте, постойте... Как же это так? (Падает.)

Вбегают Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий и Войницев.

Явление XIII

Те же, Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий, Войницев, потом прислуга и
Марко.

Анна Петровна (вырывает у Софьи Егоровны револьвер и отбрасывает ее на диван).
Платонов! (Наклоняется к Платонову.)

Войницев закрывает лицо и отворачивается к двери.

Трилецкий (наклоняется к Платонову и поспешно расстегивает ему сюртук. Пауза).
Михаил Васильич! Ты слышишь?

Пауза.

Анна Петровна. Бога ради, Платонов! Мишель... Мишель! Скорей, Трилецкий...

Трилецкий (кричит). Воды!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Грекова (подает ему графин). Спасите его! Вы спасете его! (Ходит по сцене.)

Трилецкий пьет воду и бросает графин в сторону. Иван Иванович (хватает себя за голову). Ведь сказал же, что погибну? Ну и погиб! Вот и погиб! (Опускается на колени.) Господь всемогущий! Погиб... Вот и погиб...

Вбегают Яков, Василий, Катя и повар.

Марко (входит). От мирового судьи-с...

Пауза.

Анна Петровна. Платонов!

Платонов приподнимается и обводит всех глазами.

Платонов... Это ничего... Воды выпейте!

Платонов (указывает на Марка). Ему три целковых! (Падает и умирает.)

Анна Петровна. Мужайся, Сергей! Всё это пройдет, Николай Иванович... Всё это пройдет... Мужайтесь...

Катя (кланяется в ноги Анне Петровне). Я одна виноватая! Я записку носила! На деньги польстилась, барыня! Простите меня, окаянную!

Анна Петровна. Крепитесь... Зачем теряться? Он только так... Излечимо...

Трилецкий (кричит). Умер!

Анна Петровна. Нет, нет...

Грекова садится за стол, рассматривает бумажку и горько плачет.

Иван Иванович. Со святыми упокой... Погиб... Погиб...

Трилецкий. Жизнь – копейка! Прощай, Мишка! Пропала твоя копейка! Чего глазееете? Сам застрелился! Расстроилась компания! (Плачет.) С кем я теперь на твоих поминках пить буду! О, дураки! Не могли уберечь Платонова! (Встает.) Отец, поди скажи Саше, чтоб она умирала! (Покачиваясь, подходит к Войницеву.) Ты-то чего? Эх! (Обнимает Войничева.) Умер Платошка! (Рыдает.)

Войничев. Что делать, Николай?

Трилецкий. Хоронить мертвых и починять живых!

Анна Петровна (медленно поднимается и идет к Софье Егоровне) Успокойтесь, Софи! (Рыдает.) Что вы наделали?! Но... но... успокойтесь! (Трилецкому.) Ничего не говорите Александре Ивановне, Николай Иваныч! Я сама ей скажу! (Идет к Платонову и опускается перед ним на колени) Платонов! Жизнь моя! Не верю! Не верю я! Ведь ты не умер? (Берет его за руку.) Жизнь моя!

Трилецкий. За дело, Сережа! Поможем твоей жене, а потом...

Войничев. Да, да, да... (Идет к Софье Егоровне.)

Иван Иванович. Забыл господь... За грехи... За мои грехи... Зачем грешил, старый шут? Убивал тварей божиих, пьянствовал, сквернословил, осуждал... Не вытерпел господь и поразил.

<Конец четвертого действия>

На Большой дороге
Драматический этюд в одном действии

Действующие лица
Тихон Евстигнеев, содержатель кабака на большой дороге.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Семен Сергеевич Борцов, разорившийся помещик.

Марья Егоровна, его жена.

Савва, старик–странник.

Назаровна;

Ефимовна, богомолки

Федя, прохожий фабричный.

Егор Мерик, бродяга.

Кузьма, проезжий.

Почтальон.

Кучер Борцовой.

Богомольцы, гуртовщики, проезжие и проч.

Действие происходит в одной из южнорусских губерний.

Сцена представляет собой кабак Тихона. Направо прилавок и полки с бутылками. В глубине дверь, ведущая наружу. Над нею снаружи висит красный засаленный фонарик. Пол и скамьи, стоящие у стен, вплотную заняты богомольцами и прохожими. Многие, за неимением места, спят сидя. Глубокая ночь. При поднятии занавеса слышится гром и в дверь видна молния.

Явление I

За прилавком Тихон. На одной из скамей, развалившись, полулежит Федя и тихо наигрывает на гармонийке. Около него сидит Борцов, одетый в поношенное летнее платье. На полу около скамей расположились Савва, Назаровна и Ефимовна.

Ефимовна (Назаровне). Потолкай–ка, мать, старца! Словно, никак, богу душу отдает.

Назаровна (поднимая с лица Саввы край сермяги). Божий человек, а божий человек! Жив ты, аль уж помер?

Савва. Зачем помер? Жив, матушка. (Приподнимаясь на локоть.) Укрой–ка мне, убогонькая, ноги! Вот так. Правую больше. Вот так, матушка. Дай бог здоровья.

Назаровна (прикрывая Савве ноги). Спи, батюшка.

Савва. Какой уж тут сон? Было б терпенье муку эту перенести, а спанья, матушка, хоть и не надо. Не достоин грешник покой иметь. Это что шумит, богомолочка?

Назаровна. Грозу бог посылает. Ветер воет, а дождик так и хлещет, так и хлещет. По крыше и в стекла словно горошком дробненьким. Чуешь? Разверзлись хляби небесные.

Гром.

Свят, свят, свят...

Федя. И гремит, и гудит, и шумит, и... конца краю нет! Гууу... словно лес шумит... Гууу... Ветер как собака воет... (Ежится.) Холодно! Одежда мокрая, хоть возьми да выжми, двери настезь... (Тихо наигрывает.) Размокла моя гармония, православные, никакой музыки нет, а то бы я вам такую концерту отшпандорил, что держись шапка! Великолепно! Кадрель ежели, или польку, положим... или какой русский куплетец... всё это мы можем. В городе, когда в коридорных при гранд–ателе состоял, денег не нажил, а в рассуждении гармонии все ноты превозшел. И на гитаре умею.

Голос из угла. Дурак, дурацкие и речи.

Федя. От дурака слышу.

Пауза.

Назаровна (Савве). Тебе бы, старик, таперича в тепле полежать, ножку-то погреть.

Пауза.

Старик! Человек божий! (Толкает Савву.) Ай помирать собираешься?

Федя. Ты бы, дедусь, водочки выпил. Ты выпьешь, а оно в животе погорит, погорит, да от сердца и оттянет малость. Выпей-ка!

Назаровна. Не бахвальничай, парень! Старик, может, душу богу отдает да о грехах кается, а ты слова такие, да с гармонией... Брось музыку-то! Глаза бесстыжие!

Федя. А ты чего к нему пристала? Ему невмочь, а ты... бабьи глупости... Он из праведности не может тебе грубое слово вымолвить, а ты обрадовалась, рада, что он тебя, дуру, слушает... Спи, дедусь, не слушай! Пушай болтает, а ты наплюй. Бабий язык – чертово помело, выметет из дому хитреца и мудреца. Наплюй... (Всплескивает руками.) Да и худой же ты, братец ты мой! Страсть! Чисто как ни на есть мертвый шкилет! Никакой живности! Ай и впрямь помираешь?

Савва. Зачем помирать? Избави, господи, зря помереть... Помаюсь маленько, а там и поднимусь с божьей помощью... Не попустит мать божия в чужой земле помереть... Помру дома...

Федя. Издалече сам?

Савва. Вологодский. Из самой Вологды... мещанин тамошний...

Федя. А где это Вологда?

Тихон. За Москвой... Губерния...

Федя. Тю, тю, тю... Занесло же тебя, борода! И все пешком?

Савва. Пешком, паренек. Был у Тихона Задонского, а иду в Святые горы... Из Святых гор, коли на то воля господня, в Одест... Оттуда, сказывают, в Ерусалим задешево отправляют. Будто за двадцать один рупь...

Федя. А в Москве был?

Савва. Эва! разов пять...

Федя. Хороший город? (Закуривает.) Стоящий?

Савва. Святынь много, парень... Где святынь много, там везде хорошо...

Борцов (подходит к прилавку и Тихону). Еще раз прошу! Дай Христа ради!

Федя. Главное в городе, чтоб чистота была... Ежели пыль – поливать, ежели грязь – чистить. Чтоб дома высокие были... театр, полиция... извозчики, которые... Сам жил в городах, понимаю.

Борцов. Рюмочку... вот эту маленькую. В долг ведь! Отдам!

Тихон. Ладно.

Борцов. Ну прошу! Сделай милость!

Тихон. Ступай!

Борцов. Ты меня не понимаешь... Пойми ты, невежа, если в твоей деревянной, мужицкой голове есть хоть капля мозга, не я прошу, нутро, выражаясь по-твоему, по-мужицкому, просит! Болезнь моя просит! Пойми!

Тихон. Нечего нам понимать... Отходи!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Борцов. Ведь если я не выпью сейчас, пойми ты это, если я не удовлетворю своей страсти, то я могу преступление совершить. Я бог знает что могу сделать! Видал ты, хам, на своем кабацком веку много пьяного люда, и неужели же ты до сих пор не сумел уяснить себе, что это за люди? Это больные! На цепь их сажай, бей, режь, а водки дай! Ну, покорнейше прошу! Сделай милость! Унижаюсь! Боже мой, как я унижаюсь!

Тихон. Деньги давай, тогда и водка будет.

Борцов. Где же мне взять денег? Все пропито! Все дотла! Что же я могу тебе дать? Пальто вот только одно осталось, но дать тебе его я не могу... Оно на голом теле. Хочешь шапку? (Снимает шапку и подает ее Тихону.)

Тихон (осматривая шапку). Гм... Шапка шапке рознь... Дыр, словно в решете.

Федя (смеется). Дворянская! По улице в ней ходить да перед мамзелями снимать. Здрате, прощайте! Как поживаете?

Тихон (отдает Борцову шапку). И даром не надо. Навоз.

Борцов. Не нравится? В таком случае дай в долг! Буду обратно идти из города, занесу тебе твой пятак! Подавься тогда этим пятаком! Подавься! Пусть он у тебя поперек горла станет! (Кашляет.) Ненавижу!

Тихон (стуча кулаком, о прилавок). Чего пристал? Какой-такой ты человек? Что за жулик? Зачем пришел?

Борцов. Выпить хочу! Не я хочу, болезнь моя хочет! Пойми!

Тихон. Не выводи меня из моего терпения! Живо в степи будешь!

Борцов. Что же мне делать? (Отходит от прилавка.) Что же делать? (Задумывается.)

Ефимовна. Это тебя нечистый мутит. Ты плюнь, барин. Он тебе, окаянный, шепчет: выпей! выпей! А ты ему: не выпью! не выпью! Отстанет!

Федя. В башке-то, небось – тру-ту-ту-ту... Животы подвело! (Хохочет.) Блажной ты, ваше благородие! Ложись-ка спи! Нечего пугалом посередь кабака торчать! Не огород нашел!

Борцов (со злобой). Молчи! Тебя не спрашивают, осел!

Федя. Ты говори, говори, да не заговаривайся! Видали мы таких! Много вас таких здесь по большой дороге шатается! В отношении осла, как звездану тебя по уху, так взвоешь пуще ветра. Сам осел! Дрянь!

Пауза. Сволочь!

Назаровна. Старец, может, молитву творит и душу богу отдает, а они, нечестивцы, друг дружку задирают да слова разные... Срамники!

Федя. А ты, кочерыжка, коли в кабак попала, не хныкай! В кабаке и кабацкий обычай.

Борцов. Как же мне быть? Что делать? Как мне дать ему понять? Какое же еще нужно красноречие? (Тихону.) Кровь запеклась в груди! Дядя Тихон! (Плачет.) Дядя Тихон!

Савва (стонет). Стреляет в ногу, словно пулей огненной... Богомолочка, матушка!

Ефимовна. Что, батюшка?

Савва. Кто это плачет?

Ефимовна. Барин.

Савва. Попроси барина, пуцай и за меня слезу прольет, чтоб довелось в Вологде помереть. Слезная молитва угодней.

Борцов. Не молюсь я, дед! Не слезы это! Сок! Сдавило мою душу и сок течет. (Садится у ног Саввы.) Сок! Впрочем, не понять вам! Не понять, дед, твоему темному разуму. Темные вы люди!

Савва. Где ж светлых-то взять?

Борцов. Есть, дед, светлые... Они бы поняли!

Савва. Есть, есть, родимый... Святые светлые были... Они всякое горе понимали... Ты им и не говори, а они поймут... В глаза тебе взглянут – поймут... И такое тебе утешение после их понятия, словно и горя не было – рукой снимет!

Федя. А ты нешто видал святых?

Савва. Случалось, паренек... На земле всякого народу много. Есть и грешники, есть и божьи слуги.

Борцов. Ничего не понимаю... (Быстро поднимается.) Разговоры нужно понимать, а разве у меня теперь есть разум? У меня есть инстинкт, жажда! (Быстро подходит к прилавку.) Тихон, возьми пальто! Понимаешь? (Хочет снять пальто.) Пальто...

Тихон. А под пальтом что? (Смотрит Борцову под пальто.) Голое тело? Не снимай, не возьму... Не стану я брать греха на душу.

Входит Мерик.

Явление II
Те же и Мерик.

Борцов. Хорошо, я грех беру на себя! Согласен?

Мерик (молча снимает сермягу и остается в поддевке. За поясом топор). Кому холодно, а медведю да не помнящему родства всегда жарко. Взопрел! (Кладет на пол топор и снимает поддевку.) Покуда из грязи ногу вытащишь, так с тебя ведро пота стечет. Одну ногу вытащил, а другая вязнет.

Ефимовна. Это так... Родненький, дождик не меньше?

Мерик (поглядев на Ефимовну). С бабами не рассуждаю.

Пауза.

Борцов (Тихону). На себя грех беру! Да ты слышишь или нет?

Тихон. И слышать не желаю, отстань!

Мерик. Темень, словно кто дегтем небо вымазал. Носа не видать. А дождь в рожу бьет, что твоя пурга... (Берет в охапку одежду и топор.)

Федя. Для вашего брата, жулика, это – первое дело. Зверь хищный прячется, а вам праздник, шутам.

Мерик. Который человек говорит эти слова?

Федя. Погляди... чай, не повылазило.

Мерик. Так и запишем... (Подходит к Тихону.) Здорово, мордастый! Аль не опознал?

Тихон. Коли ежели вас всех пьяниц спознавать, что по большой дороге ходит, так для этого самого во лбу, почитай, десять дыр надо.

Мерик. А ты погляди...

Пауза.

Тихон. А и то спознал, скажи на милость! По глазищам спознал! (Подает руку.)
Андрей Поликарпов?

Мерик. Был Андрей Поликарпов, а нынче, почитай, Егор Мерик.

Тихон. Зачем так?

Мерик. Какой билет бог послал, так и обозначаюсь. Месяца два как Мерик...

Гром. Ррр... Греми, не испужался! (Осматривается.) Борзых тут нету?

Тихон. Какие борзые! Всё больше мошка да комары... Народ мякенький... Борзые теперича, чай, на перинах дрыхнут... (Громко.) Православные, стерегите карманы да одежонку, коли жалко! Лихой человек! Скрадет!

Мерик. Ну, деньжонки пуцай берегут, ежели есть, а касательно одежи – не трону. Брать некуда.

Тихон. Куда нелегкая несет?

Мерик. В Кубань.

Тихон. Эва!

Федя. В Кубань? Ей-богу? (Приподнимается.) Славные места! Такой, братцы, край, что и во сне не увидишь, хоть три года спи! Приволье! Сказывают, птицы этой самой, дичи, зверья всякого и – боже ты мой! Трава круглый год растет, народ – душа в душу, земли – девать некуда! Начальство, сказывают... мне наемни один солдатик сказывал... дает по сто десятин на рыло. Счастье, побей меня бог!

Мерик. Счастье... Счастье за спиной ходит... Его не видать... Коли локоть укусишь, и счастье увидишь... Одна глупость... (Оглядывает скамьи и народ.) Словно привал арестантский... Здорово, нужда!

Ефимовна (Мерику). Глазища-то какие злющие!.. В тебе, парень, ворог сидит... Ты на нас не гляди.

Мерик. Здорово, беднота!

Ефимовна. Отвернись! (Толкает Савву.) Саввушка, на нас злой человек глядит! Испортит, родименький! (Мерику.) Отвернись, говорю, аспид!

Савва. Не тронет, матушка, не тронет... Не попустит бог.

Мерик. Здорово, православные! (Пожимает плечами.) Молчат! Ведь не спите же, косолапы! Чего же молчите?

Ефимовна. Отверни глазищи-то! Гордыню бесовскую отверни!

Мерик. Молчи ты, старая карга! Не гордыней бесовской, а лаской и словом добрым хотел почесть долю горькую! Словно мухи жметесь от холода – ну, жалко стало, хотел доброе слово вымолвить, нужду приголубить, а вы рожи воротите! Что ж? И не надо! (Подходит к Феде.) Из каких будете?

Федя. Тутошние, хамоньевские заводские. С кирпичных заводов.

Мерик. Встань-кась!

Федя (приподнимаясь). Ну?

Мерик. Вставай! Совсем вставай, я тут лягу...

Федя. То-ись... Твое место, што ли?

Мерик. Мое. Поди ложись наземь!

Федя. Проходи, прохожий... Не испужался...

Мерик. Прыткий... Ну, ступай, не разговаривай! Плакаться будешь, глупый человек!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Тихон (Феде). Не прекословь ему, парень! Наплюй!

Федя. Какую ты имеешь полную праву? Вытаращил свои щучьи глазищи и думаешь – испужался! (Собирает свой скарб в охапку, идет и постилает себе на полу.) Черт! (Ложится и укрывается с головой.)

Мерик (постилает себе на скамье). Стало быть, не видал ты черта, коли им меня обзывает. Черти не такие. (Ложится и кладет рядом с собой топор.) Ложись, топорик, братик... Дай я тебе топориче укрою.

Тихон. Топор где взял?

Мерик. Украл... Украл, а теперь вот и ношусь с ним, как с писаной торбой: и бросать жалко и девать некуда. Как жена постылая... Да... (Укрывается.) Черти, брат, не такие...

Федя (высовывая голову из-под сермяги). А какие?

Мерик. Они как пар, дух... Дунуть вот (дует), такие и они. Видеть их невозможно.

Голос из угла. Ежели под борону сесть, так увидишь.

Мерик. Сидел, не видал... Бабы врут да глупые мужики... Ни черта не увидишь, ни лешего, ни мертвеца... Глаз не так сотворен, чтоб всё увидеть можно было... Когда мал был, нарочито по ночам в лес ходил лешего поглядеть... Кричу, кричу, бывало, что есть духу, зову лешего и глазами не моргаю: пустяк разный мерещится, а лешего не видать. На погост по ночам ходил, мертвецов желал видеть – врут бабы. Зверье всякое видывал, а что насчет страшного – накося выкуси! Глаз не тот...

Голос из угла. Не говори, бывает так, что и увидишь... В нашей деревне потрошил один мужик кабана... Распорол этта требуху, а оттеда как выскочит!

Савва (приподнимаясь). Ребятунки, не поминайте вы нечистого! Грех, милые!

Мерик. Ааа... седая борода! Шкилет! (Смеется.) Не надо и на погост итить, свои мертвецы из-под пола вылезают наставления читать... Грех... Не с вашим глупым понятием людей наставлять! Народ вы темный, в невежестве... (Закуривает трубку.) Отец мой был мужик и тоже любил, бывало, наставлять. Накрал раз у попа ночью мешок яблок, приносит нам да и наставляет: «Вы же, ребята, глядите, до Спаса не лопаите яблок, потому грех»... Так и вы... Черта вспоминать нельзя, а чертить можно... К примеру, хоть эту вот карту взять... (Указывает на Ефимовну.) Во мне ворога увидела, а, небось, сама на своем веку из-за женских глупостей раз пять черту душу отдавала.

Ефимовна. Тьфу, тьфу, тьфу!.. С нами крестная сила! (Закрывает лицо руками.) Саввушка!

Тихон. Зачем пужаешь? Обрадовался!

Дверь хлопает от ветра.

Господи Иисусе... Ветер-то, ветер!

Мерик (потягивается). Эх, силищу бы свою показать!

Дверь хлопает от ветра.

С ветром бы с эфтим померяться! Не сорвать ему двери, а я, ежели что, кабак с корнем вырву! (Встает и ложится.) Тоска!

Назаровна. Молитву сотвори, идол! Что мечешься?

Ефимовна. Не трожь его, чтоб ему пусто! Опять на нас глядит! (Мерику.) Не гляди, злой человек! Глаза-то, глаза, словно у беса перед заутреней!

Савва. Пуцай глядит, богомолочки! Молитву творите, глаз и не пристанет...

Борцов. Нет, не могу! Выше сил моих! (Подходит к прилавку.) Послушай, Тихон, в

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
последний раз прошу... Полрюмки!

Тихон (качает отрицательно головой). Деньги!

Борцов. Боже мой, да ведь я уже сказал тебе! Всё пропито! Откуда же я возьму тебе? И неужто ты разоришься, если дашь мне в долг каплю водки? Рюмка водки стоит тебе грош, меня же избавит она от страданий! Страдаю! Не блажь тут, а страдание! Пойми!

Тихон. Поди рассказывай кому другому, а не мне... Ступай, проси вон у православных, пущай подносят тебе Христа ради, ежели желают, а я Христа ради только хлеб подаю.

Борцов. Дери ты с них, бедняков, а я уж... извини! Не мне их обирать! Не мне! Понимаешь? (Стучит кулаком о прилавок.) Не мне!

Пауза.

Гм... Постойте же... (Оборачивается к богомольцам.) А ведь это идея, православные! Пожертвуйте пятачку! Нутро просит! Болен!

Федя. Ишь ты, пожертвуйте... Жулик... А водицы не хочешь?

Борцов. Как я унижаюсь! Как унижаюсь! Не надо! Ничего мне не надо! Я шутил!

Мерик. Не выпросишь у него, барин... Известный жила... Постой, у меня где-то пятачка валялся... Оба стакашку выпьем... напополам... (Роется в карманах.) Черт... застрял где-то... Кажись, наемни что-то звякало в кармане... Нет, нету... Нету, брат! Счастье твое такое!

Пауза.

Борцов. Не выпить мне нельзя, иначе я преступление совершу или на самоубийство решусь... Что же делать, боже мой! (Глядит в дверь.) Уйти разве? Пойти в эти потемки, куда глаза глядят...

Мерик. Что же вы, богомолочки, ему наставления не прочтете? А ты, Тихон, отчего его наружу не выгонишь? Ведь он не заплатил тебе за ночлег. Гони его, толкай в шею! Эх, жесткий нынче народ. Нет в нем мягкости и доброты... Лютый народ! Тонет человек, а ему кричат: «Тони скорей, а то глядеть некогда, день рабочий!» А про то, чтоб ему веревку бросить, и толковать нечего... Веревка деньги стоит...

Савва. Не осуждай, добрый человек!

Мерик. Молчи, старый волк! Лютый вы народ! Ироды! Душепродавцы! (Тихону.) Пошел сюда, сними мне сапоги! Живо!

Тихон. Эх, расходился! (Смеется.) Ужаси!

Мерик. Пошел, тебе говорят! Живо!

Пауза.

Слышишь ты, аль нет? Стенам говорю? (Поднимается.)

Тихон. Ну, ну... будет!

Мерик. Я желаю, живодер, чтоб ты у меня, у нищего бродяги, сапоги снял!

Тихон. Ну, ну... не серчай! Поди, стаканчик выпей... Иди выпей!

Мерик. Люди, чего я желаю? Чтоб он меня водкой угощал или чтоб сапоги снял? Нешто я оговорился, не так сказал? (Тихону.) Ты, стало быть, не расслышал? Пожожу минутку, авось расслышишь.

Между богомольцами и прохожими некоторое волнение. Приподнимаются и глядят на Тихона и Мерика. Молчаливое ожидание.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Тихон. Нелегкая тебя принесла! (Выходит из-за прилавка.) Барин какой нашелся! Ну, давай, что ли? (Снимает с Мерика сапоги.) Каиново отродье...

Мерик. Вот так. Поставь их рядом... Вот так... Ступай!

Тихон (снявши сапоги, идет за прилавок). Больно ты любишь мудрить! Помудри еще у меня, так живо из кабака вылетишь! Да! (Подходящему Борцову.) Ты опять?

Борцов. Видишь ли, я, пожалуй, могу дать тебе одну золотую вещь... Изволь, если хочешь, я тебе дам...

Тихон. Чево трясешься? Говори толком!

Борцов. Хоть это подло и мерзко с моей стороны, но что же делать? Я решаюсь на эту мерзость, будучи невменяем... Меня и на суде оправдали бы... Возьми, но только с условием: возратить мне потом, когда буду обратно из города идти. Даю тебе при свидетелях... Господа, вы будьте свидетелями! (Достает из-за пазухи золотой медальон.) Вот он... Портрет надо бы вынуть, да некуда мне его положить: я весь мокрый!.. Ну, грабь с портретом! Только вот что... ты тово... пальцами не прикасайся к этому лицу... Прошу... Я, голубчик, был груб с тобою... глуп, но ты извини и... не трогай пальцами... Не гляди своими глазами на это лицо... (Подает Тихону медальон.)

Тихон (рассматривает медальон). Краденые часики... Ну, да ладно, пей... (Наливает водки.) Трескай...

Борцов. Только ты пальцами... не тово... (Пьет медленно, с судорожной расстановкой.)

Тихон (открывает медальон). Гм... Мадама!.. Откуда это ты подцепил такую?

Мерик. А покажь-ка! (Встает и идет к прилавку.) Дай-ка поглядеть!

Тихон (отстраняет его руку). Куда лезешь? Из рук гляди!

Федя (поднимается и идет к Тихону). Дай-кась и я погляжу!

К прилавку подходят с разных сторон странники и прохожие.

Группа.

Мерик (крепко обеими руками держит руку Тихона с медальоном и молча смотрит ни портрет).

Пауза.

Красивая дьяволица! Из барынь...

Федя. Из барынь... Щеки этта, глаза... Оттопырь руку-то, не видать! Волосья по самый пояс... Чисто как живая! Говорить собирается...

Пауза.

Мерик. Для слабого человека это первая гибель. Сядет этакая верхом на шею и... (машет рукой) и – крышка тебе!

Слышен голос Кузьмы: «Тпрррр... Стой, тетеря!»

Входит Кузьма.

Явление III

Те же и Кузьма.

Кузьма (входит). Стоит кабачок на пути – ни проехать, ни пройти. Мимо отца родного днем поедешь, не заметишь, а кабак и в потемках за сто верст видать. Расступись, кто в бога верует! Ну-кася! (Стучит пятаком о прилавок.) Стакан мадеры настоящей! Живо!

Федя. Ишь ты, черт верченый!

Тихон. Руками-то не размахивай! Зацепишь!

Кузьма. На то они и от бога дадены, чтобы ими размахивать. Растаяли, сахарные, тетка ваша подкурятина! Дождя испужались, нежные! (Пьет.)

Ефимовна. Испужаешься, добрый человек, коли на пути такая ночь захватит. Таперича, слава богу, благодать, по дорогам деревень и дворов много, есть где от погоды уйти, а допрежь и не приведи создатель что было! Сто верст пройдешь и не токмо что деревни или двора, щепочки не узришь. Так и ночуешь на земле...

Кузьма. А давно, баба, на свете маешься?

Ефимовна. Восьмой десяток, батюшка.

Кузьма. Восьмой десяток! Скоро доживешь до вороньего века. (Глядит на Борцова.) А это что за изюмина? (Глядит в упор на Борцова.) Барин!

Борцов узнает Кузьму и, сконфузившись, идет в угол и садится на скамью.

Семен Сергеич! Да это вы или не вы? А? С какой такой стати вы в этом кабаке? Нешто вам тут место?

Борцов. Молчи!

Мерик (Кузьме). Кто это?

Кузьма. Мученик несчастный! (Нервно ходит около прилавка.) А? В кабаке, скажи на милость! Оборванный! Пьяный! Я встревожился, братцы... Встревожился... (Говорит Мерику полушепотом.) Это наш барин... наш помещик, Семен Сергеич, господин Борцов... Видал, в каком виде? На какого человека он похож таперя? То-то вот... пьянство до какой степени... Налей-кась! (Пьет.) Я из его деревни, из Борцовки, может, слышали, за двести верст отседа, в Ерговском уезде. Крепостными у его отца были... Жалость!

Мерик. Богатый был?

Кузьма. Большой...

Мерик. Профуфырил отцовское-то?

Кузьма. Нет, судьба, друг милый... Господин был большой, богатый, тверезый... (Тихону.) Чай, сам, небось, видывал, как, бывальча, тут мимо кабака в город езживал. Лошади барские, шустрые, коляска лесорная – первый сорт! Пять троек держал, братец ты мой... Лет пять назад, помню, едет тут через Микишкинский паром и заместо пятака рупь выкидывает... Некогда, говорит, мне сдачу ждатель... В-во!

Мерик. Ума, стало быть, решился.

Кузьма. Слово как будто ум и при нем... Из малодушества всё вышло! С жиру! Первое дело, ребята, из-за бабы... Полюбил он, сердешный, одну городскую, и представилось ему, что краше ее на всем свете нет... Полюбилась ворона пуще ясна сокола. Из благородных девушка... Не то чтобы какая беспутная или что, а так... вертуха... Хвостом – верть! верть! Глазами – щурь! щурь! И всё смеется, и всё смеется! Никакого ума... Барам это ндравится, по-ихнему умная, а по-нашему, по-мужицкому – взял бы да со двора прогнал... Ну... полюбилась и – пропадай ты, доля барская! Стал с ней хороводиться, то да се, чай да сахар, прочее... на лодках всю ночь ездют, на фортепьянах...

Борцов. Не рассказывай, кузьма! К чему? Какое им дело до моей жизни?

Кузьма. Извините, ваше высокоблагородие, я только самую малость... Рассказал им и будет с них... Я малость, потому встревожился... Очень уж я встревожился! Налей-кась! (Пьет.)

Мерик (полушепотом). А она его любила?

Кузьма (полушепотом, который постепенно переходит в обыкновенную речь). Как не любить? Барин не пустяковый... Полюбишь, коли ежели тыща десятин да денег куры не

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
клянут... Сам-то солидный, сановитый, тверезый... каждого начальства всё одно, как вот я тебя сейчас... за ручку... (берет мерика за руку) «здрате и прощайте, милости просим»... Ну, прохожу однажды, это самое, вечером, через сад господский... сад-то, брат, ввво! верстами меряй... иду потихоньку, смотрю это, а они сидят на лавочке и друг дружку (изображает звук поцелуя) целуют. Он ее раз, она, змея, его два... Он ее за белу ручку, а она вся – вспых! и жметяся, так и жметяся к нему, чтоб ей... Люблю, говорит, тебя, Сеня... А Сеня, как окаянный человек, ходит с места на место и счастьем похваляется с малодушества... Тому рупь, тому два... Мне на лошадь дал. Всем долги простил на радостях...

Борцов. Ах... Ну к чему рассказывать? У этого народа никакого сожаления... Больно ведь!

Кузьма. Я малость, барин! Просют! Отчего чуточку не рассказать? Ну, ну, я не буду, ежели серчаете... Не буду... Мне плевать на них... Слышны почтовые звонки.

Федя. Ты не ори, потихоньку...

Кузьма. Я и так потихоньку... Не велит, ничего не поделаешь... Да и рассказывать больше нечего. Повенчались – вот и всё... Больше ничего и не было. Налей-кась Кузьме бессребренику! (пьет.) Не люблю пьянства! В самый раз, когда господам, после венца, за ужин садиться, она возьми да и убеги в карете... (шепотом.) В город к аблакату дернула, к полюбовнику... А? Какова? В самый настоящий момент! То-ись... убить мало!

Мерик (задумчиво). Да... Ну что же дальше?

Кузьма. Очумел... Вот, как видишь, стал зашибать муху и ноне, сказывают, до шмеля дошел... То были мухи, а теперь – шмель... И до сей поры любит. Погляди: любит! Должно, идет таперь пешком в город на нее одним глазочком взглянуть... Взглянет и – назад...

К кабаку подъезжает почта. Почтальон входит и пьет.

Тихон. А нынче запоздала пошта!

Почтальон молча расплачивается и уходит. Почта со звоном уезжает.

Голос из угла. В этакое ненастье пошту ограбить – раз плюнуть!

Мерик. Жил на свете 35 лет и ни разу пошты не грабил.

Пауза.

Таперь уехала, поздно... Поздно...

Кузьма. Каторги понюхать желательно?

Мерик. Люди грабят, не нюхают. Да хоть и каторга! (Резко.) Дальше что?

Кузьма. Ты про несчастного?

Мерик. А то про кого же?

Кузьма. Второе дело, братцы, откуда разоренье пошло – зять, сестрин муж... Вздумал он за зятя в банковом обчестве поручиться... тысяч на тридцать... Зять любит взять... известно, знает, шельма, свой интерес и ухом своим свиным не ведет... Взял, а платить не надоть... Наш так и заплатил все тридцать. (Вздыхает.) Глупый человек за глупость и муки терпит. Жена с аблакатом детей прижила, а зять около Полтавы именье купил, наш же, как дурак, по кабакам ходит да нашему брату мужику жалится: «Потерял я, братцы, веру! Не в кого мне теперь, это самое, верить!» Малодушество! У всякого человека свое горе бывает, змеей за сердце сосет, так и пить, значит? Взять, к примеру, хоть нашего старшину. Жена к себе учителя среди бела дня водит, мужнины деньги на хмель изводит, а старшина ходит себе да усмешки на лице делает... Поосунулся только малость...

Тихон (вздыхает). Кому какую бог силу дал...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Кузьма. Сила разная бывает, это правильно... Ну? Сколько тебе? (Расплачивается.) Забирай кровные! Прощай, ребята! Спокойной вам ночи, приятного сна! Бегу, пора... Акушёрку к барыне из больницы везу... Чай, заждалась сердешная, размокла... (Убегает.)

Тихон (после паузы). Эй, ты! Как вас? Несчастный человек, иди выпей! (Наливает.)

Борцов (подходит нерешительно к прилавку и пьёт). Значит, теперь я тебе за два стакана должен.

Тихон. Какой уж тут долг? Пей – вот и все! Заливай горе бедой!

Федя. Выпей, барин, и мое! Эх! (Бросает пятак на прилавок.) Пить – помирать и не пить – помирать! Без водки хорошо, а с водкой, ей-богу, вольготней! При водке и горе не горе... Жарь!

Борцов. Фу! Горячо!

Мерик. Дай-ка сюда! (Берет у Тихона медальон и рассматривает портрет.) Гм... После венца ушла... Какова?

Голос из угла. Нацеди-ка ему, Тиша, стаканчик. Пусть и мое выпьет!

Мерик (с силой бьёт медальоном о пол). Проклятая! (Быстро идет на свое место и ложится лицом к стене.)

Волнение.

Борцов. Это что же? Что же это такое? (Поднимает медальон.) Как ты смеешь, скотина? Какое ты имеешь право? (Плаксиво.) Ты хочешь, чтоб я тебя убил? Да? Мужик! Невежа!

Тихон. Будет, барин, сердчать... Не стеклянное, не разбилось... Выпей-ка еще, да спать... (Наливает.) Заслушался вас тут, а давно уж пора кабак запирать. (Идет и запирает наружную дверь.)

Борцов (пьёт). Как он смеет? Этакий ведь дурак! (Мерику.) Понимаешь? Ты дурак, осел!

Савва. Ребятюшки! Почтенные! Положите хранение устом! [32] Какая польза от шума? Дайте спать людям!

Тихон. Ложитесь, ложитесь... Будет вам! (Идет за прилавок и запирает ящик с выручкой.) Спать пора!

Федя. Пора! (Ложится.) Приятного сна, братцы!

Мерик (встает и постилает на скамье полушубок). Иди, барин, ложись!

Тихон. Ты же где ляжешь?

Мерик. Где придется... Хоть и на полу... (Постилает сермягу на полу.) Мне всё равно. (Кладет рядом с собой топор.) Ему на полу спать мука... Привык к шелку да к вате...

Тихон (Борцову). Ложись, ваше благородие! Будет тебе на патрет глядеть! (Тушит свечу.) Брось ты ее!

Борцов (пошатываясь). Где же мне лечь?

Тихон. На бродягино место! Чай, слышал, уступает тебе!

Борцов (подходит к уступленному месту). Я тово... опьянел... Это... что же? Тут мне ложиться? А?

Тихон. Тут, тут, не бойся, ложись... (Растягивается на прилавке.)

Борцов (ложится). Я... пьян... Все кругом... (Открывает медальон.) Свечечки у тебя нет?

Пауза.

Ты, Маша, чудачка... Глядишь на меня из рамочки и смеешься... (Смеется.) Пьяный! А разве над пьяным можно смеяться? Ты пренебреги, как говорит Счастливец, [33] и... полюби пьяного.

Федя. Ветер–то как воет! Жутко!

Борцов (смеется). Какая ты... Разве можно так кружиться? Тебя не поймаешь!

Мерик. Бредит. На портрет загляделся. (Смеется.) Комиссия! Образованные господа всякие машины и лекарства выдумывали, а нет еще того умного человека, чтоб нашел лекарство от женского пола... Ищут, как бы все болезни лечить, а того и вдомак не берут, что от бабья народа пропадает больше, чем от болезней... Лукавы, сребролюбы, немилостивы, никакого ума... Свекровь изводит невестку, невестка норовит как бы облукавить мужа... И конца нет...

Тихон. Натрепали ему бабы вихор, вот он и топорщится.

Мерик. Не я один... Спокон века, пока мир стоит, люди плачутся... Недаром и не зря в сказках да песнях черта с бабой на одну линию ставят... Недаром! Хоть наполовину да правда...

Пауза.

Барин вон дурака ломает, а я нешто от большого ума в бродяги пошел, отца–мать бросил?

Федя. Бабы?

Мерик. Тоже как вот и барин... Ходил, как окаянный, замороженный, счастьем похвалялся... день и ночь как в огне, а пришла пора, открыл глаза... Не любовь была, а одно только обманство...

Федя. Что ж ты ей сделал?

Мерик. Не твое дело...

Пауза.

Убил, думаешь? Руки коротки... Не то что убьешь, но еще и пожалеешь... Живи ты и будь ты... счастлива! Не видали б только тебя мои глаза, да забыть бы мне тебя, змея подколодная!

Стук в дверь.

Тихон. Кого–то черти принесли... Кто там?

Стук.

Кто стучит? (Встает и подходит к двери.) Кто стучит? Проходи, заперто!

Голос за дверью. Впусти, Тихон, сделай милость! Рессора в карете лопнула! Помоги, будь отцом родным! Веревочкой бы только обвязать, а потом уж как–нибудь доехали бы...

Тихон. Кто едет?

Голос за дверью. Барыня едет из города в Варсонофьево... Пять верст только осталось... Помоги, сделай милость!

Тихон. Поди, скажи барыне, коли даст десять рублей, так и веревка будет и рессору починим...

Голос за дверью. Взбесился ты, что ли? Десять рублей! Собака ты бешеная! Рад людскому горю!

Тихон. Как знаешь... Не хочешь и не нужно...

Голос за дверью. Ну, да ладно, погоди...

Пауза.

Барыня сказала: хорошо.

Тихон. Милости просим! (Отворяет дверь и впускает кучера.)

Явление IV

Те же и кучер.

Кучер. Здорово, православные! Ну давай веревку! Скорей! Ребята, кто пойдет поможет? На чай перепадет!

Тихон. Нечего там на чай... Пуцай дрыхнут, вдвоем справимся.

Кучер. Фуй, измаялся весь! Холодно, в грязи, ни одного сухого места... Вот что еще, милый... Нет ли у тебя здесь комнатки, барыне погреться? Карету покривило набок, сидеть никак невозможно...

Тихон. Какой еще там комнаты захотела? Пуцай здесь греется, коли озябла... Найдем место. (Подходит к Борцову и очищает около него место.) Вставайте, вставайте! Повалитесь часик на полу, покада барыня погрееется. (Борцову.) Привстань-ка, ваше благородие! Посиди! (Борцов приподнимается.) Вот тебе и место.

Кучер выходит.

Федя. Вот вам и гостья, шут ее принес! Таперь до света не уснешь!

Тихон. Жалко, что я пятнадцати не запросил... дала бы... (Останавливается перед дверью в ожидательной позе.) Вы же, народ, поделикатней... Не говорите слов...

Входят Марья Егоровна и за нею кучер.

Явление V

Те же, Марья Егоровна и кучер.

Тихон (кланяется). Милости просим, ваше сиятельство! Жилье наше мужицкое, тараканье. Не побрезгуйте!

Марья Егоровна. Я тут ничего не вижу... Куда же мне идти?

Тихон. Сюда, ваше сиятельство! (Ведет ее к месту около Борцова.) Сюда, милости просим! (Дует на место.) Комнатки у меня отдельной, извините, нету, но вы, сударыня, не сомневайтесь: народ хороший, тихий...

Марья Егоровна (садится рядом с Борцовым). Какая ужасная духота! Отворите по крайней мере хоть дверь!

Тихон. Слушаю-с! (Бежит и отворяет настежь дверь.)

Мерик. Народ зябнет, а они двери настежь! (Встает и захлопывает дверь.) Что за указчица? (Ложится.)

Тихон. Извините, ваше сиятельство, это у нас дурачок... юродивенький... Но вы не пужайтесь, не обидит... Только извините, барыня, я за десять рублей не согласен... За пятнадцать, ежели угодно...

Марья Егоровна. Хорошо, только поскорей!..

Тихон. Сею минутою... Мигом мы это самое... (Вытаскивает из-под прилавка веревки.) Сею минутою...

Пауза.

Борцов (вглядывается в Марью Егоровну). Мари... Маша...

Марья Егоровна (глядя на Борцова). Что еще?

Борцов. Мари... Это ты? Откуда ты?

Марья Егоровна, узнав Борцова, вскрикивает и отскакивает на середину кабака.

(Идет за ней.) Мари, это я... Я! (Хохочет.) Моя жена! Мари! Да где же я нахожусь? Люди, огня!

Марья Егоровна. Отойдите прочь! Лжете, это не вы! Невозможно! (Закрывает лицо руками.) Это ложь, глупость!

Борцов. Голос, движения... Мари, это я! Сейчас я перестану... быть пьян... Голова кружится... Боже мой! Постой, постой... я ничего не понимаю. (Кричит.) Жена! (Падает к ее ногам и рыдает.)

Около супругов собирается группа.

Марья Егоровна. Отойдите прочь! (Кучеру.) Денис, едем! Я не могу здесь долее оставаться!

Мерик (вскакивает и пристально вглядывается ей в лицо). Портрет! (Хватает ее за руку.) Она самая! Эй, народ! Жена баринова!

Марья Егоровна. Пошел прочь, мужик! (Старается вырвать у него свою руку.) Денис, что же ты смотришь? (Денис и Тихон подбегают к ней и хватают Мерика под руки.) Это разбойничий вертеп! Пусти же руку! Не боюсь я!.. Подите прочь!

Мерик. Постой, сейчас отпущу... Дай мне сказать тебе одно только слово... Одно слово, чтоб ты поняла... Постой... (Оборачивается к Тихону и Денису.) Прочь вы, хамы, не держите! Не выпущу, пока слова не скажу! Постой... сейчас. (Бьет себя кулаком по лбу.) Нет, не дал бог разума! Не могу я тебе этого слова придумать!

Марья Егоровна (вырывает руку). Поди ты прочь! Пьяницы... Едем, Денис! (Хочет идти к двери.)

Мерик (загораживает ей дорогу). Ну, погляди ты на него хоть одним глазом! Приголубь ты его хоть одним словечком ласковым. Богом молю!

Марья Егоровна. Возьмите от меня этого... юродивого.

Мерик. Так пропадай же ты, проклятая, пропадом! (Взмахивает топором.)

Страшное волнение. Все вскакивают с шумом и криком ужаса. Савва становится между Мериком и Марьей Егоровной... Денис с силой отталкивает в сторону Мерика и выносит свою барыню из кабака. После этого все стоят как вкопанные. Продолжительная пауза.

Борцов (ловит в воздухе руками). Мари... Где же ты, Мари!

Назаровна. Боже мой, боже мой... Душеньку мою надорвали вы, убивцы! И что за ночь окаянная!

Мерик (опуская руку с топором). Убил я ее, аль нет?..

Тихон. Благодарю бога, цела твоя голова...

Мерик. Не убил, стало быть... (Пошатываясь, идет к своей постели.) Не привела судьба помереть от краденного топора... (Падает на постель и рыдает.) Тоска! Злая моя тоска! Пожалейте меня, люди православные!

Занавес

Лебединая песня

(Калхас)

Драматический этюд в одном действии

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Действующие лица

Василий Васильич Светловидов, комик, старик 68-ми лет.

Никита Иванович, суфлер, старик.

Действие происходит на сцене провинциального театра, ночью, после спектакля. Пустая сцена провинциального театра средней руки. Направо ряд некрашенных, грубо сколоченных дверей, ведущих в уборные; левый план и глубина сцены заваленыхламом. Посреди сцены опрокинутый табурет. – Ночь. Темно.

I

Светловидов в костюме Калхаса, со свечой в руке, выходит из уборной и хохочет.

Светловидов. Вот так фунт! Вот так штука. В уборной уснул! Спектакль давно уже кончился, все из театра ушли, а я преспокойнейшим манером храповицкого задаю. Ах, старый хрен, старый хрен! Старая ты собака! Так, значит, налимонился, что сидя уснул! Умница! Хвалю, мамочка. (Кричит.) Егорка! Егорка, черт! Петрушка! Заснули, черти, в рот вам дышло, сто чертей и одна ведьма! Егорка! (Поднимает табурет, садится на него и ставит свечу на пол.) Ничего не слышно... Только эхо и отвечает... Егорка и Петрушка получили с меня сегодня за усердие по трешнице, – их теперь и с собаками не сыщешь... Ушли и, должно быть, подлецы, театр заперли... (Крутит головой.) Пьян! Уф! Сколько я сегодня ради бенефиса влил в себя этого винища и пивнища, боже мой! Во всем теле перегар стоит, а во рту двенадцать языков ночуют... Противно...

Пауза.

Глупо... Напился старый дуралей и сам не знает, с какой радости... Уф, боже мой!.. И поясницу ломит, и башка трещит, и знобит всего, а на душе холодно и темно, как в погребе. Если здоровья не жаль, то хоть бы старость-то свою пощадил, Шут Иванович...

Пауза.

Старость... Как ни финти, как ни храбрись и ни ломай дурака, а уж жизнь прожита... шестьдесят восемь лет уже тю-тю, мое почтение! Не воротишь... Всё уж выпито из бутылки и осталось чуть-чуть на доньшке... Осталась одна гуща... Так-то... Такие-то дела, Васюша... Хочешь – не хочешь, а роль мертвеца пора уже репетировать. Смерть-матушка не за горами... (Глядит вперед себя.) Однако служил я на сцене 45 лет, а театр вижу ночью, кажется, только в первый раз... Да, в первый раз... А ведь курьезно, волк его заешь... (Подходит к рампе.) Ничего не видать... Ну, суфлерскую будку немножко видно... вот эту литерную ложу, пюпитр... а всё остальное – тьма! Черная бездонная яма, точно могила, в которой прячется сама смерть... Брр!.. холодно! Из залы дует, как из каминной трубы... Вот где самое настоящее место духов вызывать! Жутко, черт подери... По спине мурашки забегали... (Кричит.) Егорка! Петрушка! Где вы, черти? Господи, что ж это я нечистого поминаю? Ах, боже мой, брось ты эти слова, брось ты пить, ведь уж стар, помирать пора... В 68 лет люди к заутрене ходят, к смерти готовятся, а ты... О, господи! Нечистые слова, пьяная рожа, этот шутовской костюм... Просто не глядел бы! Пойду скорее одеваться... Жутко! Ведь этак ежели всю ночь здесь просидеть, то со страху помереть можно... (Идет к своей уборной.) В это время из самой крайней уборной в глубине сцены показывается Никита Иванович в белом халате.

II

Светловидов и Никита Иванович.

Светловидов (увидев Никиту Ивановича, вскрикивает от ужаса и пятится назад). Кто ты? Зачем? Кого ты? (Топочет ногами.) Кто ты?

Никита Иванович. Это я-с!

Светловидов. Кто ты?

Никита Иванович (медленно приближаясь к нему). Это я-с... Суфлер, Никита Иванович... Василь Васильич, это я-с!..

Светловидов (опускается в изнеможении на табурет, тяжело дышит и дрожит всем телом). Боже мой! Кто это? Это ты... ты, Никитушка? За... зачем ты здесь?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Никита Иванович. Я здесь ночую в уборных–с. Только вы, сделайте милость, не
сказывайте Алексею Фомичу–с... Больше ночевать негде, верьте богу–с...

Светловидов. Ты, Никитушка... Боже мой, боже мой! Вызывали шестнадцать раз,
поднесли три венка и много вещей... все в восторге были, но ни одна душа не
разбудила пьяного старика и не свезла его домой... Я старик, Никитушка... Мне 68
лет... Болен! Томится слабый дух мой... (Припадает к руке суфлера и плачет.) Не
уйди, Никитушка... Стар, немощен, помирать надо... Страшно, страшно!..

Никита Иванович (нежно и почтительно). Вам, Василь Васильич, домой пора–с!

Светловидов. Не пойду! Нет у меня дома, – нет, нет, нет!

Никита Иванович. Господи! Уж забыли, где и живете!

Светловидов. Не хочу туда, не хочу! Там я один... никого у меня нет, Никитушка, ни
родных, ни старухи, ни деток... Один, как ветер в поле... Помру, и некому будет
помянуть... Страшно мне одному... Некому меня согреть, обласкать, пьяного в постель
уложить... Чей я? Кому я нужен? Кто меня любит? Никто меня не любит, Никитушка!

Никита Иванович (сквозь слезы). Публика вас любит, Василь Васильич!

Светловидов. Публика ушла, спит и забыла про своего шута! Нет, никому я не
нужен, никто меня не любит... Ни жены у меня, ни детей...

Никита Иванович. Эва, о чем горюете...

Светловидов. Ведь я человек, ведь я живой, у меня в жилах кровь течет, а не
вода. Я дворянин, Никитушка, хорошего рода... Пока в эту яму не попал, на военной
служил, в артиллерии... Какой я молодец был, красавец, какой честный, смелый,
горячий! Боже, куда же это всё девалось? Никитушка, а потом каким я актером был,
а? (Поднявшись, опирается на руку суфлера.) Куда всё это девалось, где оно, то
время? Боже мой! Поглядел нынче в эту яму – я всё вспомнил, всё! Яма–то эта
съела у меня 45 лет жизни, и какой жизни, Никитушка! Гляжу в яму сейчас и вижу
всё до последней черточки, как твое лицо. Восторги молодости, вера, пыл, любовь
женщин! Женщины, Никитушка!

Никита Иванович. Вам, Василь Васильич, спать пора–с.

Светловидов. Когда был молодым актером, когда только что начинал в самый пыл
входить, помню – полюбила одна меня за мою игру... Изящна, стройна, как тополь,
молода, невинна, чиста и пламенна, как летняя заря! Под взглядом ее голубых
глаз, при ее чудной улыбке, не могла бы устоять никакая ночь. Морские волны
разбиваются о камни, но о волны ее кудрей разбивались утесы, льдины, снеговые
глыбы! Помню, стою я перед нею, как сейчас перед тобою... Прекрасна была в этот
раз, как никогда, глядела на меня так, что не забыть мне этого взгляда даже в
могиле... Ласка, бархат, глубина, блеск молодости! Упоенный, счастливый, падаю
перед нею на колени, прошу счастья... (Продолжает упавшим голосом.) А она... она
говорит: оставьте сцену! Ос–тавь–те сце–ну!.. Понимаешь? Она могла любить
актера, но быть его женой – никогда! Помню, в тот день играл я... Роль была
подлая, шутовская... Я играл и чувствовал, как открываются мои глаза... Понял я
тогда, что никакого святого искусства нет, что всё бред и обман, что я – раб,
игрушка чужой праздности, шут, фигляр! Понял я тогда публику! С тех пор не верил
я ни аплодисментам, ни венкам, ни восторгам... Да, Никитушка! Он аплодирует мне,
покупает за целый мой фотогра–фию, но я чужд ему, я для него – грязь, почти
кокотка!.. Ради тщеславия он ищет знакомства со мною, но не унижит себя до того,
чтобы отдать мне в жены свою сестру, дочь... Не верю я ему! (Опускается на
табурет.) Не верю!

Никита Иванович. На вас лица нет, Василь Васильич! Даже меня в страх вогнали...
Пойдемте домой, будьте великодушны!

Светловидов. Прозрел я тогда... и дорого мне стоило это прозрение, Никитушка! Стал
я после той истории... после девицы этой... стал я без толку шататься, жить зря, не
глядя вперед... Разыгрывал шутов, зубоскалов, паясничал, развращал умы, а ведь
какой художник был, какой талант! Зарыл я талант, опошил и изломал свой язык,
потерял образ и подобие... Сожрала, поглотила меня эта черная яма! Не чувствовал
раньше, но сегодня... когда проснулся, поглядел назад, а за мною 68 лет. Только

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
сейчас увидел старость! Спета песня! (Рыдает.) Спета песня!

Никита Иванов. Василь Васильич! Батюшка мой, голубчик... Ну, успокойтесь... Господи!
(Кричит.) Петрушка! Егорка!

Светловидов. А ведь какой талант, какая сила! Представить ты себе не можешь, какая дикция, сколько чувства и грации, сколько струн... (бьет себя по груди) в этой груди! Задохнуться можно!.. Старик, ты послушай... постой, дай перевести дух... Вот хоть из «Годунова»:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.
Царевич я. Довольно. Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться!
А, плохо? (Живо.) Постой, вот из «Короля Лира»... Понимаешь, черное небо, дождь,
гром – ррр!.. молния – жжж!.. полосует всё небо, а тут:

Злись, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
Вы, хляби вод, стремитесь ураганом,
Залейте башни, флюгера на башнях!
Вы, серные и быстрые огни,
Предвестники громовых тяжких стрел,
Дубов крушители, летите прямо
На голову мою седую! Гром небесный,
Всё потрясающий, разбей природу всю,
Расплюсни разом толстый шар земли
И разбросай по ветру семена,
Родящие людей неблагодарных!
(Нетерпеливо.) Скорее слова шута! (Топочет ногами.) Подавай скорее слова шута!
Некогда мне!

Никита Иванов (играя шута). «Что, куманек? Под кровлей-то сидеть получше, я думаю, чем под дождем шататься? Право, дяденька, помирился бы ты лучше с дочерьми. В такую ночь и умнику, и дураку – обоим плохо!»

Светловидов.

Реву всем животом!
Дуй, лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и ветер,
И гром и дождь – не дочери мои!
В жестокости я вас не укоряю:
Я царства вам не отдавал при жизни,
Детьми моими вас не называл.
Сила! Талант! Художник! Еще что-нибудь... еще что-нибудь этакое... стариной
тряхнуть... Хватим (закатывается счастливым смехом) из «Гамлета»! Ну, я начинаю...
что бы такое? А, вот что... (Играя Гамлета.) «Ах, вот и флейтчики! Подай мне твою
флейту! (Никите Иванову.) Мне кажется, будто вы слишком гоняетесь за мною».

Никита Иванов. «Поверьте, принц, что всему причиной любовь моя к вам и усердие к королю».

Светловидов. «Я что-то не совсем это понимаю. Сыграй мне что-нибудь!»

Никита Иванов. «Не могу, принц».

Светловидов. «Сделай одолжение!»

Никита Иванов. «Право, не могу, принц!»

Светловидов. «Ради бога, сыграй!»

Никита Иванов. «Да я совсем не умею играть на флейте».

Светловидов. «А это так же легко, как лгать. Возьми флейту так, губы приложи сюда, пальцы туда – и заиграет!»

Никита Иванович. «Я вовсе не учился».

Светловидов. «Теперь суди сам: за кого ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душе моей, а вот не умеешь сыграть даже чего-нибудь на этой дудке. Разве я хуже, простее, нежели эта флейта? Считаю тебя, чем тебе угодно: ты можешь мучить меня, но не играть мною!» (Хохочет и аплодирует.) Браво! Бис! Браво! Какая тут к черту старость! Никакой старости нет, всё вздор, чепуха! Сила из всех жил бьет фонтаном, – это молодость, свежесть, жизнь! Где талант, Никитушка, там нет старости! Ошалел, Никитушка? Очумел? Погоди, дай и мне прийти в чувство... О, господи, боже мой! А вот послушай, какая нежность и тонкость, какая музыка! Тсс... Тише!

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы...
Слышен стук отворяемых дверей.

Что это?

Никита Иванович. Это, должно быть, Петрушка и Егорка пришли... Талант, Василь Васильич! Талант!

Светловидов (кричит, оборачиваясь в сторону стука). Сюда, мои соколы! (Никите Ивановичу.) Пойдем одеваться... Никакой нет старости, всё это вздор, галиматья... (Весело хохочет.) Что же ты плачешь? Дура моя хорошая, что ты нюни распустил? Э, не хорошо! Вот это уж и не хорошо! Ну, ну, старик, будет так глядеть! Зачем так глядеть? Ну, ну... (Обнимает его сквозь слезы.) Не нужно плакать... Где искусство, где талант, там нет ни старости, ни одиночества, ни болезни, и сама смерть вполнину... (Плачет.) Нет, Никитушка, спета уж наша песня... Какой я талант? Выжатый лимон, сосулька, ржавый гвоздь, а ты – старая театральная крыса, суфлер... Пойдем!

Идут.

Какой я талант? В серьезных пьесах гоюсь только в свиту фортибраса... да и для этого уже стар... Да... Помнишь это место из «Отелло», Никитушка?

Прости, покой, прости, мое довольство!
Простите вы, пернатые войска
И гордые сражения, в которых
Считается за доблесть честолюбье, –
Всё, всё прости! Прости, мой ржущий конь,
И звук трубы, и грохот барабана,
И флейты свист, и царственное знамя,
Все почести, вся слава, всё величье
И бурные тревоги славных войн!
Никита Иванович. Талант! Талант!

Светловидов. Или вот еще:

Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!
Уходит с Никитой Ивановичем.

Занавес медленно опускается

Иванов
Комедия в 4 действиях и 5 картинах

Действующие лица
Иванов Николай Алексеевич, неперемный член по крестьянским делам присутствия.

Анна Петровна, его жена, урожденная Сарра Абрамсон.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Шабельский, граф Матвей Семенович, его дядя по матери.

Лебедев Павел Кириллыч, председатель земской управы.

Зинаида Саввишна, его жена.

Саша, дочь Лебедевых, 20 лет.

Львов Евгений Константинович, молодой земский врач.

Бабакина Марфа Егоровна, молодая вдова-помещица, дочь богатого купца.

Косых Дмитрий Никитыч, акцизный.

Боркин Михаил Михайлович, дальний родственник Иванова и управляющий его имением.

Дудкин, сын богатого фабриканта.

Авдотья Назаровна, старуха с неопределенной профессией.

Егорушка, нахлебник Лебедевых.

1-й гость.

2-й гость.

Петр, лакей Иванова.

Гаврила, лакей Лебедевых.

Гости обоего пола, лакеи.

Действие происходит в одном из уездов средней полосы России.

Действие 1

Сад в имении Иванова. Слева фасад двухэтажного дома с террасой. Одно окно открыто. Перед террасой широкая полукруглая площадка, от которой в сад, прямо и вправо, идут аллеи. На правой стороне садовые диванчики и столики. На одном из последних горит лампа. Вечереет. При поднятии занавеса слышно, как в доме разучивают дуэт на рояли и виолончели.

Явление 1

Иванов и Боркин.

Иванов сидит за столом и читает книгу.

Боркин в больших сапогах, с ружьем, показывается в глубине сада; он навеселе; увидев Иванова, на цыпочках идет к нему и, поравнявшись с ним, прицеливается в его лицо.

Иванов (увидев Боркина, вздрагивает и вскакивает). Миша, бог знает что... вы меня испугали... Я и так расстроен, а вы еще с глупыми шутками... (Садится.) Испугал и радуется.

Боркин (хохочет). Ну, ну... виноват, виноват... (Садится рядом.) Не буду больше, не буду... (Снимает фуражку.) Жарко. Верите ли, душа моя, в какие-нибудь три часа 17 верст отмахал... замучился, как черт... Пощупайте-ка, как у меня сердце бьется...

Иванов (читая). Хорошо... после...

Боркин. Нет, вы сейчас пощупайте... (Берет его руку и прикладывает к груди.) Слышите? Ту-ту-ту-ту-ту-ту... Это значит, у меня порок сердца. Каждую минуту могу скоропостижно умереть. Послушайте, вам будет жаль, если я умру?

Иванов. Я читаю... после...

Боркин. Нет, серьезно, вам будет жаль, если я вдруг умру? Николай Алексеевич, вам будет жаль, если я умру?..

Иванов. Не приставайте.

Боркин. Голубчик, скажите: будет жаль?

Иванов. Мне жаль, что от вас водкой пахнет. Это, Миша, противно...

Боркин (смеется). Разве пахнет? Удивительное дело... Впрочем, тут нет ничего удивительного. В Плесниках я встретил следователя, и мы, признаться, с ним рюмок по восьми стукнули. В сущности говоря, пить очень вредно. Послушайте, ведь вредно? А? Вредно?..

Иванов. Это наконец невыносимо... Поймите, Миша, что это издевательство...

Боркин. Ну, ну... виноват, виноват... Бог с вами, сидите себе... (Встает и идет.) Удивительный народ, даже и поговорить нельзя. (Возвращается.) Ах да, чуть было не забыл... Пожалуйте 82 рубля!..

Иванов. Какие 82 рубля?..

Боркин. Завтра рабочим платить.

Иванов. У меня нет.

Боркин. Покорнейше благодарю. (Дразнит.) «У меня нет»... Да ведь нужно платить рабочим? Нужно?..

Иванов. Не знаю. У меня сегодня ничего нет. Подождите до первого числа, когда жалованье получу.

Боркин. Вот извольте разговаривать с такими субъектами... Рабочие придут за деньгами не первого числа, а завтра утром...

Иванов. Так что же мне теперь делать? Ну, режьте меня, пилите... И что у вас за отвратительная манера приставать ко мне именно тогда, когда я читаю, пишу или...

Боркин. Я вас спрашиваю: рабочим нужно платить или нет? Э, да что с вами говорить... (Машет рукой.) Помещики тоже, черт подери, землевладельцы... Рациональное хозяйство... Тысяча десятин земли и ни гроша в кармане... Винный погреб есть, а штопора нет... Возьму вот и продам завтра тройку! Да-с... Овес на корню продал, а завтра возьму и рожь продам. (Шагает по сцене.) Вы думаете, я стану церемониться? Да? Ну нет-с, не на такого напали...

Явление 2

Те же, Шабельский за сценой и Анна Петровна. Голос Шабельского за окном: «Играть с вами нет никакой возможности... Слуха у вас меньше, чем у фаршированной щуки, а туше возмутительное... Семитическое, перхатое туше, от которого на десять верст пахнет чесноком...»

Анна Петровна (показывается в открытом окне). Кто здесь сейчас разговаривал? Это вы, Миша? Что вы так шагаете?

Боркин. С вашим *Nicolas-voilà*[34] еще не так зашагаешь...

Анна Петровна. Послушайте, Миша, прикажите принести на крокет сена. Я хочу кувыркатся...

Боркин (машет рукой). Оставьте вы меня, пожалуйста...

Анна Петровна (смеется). Скажите, какой тон... К такому карапузику, как вы, Миша, этот тон совсем не идет. Если хотите, чтобы вас любили женщины, то никогда при них не сердитесь и не солидничайте. (Мужу.) Николай, давайте все кувыркатся...

Иванов. Тебе, Аня, вредно стоять у открытого окна. Уйди, пожалуйста... (Кричит.) Дядя, закрой окно!..

Окно закрывается.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Боркин. Не забывайте еще, что через два дня нужно проценты платить Лебедеву...

Иванов. Я помню. Сегодня я буду у Лебедева и попрошу его подождать. (Смотрит на часы.)

Боркин. Вы когда туда поедете?

Иванов. Сейчас...

Боркин (живо). Пойдите, пойдите... ведь сегодня, кажется, день рождения Шурочки... Те-те-те-те... А я забыл... Вот память, а? (Прыгает.) Поеду, поеду... (Поет.) Поеду... Пойду выкупаюсь, пожую бумаги, приму три капли нашатырного спирта и хоть сначала начинай... Голубчик, Николай Алексеевич, мамуся моя, ангел души моей, вы всё нервничаете, ей-богу, ноете, постоянно в мерлехлюндии, а ведь мы, ей-богу, вместе черт знает каких делов могли бы наделать... Для вас я на все готов... Хотите, я для вас на Марфуше Бабакиной женюсь? Марфутка эта дрянь, черт, жила, но хотите, я женюсь? Половина приданого ваша... То есть не половина, а всё... Берите всё...

Иванов. Будет вам вздор молоть...

Боркин. Нет, серьезно, ей-богу, хотите, я на Марфуше женюсь? Приданое пополам... Впрочем, за чем я это вам говорю? Разве вы поймете? (Дразнит.) «Будет вам вздор молоть». Хороший вы человек, умный, но в вас не хватает этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха... Этак бы размахнуться, чтобы чертям тошно стало... Вы психопат, нюня, а будь вы нормальный человек, то через год имели бы миллион... Например, будь у меня сейчас 2300 рублей, я бы через две недели имел двадцать тысяч... Не верите? И это, по-вашему, вздор? Нет, не вздор... Вот дайте мне 2300 рублей, и я через неделю доставлю вам двадцать тысяч. На том берегу Овсянов продает полоску земли как раз против нас за 2300 рублей. Если мы купим эту полоску, то оба берега будут наши. А если оба берега будут наши, то, понимаете ли, мы имеем право запрудить реку... Ведь так? Мы мельницу будем строить, и как только мы объявим, что хотим запруду сделать, так все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а мы сейчас: коммен зи гер, [35] если хотите, чтобы плотины не было, заплатите... Понимаете? Заревская фабрика даст пять тысяч, Корольков три тысячи. Монастырь даст пять тысяч.

Иванов. Все это, Миша, фокусы... Если не хотите со мной ссориться, то держите их при себе.

Боркин (садится за стол). Конечно... Я так и знал... И сами ничего не делаете, и меня связываете...

Явление 3

Те же, Шабельский и Львов.

Шабельский (выходя с Львовым из дома). Доктора те же адвокаты с тою только разницею, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают... Я не говорю о присутствующих. (Садится на диванчик.) Шарлатаны, эксплуататоры... Может быть, в какой-нибудь Аркадии попадаются исключения из общего правила, но... я в свою жизнь пролечил тысяч двадцать и не встретил ни одного доктора, который не казался бы мне патентованным мошенником ..

Боркин (Иванову). Да, сами ничего не делаете и меня связываете... Оттого-то у нас и денег нет...

Шабельский. Повторяю, я не говорю о присутствующих... Может быть, есть исключения, хотя впрочем... (Зевает.)

Иванов (закрывая книгу). Что, доктор, скажете?

Львов (оглядываясь на окно). То же, что и утром говорил: ей немедленно нужно в Крым ехать. (Ходит по сцене.)

Шабельский (прыскает). В Крым... Отчего, Миша, мы с тобой не лечим? Это так просто... Стала перхоть или кашлять от скуки какая-нибудь мадам Анго или Офелия, [36] бери сейчас бумагу и прописывай по правилам науки: сначала молодого доктора, потом поездка в Крым, в Крыму татарин, на обратном пути отдельное купе

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
с каким-нибудь проигравшимся, но милым pschutt'ом...[37]

Иванов (графу). Ах, не зуди ты, зуда!.. (Львову.) Чтобы ехать в Крым, нужны средства. Допустим, что я найду их, но ведь она решительно отказывается от этой поездки...

Львов. Да, отказывается...

Пауза.

Боркин. Послушайте, доктор, разве Анна Петровна уж так серьезно больна, что необходимо в Крым ехать?..

Львов (оглядывается на окно). Да... чахотка...

Боркин. Пссс... нехорошо... Я сам давно уже по лицу замечал, что она не протянет долго...

Львов. Но... говорите потише... В доме слышно...

Пауза.

Боркин (вздыхает). Жизнь наша... Жизнь человеческая подобна цветку, пышно произрастающему в поле: пришел козел, съел его и нет цветка... (Напевает.) Поймешь ли ты души моей волнение...[38]

Шабельский. Все вздор, вздор и вздор... (Зевает.) Вздор и плутни...

Пауза.

Боркин. А я, господа, тут все учу Николая Алексеевича деньги наживать. Сообщил ему одну чудную идею, но мой порох, по обыкновению, упал на влажную почву... Ему не втолкуешь... Посмотрите: на что он похож? Меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть...

Шабельский (встает и потягивается). Для всех ты, гениальная башка, изобретаешь и учишь всех, как жить, а меня хоть бы раз поучил. Поучи-ка, умная голова, укажи выход...

Боркин (встает). Пойду купаться... Прощайте, господа... (Графу.) У вас двадцать выходов есть... На вашем месте я через неделю имел бы тысяч двадцать. (Идет.)

Шабельский (идет за ним). Каким это образом? Ну-ка, научи...

Боркин. Тут и учить нечему. Очень просто... (Возвращается.) Николай Алексеевич, дайте мне рубль!

Иванов молча дает ему деньги.

Мерси. (Графу.) У вас еще много козырей на руках.

Шабельский (идя за ним). Ну какие же? (Потягивается.)

Боркин. На вашем месте я через неделю имел бы тысяч тридцать, если не больше...

Уходит с графом.

Иванов (после паузы). Лишние люди, лишние слова, необходимость отвечать на глупые вопросы – все это, доктор, утомило меня до болезни. Я стал раздражителен, вспыльчив, резок, мелочен до того, что не узнаю себя. По целым дням у меня голова болит, бессонница, шум в ушах... А деваться положительно некуда... Положительно...

Львов. Мне, Николай Алексеевич, нужно с вами серьезно поговорить...

Иванов. Говорите.

Львов. Я об Анне Петровне. (Садится.) Она не соглашается ехать в Крым, но с вами

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
она поехала бы...

Иванов (подумав). Чтобы ехать вдвоем, нужны средства. К тому же, мне не дадут продолжительного отпуска. В этом году я уже брал раз отпуск...

Львов. Допустим, что это правда. Теперь далее. Самое главное лекарство от чахотки – это абсолютный покой, а ваша жена не знает ни минуты покоя. Ее постоянно волнуют ваши отношения к ней. Простите, я взволнован и буду говорить прямо. Ваше поведение убивает ее.

Пауза.

Николай Алексеевич, позвольте мне думать о вас лучше!..

Иванов. Все это правда, правда.. Вероятно, я страшно виноват, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то ленью, и я не в силах понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя.. (Взглядывает на окно.) Нас могут услышать, пойдемте, пройдемся.

Встают.

Я, милый друг, рассказал бы вам с самого начала, но история длинная и такая сложная, что до утра не расскажешь.

Идут.

Анюта замечательная, необыкновенная женщина.. Ради меня она переменила веру, бросила отца и мать, ушла от богатства, и, если бы я потребовал еще сотню жертв, она принесла бы их не моргнув глазом. Ну-с, а я ничем не замечателен и ничем не жертвовал. Впрочем, это длинная история.. Вся суть в том, милый доктор, (мнется) что.. короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вечно, но прошло пять лет, она все еще любит меня, а я.. (Разводит руками.) Вы вот говорите мне, что она скоро умрет, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление.. Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно, сам же я не понимаю, что делается с моей душой..

Уходят по аллее.

Явление 4
Шабельский, потом Анна Петровна.

Шабельский (входит и хохочет). Честное слово, это не мошенник, а мыслитель, виртуоз!.. Памятник ему нужно поставить.. В себе одном совмещает современный гной во всех видах: и адвоката, и доктора, и кукуевца, [39] и кассира.. (Садится на нижнюю ступень террасы.) И ведь нигде, кажется, курса не кончил, вот что удивительно.. Стало быть, каким был бы гениальным подлецом, если бы еще усвоил культуру, гуманитарные науки!.. «Вы, говорит, через неделю можете иметь 20 тысяч. У вас, говорит, еще на руках козырный туз – ваш графский титул. (Хохочет.) За вас любая девица пойдет с приданым..

Анна Петровна открывает окно и смотрит вниз.

Хотите, говорит, посватаю за вас Марфушу?..» Qui est-ce que s'est [40] Марфуша? Ах, это та.. Балабалкина.. Бабакалкина.. эта, что на прачку похожа и сморкается как извозчик..

Анна Петровна. Это вы, граф?..

Шабельский. Что такое?

Анна Петровна смеется.

(Еврейским акцентом.) Зачиво вы шмеетесь?

Анна Петровна. Я вспомнила одну вашу фразу. Помните, вы говорили за обедом? Вор прощенный, лошадь.. Как это?

Шабельский. Жид крещеный, вор прощенный, конь леченый – одна цена.

Анна Петровна (смеется). Вы даже простого каламбура не можете сказать без злости. Злой вы человек... (Серьезно.) Не шутя, граф, вы очень злы. С вами жить скучно и жутко. Всегда вы брюзжите, ворчите, все у вас подлецы и негодяи. Скажите мне, граф, откровенно, говорили вы когда-нибудь о ком хорошо?

Шабельский. Это что за экзамен?

Анна Петровна. Живем мы с вами под одной крышей уже пять лет, и я ни разу не слыхала, чтобы вы отзывались о людях спокойно, без желчи и без смеха. Что вам люди сделали худого? (Кашляет.) И неужели вы думаете, что вы лучше всех?

Шабельский. Вовсе я этого не думаю. Я такой же мерзавец и свинья в ермолке, как и все. Моветон[41] и старый башмак. Я всегда себя браню. Кто я? Что я? Был богат, свободен, немножко счастлив, а теперь... Нахлебник, приживалка, обезличенный шут... Я негодую, презираю, а мне в ответ смеются; я смеюсь, на меня печально кивают головой и говорят: спятил старик... А чаще всего меня не слышат и не замечают...

Анна Петровна (покойно). Опять кричит...

Шабельский. Кто кричит?

Анна Петровна. Сова. Каждый вечер кричит.

Шабельский. Пусть кричит. Хуже того, что уже есть, не может быть. (Потягивается.) Эх, милейшая Сарра, выиграй я сто или двести тысяч, показал бы я вам, где раки зимуют!.. Только бы вы меня и видели... (Зевает.) Ушел бы я из этой ямы от даровых хлебов и ни ногой бы сюда до самого страшного суда...

Анна Петровна. А что бы вы сделали, если бы выиграли?

Шабельский (подумав). Я? Прежде всего поехал бы в Москву и цыган послушал. Потом... потом махнул бы в Париж. нанял бы себе там квартиру, ходил бы в посольскую церковь...

Анна Петровна. А еще что?

Шабельский. По целым дням сидел бы на жениной могиле и думал. Так бы я и сидел на могиле, пока не окошел. Жена в Париже похоронена...

Пауза.

Анна Петровна. Ужасно скучно. Сыграть нам дуэт еще, что ли?

Шабельский. Хорошо, приготовьте ноты...

Анна Петровна уходит.

Явление 5

Шабельский, Иванов и Львов.

Иванов (показывается на аллее с Львовым). Вы, милый друг, кончили курс только в прошлом году, еще молоды и бодры, а мне тридцать пять. Я имею право вам советовать. Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках, а выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишних звуков. Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше. Голубчик, не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей... Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое, богом данное дело... Это теплее, честнее и здоровее... А жизнь, которую я пережил, – как она утомительна!.. ах, как утомительна!.. Сколько ошибок, несправедливостей, сколько нелепого... (Увидев графа, раздраженно.) Всегда ты, дядя, перед глазами вертишься, не даешь поговорить наедине!

Шабельский (плачущим голосом). А черт меня возьми, нигде приюта нет!.. (Вскакивает и идет в дом.)

Иванов (кричит ему вслед). Ну, виноват, виноват... (Львову.) За что я его обидел? Нет, я решительно развинтился. Надо будет с собой что-нибудь сделать. Надо...

Львов (волнуясь). Николай Алексеевич, я выслушал вас и... и, простите, буду говорить прямо, без обиняков. В вашем голосе, в вашей интонации, не говоря уж о словах, столько бездушного эгоизма, столько холодного бессердечия... Близкий вам человек погибает оттого, что он вам близок, дни его сочтены, а вы... вы можете не любить, ходить, давать советы, рисоваться... Не могу я вам высказать, нет у меня дара слова, но... но вы мне глубоко несимпатичны!..

Иванов. Может быть, может быть... Вам со стороны виднее... Очень возможно, что вы меня понимаете... Вероятно, я очень, очень виноват... (Прислушивается.) Кажется, лошадей подали. Пойду одеться... (Идет к дому и останавливается.) Вы, доктор, не любите меня и не скрываете этого. Это делает честь вашему сердцу... (Уходит в дом.)

Львов (один). Проклятый характер... Опять упустил случай и не поговорил с ним как следует... Не могу говорить с ним хладнокровно!.. Едва раскрою рот и скажу одно слово, как у меня вот тут (показывает на грудь) начинает душить, переворачиваться, и язык прилипает к горлу... Ненавижу этого тартюфа, возвышенного мошенника всей душой... Вот уезжает... У несчастной жены все счастье в том, чтобы он был возле нее; она дышит им, умоляет его провести с нею хоть один вечер, а он... он не может... Ему, видите ли, дома душно и тесно. Если он хоть один вечер проведет дома, то с тоски пулю пустит себе в лоб. Бедный... ему нужен простор, чтобы затеять какую-нибудь новую подлость... О, я знаю, зачем ты каждый вечер едешь к этим Лебедевым!.. Знаю...

Явление 6

Львов, Иванов в шляпе и пальто, Шабельский и Анна Петровна.

Шабельский (выходя с Ивановым и с Ан<ной> Петр<овной> из дому). Наконец, Nicolas, это бесчеловечно... Сам уезжаешь каждый вечер, а мы остаемся одни. От скуки ложимся спать в восемь часов... Это безобразие, а не жизнь!.. И почему это тебе можно ездить, а нам нельзя? Почему?

Анна Петровна. Граф, оставьте его... Пусть едет, пусть...

Иванов (жене). Ну куда ты, больная, поедешь? Ты больна и тебе нельзя после захода солнца быть на воздухе. Спроси вот доктора. Ты не дитя, Аня, нужно рассуждать. (Графу.) А тебе зачем туда ехать?

Шабельский. Хоть к черту в пекло, хоть к крокодилу в зубы, только чтобы не здесь оставаться... Мне скучно... Я отупел от скуки... Я надоел всем... Ты оставляешь меня дома, чтоб ей не было одной скучно, а я ее загрыз, заел!..

Анна Петровна. Оставьте его, граф, оставьте... Пусть едет, если ему там весело...

Иванов. Аня, к чему этот тон? Ты знаешь, я не за весельем туда еду. Мне нужно поговорить о векселе.

Анна Петровна. Не понимаю, зачем ты оправдываешься? Езжай... кто тебя держит?

Иванов. Господа, не будемте есть друг друга!.. Неужели это так необходимо?

Шабельский (плачущим голосом). Nicolas, голубчик, ну я прошу тебя, возьми меня с собой... Я погляжу там мошенников и дураков и, может быть, развлекусь! Ведь я с самой Пасхи нигде не был...

Иванов (раздраженно). Хорошо, поедем...

Шабельский. Да? Ну merci, merci... (Весело берет его под руку и отводит в сторону.) Твою касторовую шляпу можно надеть?

Иванов. Можно, только поскорей, пожалуйста...

Граф бежит в дом.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Надо, Аня, рассуждать. Выздоровеешь, тогда и будем ездить, а теперь тебе нужен покой... Ну, прощай... (Подходит к жене и целует ее в голову.) Я вернусь к часу...

Анна Петровна (ведет его к рампе). Коля... (Смеется.) А то остался бы? Будем, как прежде, в сене кувыркаться... поужинаем вместе, будем читать... Я и брюзга разучили для тебя много дуэтов...

Пауза.

Останься, будем смеяться... (Смеется и плачет.) Или, Коля, как? Цветы повторяются каждую весну, а радости нет?.. Да? Ну, езжай, езжай...

Иванов. Я... я скоро вернусь... (Идет, останавливается и думает.) Нет, не могу!.. (Уходит.)

Анна Петровна. Езжай... (Садится у стола.)

Львов (ходит по сцене). Анна Петровна, возьмите себе за правило: как только бьет шесть часов, вы должны идти в комнаты и не выходить до самого утра. Вечерняя сырость вредна вам...

Анна Петровна. Слушаю-с...

Львов. Что «слушаю-с»? Я говорю серьезно...

Анна Петровна. А вы постарайтесь говорить несерьезно. (Кашляет.)

Львов. Вот видите, вы уже кашляете...

Явление 7

Львов, Анна Петровна и Шабельский.

Шабельский (в шляпе и в пальто выходит из дому). А где он? (Быстро идет, останавливается перед Ан<ной> Петров<ной> и гримасничает.) Гевалт... Вей мир... Пэх... Гевалт... Жвините пожалуста!.. (Прыскает и быстро уходит.)

Львов. Шут...

Пауза. Слышны далекие звуки гармонийки.

Анна Петровна (потягивается). Какая скука... Вон кучера и кухарки задают себе бал, а я... я как брошенная. Евгений Константинович, где вы там шагаете? Идите сюда, сядьте...

Львов. Не могу я сидеть...

Пауза.

Анна Петровна. Доктор, у вас есть отец и мать?

Львов. Отец умер, а мать есть.

Анна Петровна. Вы скучаете по матери?

Львов. Мне некогда скучать.

Анна Петровна (смеется). Цветы повторяются каждую весну, а радости нет. Кто это мне сказал эту фразу? Дай бог память... Кажется, сам Николай сказпал... (Прислушивается.) Опять сова кричит...

Львов. Ну и пусть кричит...

Пауза.

Анна Петровна. Я, доктор, начинаю думать, что судьба меня обсчитала. Множество людей, которые, может быть, и не лучше меня, бывают счастливы, ничего не платя за счастье, почему же я одна должна платить так дорого? За что брать с меня такие ужасные проценты? (Живо.) Что вы сказали?

Львов. Ничего я не сказал...

Анна Петровна. И начинаю я также удивляться несправедливости и жестокости людей. Почему на любовь не отвечают любовью? Почему за правду платят ложью? (Пожимает плечами.) Вы, доктор, не семейный и не можете понять многого...

Львов. Вы удивляетесь... (Садится рядом.) Нет, я... я удивляюсь, удивляюсь вам!.. Ну объясните, растолкуйте мне, ради бога, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это свиное гнездо? Зачем вы здесь? Что общего у вас с этим холодным, бездушным – но оставим вашего мужа!.. что у вас общего с этой пустой, пошлой средой? О господи боже мой!.. Этот вечно брюзжащий, заржавленный, сумасшедший граф, этот пройдоха, мошенник из мошенников Миша со своей гнусной физиономией!.. Объясните же мне, к чему вы здесь? Как вы сюда попали?

Анна Петровна (смеется). Вот точно так же и он когда-то говорил... Точь-в-точь... Но у него глаза большие, и, бывало, как он начнет говорить о чем-нибудь горячо, так они как угли... Говорите, говорите...

Львов (встает и машет рукой). Что мне говорить? Идите в комнаты...

Анна Петровна. Вы говорите, что Николай то да сё, пятое, десятое. Откуда вы его знаете? Разве за полгода можно узнать человека? Это, доктор, замечательный человек, и я жалею, что вы не знали его года два-три тому назад. Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде... какая прелесть!.. Я полюбила его с первого взгляда. (Смеется.) Взглянула, а мышеловка меня – хлоп!.. Он сказал: пойдём... Я отрезала от себя всё, как, знаете, отрезают гнилые листья ножницами, и пошла...

Пауза.

А теперь не то... Теперь он едет к Лебедевым, чтобы развлечься с другими женщинами, а я... я сижу в саду и слушаю, как сова кричит...

Стук сторожа.

Доктор, а братьев у вас нет?

Львов. Нет.

Анна Петровна рыдает.

Ну что еще, что вам?

Анна Петровна (встает). Я не могу, доктор, я поеду туда...

Львов. Куда это?..

Анна Петровна. Туда, где он... Я поеду... Прикажите заложить лошадей... (Идет к дому.)

Львов. Вам нельзя ехать...

Анна Петровна. Оставьте меня, не ваше дело... Я не могу, поеду... Велите дать лошадей... (Бежит в дом.)

Львов. Нет, я решительно отказываюсь лечить при таких условиях... Мало того, что ни копейки не платят, но еще душу выворачивают вверх дном!.. Нет, я отказываюсь, довольно!.. (Идет в дом.)

Занавес

Действие 2

Зал в доме Лебедевых. Прямо – выход в сад, направо и налево двери. Старинная, дорогая мебель. Люстра, канделябры и картины – все это в чехлах. Налево у стены диван, перед ним круглый етол с большой лампой, по сторонам кресла, по сторону стола у стены три кресла рядом. Направо пианино, на нем скрипка; по обе стороны его стулья. В глубине около выхода на террасу раскрытый ломберный стол.

Явление 1

Зинаида Саввишна, Дудкин, 1 гость, 2 гость, Косых, Авдотья Назаровна, Егорушка, Гаврила, горничная, две старухи-гостьи, гости, барышни и Бабакина. Зинаида Саввишна сидит на диване; по обе стороны ее на креслах – старухи-гостьи; против на стульях сидят Дудкин, 1 гость и пять-шесть барышень. За ломберным столом сидят, играют в карты Косых, Егорушка, Авдотья Назаровна и 2 гость. Гаврила стоит у правой двери. Горничная разносит на подносе лакомства. Из сада в правую дверь и обратно циркулируют гости. Бабакина выходит из правой двери и направляется к Зинаиде Саввишне.

Зинаида Саввишна (радостно). Душечка, Марфа Егоровна...

Бабакина. Здравствуйте, Зинаида Саввишна... Честь имею вас поздравить с новорожденной...

Целуются.

дай бог, чтоб...

Зинаида Саввишна. Благодарю вас, душечка, я так рада... Ну, как ваше здоровье?

Бабакина. Очень вами благодарна. (Садится рядом на диван.) Здравствуйте, молодые люди...

Дудкин и 1 гость встают и кланяются.

1 гость (смеется). Молодые люди... а вы разве старая?

Бабакина (вздыхая). Где уж нам в молодые лезть...

1 гость (почтительно смеясь). Помилуйте, что вы...

Дудкин. Одно только звание, что вдова, а вы любой девице можете десять очков вперед дать...

Гаврила подносит Бабакиной чай.

Зинаида Саввишна (Гавриле). Что же ты так подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья... кружовенного, что ли...

Бабакина. Не беспокойтесь, очень вами благодарна...

Пауза.

Дудкин. Вы, Марфа Егоровна, через Мушкино ехали?

Бабакина. Нет, на Займище. Тут дорога лучше...

Дудкин. Так-с...

Пауза.

Косых. Два пики...

Егорушка. Пас.

Авдотья Назаровна. Пас.

2 гость. Пас.

Бабакина. Выигрышные билеты, душечка Зинаида Саввишна, опять пошли шибко в гору. Видано ли дело, первый заем стоит уж 270, а второй без малого 250...[42] никогда этого и не было...

Зинаида Саввишна (вздыхает). Хорошо, у кого их много...

Бабакина. Не скажите, душечка, хоть они и в большой цене, а держать в них

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
капитал совсем невыгодно. Одна страховка живет со света.

Зинаида Саввишна. Так-то так, а все-таки, моя милая, надеешься... (Вздыхает.) Бог милостив...

Дудкин. По нынешнему времени, если рассуждать с точки зрения, куда ни сунься с капиталом, везде невыгодно. Процентные бумаги – грусть одна, а в оборот пущать – баба надвое сказала: того и гляди в трубу засвистишь. Я так понимаю, ежели который человек нажил капитал, тому самое лучшее дело – купить револьвер, выпалить и аминь... Потому с капиталом нынче одно горе...

Бабакина (вздыхает). Это верно...

1 гость (соседке барышне). Один человек приходит к другому, видит – собака сидит. (Смеется.) Он и спрашивает: «Как зовут вашу собаку?» А тот и отвечает: «Каквас» (Хохочет.) Каквас... Понимаете... Как вас... (Конфузится.)

Дудкин. У нас в городе при складе есть собака, так ту зовут Кабысдох...

Бабакина. Как?

Дудкин. Кабысдох.

Легкий смех. Зинаида Саввишна встает и уходит в правую дверь. Продолжительное молчание.

Егорушка. Два бубны.

Авдотья Назаровна. Пас.

2 гость. Пас.

Косых. Пас.

Явление 2

Те же, Зинаида Саввишна и Лебедев.

Зинаида Саввишна (выходя из правой двери с Лебедевым, тихо). Что уселся там? Примадонна какая... Сиди с гостями... (Садится на прежнее место.)

Лебедев (идя к крайнему креслу налево, зеваает). Ох, грехи наши тяжкие... (Увидев Бабакину.) Батюшки, мармелад сидит!.. Рахат лукум!.. (Здоровается.) Как наше драгоценнейшее?..

Бабакина. Очень вами благодарна...

Лебедев. Ну слава богу, слава богу... (Садится в кресло.) Так, так... Гаврила!..

Гаврила подносит ему рюмку водки и стакан воды; он выпивает водку и запивает водой.

Дудкин. На доброе здоровье...

Лебедев. Какое уж тут доброе здоровье? Околеванца нет, и на том спасибо. (Жене.) Зюзюшка, а где же наша новорожденная?

Косых (плаксиво). Скажите мне, ради бога, ну за что мы остались без взятки? (Вскакивает.) Ну за что мы проиграли, черт меня подери совсем?..

Авдотья Назаровна (вскакивает и сердито). А за то, что если ты, батюшка, не умеешь играть, так не садись... Какое ты имеешь полное право ходить в чужую масть? Вот и остался у тебя маринованный туз...

Оба бегут из-за стола вперед.

Косых (плачущим голосом). Позвольте, господа... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна, понимаете ли, одна маленькая червонка, а она, черт знает, не могла объявить маленький шлем!.. Я сказал – без козыря...

Авдотья Назаровна (перебивая). Это я сказала – без козыря, ты сказал – два без козыря...

Косых. Это возмутительно... Позвольте... у вас... у меня... у вас... (Лебедеву.) Да вы посудите, Павел Кириллыч... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь...

Лебедев (затыкает уши). Отстань, сделай милость, отстань...

Авдотья Назаровна (кричит). Это я сказала – без козыря...

Косых (свирепо). Будь я подлец и анафема, если сяду еще когда-нибудь играть с этой севрюгой!.. (Быстро идет к террасе и останавливается около ломберного стола; Егорушке.) Сколько ты записал? что ты записал? Постой... 38 помножить на 8... это будет... восемью восемь... А, черт меня возьми!.. (Уходит в сад.)

2 гость уходит за ним; за столом остается Егорушка.

Авдотья Назаровна. Уф... даже в жар от него бросило... Севрюга... Сам ты севрюга!..

Бабакина. Да и вы, бабушка, сердитая...

Авдотья Назаровна (увидев Бабакину, всплескивает руками). Ясочка моя, красавица... Она здесь, а я, куриная слепота, не вижу... Голубочка... (Целует ее в плечо и садится рядом.) Вот радость!.. Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая!.. Тьфу, тьфу, тьфу... чтобы не сглазить!..

Лебедев. Ну, распелась... Жениха бы ей лучше подыскала...

Авдотья Назаровна. И найду!.. В гроб, грешница, не лягу, а ее да Саничку замуж выдам!.. В гроб не лягу... (Вздых.) Только ведь где их найдешь нынче женихов-то?.. Вон они наши женихи сидят, нахохлились, словно петухи мокрые!..

Дудкин. Потому что на нас не обращают внимания...

явление 3
Те же и Саша.

Саша входит из сада и тихо идет к отцу.

Зинаида Саввишна. Сашенька, разве ты не видишь, что у нас Марфа Егоровна?

Саша. Виновата. (Идет к Бабакиной и здоровается.)

Бабакина. Загорделась, Саничка, загорделась... Хоть бы разок приехала.

Целуются.

Поздравляю, душечка...

Саша. Благодарю. (Сидится рядом с отцом.)

Лебедев. Да, Авдотья Назаровна, трудно теперь с женихами. Не то что жениха, путевых шаферов достать негде. Нынешняя молодежь, не в обиду будь сказано, какая-то, господь с ней, кислая, переваренная... Ни поплясать, ни поговорить, ни выпить толком...

Авдотья Назаровна. Ну, пить они все мастера, только дай...

Лебедев. Не велика штука пить, нажраться и свинья умеет... Нет, ты с толком выпей!.. В наше время, бывало, день-деньской с лекциями бьешься, а как только настал вечер, идешь прямо куда-нибудь на огонь и до самой зари волчком вертишься... И пляшешь, и барышень забавляешь, и эта штука. (Щелкает себе по шее.) Бывало, и брешешь и философствуешь, пока язык не отнимется. А нынешние... (машет рукой) не понимаю... Ни богу свечка, ни черту кочерга. Во всем уезде есть только один путевый малый, да и тот женат (вздыхает) и, кажется, уж беситься стал...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Бабакина. Кто это?

Лебедев. Николаша Иванов.

Бабакина. Да, он хороший мужчина (делает гримасу), только несчастный!

Зинаида Саввишна. Еще бы, душечка, быть ему счастливым... (Вздыхает.) Как он, бедный, ошибся!.. Женился на своей жидовке и так, бедный, рассчитывал, что отец и мать за ней золотые горы дадут, а вышло совсем напротив... С того времени, как она переменила веру, отец и мать знать ее не хотят, прокляли... Так ни копейки и не получил... Теперь кается, да уж поздно...

Саша. Мама, это неправда...

Бабакина (горячо). Шурочка, как же неправда? Ведь это все знают. Ежели не было бы интереса, то зачем бы ему на жидовке жениться?.. Разве русских мало? Ошибся, душечка, ошибся... (Живо.) Господи, да и достается же теперь от него ей, мерзавке!.. Просто смех один... Придет откуда-нибудь домой и сейчас к ней: «Твои отец и мать меня надули! пошла вон из моего дома...» А куда ей идти? Отец и мать не примут; пошла бы в горничные, да работать не приучена. Уж он мудрует, мудрует над ней, пока граф не вступится. Не будь графа, давно бы ее со света сжил...

Авдотья Назаровна. А то, бывает, запрет ее в погреб и – «ешь, такая-сякая, чеснок...» Ест, ест, покуда из души переть не начнет.

Смех.

Саша. Папа, ведь это ложь!

Лебедев. Ну так что же? Пусть себе мелют на здоровье... (Кричит.) Гаврила!..

Гаврила подает ему водку и воду.

Зинаида Саввишна. Оттого вот и разорился, бедный... Дела, душечка, совсем упали... Если бы не Боркин, который глядит за хозяйством, так ему бы с жидовкой есть нечего было. (Вздыхает.) А как мы-то, душечка, из-за него-то пострадали!.. Так пострадали, что один только бог видит... Верите ли, милая, уж три года, как он нам девять тысяч должен...

Бабакина (с ужасом). Девять тысяч!..

Зинаида Саввишна. Да... это мой милый Пашенька распорядился дать ему... Не разбирает, кому можно дать, кому нельзя... Про капитал я уже не говорю, бог с ним, но хоть бы проценты исправно платил...

Саша (горячо). Мама, об этом вы говорили уж тысячу раз.

Зинаида Саввишна. Тебе-то что? Что ты заступаешься?

Саша (встает). Но как у вас хватает духа говорить все это про честного, порядочного человека, который не сделал вам никакого зла? Ну что он вам сделал?

Зинаида Саввишна (насмешливо). Порядочный и честный человек...

1 гость (искренно). Александра Павловна, заверяю вас, что вы его плохо знаете... Какой же он честный? (Встает.) Разве это честность? Два года тому назад во время скотской чумы накупил он скота...

Зинаида Саввишна (перебивая). Накупил он скота, застраховал его, заразил чумой и взял страховую премию. Честность...

1 гость. Это все отлично знают...

Саша. Неправда, это ложь. Никто не покупал коров и не заражал, а это только Боркин сочинил такой проект и везде хвастался им. Когда Иванов узнал об этом проекте, так Боркин у него две недели потом прощения просил. Виноват же Иванов только в том, что у него слабый, великодушный характер, что у него не хватает духа прогнать от себя Боркина...

1 гость. Слабый характер... (Смеется.) Александра Павловна, ей-богу, глаза отводит...

Зинаида Саввишна. А тебе стыдно за таких заступаться...

Саша. Я жалею, что вмешалась в этот разговор... (Быстро идет к правой двери.)

Лебедев. Шура, горячка!.. (Смеется.) Порох-девка...

1 гость (загораживает ей дорогу). Александра Павловна, ей-богу, не буду!.. Виноват... честное слово, не буду больше!..

Зинаида Саввишна. Хоть при гостях, Сашенька, не показывай характер.

Саша (дрогнувшим голосом). всю свою жизнь проработал для других; всё, что у него было, растащили, расхитили; около его великодушных затей наживался всякий, кто хотел... никогда в жизни он не осквернял себя ложью, хитростью, ни разу я не слышала, чтобы он говорил о ком-нибудь худо... и что же? куда ни придешь, только и слышишь: Иванов, Иванов, Иванов... как будто не о чем больше говорить...

Лебедев. Горячка... Будет тебе...

Саша. Да, у него есть ошибки, но ведь каждая ошибка таких людей стоит двадцати наших добродетелей... Если бы вы только могли... (Оглядывается и видит Иванова и Шабельского.)

Явление 4

Те же, Иванов и Шабельский.

Шабельский (входя с Ивановым из правой двери). Кто это здесь декламирует? Вы, Шурочка? (Хохочет и пожимает ей руку.) Поздравляю, ангел мой. Дай вам бог попозже умереть и не рождаться во второй раз...

Зинаида Саввишна (радостно). Николай Алексеич... Граф...

Лебедев. Ба... кого вижу... Граф!.. (Идет навстречу).

Шабельский (увидев Зинаиду Саввишну и Бабакину, протягивает в сторону их руки). Два банка на одном диване!.. Глядеть любо... (Здоровается, Зинаиде Саввишне.) Здравствуйтесь, Зюзюшка. (Бабакиной.) Здравствуйтесь, помпончик...

Зинаида Саввишна. Я так рада. Вы, граф, у нас такой редкий гость. (Стонет.) Гаврила, чаю... Садитесь, пожалуйста... (Встает, уходит в правую дверь и тотчас же возвращается; вид крайне озабоченный.)

Саша садится на прежнее место; Иванов, поздоровавшись молча со всеми, садится рядом с ней. Барышни гуськом проходят на террасу и обратно.

Лебедев (Шабельскому). Откуда ты взялся? какие это силы тебя принесли? Вот сюрприз, накажи меня бог... (Целует его.) Граф, ведь ты разбойник... Так не делают порядочные люди... (Ведет его за руку к рампе.) Отчего ты у нас не бываешь? Сердит что ли?

Шабельский. На чем же я могу к тебе ездить? Верхом на палке? Своих лошадей у меня нет, а Николай не берет с собой, велит с жидовкой сидеть, чтоб та не скучала. Присылай за мной лошадей, тогда и буду ездить...

Лебедев (машет рукой). Ну да... Зюзюшка скорее треснет, чем даст лошадей. Голубчик ты мой, милый, ведь ты для меня дороже и роднее всех!.. Из всего старья уцелели только я да ты. Люблю в тебе я прошлые страдания[43] и молодость погибшую мою... Шутки шутками, а я вот почти плачу... (Целует графа.)

Шабельский. Пусти, пусти, от тебя как из винного погреба...

Лебедев. Душа моя, ты не можешь себе представить, как мне скучно без моих друзей!.. Вешаться готов с тоски... (Тихо.) Зюзюшка со своей ссудной кассой разогнала всех порядочных людей, и остались, как видишь, одни только зулусы... эти

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Дудкины... Будкины... Ну, кушай чай...

Гаврила подносит графу чай.

Зинаида Саввишна (подходит к графу, озабоченно Гавриле). Ну как же ты подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья... кружовенного что ли...

Шабельский (хохочет; Иванову). Что? Не говорил я тебе? (Лебедеву.) Я с ним дорогой пари держал, что, как приедем, Зюзюшка сейчас же начнет угощать нас кружовенным вареньем...

Зинаида Саввишна. Вы, граф, все такой же насмешник... (Садится на диван.)

Лебедев (сядась рядом с Ивановым). Двадцать бочек его наварили, так куда же его девать?

Шабельский (сядась около стола в кресло). Всё копите, Зюзюшка. Ну что, уже миллиончик есть, а?

Зинаида Саввишна (вздых). Да, со стороны поглядеть, так богаче нас и людей нет, а откуда быть деньгам? Один разговор только...

Шабельский. Ну да, да... знаем... Знаем, как вы плохо в шашки играете...[44] (Лебедеву.) Паша, скажи по совести, скопили миллион?..

Лебедев. Ей-богу, не знаю, это у Зюзюшки спроси...

Шабельский (Бабакиной). И у жирненького помпончика будет скоро миллиончик!.. Ей-богу, хорошеет и полнеет не по дням, а по часам!.. Что значит деньжищ много...

Бабакина. Очень вами благодарна, ваше сиятельство, а только я не люблю насмешек...

Шабельский. Милый мой банк, да разве это насмешки? Это просто вопль души, от избытка чувств глаголят уста... Вас и Зюзюшку я люблю бесконечно... (Весело.) Восторг!.. Упоение... Вас обеих не могу видеть равнодушно...

Зинаида Саввишна. Вы все такой же, как и были. (Егорушке.) Егорушка, потуши свечи!.. Зачем им гореть попусту, если не играете?

Егорушка вздрагивает, тушит свечи и садится.

(Иванову.) Николай Алексеевич, как здоровье вашей супруги?

Иванов. Плохо. Сегодня доктор положительно сказал, что у нее чахотка...

Зинаида Саввишна. Неужели? Какая жалость... (Вздых.) А мы все ее так любим...

Шабельский. Вздор, вздор и вздор. Никакой чахотки нет, докторское шарлатанство, фокус... Хочется эскулапу шляться, вот и выдумал чахотку. Благо, муж не ревнив...

Иванов делает нетерпеливое движение.

А что касается самой Сарры, то она семитка. Я не верю ни одному ее слову, ни одному движению... Жвините пижалуста, ой вей мир... Хоть убейте, не поверю... Ты извини, Nicolas, но... ведь... я не говорю ничего особенного дурного... По-моему, заболела Сарра – значит, гешефт задумала, умирать будет – не поверю: тоже гешефт...

Лебедев (Шабельскому). Удивительный ты субъект, Матвей... напустил на себя какую-то мизантропию и носится с ней, как с писаной торбой. Человек как человек, а заговоришь, так точно у тебя типун на языке или сплошной катар... Да, ей-богу!..

Шабельский. Что же мне, целоваться с мошенниками и с подлецами, что ли?..

Лебедев. Где же ты видишь мошенников и подлецов?

Шабельский. Я, конечно, не говорю о присутствующих, но...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Лебедев. Вот тебе и но... все это напускное...

Шабельский. Напускное... Хорошо, что у тебя никакого мировоззрения нет.

Лебедев. Какое мое мировоззрение?.. Сажу и каждую минуту околеванца жду – вот мое мировоззрение. Нам, брат, не время с тобой о мировоззрении думать... Так-то... (Кричит.) Гаврила!..

Шабельский. Ты уж и так нагаврился... Погляди, как нос насандалил!..

Лебедев (пьет). Ничего, душа моя... Не венчаться мне ехать...

Явление 5
Те же и Боркин.

Боркин, одетый франтом, со свертком в руках, подпрыгивая и напевая, входит из правой двери. Гул одобрения.

Барышни, Лебедев, Шабельский вместе:

Барышни. Михаил Михайлович...

Лебедев. Мишель Мишелюч!.. Слыхом слыхать...

Шабельский. Душа общества!..

Боркин. А вот и я... (Подбегает к Саше.) Благородная синьорина, беру на себя смелость поздравить вселенную с рождением такого чудного цветка, как вы... Как дань своего восторга, осмеливаюсь преподнести (подает сверток) фейерверки и бенгальские огни собственного изделия. Да проясняют они ночь так же, как вы просветляете потемки темного царства!.. (Театрально раскланивается.)

Саша. Благодарю вас...

Лебедев (хохочет, Иванову). Отчего ты не прогонишь эту иуду?

Боркин (Лебедеву). Павлу Кириллычу... (Иванову.) Патрону... (Поет.) Nicolas-voilà, го-ги-го... (Обходит всех.) Почтеннейшей Зинаиде Саввишне... Божественной Марфе Егоровне... Древнейшей Авдотье Назаровне... Сиятельнейшему графу...

Шабельский (хохочет). Душа общества... Едва вошел, как атмосфера стала жиже... Вы замечаете?

Зинаида Саввишна, Бабакина и граф встают из-за стола и беседуют стоя. Две старухи уходят.

Боркин. Уф... утомился... Кажется, со всеми здоровался. Ну, что новенького, господа? Нет ли чего-нибудь такого особенного, в нос шибящего? (Живо Зинаиде Саввишне.) Ах, послушайте, мамаша. Еду сейчас к вам... (Гавриле.) Дай-ка мне, Гаврюша, чаю, только без кружовенного варенья. (Зинаиде Саввишне.) Еду сейчас к вам, а на реке у вас мужики с лозняка кору дерут. Отчего вы лозняк на откуп не отдадите?

Лебедев (хохоча, Иванову). Отчего ты не прогонишь эту иуду?

Зинаида Саввишна (испуганно). А ведь это правда... мне и на ум не приходило!..

Боркин (делает ручную гимнастику). Не могу без движений... Мамаша, что бы такое особенное выкинуть? Марфа Егоровна, я в ударе... я экзальтирован... (Поет.) Я вновь пред тобою... [45]

Зинаида Саввишна. Устройте что-нибудь, а то все соскучились.

Боркин. Господа, что же это вы в самом деле носы повесили? Сидят, точно присяжные заседатели... Давайте изобразим что-нибудь... Что хотите? фанты, веревочку, горелки, танцы?

Барышни. Танцы, танцы...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Боркин. Я готов... Дудкин, танцевать!.. (Придвигает кресла к стене.) Егорушка, где ты? Настраивай скрипку...

Егорушка вздрагивает и идет к пианино. Боркин садится за пианино и дает ла. Егорушка настраивает скрипку.

Иванов (Лебедеву). У меня к тебе просьба, Паша. Послезавтра срок моему векселю, а проценты платить нечем. Нельзя ли будет подождать или приписать проценты к капиталу?

Лебедев (испуганно). Голубушка, не мое дело... Поговори с Зюзюшкой, а я... я ничего не знаю...

Иванов (трет себе лоб). Мучительно!..

Саша. Что вы?

Иванов. Отвратительно сегодня я себя чувствую.

Саша. Это и по лицу видно... Пойдемте в гостиную...

Иванов и Саша уходят в правую дверь.

Боркин (кричит). Музыка готова!..

Дудкин приглашает Бабакину.

Бабакина. Нет, сегодня мне грех танцевать. В этот день у меня муж умер...

Боркин и Егорушка играют польку «A propos Faust»; граф затыкает уши и выходит на террасу. За ним идет Авдотья Назаровна. По движениям Дудкина видно, что он убеждает Бабакину. Барышни просят первого гостя плясать, но он отказывается. Дудкин машет рукой и уходит в сад.

Боркин (оглядывается). Господа, что же это такое? (Перестает играть.) Отчего вы не танцуете?

Барышни. Кавалеров нет...

Боркин (встает). Этак, значит, у нас ничего не выйдет... В таком случае пойдемте фейерверки пускать, что ли...

Барышни (хлопают в ладоши). Фейерверки, фейерверки... (Бегут в сад.)

Боркин (берет сверток и подает руку Бабакиной). Же ву при...[46] (Кричит.) Господа, в сад... (Уходит.)

Уходят все, кроме Лебедева и Зинаиды Саввишны.

Зинаида Саввишна. Вот это, я понимаю, молодой человек. И минуты не побыл, а уж всех развеселил. (Притушивает большую лампу.) Пока они все в саду, нечего свечам даром гореть. (Тушит свечи.)

Лебедев (идет за ней). Зюзюшка, надо бы дать гостям закусить что-нибудь...

Зинаида Саввишна. Ишь, свечей сколько... Недаром люди судят, что мы богатые. (Тушит.)

Лебедев (идя за ней). Зюзюшка, ей-богу, дала бы чего-нибудь поесть людям... Люди молодые, небось проголодались, бедные... Зюзюшка...

Зинаида Саввишна. Граф не допил своего стакана. Даром только сахар пропал. Отнесу, отдам Матрене выпить. (Берет стакан и идет в левую дверь.)

Лебедев. Тьфу!.. (Уходит в сад.)

Явление 6
Иванов и Саша.

Саша (входя с Ивановым из правой двери). Все ушли в сад...

Иванов. Такие-то дела, Шурочка. Ничего я не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом, душой и мозгом... День и ночь болит моя совесть, чувствую, что глубоко виноват, но в чем, собственно, моя вина, не понимаю... А тут еще болезнь жены, безденежье, вечная грызня, сплетни, шум... Мой дом мне опротивел, и жить в нем для меня хуже пытки... (Оглядывается.) Я не знаю, Шурочка, что со мною делается, но скажу вам откровенно, для меня стало невыносимо даже общество жены, которая меня любит... и такие грязные эгоистические мысли лезут мне в голову, о каких я раньше и понятия не имел...

Пауза.

Скверно... Я нагоняю на вас тоску, Шурочка, простите, но я только и забываюсь на минуту, когда говорю с вами, друг мой... Около вас я точно собака, которая греется на солнышке. Я, Шурочка, знаю вас с той поры, как вы родились, всегда любил вас, нянчил... Дорого я дал бы, чтобы у меня сейчас была такая дочка...

Саша (шутя, сквозь слезы). Николай Алексеевич, бежимте в Америку...

Иванов. Мне до этого порога лень дойти, а вы в Америку...

Идут к выходу в сад.

А что, Шура, трудно живется? Я вижу, все вижу... Не по вас этот воздух...

Явление 7

Те же и Зинаида Саввишна.

Зинаида Саввишна выходит из левой двери.

Иванов. Виноват, Шурочка, я догоню вас...

Саша уходит в сад.

Зинаида Саввишна, я к вам с просьбой...

Зинаида Саввишна. Что вам, Николай Алексеевич?

Иванов (мнется). Дело, видите ли, в том, что послезавтра срок моему векселю. Вы премного обяжали бы меня, если бы дали отсрочку или позволили приписать проценты к капиталу. У меня теперь совсем нет денег...

Зинаида Саввишна (испуганно). Николай Алексеевич, да как это можно? Что же это за порядок? Нет, и не выдумывайте вы, ради бога, не мучайте вы меня, несчастную...

Иванов. Виноват, виноват... (Уходит в сад.)

Зинаида Саввишна. Фу, батюшки, как он меня встревожил... я вся дрожу... вся дрожу... (Уходит в правую дверь.)

Явление 8

Косых.

Косых (входит из левой двери и идет через сцену). У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна... одна маленькая червонка, а она не могла, черт ее возьми совсем, объявить маленького шлема... (Уходит в правую дверь.)

Явление 9

Дудкин и Авдотья Назаровна.

Авдотья Назаровна (входя с Дудкиным из сада). Вот так бы я ее и растерзала, сквалыгу... Так бы и растерзала... Шутка ли, с пяти часов сию, а она хоть бы ржавой селедкой попотчевала... Ну, дом... ну, хозяйство...

Дудкин. Постой, насчет шнапса мы сейчас Егорушку пощупаем. Выпью, старая, и

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
домой. Ну его, всё к черту!.. Тут со скуки да с голоду волком завоешь... И невест
мне твоих не надо... Какая тут к лешему любовь, ежели с самого обеда ни рюмки?..

Авдотья Назаровна. Сашенька–то ведь не виновата... Это все мать...

Дудкин. Да что ты мне Сашеньку сватаешь? Бланмаже, лефоше–гран–мерси и всякие
там умственности... Я человек положительный и с характером... Мне давай
посущественней...

Авдотья Назаровна. Пойдем, поищем, что ли...

Дудкин. Тссс... Потихоньку... Марфутка бы подошла под масть, да уж больно того...
легкокрылая... Приезжаю к ней вчерась, а у нее полнехонький дом всяких артистов...

Уходят в левую дверь.

Явление 10

Анна Петровна и Львов выходят из правой двери.

Львов. Ну зачем, спрашивается, мы сюда приехали?..

Анна Петровна. Ничего, нам рады будут. Никого нет... Должно быть, в саду... Пойдемте
в сад...

Уходят в сад.

Явление 11

Авдотья Назаровна и Дудкин.

Дудкин (выводя из левой двери). В столовой нет, так, стало быть, где-нибудь в
кладовой. Надо бы Егорушку пощупать. Пойдем через гостиную.

Авдотья Назаровна. Так бы я ее и растерзала...

Уходят в правую дверь.

Явление 12

Бабакина, Боркин и Шабельский.

Бабакина и Боркин со смехом вбегают из сада, за ними, смеясь и потирая руки,
семенит Шабельский.

Бабакина. Какая скука! (Хохочет.) Какая скука!.. Все ходят и сидят как будто бы
аршин проглотили. От скуки все косточки застыли. (Прыгает.) Надо размяться...

Боркин хватает ее за талию и целует в щеку.

Шабельский (хохочет и щелкает пальцами). Черт возьми... (Крякает.) Некоторым
образом...

Бабакина. Пустите, пустите руки, бесстыдник, а то граф бог знает что подумает.
Отстаньте...

Боркин. Ангел души моей, карбункул моего сердца. (Целует.) Дайте займы 2300
рублей...

Бабакина. Не–не–нет... Что хотите, а насчет денег, очень вами благодарна... Нет,
нет, нет... Ах, да пустите руки...

Шабельский (семенит около). Помпончик... Имеет свою приятность...

Боркин (серьезно). Но довольно... Давайте говорить о деле... Будем рассуждать прямо,
по–коммерчески. Отвечайте мне прямо, без subtilностей и без всяких фокусов: да
или нет? Слушайте. (Оказывает на графа.) Вот ему нужны деньги, минимум три
тысячи годового дохода, вам нужен муж. Хотите быть графиней?

Шабельский (хохочет). Удивительный циник...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Борккин. Хотите быть графиней? Да или нет?

Бабакина (взволнованно). Выдумываете, Миша, право... И эти дела не делаются так с бухтыбарахты... Если графу угодно, он сам может и... и я не знаю, как это вдруг, сразу...

Боркин. Ну, ну... будет тень наводить... Дело коммерческое... Да или нет?

Шабельский (смеясь и потирая руки). В самом деле? а? Черт возьми, разве устроить себе эту гнусность? а? помпончик... (Целует Бабакину в щеку.) Прелесть... огурчик...

Бабакина. Пойдите, пойдите, вы меня совсем встревожили. Уйдите, уйдите... Нет, не уходите...

Боркин. Скорей... да или нет? Нам некогда...

Бабакина. Знаете что, граф? Вы... вы приезжайте ко мне в гости дня на три... У меня весело, не так как здесь... Приезжайте завтра... (Боркину.) Нет, вы это не шутите?

Боркин (сердито). Да кто же станет шутить в серьезных делах?

Бабакина. Пойдите, пойдите... ах, мне дурно... Мне дурно... графиня... мне дурно... я падаю...

Боркин и граф со смехом берут ее под руки и, целуя в щеки, уводят в правую дверь.

Явление 13

Иванов, Саша, потом Анна Петровна.

Иванов и Саша вбегают из сада.

Иванов (хватая себя за голову, с ужасом). Не может быть!.. Не надо, не надо, Шурочка!.. Ах, не надо!..

Саша (с увлечением). Люблю я вас безумно... без вас нет смысла моей жизни, нет счастья и радости... Для меня вы всё...

Иванов. К чему, к чему, боже мой, я ничего не понимаю... Шурочка, не надо!..

Саша. В детстве моем вы были для меня единственной радостью, я любила вас и вашу душу, как себя, а теперь ваш образ неотступно день и ночь стоит поперек моих мыслей и мешает мне жить. Я вас люблю, Николай Алексеевич... С вами не то что на край света, а куда хотите, хоть в могилу, только ради бога скорее, иначе я задохнусь...

Иванов (закатывается счастливым смехом). Это что же такое? Это значит начинать жизнь сначала? Шурочка, да? Счастье мое... (Берет ее за талию и привлекает к себе). Моя молодость, моя свежесть...

Анна Петровна входит из сада и, увидев мужа и Сашу, останавливается как вкопанная.

Значит, жить? Да? Снова за дело?

Поцелуй. После поцелуя Иванов и Саша оглядываются и видят Анну Петровну.

(В ужасе.) Сарра!..

Занавес

Действие 3

Кабинет Иванова. Направо и налево – двери. Прямо письменный стол, на котором в беспорядке лежат бумаги, книги, казенные пакеты, безделушки, револьверы; около бумаг лампа, графин с водкой, тарелка с селедкой, куски хлеба и огурцы. Шкафы с книгами, столики, кресла, этажерки, весы, плуг. На стенах ланд-карты, картины, ружья, пистолеты, серпы, седла, нагайки и проч. Полдень.

Явление 1

Шабельский, Лебедев, Боркин и Петр.

Шабельский и Лебедев сидят по сторонам письменного стола,

Боркин среди сцены верхом на стуле; Петр стоит у двери.

Лебедев. У Франции политика ясная и определенная...[47] Французы знают чего хотят. Им нужно лущить колбасников и больше ничего, а у Германии, брат, совсем не та музыка. У Германии, кроме Франции, еще много сучков в глазу...

Шабельский. Вздор... По-моему, и немцы трусы и французы трусы... Показывают только друг другу кукиши в кармане. Поверь, кукишами дело и ограничится. Драться не будут.

Боркин. А по-моему, зачем драться? К чему все эти вооружения, конгрессы, расходы? Я что бы сделал? Собрал бы со всего государства собак, привил бы им пастеровский яд в хорошей дозе и пустил бы в неприятельскую страну. Все враги перебесились бы у меня через месяц.

Шабельский прыскает.

Лебедев (смеется). Голова, посмотришь, маленькая, а великих идей в ней тьма тьмуцая, как рыб в океане.

Шабельский. Virtuoz... каждый день родит по тысяче проектов, хватает с неба звезды, но всё не в пользу... Никогда у него гроша не бывает в кармане...

Лебедев. Искусство для искусства...

Боркин. Я не для себя, а для других хлопочу, из человеколюбия.

Лебедев. Бог с тобой, смешешь ты, Мишель Мишелич... (Перестав смеяться.) Что ж, господа, Жомини да Жомини, а о водке ни полслова.[48] Repetatur!..[49]

Встают и идут к водке.

(Наливает три рюмки.) Будемте здоровы...

Пьют и закусывают.

Селедочка, матушка, всем закускам закуска...

Шабельский. Ну нет, огурец лучше... Ученые с сотворения мира думают и ничего умнее соленого огурца не придумали... (Петру.) Петр, поди-ка еще принеси огурцов да вели на кухне изжарить четыре пирожка с луком. Чтоб горячие были...

Петр уходит.

Лебедев. Водку хорошо тоже икрой закусывать. Только как? С умом надо... Взять икры паюсной четверку, две луковички, зеленого лучку, прованского масла, смешать все это и, знаешь, этак поперх всего лимончиком... смерть!.. От одного аромата угоришь... (Живо.) А едал ли когда-нибудь икру из рыжиков?

Шабельский. Нет...

Лебедев. Гм... Солёные рыжики крошатся мелко-мелко, как икра или как, понимаешь ты, каша... Кладется туда лук, прованское масло... поперчить немножко, уксусу... (Целует пальцы.) Объядение...

Боркин. После водки хорошо тоже закусывать жареными пескарями. Только их надо уметь жарить. Нужно почистить, потом обвалить в толченых сухарях и жарить досуха, чтобы на зубах хрустели... Хру-хру-хру...

Шабельский. Вчера у Бабакиной была хорошая закуска – белые грибы.

Лебедев. А еще бы...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Шабельский. Только как-то особенно приготовлены. Знаешь, с луком, с лавровым листом, со всякими специями. Как открыли кастрюлю, а из нее пар, запах... просто восторг...

Лебедев. Что ж? Repetaur, господа...

Выпивают.

Будемте здоровы... (Смотрит на часы.) Должно быть, не дождусь я Николаши. Пора мне ехать... У Бабакиной, ты говоришь, грибы подавали, а у нас еще не видать грибов. Скажи на милость, за каким это лешим ты зачистил к Марфутке?

Шабельский (кивает на Боркина). Да вот женить меня на ней хочет...

Лебедев. Женить... Тебе сколько лет?

Шабельский. 62 года...

Лебедев. Самая пора жениться, а Марфутка как раз тебе пара.

Боркин. Тут не в Марфутке дело, а в Марфуткиных стерлингах.

Лебедев. Чего захотел – Марфуткиных стерлингов... А гусяного чаю не хочешь?

Боркин. А вот как женится человек да набьет себе ампоше, [50] тогда и увидите гусяный чай. Облизнетесь...

Шабельский. Ей-богу, а ведь он серьезно!.. Этот гений уверен, что я его слушаю и женюсь...

Боркин. А то как же? А вы разве уже не уверены?

Шабельский. Да ты с ума сошел... Когда я был уверен? Пссс...

Боркин. Благодарю вас... очень вам благодарен... Так это значит, вы меня подвести хотите? То женюсь, то не женюсь... сам черт не разберет, а я уж ей честное слово дал... Так вы не женитесь?

Шабельский (пожимает плечами). Он серьезно... удивительный человек!..

Боркин (возмущаясь). В таком случае, зачем же было баламутить честную женщину? Она помешалась на графстве, не спит, не ест... Разве этим шутят? Разве это честно?

Шабельский (щелкает пальцем). А что, в самом деле, не устроить ли себе эту гнусность. А? Назло... Возьму и устрою. Честное слово... Вот будет потеха!..

Входит Львов.

Явление 2
Те же и Львов.

Лебедев. Эскулапии наше нижайшее... (Подает Львову руку и поет.) Доктор, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь...[51]

Львов. Николай Алексеевич еще не приходил?

Лебедев. Да нет, я сам его жду больше часа...

Львов нетерпеливо шагает по сцене.

Милый, ну как здоровье Анны Петровны?

Львов. Плохо...

Лебедев (вздых). Можно пойти засвидетельствовать почтение?

Львов. Нет, пожалуйста, не ходите. Она, кажется, спит...

Пауза.

Лебедев. Симпатичная, славная... (Вздыхает.) В Шурочкин день рождения, когда она у нас в обморок упала, поглядел я на ее лицо и тогда еще понял, что уж ей, бедной, недолго жить. Не понимаю, отчего с ней тогда дурно сделалось? Прибегаю, гляжу: она, бледная, на полу лежит, около нее Николаша на коленях, тоже бледный, Шурочка вся в слезах. Я и Шурочка после этого случая неделю как шальные ходили...

Шабельский (Львову). Скажите мне, почтеннейший жрец науки, какой ученый открыл, что при грудных болезнях дамам бывают полезны частые посещения молодого врача? Это великое открытие, великое!.. Куда оно относится: к аллопатии или к гомеопатии? Львов хочет ответить, но делает презрительное движение и уходит.

Какой уничтожающий взгляд...

Лебедев. А тебя дергает нелегкая за язык... За что ты его обидел?

Шабельский (раздраженно). А зачем он врет? Чахотка, нет надежды, умрет... Врет он... Я этого терпеть не могу...

Лебедев. Почему ты думаешь, что он врет?

Шабельский (встает и ходит). Я не могу допустить мысли, чтобы живой человек вдруг ни с того, ни с сего умер... Оставим этот разговор...

Явление 3

Лебедев, Шабельский, Боркин и Косых.

Косых (вбегает запыхавшись). Дома Николай Алексеевич? Здравствуйте... (Быстро пожимает всем руки.) Дома?

Боркин. Его нет...

Косых (садится и вскакивает). В таком случае прощайте... (Выпивает рюмку водки и быстро закусывает.) Поеду дальше... дела... замучился, еле на ногах стою...

Лебедев. Откуда ветер принес?

Косых. От Барабанова. Всю ночь провинутили и только что кончили. Проигрался в пух... Этот Барабанов играет как сапожник... (Плачущим голосом.) Вы послушайте... все время несу я черву... (Обращается к Боркину, который прыгает от него.) Он ходит бубну, я опять черву, он бубну... Ну и без взятки... (Лебедеву.) Играем четыре трефы... У меня туз, дама-шесть на руках, туз, десятка-третьей пик...

Лебедев (затыкает уши). Уволь, уволь, ради Христа, уволь...

Косых (графу). Понимаете, туз, дама-шесть на трефах, туз, десятка-третьей пик...

Шабельский (отстраняет его от себя руками). Уходите, не желаю я слушать...

Косых. И вдруг несчастье: туза пик по первой бьют...

Шабельский (хватает со стола револьвер). Отойдите, стрелять буду!..

Косых (машет рукой). Черт знает что... Неужели даже поговорить не с кем? Живешь как в Австралии: ни общих интересов, ни солидарности... каждый живет врозь... Однако надо ехать... пора... (хватает фуражку) время дорого... (Подает руку Лебедеву.) Пас!..

Смех.

Лебедев. Ну доигрался, сердешный, до того, что вместо прощай говорит пас...

Косых уходит и в дверях сталкивается с Авдотьей Назаровной.

Явление 4

Шабельский, Лебедев, Боркин и Авдотья Назаровна.

Авдотья Назаровна (вскрикивает). Чтоб тебе пусто было, с ног сшиб...

Все. А-а-а... вездесущая!..

Авдотья Назаровна. Вот они где, а я по всему дому ищу, ищу... Здравствуйте, ясные соколы, хлеб да соль... (Здоровается.) Все комнаты исходила, а тут этот доктор, словно белены объелся, вытарашил глазищи и – «Что надо? Вон отсюда... Ты, говорит, больную перепужала...» Легко ль дело...

Лебедев. Зачем пришла?

Авдотья Назаровна. За делом, батюшка. (Графу.) Дело вас касающее, ваше сиятельство. (Кланяется.) Велели кланяться и о здоровье спросить... (Поет.)

Недолго цветочку в садике расти,
Недолго Матвею в женихах сидеть.
И велела она, куколочка моя, сказать, что ежели вы нынче к вечеру не приедете, то она глазочки свои проплачет. Так, говорит, милая, отзови его в стороночку и шепни на ушко по секрету. А зачем по секрету? Тут всё люди свои. И такое дело, не кур крадем, а по закону да по любви, по междоусобному согласию... Никогда, грешница, не пью, а через такой случай выпью...

Лебедев. И я выпью... (Наливает.) А тебе, старая скворешня, и сносу нет... Лет тридцать я тебя старухой знаю...

Авдотья Назаровна. И счет годам потеряла... Двух мужей похоронила, пошла бы еще за третьего, да никто не хочет без приданого брать. Детей душ восемь было... (Берет рюмку.) Ну, дай бог, дело хорошее мы начали, дай бог его и кончить... Они будут жить да поживать, а мы глядеть на них да радоваться. Совет им и любовь. (Пьет.) Строгая водка...

Шабельский (хохоча, Лебедеву). Но что, понимаешь, курьезнее всего, так это то, что они думают серьезно, что я... Удивительно... (Встает и ходит около стола.) А то в самом деле, Паша, не устроить ли себе эту гнусность? Назло... Этак, мол, на, старая собака, ешь... Паша, а? Ей-богу...

Лебедев. Пустое ты городишь, граф. Наше, брат, дело с тобой об околеванце думать, а Марфутки да стерлинги давно мимо проехали. Прошла наша пора...

Шабельский. Нет, я устрою. Честное слово, устрою...

Входят Иванов и Львов.

Явление 5

Те же, Иванов и Львов.

Львов. Я прошу вас уделить мне только пять минут.

Лебедев. Николаша... (Идет навстречу Иванову и целует его.) Здравствуй, дружище... Я тебя уж целый час дожидаясь...

Авдотья Назаровна (кланяется). Здравствуйте, батюшка!..

Иванов (с горечью). Господа, опять в моем кабинете кабак завели... Тысячу раз просил я всех и каждого не делать этого... (Подходит к столу.) Ну вот, бумагу водкой облили... крошки... огурцы... Ведь противно!..

Лебедев. Виноват, Николаша, виноват... Прости... Мне с тобой, дружище, поговорить надо о весьма важном деле...

Боркин. И мне тоже.

Львов. Николай Алексеевич, можно с вами поговорить?

Иванов (указывает ему на Лебедева). Вот и ему я нужен. Подождите, вы после... (Лебедеву.) Что тебе?

Лебедев. Господа, я желаю говорить конфиденциально... прошу...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Граф, смеясь и гримасничая, уходит с Авд<отьей> Назар<овной>, за ними Боркин, потом Львов.

Иванов. Паша, сам ты можешь пить, сколько тебе угодно, это твоя болезнь, но прошу не спаивать дядю.. Раньше он у меня никогда не пил.. Ему вредно..

Лебедев (испуганно). Голубчик, я не знал.. я даже внимания не обратил..

Иванов. Не дай бог умрет этот старый ребенок, не вам будет худо, а мне.. Что тебе нужно?

Пауза.

Лебедев. Видишь ли, любезный друг.. Не знаю, как начать, чтобы это вышло не так бессовестно.. Николаша, совестно мне, краснею, язык заплетается, но, голубчик, войди в положение, пойми, что я человек подневольный, негр, тряпка.. Извини ты меня.. Повинную голову жена не мылит и меч не сечет..

Иванов. Что такое?

Лебедев. Жена послала.. Сделай милость, будь другом, заплати ты ей проценты.. Верить ли, загрызла, заездила, замучила.. Отвяжись ты от нее, ради создателя!..

Иванов. Паша, ты знаешь, что у меня теперь нет денег..

Лебедев. Знаю, знаю, но что же мне делать? Ждать она не хочет. Если протестует вексель, то как я и Шурочка будем тебе в глаза глядеть?

Иванов. Мне самому совестно, Паша, рад сквозь землю провалиться, но.. но где взять? Научи, где? Остается одно – ждать осени, когда я хлеб продам..

Лебедев (кричит). Не хочет она ждать..

Пауза.

Иванов. Твое положение неприятное, щекотливое, а мое еще хуже. (Ходит и думает.) И ничего не придумаешь.. Продать нечего..

Лебедев. Съездил бы к Мильбаху, попросил бы.. Ведь он тебе шестнадцать тысяч должен..

Иванов безнадежно машет рукой.

Вот что, Николаша.. Я знаю, ты станешь браниться, но.. но уважь старого пьяницу.. По-дружески.. Гляди на меня как на друга.. Студенты мы с тобой.. либералы.. общность идей и интересов.. Вместе в Московском университете учились.. Alma mater.. (Вынимает из кармана бумажник.) У меня вот есть заветные, про них ни одна душа в доме не знает.. Возьми займы.. (Вынимает деньги и кладет на стол.) Брось самолюбие, а взгляни по-дружески.. Я бы от тебя взял, честное слово..

Иванов (ходит). Все равно.. мне теперь не до самолюбия. Кажется, дай мне теперь пощечину, так я тебе ни слова не скажу..

Лебедев. Вот они на столе. Тысячу сто. Ты съезди к ней сегодня и отдай собственноручно. Натe, мол, Зинаида Саввишна, подавитесь.. Только смотри, виду не подавай, что у меня занял, храни тебя бог..

Пауза.

Мутит на душе?

Иванов машет рукой.

Да, дела.. (Вздыхает.) Настало для тебя время скорби и печали. Человек, братец ты мой, все равно что самовар. Не все он стоит в холодке на полке, но, бывает, и угольки в него кладут: пш.. пш.. Ни к черту это сравнение не годится, но да ведь умнее не придумаешь.. (Вздыхает.) Несчастья закаляют душу.. Мне тебя не жалко, Николаша, ты выскочишь из беды, перемелется – мука будет, но обидно, брат, и

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
досадно мне на людей... Скажи на милость, откуда эти сплетни берутся? Столько, брат, про тебя по уезду сплетень ходит, что, того и гляди, к тебе товарищ прокурора прискачет. Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель, и изменник...

Иванов. Это все пустяки, вот у меня голова болит.

Лебедев. Все оттого, что много думаешь.

Иванов. Ничего я не думаю...

Лебедев. А ты, Николаша, начихай на все да поезжай к нам. Шурочка тебя любит, понимает и ценит. Она, Николаша, честный, хороший человек... Не в мать и не в отца, а, должно быть, в проезжего молодца. Гляжу, брат, на нее иной раз и не верю, что у меня, у толстоногого пьяницы, такое сокровище. Поезжай, потолкуй с ней об умном и развлечешься. Это верный, искренний человек.

Пауза.

Иванов. Паша, голубчик, оставь меня одного...

Лебедев. Понимаю, понимаю... (Торопливо смотрит на часы.) Я понимаю. (Целует Иванову.) Прощай... Мне еще на освящение школы ехать... (Идет к двери и останавливается.) Умная... Вчера стали мы с Шуркой насчет сплетень говорить (смеется), а она афоризмом выпалила. Папочка, светляки, говорит, светят ночью только для того, чтобы их легче могли увидеть и съесть ночные птицы, а хорошие люди существуют для того, чтобы было чего есть клевете и сплетне. Каково? Гений? Жорж Занд... Я думал, что у одного только Боркина бывают в голове великие идеи, а теперь оказывается... Ухожу, ухожу... (Уходит.)

Явление 6

Иванов и Львов.

Иванов (один). Подпишу бумаги и пойду с ружьем похожу... Убрать эту гадость... (Брезгливо пожимаясь, сносит закуску и хлеб на маленький столик).

Львов (входит). Мне нужно с вами объясниться, Николай Алексеевич...

Иванов (неся графин с водкой). Если мы, доктор, будем каждый день объясняться, то на это никаких сил не хватит.

Львов. Вам угодно меня выслушать?

Иванов. Выслушиваю я вас каждый день и до сих пор никак не могу понять: что, собственно, вам от меня угодно?

Львов. Говорю я ясно и определенно, и не может меня понять только тот, у кого нет сердца...

Иванов. Что у меня жена при смерти – я знаю; что я непоправимо виноват перед ней – я тоже знаю; что вы честный и прямой человек – тоже знаю... Что же вам нужно еще?

Львов. Меня возмущает человеческая жестокость... Умирает женщина. У нее есть отец и мать, которых она любит и хотела бы видеть перед смертью; те знают отлично, что она скоро умрет и что все еще любит их, но, проклятая жестокость, они точно хотят удивить Иегову своим религиозным закалом, всё еще проклинают ее... Вы, человек, которому она пожертвовала всем: и верой, и родным гнездом, и покоем совести, вы откровеннейшим образом и с самыми откровенными целями каждый день катаетесь к этим Лебедевым...

Иванов. Ах, я там уже две недели не был...

Львов (не слушая его). С такими людьми, как вы, надо говорить прямо, без обиняков, и если вам не угодно слушать меня, то не слушайте. Я привык называть вещи настоящим их именем... Вам нужна эта смерть для новых подвигов, пусть так, но неужели вы не могли подождать? Если бы вы дали ей умереть естественным порядком, не долбили бы ее своим откровенным цинизмом, то неужели бы от вас ушла Лебедева со своим приданым? Не теперь, так через год, через два вы, чудный тартюф, успели

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

бы вскружить голову девочке и завладеть ее приданым так же, как и теперь... К чему же вы торопитесь? Почему вам нужно, чтобы ваша жена умерла теперь, а не через месяц, через год?

Иванов. Мучение... Доктор, вы слишком плохой врач... если предполагаете, что человек может сдерживать себя до бесконечности. Мне страшных усилий стоит не отвечать вам на ваши оскорбления.

Львов. Полноте, кого вы хотите одурачить? Сбросьте маску.

Иванов. Умный человек, подумайте, по-вашему, нет ничего легче, как понять меня... Я женился на Анне, чтобы получить большое приданое; приданого мне не дали, я промахнулся и теперь сживаю ее со света, чтобы жениться на другой и взять приданое... Да? Как просто и несложно... Человек такая немудреная, простая машинка... Нет, доктор, в каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг об друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам. Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем. Можно быть прекрасным врачом и в то же время совсем не знать людей. Не будьте же самоуверенны и согласитесь с этим.

Львов. Да неужели же вы думаете, что вы так непрозрачны и у меня так мало мозга, что я не могу отличить подлости от честности?

Иванов. Очевидно, мы с вами никогда не споемся... В последний раз я спрашиваю, и отвечайте, пожалуйста, без предисловий: что, собственно, вам нужно от меня? Чего вы добиваетесь? (Раздраженно.) И с кем я имею честь говорить: с моим прокурором или с врачом моей жены?..

Львов. Я врач и как врач требую, чтобы вы изменили ваше поведение... Оно убивает Анну Петровну...

Иванов. Но что же мне делать? Что? Если вы меня понимаете лучше, чем я сам себя понимаю, то говорите определенно и точно: что мне делать?

Львов. По крайней мере, действовать не так откровенно.

Иванов. А, боже мой! Неужели вы себя понимаете? (Пьет воду.) Оставьте меня... Я тысячу раз виноват, отвечу перед богом, а вас никто не уполномочивал ежедневно пытаться меня...

Львов. А кто вас уполномочил оскорблять во мне мою правду? Вы измучили и отравили мою душу... Пока я не попал в этот уезд, я допускал существование людей глупых, сумасшедших, увлекающихся, но никогда я не верил, что есть люди преступные осмысленно, сознательно направляющие свою волю в сторону зла... Я уважал и любил людей, но когда увидел вас...

Входит Саша в амазонке.

Явление 7
Те же и Саша.

Львов (увидев Сашу). Теперь уж, надеюсь, мы отлично понимаем друг друга... (Пожимает плечами и уходит.)

Иванов (испуганно). Шура, это ты...

Саша. Да, я... Не ожидал? Отчего ты так долго не приезжал?

Иванов (оглядываясь). Шура, ради бога, это неосторожно... Твой приезд может страшно подействовать на жену...

Саша. Сейчас уеду... Я беспокоюсь: ты здоров? Отчего не приезжал?

Иванов. Уезжай ради бога... мы не можем видеться, пока не... пока... ну, ты меня понимаешь... (Слегка толкает ее к двери.)

Саша. Только одно скажи: ты здоров?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Иванов. Нет, замучил я себя, люди меня мучают без конца... Просто сил моих нет и, если бы не мысли о тебе, то я давно бы пустил себе пулю в лоб. Видишь, я дрожу... Шурочка, ради бога, увози меня отсюда поскорее... (Прижимается лицом к ее плечу.) Дай мне отдохнуть и забыться хоть одну минуту...

Саша. Скоро, скоро, Николай... Не падай духом, стыдно...

Явление 8

Иванов, Саша и Петр.

Петр приносит пирожки на бумажке и кладет их на стол.

Иванов (вздрагивает). Кто? что? (Увидев Петра.) Что тебе?

Петр. Пирожки, граф приказывали...

Иванов. Уходи ты...

Петр уходит.

Саша. Уверяю тебя, мой дорогой... вот тебе моя рука: придут хорошие дни, и ты будешь счастлив. Будь бодр, погляди, какая я храбрая и счастливая... (Плачет.)

Иванов. Мы точно желаем ее смерти... Как это нездорово, как ненормально... Как я виноват...

Саша (с ужасом). Николай, кто хочет ее смерти? Пусть живет, хоть еще сто лет... И в чем ты виноват? Разве твоя вина, что ты разлюбил ее, что судьба посылает ей смерть? Твоя ли вина, что ты меня любишь? Подумай хорошенько... смотри (плачет)... смотри прямо в глаза обстоятельствам, бодро... Не ты виноват и не я, а обстоятельства...

Иванов. Будь бодр... настанет время... полюбил... разлюбил – все это общие места. Избитые фразы, которыми не поможешь.

Саша. Я говорю как все и иначе говорить не умею...

Иванов. И весь этот наш роман – общее, избитое место... «Он пал духом и утерял почву... Явилась она, бодрая духом, сильная и подала ему руку помощи»... Это хорошо и уместно в романах, но в жизни... не то, не то... Ты вот любишь меня, моя, подала руку помощи, а я все еще жалок и беспомощен, каким был прежде...

Явление 9

Те же и Боркин.

Боркин (выглядывает в дверь). Николай Алексеевич, можно? (Увидев Сашу.) Виноват, я и не вижу... (Входит.) Бонжур... (Раскланивается.)

Саша (смущенно). Здравствуйте...

Боркин. Вы пополнели, похорошели...

Саша (Иванову). Так я ухожу, Николай Алексеевич... Я ухожу... (Уходит.)

Боркин. Чудное видение... Шел за прозой, а наткнулся на поэзию... (Поет.) Явилась ты, как пташка к свету...[52]

Иванов взволнованно ходит по сцене.

(Садится). А в ней, Nicolas, есть что-то такое... этакое, чего нет в других... Не правда ли? Что-то особенное... фантазмагорическое... (Вздыхает.) В сущности, самая богатая невеста во всем уезде, но маменька такая редька, что никто не захочет связываться. После ее смерти все останется Шурочке, а до смерти даст тысяч десять, плейку и уют, да еще велит в ножки поклониться... (Роется в карманах.) Покурить де-лос-махорос... (Закуривает сигару.) Не хотите ли? (Протягивает портсигар.) Хорошие... Курить можно...

Иванов (подходит к Боркину, задыхаясь от гнева). Сию же минуту, чтоб ноги вашей

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
не было у меня в доме!.. Сию же минуту!..

Боркин приподнимается и роняет сигару.

Вон сию же минуту...

Боркин. Nicolas, что это значит? за что вы сердитесь?

Иванов. За что? А откуда у вас эти сигары? И вы думаете, что я не знаю, куда и зачем вы каждый день возите старика...

Боркин (пожимает плечами). Да вам-то что за надобность?

Иванов. Негодяй вы этакий... Ваши подлые проекты, которыми вы сыплете по всему уезду, сделали меня в глазах людей бесчестным человеком... У нас нет ничего общего, и я прошу вас сию же минуту оставить мой дом... (Быстро ходит.)

Боркин. Я знаю, что все это вы говорите в раздражении, а потому не сержусь на вас. Оскорбляйте сколько хотите... (Поднимает сигару.) А меланхолию пора бросить... Вы не гимназист...

Иванов. Я вам что сказал? (Дрожа.) Вы играете мной?..

Входит Анна Петровна.

Явление 10
Те же и Анна Петровна.

Боркин. Ну вот, Анна Петровна пришла... Я уйду... (Уходит.)

Иванов останавливается около стола и стоит понури́в голову.

Анна Петровна (после паузы). Зачем она сюда сейчас приезжала?

Пауза. Я тебя спрашиваю: зачем она сюда приезжала?

Иванов. Не спрашивай, Аня...

Пауза.

Я глубоко виноват... Придумывай какое хочешь наказание, я всё снесу, но не спрашивай. Говорить я не в силах...

Анна Петровна (сердито стучит пальцем по столу). Зачем она здесь была?

Пауза.

А, так вот ты какой? Теперь я тебя понимаю. Наконец-то я вижу, что ты за человек. Бесчестный, низкий... Помнишь, ты пришел и солгал мне, что ты меня любишь... Я поверила и оставила отца, мать, веру и пошла за тобой... Ты лгал мне о правде, о добре, о своих честных планах, я верила каждому слову.

Иванов. Аня, я никогда не лгал тебе...

Анна Петровна. Жила я с тобой пять лет, томилась и болела от мысли, что изменила своей вере, но любила тебя и не оставляла ни на одну минуту... Ты был моим кумиром... И что же? Все это время ты лгал и обманывал самым наглым образом...

Иванов. Аня, не говори неправды... Я ошибался, да... но не солгал ни разу в жизни... В этом ты не смеешь попрекнуть меня...

Анна Петровна. Теперь все понятно... Женился ты на мне и думал, что отец и мать простят меня, дадут мне денег... Ты это думал...

Иванов. О, боже мой! Аня, испытывать так терпение... (Плачет.)

Анна Петровна. Молчи... Когда увидел, что денег нет, ты повел новую игру... Теперь я все помню и понимаю... (Плачет.) Ты никогда не любил меня и не был мне верен.

Никогда...

Иванов. Сарра, это ложь!.. Говори, что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

Анна Петровна. Всегда ты лгал мне... Бесчестный, низкий человек... Ты должен Лебедеву и теперь, чтобы увильнуть от долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее так же, как и меня... Разве не правда?

Иванов (задыхаясь). Замолчи, ради бога!.. Я за себя не ручаюсь... Меня душит гнев, и я... я могу оскорбить тебя...

Анна Петровна. Всегда ты нагло обманывал, и не меня одну. Все бесчестные поступки сваливал ты на Боркина, но теперь я знаю, чьи они...

Иванов. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня с языка сорвется слово!.. Меня так и подмывает сказать тебе что-нибудь ужасное, оскорбительное... (Кричит.) Замолчи, жидовка!..

Анна Петровна. Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня, чтобы я могла молчать...

Иванов. Так ты не замолчишь? (Борется с собой.) Ради бога...

Анна Петровна. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

Иванов. Так знай же, что ты... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь...

Анна Петровна (садится, упавшим голосом). Когда он сказал?

Пауза.

Иванов (хватает себя за голову). Как я виноват! Боже, как я виноват!..

Явление 11
Те же и Львов.

Львов (входит и, увидев Анну Петровну, быстро направляется к ней). Что такое? (Всматривается в ее лицо, Иванову.) Что у вас тут было сейчас?

Иванов. Боже, как я виноват!.. как виноват!..

Львов. Анна Петровна, Анна Петровна, что с вами? (Иванову.) Погодите! Клянусь вам честью, которой у вас нет, вы заплатите за нее!.. Я выведу вас на чистую воду... Я вам покажу!..

Иванов. Как я виноват, как виноват...

Занавес

Между 3 и 4 действиями проходит около года.

Действие 4
Картина 1
Небольшая комната в доме Лебедевых. Простая, старинная меблировка. Направо и налево двери.

Явление 1
Дудкин и Косых.

Оба во фраках, перчатках и с цветками на лацканах; стоят около левой двери и спешат выкурить папиросы.

Косых (радостно). Вчера объявил маленький шлем на трефах, а взял большой... Только опять этот Барабанов мне музыку испортил... Играем... я говорю – без козыря. Он пас... Трефы... он пас... Я два трефы... три трефы, он пас, и представь... можешь ты себе представить, я объявляю шлем, а он не показывает туза. Покажи он туза, я объявил бы большой шлем на без-козырях...

Дудкин. Постой, коляска подъехала. Должно быть, женихов шафер. (Глядит в окно.) Нет... (Смотрит на часы.) А уж пора ему быть...

Косых. Да, невеста давно одета...

Дудкин. Эх, брат, будь я женихом (свистит), наделал бы я делов... Вот в эту самую пору, сейчас вот, когда невеста уже одета и в церковь надо ехать, приехал бы я сюда и сейчас бы Зююшку за бока: давай сто тысяч, а то венчаться не поеду... Давай...

Косых. И не дала бы...

Дудкин. Дала бы... Когда в церкви все готово и народ ждет, дала бы... А теперь Иванов ни шиша не получит. И пяти тысяч она ему не даст...

Косых. Зато, когда помрет, ему все останется.

Дудкин. Ну да, жди, когда она помрет... Да прежде чем околеть, она все деньги в землю зарует Ведьма из таковских. У меня такой же вот дядька был, так тот перед смертью все процентные бумаги сжевал и проглотил. Накажи меня бог... Приходит к нему доктор, а у него брюхо – во... Иванов думает, что ему сейчас и выложат: бери, милый, всё... Как же... На жидовке нарвался, съел гриб, и здесь то же будет... Не везет человеку... Не везет... Просто хоть ложись да помирай... А ведь умница, пройдоха, жох-мужчина, всю политику насквозь прошел, а вот – не судьба, значит... Счастья нет...

Явление 2

Те же и Бабакина.

Бабакина (разодетая, важно проходит через сцену мимо Дудкина и Косых; оба они сзади ее прыскают в кулаки; она оглядывается). Глупо...

Дудкин касается пальцем ее талии и щелкает языком.

Мужик... (Уходит.)

Дудкин и Косых хохочут.

Дудкин. Совсем спятила баба... Пока в сиятельстве не лезла, была в лучшем смысле, а как стала норовить с той точки зрения, чтобы графинею стать, приступу к ней нет. Бывало, возьмешь полон кулек коньяку да ликеру, закатаешься к ней суток на трое и размалиновое житье... кафешантан, а теперича и пальцем тронуть нельзя... (Дразнит.) Мужик...

Косых. Гляди, и будет графинею...

Дудкин. Ну вот... граф смеется над ней, зубы чешет, а ты веришь. Ему бы только поболтаться да поужинать на шарамыжку. Уж целый год ее за нос водит. Но за что, брат, люблю Марфутку – кремень!.. чистый кремень!.. Мишка Боркин и граф около нее и так и этак, и чертом и бисером, на всякие манеры, чтобы она им денег дала: ни копейки!.. Мишка в прошлом году получил от нее за сватовство двести целковых, да и те ей вскорости Иванов назад прислал... Так Мишке ничего и не досталось, даром только хлопотал...

Явление 3

Те же, Лебедев и Саша (одетая в венчальном платье).

Лебедев (входя с Сашей). Здесь поговорим. (Дудкину и Косыху.) Ступайте, зулусы, в залу к барышням. Нам по секрету поговорить нужно...

Дудкин (проходя мимо Саши, подмигивает глазом и щелкает пальцем). Картина!.. Финь-шампань!..

Лебедев. Проходи, пещерный человек, проходи...

Косых и Дудкин уходят.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Садись, Шурка... Вот так... (Садится и оглядывается.) Слушай внимательно и с должным благоговением. Дело вот в чем. Твоя мать приказала передать мне тебе следующее... Понимаешь? Я не от себя буду говорить, а мать приказала... (Сморкается.) Пока еще женихов шафер не приехал и пока мы тебя еще не благословили, ты, во избежание недоразумений и могущих быть впоследствии разговоров, должна раз навсегда знать, что мы... то есть не мы, а твоя мать...

Саша. Папа, нельзя ли покороче?

Лебедев. Ты должна знать, что тебе в приданое назначено пятнадцать тысяч рублей серебром кредитными бумажками. Вот... смотри, чтобы потом разговоров не было. Постой... молчи. Это только цветки, а будут и ягоды. Приданого тебе назначено пятнадцать тысяч, но, принимая во внимание, что Николай Алексеевич должен твоей матери девять тысяч, из твоего приданого делается вычитание в размере долга, и, таким образом, тебе будет дано только шесть тысяч. Vous comprenez?[53] Это ты должна знать, чтобы впоследствии не было разговоров. Постой, я не кончил. На свадьбу назначено пятьсот рублей; но так как свадьба справляется на женихов счет, то из шести тысяч вычитаются и эти пятьсот. Итого, значит, пять тысяч пятьсот, каковые ты и получишь после венчания, причем твоя добродетельная мать не упустит случая, чтобы не наделить тебя купонами 1899 года или акциями Скопинского банка.[54]

Саша. Для чего ты мне это говоришь?

Лебедев. Мать приказала.

Саша (встает). Папа, если бы ты хотя немного уважал себя и меня, то не позволил бы себе говорить со мной таким образом. (Сердито.) Не нужно мне вашего приданого... Я не просила и не прошу... Оставьте меня в покое, не оскорбляйте моего слуха вашими грошовыми расчетами!..

Лебедев. Не я тебе говорю о приданом, а мать...

Саша. Сто раз я вам говорила, что не возьму ни копейки... А наш долг мы вам отдадим. Я возьму где-нибудь займы и отдам. Оставьте меня в покое.

Лебедев. За что же ты на меня набросилась? У Гоголя две крысы сначала понюхали, а потом ушли,[55] а ты, эмансипе, не понюхавши набросилась.

Саша. Оставьте меня в покое...

Лебедев (вспылив). Тыфу... Все вы то сделаете, что я себя или ножом пырну или человека зарезу!.. Та день-деньской ревма ревет, зудит, пилит, копейки считает, а эта, умная, гуманная, черт подери, эмансипированная, не может понять родного отца... Я оскорбляю слух... Да ведь прежде чем прийти сюда оскорблять твой слух, меня там (указывает на дверь) на куски резали, четвертовали... (Ходит в волнении.) Не может она понять... (Дразнит.) Не возьму я ни копейки... Эка, удивить захотела... Что ж ты с мужем есть будешь?

Саша. Свое, он не нищий...

Лебедев (машет рукой). Та пилит, эта философствует, с Николаем слова сказать нельзя: тоже очень умный... Голову вскружили и с толку сбили. Выходи ты скорей замуж, и ну вас всех к... (Идет к двери и останавливается.) Не нравится мне, всё мне в вас не нравится...

Саша. Что тебе не нравится?

Лебедев. Всё мне не нравится... всё...

Саша. Что всё?

Лебедев. Так вот я рассядусь перед тобой и стану рассказывать... Ничего мне не нравится... А на свадьбу твою я и смотреть не хочу... (Подходит к Саше и ласково.) Ты меня извини, Шурочка... Может быть, твоя свадьба умная, честная, возвышенная, с принципами, но что-то в ней не то... не то... Не похожа она на другие свадьбы... Ты молодая, свежая, чистая, как стеклышко, красивая, а он вдовец, 35 лет... истрепался, обносился... Гляди, через пять лет у него морщины и лысина будут...

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
(Целует дочь в голову.) Шурочка, прости, но что-то и не совсем чисто... Уж очень много люди говорят... Как-то так у него эта Сарра умерла, потом как-то вдруг почему-то на тебе жениться захотел...

Саша. Он твой друг, папа...

Лебедев. Друг-то друг, но все-таки что-то, понимаешь ли ты, как будто бы не того... (Живо.) Впрочем, я баба, баба... Обабился я, как старый кринолин... Не слушай меня... Никого, себя только слушай...

Явление 4

Те же и Зинаида Саввишна.

Зинаида Саввишна (входит, одетая в новое платье, голова повязана мокрым полотенцем). Там, кажется, приехал шафер жениха. Надо идти благословлять... (Плачет.)

Саша (умоляюще). Мама!..

Лебедев. Зюзюшка, полно тебе сырость разводить!.. Уж, слава богу, целый год, извини за выражение, проревела.

Пауза.

Уксусом от тебя разит, как из бочки...

Саша (умоляюще). Мама!..

Зинаида Саввишна. Если тебе мать не нужна (плачет), если без послушания матери обходишься, то... что же тебе от меня нужно? Я благословлю, сделаю тебе такое удовольствие, благословлю...

Лебедев. Зюзюшка, радоваться надо...

Зинаида Саввишна (отрывая платок от лица и не плача). Чему радоваться? Он женится на ней из-за приданого да чтобы мне долга не платить, а ты радуешься... (Плачет.) Одна дочь, да и та бог знает как... Если он, по-вашему, честный, путевый человек, то он бы прежде чем предложение делать, заплатил бы долг...

Лебедев (Саше). Молчи, молчи, воздержись... Допивай, брат, чашу до дна... Недолго еще осталось...

Явление 5

Те же и Иванов.

Иванов в фрачной паре, входит заметно взволнованный.

Вместе

Лебедев (испуганно). Что такое? Откуда ты?

Саша. Зачем ты?

Иванов. Виноват, господа, позвольте мне поговорить с Сашей наедине...

Лебедев. Это непорядок, чтобы до венца к невесте приезжать. Тебе давно пора быть в церкви...

Иванов. Паша, я прошу...

Лебедев, пожимая плечами, и Зинаида Саввишна уходят.

Саша. Что тебе?

Иванов (волнуясь). Шурочка, ангел мой...

Саша. Ты взволнован... Что случилось?..

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Иванов. Счастье мое, дорогая моя, послушай меня... Забудь, что ты меня любишь, собери все свое внимание и послушай...

Саша. Николай, не пугай меня... что такое?

Иванов. Сейчас я одевался к венцу, взглянул на себя в зеркало, а у меня на висках... седины... Шурочка, не надо бы!.. Пока еще не поздно, не надо... не надо!.. (Хватает себя за голову.) Не надо!.. Оставь ты меня... (Горячо.) Ты молода, прекрасна, чиста, у тебя впереди жизнь, а я... седина на висках, разбитость, чувство вины, прошлое... Не пара... Не пара я тебе!..

Саша (строго). Николай... что за нежности?.. Тебя давно в церкви ждут, а ты прибегаешь сюда ныть. Все это не ново, слышала я и мне надоело... Поезжай в церковь, не задерживай людей!..

Иванов (берет ее руки). Слишком я люблю тебя и слишком ты дорога для меня, чтобы я посмел стать тебе поперек дороги. Счастья я тебе не дам... Клянусь богом, не дам!.. Пока не поздно, откажись от меня. Это будет и честно и умно. Я сейчас уеду домой, а ты объяви своим, что свадьбы не будет... Объясни им как-нибудь... (Взволнованно ходит.) Боже мой, боже мой, я чувствую, что ты, Шурочка, меня не понимаешь... Я стар, уже отжил свое, заржавел... энергия жизни утрачена навсегда, будущего нет, воспоминания пасмурны... Чувство вины растет во мне с каждым часом, душит меня... Сомнения, предчувствия... Что-то случится... Шурочка, что-то случится... Скопляются тучи – чувствую...

Саша (удерживая его за руку). Коля, ты говоришь как ребенок... Успокойся... Твоя душа больна и томится... Она берет верх над твоим здоровым и сильным умом, но ты не давай ей воли, а напряги ум. Ну рассуди: где тучи? В чем твоя вина? И чего ты хочешь? Ты прибежал сказать мне, что ты стар; может быть, но ведь и я не ребенок... И причем тут старость? Если бы твоя милая голова покрылась вдруг вся сединами, то я стала бы любить ее сильнее, чем теперь, потому что знаю, откуда эти седины... (Плачет.) Пойди, я сейчас... (Вытирает глаза.)

Иванов. Говори, говори...

Саша. Тебя томит чувство вины... Все, кроме отца, говорят мне о тебе только одно дурное. Вчера я получила анонимное письмо, в котором меня предостерегают...

Иванов. Это доктор писал, доктор... Этот человек преследует меня...

Саша. Все равно, кто бы ни писал... Все говорят о тебе худо, а я не знаю другого человека, который был бы честнее, великодушнее и выше тебя... Одним словом, я люблю тебя, а где любовь, там нельзя ни отступать, ни торговаться... Я буду твоей женой и хочу ею быть... Это решено и разговоров быть не может. Я люблю тебя и пойду за тобой, куда хочешь, под какие угодно тучи... Что бы с тобой ни случилось, куда бы тебя ни занесла судьба, я всегда и везде буду с тобой. Иначе я не понимаю своей жизни...

Иванов (ходит). Да, да, Шурочка, да... Действительно, я говорю нелепости... Напустил на себя психопатию, себя измучил и на тебя нагоняю тоску... В самом деле, надо скорее прийти в норму... делом заняться и жить, как все живут... Слишком много у меня в голове накопилось лишних мыслей... В том, что я на тебе женюсь, нет ничего необыкновенного, удивительного, а моя мнительность делает из этого целое событие, апофеоз... Все нормально и хорошо... Так я, Шурочка, поеду...

Саша. Езжай, и мы сейчас приедем...

Иванов (целует ее). Извини, я тебе надоел... Сегодня повенчаемся, а завтра за дело... (Смеется.) Прелесть моя, философ. Похвастал я старостью, а ты, оказывается, старше меня умом на десять лет... (Перестав смеяться.) Серьезно рассуждая, Шурочка, мы такие же люди, как и все, и будем счастливы, как все... И если виноваты, то тоже как все...

Саша. Ступай, ступай, пора...

Иванов. Иду, иду... (Смеется.) Как я неумен, какой я еще ребенок, в сущности, тряпка... (Идет к двери и сталкивается с Лебедевым.)

Явление 6

Иванов, Саша и Лебедев.

Лебедев. Поди-ка, поди-ка сюда... (Берет Иванова за руку и ведет к рампе.)
Гляди-ка мне прямо в глаза, гляди... (Долго молча смотрит ему в глаза.) Ну,
Христос с тобой... (Обнимает его.) Будь счастлив и прости, братец, за дурные
мысли... (Саше.) Шурочка, а ведь он еще молодец... Погляди, чем не мужчина? Гвардии
корнет... Поди сюда, шурка... (Строго.) Поди...

Саша подходит к нему.

(Берет Иванова и Сашу за руки, оглядываясь). Слушайте, мать как хочет, бог с
ней: не дает денег и не надо. Ты, Шурка, говоришь, что тебе (дразнит) «ни
копейки не надо». Принципы, альтруизм, Шопенгауер... Все это чепуха, а я вам вот
что скажу... (Вздыхает.) Есть у меня в банке заветные десять тысяч (оглядывается),
про них в доме ни одна собака не знает... Это еще бабушкины... (выпуская руки)
грабьте!..

Иванов. Прощай... (Весело смеется и уходит.) Саша идет за ним.

Лебедев. Гаврила!.. (Уходит и кричит за дверью.) Гаврила!..

Явление 7

Дудкин и Косых.

Оба вбегают и быстро закуривают.

Косых. Успеем еще по папиросе выкурить.

Дудкин. Это он приезжал насчет приданого поприжать... (Восторженно.) Молодчина...
Ей-богу, молодчина... Молодчина...

Занавес

Картина 2

Гостиная в доме Лебедевых. Бархатная мебель, старинная бронза, фамильные
портреты. Пианино, на нем скрипка, возле стоит виолончель. Много света. Налево
дверь. Направо широкая дверь в залу, откуда идет яркий свет. Из левой двери в
правую и обратно снуют лакеи с блюдами, тарелками, бутылками и проч. При
поднятии занавеса слышны из залы крики: «Горько, горько...»

Явление 1

Авдотья Назаровна, Косых и Дудкин выходят из залы с бокалами.

Голос из залы: «За здоровье шаферов...»

Музыка за сценой играет туш. Крик «ура» и шум передвигаемых стульев.

Авдотья Назаровна. Какую я парочку сосватала... Любо-дорого, хоть в Москву напоказ
вези. Он красивый, статный, образованный, деликатный, чверезый, а Сашенька
ангельчик, цветочек, ясочка... Другую такую парочку не скоро сосватаешь...

В зале кричат ура.

Косых и Дудкин (Вместе). Ура-а-а-а...

Авдотья Назаровна (поет).

Да не сиди, Сашенька, не сиди, [56]

Подыми окошечко, погляди:

Высоко ли солнышко на дворе?

Хорош ли мой Колюшка на коне?

Вот как... Загуляла, грешница... Нет мне теперь конца-краю...

Дудкин хочет что-то сказать, но не может.

Косых. Завидно на людское счастье глядеть... Авдотья Назаровна, сделай милость,
сосватай мне невесту... Так опротивела холостая, одинокая жизнь, что дома все хожу

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
по комнатам да на отдушники поглядываю... Болтаешься, болтаешься, и так, черт
знает как, жизнь проходит.

Авдотья Назаровна. Давно бы сказал, я бы тебя сразу женила...

Косых. То ли дело женатому... Сидишь у себя дома... тепло... лампа горит, какая-нибудь
этакая жена ходит... Ей-богу, она около тебя ходит, а ты сидишь за столом с
приятелями и винтишь... Говоришь: без козыря... пас... трефы... пас... черви... пас... два
черви... пас... И наконец шлем на червах... Все пас, пас, пас...

Дудкин касается талии Авдотьи Назаровны и щелкает языком.

Авдотья Назаровна. Ну, так назююкался, что меня за молодую принял... Эка, до
какой степени себя забыл в чужом доме. Языка не сдвинешь, словно паралич расшиб...

Голос из зала: «За здоровье Сергея Афанасьевича и Марьи Даниловны...»

Музыка играет туш. Ура.

(Идет в залу и поет.)

Хорош, хорош, маменька,
Лучше всех,
Да повесил головушку
Ниже всех.
Уходит.

Дудкин. Раиса Сергеевна, поедем...

Косых. Какая я тебе Раиса Сергеевна...

Дудкин. Наплюй... поедем... дай двугривенный швейцару, у меня мелких нет... (Кричит.)
Григорий, подавай...

Косых. Что ты орешь? Какой тут Григорий? (Закуривает.)

Дудкин. Наплюй, поедем... Гуляй на все... (Кричит.) Григорий, подавай...

Явление 2

Те же и Боркин (во фраке с цветком).

Боркин (вбегает из зала запыхавшись). Отчего не подают шампанского? (Лакею.)
Подавай еще шампанского, скорей...

Лакей. Шампанского больше нет...

Боркин. Черт знает, что за беспорядки... Пять бутылок на сто человек... Это
возмутительно...

Косых подходит к виолончелю и водит по струнам смычком.

Какое еще вино есть?

Лакей. Столовое, игристое...

Боркин. По сорока копеек бутылка? (Косых.) Ах, да не пилите вы, пожалуйста...
(Лакею.) Подавай хоть столового игристого, только поскорее... Уф, замучился... Одних
тостов произнес штук двадцать... (Дудкину и Косых.) Вот что, сейчас мы
провозгласим графа и Бабакину женихом с невестой. Смотрите, господа: кричать ура
во все горло. А потом у меня одна идея есть, которую я объявлю. Так нужно будет
и за идею выпить... Пойдемте... (Берет под руку Косых и уходит с ним в залу.)

Дудкин (идет за ними). Семен Николаевич... Давай сначала у буфета выпьем, а потом
уж в общей... (Уходит.)

Музыка играет марш из «Бокаччио», [57] крики: «Музыка, стой». Марш обрывается.

Голос из зала: «За здоровье невестиной тетушки Маргариты Саввишны...»

Туш.

Явление 3
Шабельский и Лебедев.

Лебедев (выходя с графом из залы). Не дури ты, пожалуйста, напустил на себя злобу или просто страдаешь катаром желудка, а уж думаешь в самом деле, что ты Мефистофель. Да право... Возьми в рот паклю, зажги и дыши огнем на людей...

Шабельский. Нет, серьезно, мне хочется устроить себе какую-нибудь гнусность, подлость, чтоб не только мне, но и всем противно стало. И я устрою.. Честное слово, устрою.. Я уже сказал Боркину, чтобы он объявил меня женихом. (Смеется.) Это будет гнусно, но под стать и времени и людям. Все подлы, и я буду подл..

Лебедев. Надоел ты мне... Слушай, Матвей, договоришься ты до того, что тебя, извини за выражение, в желтый дом свезут.

Шабельский. А чем желтый дом хуже любого белого или красного дома? Сделай милость, хоть сейчас меня туда вези... Сделай милость...

Лебедев. Знаешь что, брат... Бери свою шапку и езжай домой... Тут свадьба, все веселятся, а ты кра... кра... как ворона. Езжай с богом...

Шабельский. Свадьба... все веселятся... Что-то идиотское, дикое... Эта музыка, шум, пьянство, точно Тит Титыч[58] женится. До сих пор я считал тебя и Николая интеллигентными людьми, а сегодня вижу, что вы оба такие же моветоны, как Зююшка и Марфутка. Это не свадьба, а кабак.

Лебедев. Кабак, но ведь не я делаю этот кабак и не Николаша. Обычай такой... есть обычай – горло драть, ну и дерут, а обычаи, брат, те же законы. *Mores leges imitantur*[59] – вот еще с университета помню. Не нам с тобой людей переделывать.

Шабельский склоняется к пианино и рыдает.

Батюшки... Матвей... граф... Что с тобой? Матюша, родной мой... ангел мой... Я тебя обидел? Ну прости меня, старую собаку. Прости пьяницу... Воды выпей...

Шабельский. Не нужно... (Поднимает голову.)

Лебедев. Что ты плачешь?

Шабельский. Ничего, так...

Лебедев. Нет, Матюша, не лги... Отчего? что за причина?

Шабельский. Взглянул я сейчас на эту виолончель и... и жидовочку вспомнил...

Лебедев. Эва, когда нашел вспоминать... Царство ей небесное, вечный покой, а вспоминать не время...

Шабельский. Мы с ней дуэты играли... Чудная, превосходная женщина... (Склоняется на пианино.)

Голос из залы: «За здоровье дам...» Туш и ура.

Все подленькие, маленькие, ничтожные, бездарные... Я брюзга; как кокетка, напустил на себя бог знает что, не верю ни одному своему слову, но согласись, Паша, все мелко, ничтожно, подло. Готов перед смертью любить людей, но ведь всё не люди, а людишки, микрокефалы, грязь, копать...

Лебедев. Людишки... От глупости всё, Матвей... Глупые они, а ты погоди – дети их будут умные... Дети не будут умные, жди внуков, нельзя сразу... Ум веками дается...

Шабельский. Паша, когда солнце светит, то и на кладбище весело... когда есть надежды, то и в старости хорошо... А у меня ни одной надежды, ни одной...

Лебедев. Да, действительно, тебе плоховато... Ни детей у тебя, ни денег, ни

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
занятий... Ну, да что делать, судьбе кукиша не покажешь...

Музыка полминуты играет вальс, во время которого Лебедев и Шабельский делают вид, что говорят между собою.

Шабельский. На том свете мы поквитаемся. Я съезжу в Париж и погляжу на могилу жены. В своей жизни я много давал, роздал половину своего состояния, а потому имею право просить. К тому же, прошу я у друга.

Лебедев (растерянно). Голубчик, у меня ни копейки... Честное слово, omnia mea mecum porto. [60] Живу на жениных харчах без жалованья. Были спрятаны у меня заветные десять тысяч, да и те сегодня Шурочке определил. (Живо.) Постой, не унывай... Эврика... Скажу я Николаше одно слово, и ты будешь в Париже... Валяй в Париж... Из десяти тысяч мы тебе три ассигнуем. Четыре... Целый год будешь кататься, а потом приедешь домой и, чего доброго, внучка застанешь... Ау... ау... Честное слово...

Явление 4
Те же и Иванов.

Иванов (выходя из залы). Дядя, ты здесь? Милый мой, я улыбаюсь и смеюсь, как благодущнейший из смертных... (Смеется.) Я прошу тебя от чистого сердца, будь весел, улыбайся и ты... Не отравляй нашего веселья твоим унылым видом. Бери Пашу под правую руку, меня под левую и пойдем выпьем за твое здоровье. Я так счастлив и доволен, как давно уже не бывал. Все хорошо, нормально... отлично... Выпил я бокал шампанского (смеется), и, мне кажется, вся земля кружится от моего счастья... (Испуганно.) Матвей, ты плакал?

Шабельский. Да...

Иванов. О чем?

Шабельский. Я о ней вспомнил... о Сарре...

Пауза.

Иванов. Спасибо тебе, что ты о ней вспомнил... Это прекрасная, редкая женщина... Мало таких женщин, Матвей...

Лебедев. Симпатичная была. Это верно...

Пауза.

Иванов (графу). А помнишь, какую штуку я сгоряча пустил ей, когда она пришла ко мне в кабинет? Боже мой, вспоминаем теперь равнодушно, а тогда я едва не умер от ужаса. Пятеро суток я не уснул ни на минуту, не съел ни одной крошки, а ведь простила... Все мне простила, когда умирала. И я чувствую, она теперь смотрит сюда своими светлыми глазами и прощает нас. Спит она теперь в могиле; мы живем, музыка у нас играет, а придет время, и мы умрем, и о нас скажут: спит он теперь в могиле... Нравится мне этот порядок в природе и сама природа мне нравится. (Смеется.) Все мне сегодня необыкновенно симпатично... Ты, Паша, честнейший человек... Мне больше нельзя пить, но вы, господа, пойдите и выпейте...

Лебедев. Граф, коньячку? А? Кого будешь пить?

Шабельский. Все равно.

Иванов. Сам я не пью, но люблю смотреть, когда другие пьют. (Трет себе лоб.) Счастье счастьем, а за эти дни я так измучился, что того и гляди упаду... Во всем теле какое-то нытье... (Смеется.) Пойдемте...

Явление 5
Те же и Боркин.

Боркин (выходя из залы). Молодой, где вы? Вас ищут. (Увидев Иванова.) А... Идите скорее, вас там зовут... Впрочем, постоит, Nicolas, на минутку, я должен сообщить вам одну чудную идею. За эту идею вы, господа, все, сколько вас тут есть, должны дать по крайней мере по тысяче рублей... Слушайте, Nicolas: давайте вы, я, Зинаида Саввишна и Бабакина все на паях откроем конный завод... Хотите?

Лебедев. Ну... у парня из головы винт выскочил...

Иванов (смеется). Миша, вы умный, способный малый... Я искренно желаю вам добра. Забудем прошлое.

Боркин (растроганный). Николай Алексеевич, вы хороший человек... я вас люблю и многим вам обязан. Давайте выпьем на «ты»!..

Иванов. Этого не нужно, Миша, все это вздор... Главное, будьте честным, хорошим человеком... Забудем прошлое... Вы виноваты, я виноват, но не будем помнить этого. Все мы люди – человеки, все грешны, виноваты и под богом ходим. Не грешен и силен только тот, у кого нет горячей крови и сердца.

Лебедев (Иванову). Ты сегодня заговорил как немецкий пастор. Брось эту панихиду... Коли пить, так пойдёмте пить, а нечего золотое время терять. Пойдем, граф... (Берет графа и Иванова под руку.) Вперед... (Поет.) На одного втроем ударим разом...

Боркин (загораживает дорогу). Господа, насчет конского завода я не шучу... Это дело серьезное... Во-первых, дело выгодное и, во-вторых, полезное... У нас привьется оно как нельзя лучше... Во-первых, лугов много, во-вторых, водопои отличные, в-третьих, помещение для завода есть.

Явление 6
Те же и Бабакина.

Бабакина (выходя из залы). А где же мой кавалер? (Томно.) Граф, как вы смеете меня оставлять одну? Мне не с кем чокаться... У, противный... (Бьет графа веером по руке.)

Шабельский (брезгливо). Оставьте меня, отойдите...

Шабельский, Лебедев и Иванов уходят в залу.

Бабакина (ошеломленная). Что же это такое? какое он имеет полное право? Очень вами благодарна...

Боркин. Марфунчик, так я завтра приеду, мы поговорим обстоятельно и условимся... (Запыхавшись.) Денег на первых порах потребуется очень немного. Если каждый пайщик внесет для начала по две тысячи, то это за глаза...

Бабакина. Да как он смеет? Я к нему с лаской, деликатно, как дама, а он – отойдите... Что же это такое? Белены он объелся что ли?

Боркин (нетерпеливо). Ах, да не в этом дело... Не хочет он жениться, черт с ним... Есть вещи поважнее графства и женитьбы. Подумай, Марфунчик: у нас на всю губернию один только конский завод, да и тот с аукциона продается. В хороших лошадях чувствуется страшный недостаток. Если мы поставим дело на широкую ногу, выпишем из Англии двух-трех хороших жеребцов...

Бабакина (сердито). Отстаньте, отвяжись...

Боркин. Вот извольте ей втолковать... (Горячо.) На это понадобится какие-нибудь две-три тысячи, только, а через пять – десять лет мы будем иметь состояние... Во-первых, лугов много, во-вторых, водопои отличные, в-третьих...

Бабакина (плачет). Целый год ездил раза по три в неделю, пил, ел, на моих лошадях разъезжал, а теперь, когда племянник женился на богатой, я стала не нужна. Очень вами благодарна... Если я ему денег не давала, то ведь я не миллионщица...

Боркин (всплескивая руками). Я ей о важном деле говорю, а она ревет... Удивительный народ... Извольте вот с такими людьми дело делать... Те слушать не хотят, эта ревет как белуга... Господа, да пора же наконец сбросить с себя лень, апатию, нужно же когда-нибудь заняться делом!.. Неужели вы не сознаете, что индифферентизм губит нас?

Бабакина (злобно, сквозь слезы). Отстань!.. глаза выцарапаю!.. Чтоб ничья нога у

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
меня теперь не была... Чтоб ни одна шельма не смела и носа показать!.. (Плачет.)

Боркин. Значит, идея моя должна лопнуть и дело не состоится. (С горечью.)
Благодарю вас, господа... Очень вам благодарен... На наряды да на мадеру у вас есть деньги, а на хорошее, полезное дело вам и копейки жаль... Поклоняетесь золотому тельцу, мамоне...

Бабакина хочет уходить.

(Берет ее за руку, которую та вырывает; решительно). Ну, Марфа Егоровна, в таком случае у меня есть другая идея... Марфочка, если вам жалко двух тысяч, то позвольте вам сделать предложение... Делаю вам предложение...

Бабакина (злобно и удивленно). Что?

Боркин. Предлагаю руку и сердце. Я люблю вас страстно, бешено. С тех пор, как я увидел вас, я понял, для чего я живу... Любить вас, но в то же время не обладать вами, это пытка... инквизиция...

Бабакина. Нет, нет, нет, нет...

Боркин. Правда, я пользовался взаимностью в самых широких размерах, но это не удовлетворяло меня. Я хочу законного брака, чтобы век принадлежать тебе... (Берет за талию.) Люблю и страдаю... О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек... [61] Что же еще сказать тебе? Выходи, вот и все... У тебя денег много, девать некуда, я человек деловой, основательный... к тому же влюблен...

Бабакина. Но ведь ты... все шутишь... В прошлом году тоже раз сделал предложение, а на другой день приехал и отказался.

Боркин. Честное слово, не шучу... Ну вот я на колени стану. (Становится на колени.) Люблю до сумасшествия...

Проходит лакей.

Бабакина (вскрикивает). Ах... лакей увидел...

Боркин. Пусть все увидят... Сейчас я всем объявлю. (Встает.)

Бабакина. Миша, только я не буду тебе давать много денег...

Боркин. Там увидим, увидим... (Целует ее.) Марфунчик, зюмбумбунчик... Заживем... Такие у нас будут скаковые лошади, что я на одних призах наживу состояние.

Бабакина (кричит). Платья не мои, платья... Оно двести рублей стоит...

Явление 7

Бабакина, Боркин и Авдотья Назаровна.

Авдотья Назаровна (выходит из залы и, увидев целующуюся парочку, вскрикивает).
Ах...

Боркин. Авдотья Назаровна, поздравляй... Жених и невеста... Женюсь... (Идет с Бабакиной к вольной двери.) Что ошалела? говорю: женюсь!.. (Целует Бабакину.)
Вот... теперь не надо мне пайщиков, сам конский завод устрою...

Авдотья Назаровна. Ясочка моя, красавица... Вот радость-то!..

Боркин. Погоди, дай дорогу... (Уходит с Бабакиной в залу.)

Авдотья Назаровна (идя за ними, кричит). А поглядите, люди добрые, какую я парочку сосватала!.. Поглядите... (Уходит.)

Явление 8

Львов (один).

Львов (входит из левой двери; смотрит на часы). Немножко поздно приехал, ну да ведь все пьяны небось, не заметят... (Идет к правой двери и в волнении потирает

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
руки.) Главное, не надо волноваться... (Смотрит в дверь.) Сидит рядом, улыбается... Обманул, ограбил и улыбается своей жертве... (Пожимается от волнения.) Главное, не нужно волноваться... Сидит счастлив, здоров, весел и безнаказан. Вот оно, торжество добродетели и правды... Одну жену не удалось ограбить, замучил ее и в гроб уложил... Нашел теперь другую... Будет перед этой лицемерить, пока не ограбит ее, а ограбивши, и ее уложит туда же, где лежит первая... Старая кулаческая история...

Голос из зала: «За здоровье всех гостей...»

Туш и ура.

Прекрасно проживет до глубокой старости, а умрет с спокойной совестью... Нет, я выведу тебя на чистую воду, сорву с тебя маску... Ты у меня не будешь так улыбаться... Когда все узнают, что ты за птица, едва ли ты улыбнешься... (Нервно застегивает сюртук.) Я честный человек, и мое дело открыть глаза кому следует... (Нервно откашливается.) Исполню свой долг и завтра же вон из этого проклятого уезда... (Громко.) Николай Алексеевич Иванов, объявляю во всеуслышание, что вы подлец!..

В зале шум.

Явление 9

Львов, Иванов, Шабельский, Лебедев, Боркин, Косых, потом Саша.

Иванов вбегает из зала, схватив себя за голову; за ним выходят остальные.

Иванов. За что? за что? Скажите мне: за что? (В изнеможении опускается на диван.)

Все. За что?

Лебедев (Львову), Объясни, Христа ради, за что оскорбил? (Хватает себя за голову и ходит в волнении.)

Шабельский (Иванову). Nicolas, Nicolas, ради бога... Не обращай внимания... Будь выше этого...

Боркин. Милостивый государь... это подло!.. Я вызываю вас на дуэль...

Львов. Господин Боркин, я считаю для себя унижительным не только драться, но даже говорить с вами... А господин Иванов, если хочет, может получить удовлетворение каждую минуту...

Саша (выходит из зала, пошатываясь). За что? за что вы оскорбили моего мужа? Господа, позвольте, пусть он мне скажет... за что?

Львов. Александра Павловна, я оскорблял не голословно. Я пришел сюда как честный человек, чтобы раскрыть вам глаза, и прошу вас выслушать меня. Я все выскажу...

Саша. Что вы выскажете? какие тайны знаете вы? Что он уложил в гроб свою первую жену? Про это говорят все. Что он женился на мне из-за приданого и чтобы не платить моей матери долга? Это тоже известно всему уезду. А, жестокие, мелочные, ничтожные люди... (Мужу.) Николай, пойдём отсюда... (Берет его за руку.)

Лебедев (Львову). Я, как хозяин дома... как отец своего зятя... то есть дочери, милостивый государь...

Саша громко вскрикивает и падает на мужа...

Все подбегают к Иванову.

Батюшки, он умер... воды... доктора...

Шабельский (плача). Nicolas! Nicolas!

Все. Воды, доктора, он умер...

Занавес

Медведь

(Посвящена Н. Н. Соловцову)

Шутка в одном действии

Действующие лица

Елена Ивановна Попова, вдовушка с ямочками на щеках, помещица.

Григорий Степанович Смирнов, нестарый помещик.

Лука, лакей Поповой, старик. Гостиная в усадьбе Поповой.

I

Попова (в глубоком трауре, не отрывает глаз от фотографической карточки) и Лука.

Лука. Нехорошо, барыня... губите вы себя только... Горничная и кухарка пошли по ягоды, всякое дыхание радуется, даже кошка, и та свое удовольствие понимает и по двору гуляет, пташек ловит, а вы цельный день сидите в комнате, словно в монастыре, и никакого удовольствия. Да право! Почитай, уж год прошел, как вы из дому не выходите!..

Попова. И не выйду никогда... Зачем? Жизнь моя уже кончена. Он лежит в могиле, я погребла себя в четырех стенах... Мы оба умерли.

Лука. Ну, вот! И не слушал бы, право. Николай Михайлович померли, так тому и быть, божья воля, царство им небесное... Погоревали – и будет, надо и честь знать. Не весь же век плакать и траур носить. У меня тоже в свое время старуха померла... что ж? Погоревал, поплакал с месяц, и будет с нее, а ежели цельный век Лазаря петь, то и старуха того не стоит. (Вздыхает.) Соседей всех забыли... И сами не ездите, и принимать не велите. Живем, извините, как пауки, – света белого не видим. Ливрею мыши съели... Добро бы хороших людей не было, а то ведь полон уезд господ... В Рыблове полк стоит, так офицеры – чистые конфеты, не наглядишься! А в лагерях что ни пятница, то бал, и, почитай, каждый день военная оркестра музыку играет... Эх, барыня-матушка! Молодая, красивая, кровь с молоком – только бы и жить в свое удовольствие... Красота-то ведь не навеки дадена! Пройдет годов десять, сами захотите павой пройтись да господам офицерам в глаза пыль пустить, ан поздно будет.

Попова (решительно). Я прошу тебя никогда не говорить мне об этом! Ты знаешь, с тех пор как умер Николай Михайлович, жизнь потеряла для меня всякую цену. Тебе кажется, что я жива, но это только кажется! Я дала себе клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видеть света... Слышишь? Пусть тень его видит, как я люблю его... Да, я знаю, для тебя не тайна, он часто бывал несправедлив ко мне, жесток и... и даже неверен, но я буду верна до могилы и докажу ему, как я умею любить. Там, по ту сторону гроба, он увидит меня такую же, какую я была до его смерти...

Лука. Чем эти самые слова, пошли бы лучше по саду погуляли, а то велели бы запрячь Тоби или Великана и к соседям в гости...

Попова. Ах!.. (Плачет.)

Лука. Барыня!.. Матушка!.. Что вы? Христос с вами!

Попова. Он так любил Тоби! Он всегда ездил на нем к Корчагиным и Власовым. Как он чудно правил! Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал вожжи! Помнишь? Тоби, Тоби! Прикажи дать ему сегодня лишнюю осьмушку овса.

Лука. Слушаю!

Резкий звонок.

Попова (вздрагивает). Кто это? Скажи, что я никого не принимаю!

Лука. Слушаю-с! (Уходит.)

II

Попова (одна).

Попова (глядя на фотографию). Ты увидишь, Nicolas, как я умею любить и прощать... Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться мое бедное сердце. (Смеется, сквозь слезы.) И тебе не совестно? Я паинька, верная женка, заперла себя на замок и буду верна тебе до могилы, а ты... и тебе не совестно, бутуз? Изменял мне, делал сцены, по целым неделям оставлял меня одну...

III

Попова и Лука.

Лука (входит, встревоженно). Сударыня, там кто-то спрашивает вас. Хочет видеть...

Попова. Но ведь ты сказал, что я со дня смерти мужа никого не принимаю?

Лука. Сказал, но он и слушать не хочет, говорит, что очень нужное дело.

Попова. Я не при-ни-ма-ю!

Лука. Я ему говорил, но... леший какой-то... ругается и прямо в комнаты прет... уж в столовой стоит...

Попова (раздраженно). Хорошо, проси... Какие невежи!

Лука уходит.

Как тяжелы эти люди! Что им нужно от меня? К чему им нарушать мой покой? (Вздыхает.) Нет, видно уж и вправду придется уйти в монастырь... (Задумывается.) Да, в монастырь...

IV

Попова, Лука и Смирнов.

Смирнов (входя, Луке). Болван, любишь много разговаривать... Осел! (Увидев Попову, с достоинством.) Сударыня, честь имею представиться: отставной поручик артиллерии, землевладелец Григорий Степанович Смирнов! Вынужден беспокоить вас по весьма важному делу...

Попова (не подавая руки). Что вам угодно?

Смирнов. Ваш покойный супруг, с которым я имел честь быть знаком, остался мне должен по двум векселям тысячу двести рублей. Так как завтра мне предстоит платеж процентов в земельный банк, то я просил бы вас, сударыня, уплатить мне деньги сегодня же.

Попова. Тысяча двести... А за что мой муж остался вам должен?

Смирнов. Он покупал у меня овес.

Попова (вздыхая, Луке). Так ты же, Лука, не забудь приказать, чтобы дали Тоби лишнюю осьмушку овса.

Лука уходит.

(Смирнову.) Если Николай Михайлович остался вам должен, то, само собою разумеется, я заплачу; но, извините пожалуйста, у меня сегодня нет свободных денег. Послезавтра вернется из города мой приказчик, и я прикажу ему уплатить вам что следует, а пока я не могу исполнить вашего желания... К тому же, сегодня исполнилось ровно семь месяцев, как умер мой муж, и у меня теперь такое настроение, что я совершенно не расположена заниматься денежными делами.

Смирнов. А у меня теперь такое настроение, что если я завтра не заплачу процентов, то должен буду вылететь в трубу вверх ногами. У меня опишут имение!

Попова. Послезавтра вы получите ваши деньги.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Смирнов. Мне нужны деньги не послезавтра, а сегодня.

Попова. Простите, сегодня я не могу заплатить вам.

Смирнов. А я не могу ждать до послезавтра.

Попова. Что же делать, если у меня сейчас нет!

Смирнов. Стало быть, не можете заплатить?

Попова. Не могу...

Смирнов. Гм!.. Это ваше последнее слово?

Попова. Да, последнее.

Смирнов. Последнее? Положительно?

Попова. Положительно.

Смирнов. Покорнейше благодарю. Так и запишем. (Пожимает плечами.) А еще хотят, чтобы я был хладнокровен! Встречается мне сейчас по дороге акцизный и спрашивает: «Отчего вы всё сердитесь, Григорий Степанович?» Да помилуйте, как же мне не сердиться? Нужны мне дозарезу деньги... Выехал я еще вчера утром чуть свет, объездил всех своих должников, и хоть бы один из них заплатил свой долг! Измучился, как собака, ночевал черт знает где – в жидовской корчме около водочного бочонка... Наконец приезжаю сюда, за 70 верст от дому, надеюсь получить, а меня угощают «настроением»! Как же мне не сердиться?

Попова. Я, кажется, ясно сказала: приказчик вернется из города, тогда и получите.

Смирнов. Я приехал не к приказчику, а к вам! На кой леший, извините за выражение, сдался мне ваш приказчик!

Попова. Простите, милостивый государь, я не привыкла к этим странным выражениям, к такому тону. Я вас больше не слушаю. (Быстро уходит.)

V

Смирнов (один).

Смирнов. Скажите пожалуйста! Настроение... Семь месяцев тому назад муж умер! Да мне-то нужно платить проценты или нет? Я вас спрашиваю: нужно платить проценты или нет? Ну, у вас муж умер, настроение там и всякие фокусы... приказчик куда-то уехал, черт его возьми, а мне что прикажете делать? Улететь от своих кредиторов на воздушном шаре, что ли? Или разбежаться и трахнуть башкой о стену? Приезжаю к Груздеву – дома нет, Ярошевич спрятался, с Курицыным поругался насмерть и чуть было его в окно не вышвырнул, у Мазутова – холерина, у этой – настроение. Ни одна каналья не платит! А всё оттого, что я слишком их избаловал, что я нюня, тряпка, баба! Слишком я с ними деликатен! Ну, погодите же! Узнаете вы меня! Я не позволю шутить с собою, черт возьми! Останусь и буду торчать здесь, пока она не заплатит! Брр!.. Как я зол сегодня, как я зол! От злости все поджилки трясутся и дух захватило... фуй, боже мой, даже дурно делается! (Кричит.) Человек!

VI

Смирнов и Лука.

Лука (входит). Чего вам?

Смирнов. Дай мне квасу или воды!

Лука уходит.

Нет, какова логика! Человеку нужны дозарезу деньги, впору вешаться, а она не платит, потому что, видите ли, не расположена заниматься денежными делами!.. Настоящая женская, турнюрная логика! Потому-то вот я никогда не любил и не люблю говорить с женщинами. Для меня легче сидеть на бочке с порохом, чем говорить с женщиной. Брр!.. Даже мороз по коже дерет – до такой степени разозлил меня этот

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
шлейф! Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги. Просто хоть караул кричи.

VII

Смирнов и Лука.

Лука (входит и подает воду). Барыня больны и не принимают.

Смирнов. Пошел!

Лука уходит.

Больны и не принимают! Не нужно, не принимай... Я останусь и буду сидеть здесь, пока не отдашь денег. Неделю будешь больна, и я неделю просижу здесь... Год будешь больна – и я год... Я свое возьму, матушка! Меня не тронешь трауром да ямочками на щеках... Знаем мы эти ямочки! (Кричит в окно.) Семен, распрягай! Мы не скоро уедем! Я здесь остаюсь! Скажешь там на конюшне, чтобы овса дали лошадям! Опять у тебя, скотина, левая пристяжная запуталась в вожжу! (Дразнит.) Ничаво... Я тебе задам – ничаво! (Отходит от окна.) Скверно... жара невыносимая, денег никто не платит, плохо ночь спал, а тут еще этот траурный шлейф с настроением... Голова болит... Водки выпить, что ли? Пожалуй, выпью. (Кричит.) Человек!

Лука (входит). Что вам?

Смирнов. Дай рюмку водки!

Лука уходит.

Уф! (Садится и оглядывает себя.) Нечего сказать, хороша фигура! Весь в пыли, сапоги грязные, не умыт, не чесан, на жилетке солома... Барынька, чего доброго, меня за разбойника приняла. (Зевают.) Немножко невежливо являться в гостиную в таком виде, ну, да ничего... я тут не гость, а кредитор, для кредиторов же костюм не писан...

Лука (входит и подает водку). Много вы позволяете себе, сударь...

Смирнов (сердито). Что?

Лука. Я... я ничего... я собственно...

Смирнов. С кем ты разговариваешь?! Молчать!

Лука (в сторону). Навязался, леший, на нашу голову... Принесла нелегкая...

Лука уходит.

Смирнов. Ах, как я зол! Так зол, что, кажется, весь свет стер бы в порошок... Даже дурно делается... (Кричит.) Человек!

VIII

Попова и Смирнов.

Попова (входит, опустив глаза). Милостивый государь, в своем уединении я давно уже отвыкла от человеческого голоса и не выношу крика. Прошу вас убедительно, не нарушайте моего покоя!

Смирнов. Заплатите мне деньги, и я уеду.

Попова. Я сказала вам русским языком: денег у меня свободных теперь нет, погодите до послезавтра.

Смирнов. Я тоже имел честь сказать вам русским языком: деньги нужны мне не послезавтра, а сегодня. Если сегодня вы мне не заплатите, то завтра я должен буду повеситься.

Попова. Но что же мне делать, если у меня нет денег? Как странно!

Смирнов. Так вы сейчас не заплатите? Нет?

Попова. Не могу...

Смирнов. В таком случае я остаюсь здесь и буду сидеть, пока не получу... (Садится.) Послезавтра заплатите? Отлично! Я до послезавтра просижу таким образом. Вот так и буду сидеть... (Вскакивает.) Я вас спрашиваю: мне нужно заплатить завтра проценты или нет?.. Или вы думаете, что я шучу?

Попова. Милостивый государь, прошу вас не кричать! Здесь не конюшня!

Смирнов. Я вас не о конюшне спрашиваю, а о том – нужно мне платить завтра проценты или нет?

Попова. Вы не умеете держать себя в женском обществе!

Смирнов. Нет-с, я умею держать себя в женском обществе!

Попова. Нет, не умеете! Вы невоспитанный, грубый человек! Порядочные люди не говорят так с женщинами!

Смирнов. Ах, удивительное дело! Как же прикажете говорить с вами? По-французски, что ли? (Злится и сюсюкает.) Мадам, же ву при...[62] как я счастлив, что вы не платите мне денег... Ах, пардон, что обеспокоил вас! Такая сегодня прелестная погода! И этот траур так к лицу вам! (Расшаркивается.)

Попова. Не умно и грубо.

Смирнов (дразнит.) Не умно и грубо! Я не умею держать себя в женском обществе! Сударыня, на своем веку я видел женщин гораздо больше, чем вы воробьев! Три раза я стрелялся на дуэли из-за женщин, двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня! Да-с! Было время, когда я ломал дурака, миндальничал, медоточил, рассыпался бисером, шаркал ногами... Любил, страдал, вздыхал на луну, раскисал, таял, холодел... Любил страстно, бешено, на всякие манеры, черт меня возьми, трещал, как сорока, об эмансипации, прожил на нежном чувстве половину состояния, но теперь – слуга покорный! Теперь меня не проведете! Довольно! Очи черные, очи страстные, [63] алые губки, ямочки на щеках, луна, шепот, робкое дыханье [64] – за всё это, сударыня, я теперь и медного гроша не дам! Я не говорю о присутствующих, но все женщины, от мала до велика, ломаки, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки до мозга костей, суетны, мелочны, безжалостны, логика возмутительная, а что касается вот этой штуки (хлопает себя по лбу), то, извините за откровенность, воробей любому философу в юбке может дать десять очков вперед! Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу – обыкновеннейший крокодил! (Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.) Но возмутительнее всего, что этот крокодил почему-то воображает, что его шедевр, его привилегия и монополия – нежное чувство! Да черт побери совсем, повесьте меня вот на этом гвозде вверх ногами – разве женщина умеет любить кого-нибудь, кроме болонок?.. В любви она умеет только хныкать и распускать нюни! Где мужчина страдает и жертвует, там вся ее любовь выражается только в том, что она вертит шлейфом и старается покрепче схватить за нос. Вы имеете несчастье быть женщиной, стало быть, по себе самой знаете женскую натуру. Скажите же мне по совести: видели ли вы на своем веку женщину, которая была бы искренна, верна и постоянна? Не видели! Верны и постоянны одни только старухи да уроды! Скорее вы встретите рогатую кошку или белого вальдшнепа, чем постоянную женщину!

Попова. Позвольте, так кто же, по-вашему, верен и постоянен в любви? Не мужчина ли?

Смирнов. Да-с, мужчина!

Попова. Мужчина! (Злой смех.) Мужчина верен и постоянен в любви! Скажите, какая новость! (Горячо.) Да какое вы имеете право говорить это? Мужчины верны и постоянны! Коли на то пошло, так я вам скажу, что из всех мужчин, каких только я знала и знаю, самым лучшим был мой покойный муж... Я любила его страстно, всем своим существом, как может любить только молодая, мыслящая женщина; я отдала ему свою молодость, счастье, жизнь, свое состояние, дышала им, молилась на него, как язычница, и... и – что же? Этот лучший из мужчин самым бессовестным образом обманывал меня на каждом шагу! После его смерти я нашла в его столе полный ящик

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
любовных писем, а при жизни – ужасно вспомнить! – он оставлял меня одну по целым неделям, на моих глазах ухаживал за другими женщинами и изменял мне, сорил моими деньгами, шутил над моим чувством.. И, несмотря на всё это, я любила его и была ему верна.. Мало того, он умер, а я всё еще верна ему и постоянна. Я навеки погребла себя в четырех стенах и до самой могилы не сниму этого траура..

Смирнов (презрительный смех). Траур!.. Не понимаю, за кого вы меня принимаете? Точно я не знаю, для чего вы носите это черное домино и погребли себя в четырех стенах! Еще бы! Это так таинственно, поэтично! Проедет мимо усадьбы какой-нибудь юнкер или куцый поэт, взглянет на окна и подумает: «Здесь живет таинственная Тамара, которая из любви к мужу погребла себя в четырех стенах». Знаем мы эти фокусы!

Попова (вспыхнув). Что? Как вы смеете говорить мне всё это?

Смирнов. Вы погребли себя заживо, однако вот не позабыли напудриться!

Попова. Да как вы смеете говорить со мною таким образом?

Смирнов. Не кричите, пожалуйста, я вам не приказчик! Позвольте мне называть вещи настоящими их именами. Я не женщина и привык высказывать свое мнение прямо! Не извольте же кричать!

Попова. Не я кричу, а вы кричите! Извольте оставить меня в покое!

Смирнов. Заплатите мне деньги, и я уеду.

Попова. Не дам я вам денег!

Смирнов. Нет-с, дадите!

Попова. Вот на зло же вам, ни копейки не получите! Можете оставить меня в покое!

Смирнов. Я не имею удовольствия быть ни вашим супругом, ни женихом, а потому, пожалуйста, не делайте мне сцен. (Садится.) Я этого не люблю.

Попова (задыхаясь от гнева). Вы сели?

Смирнов. Сел.

Попова. Прошу вас уйти!

Смирнов. Отдайте деньги.. (В сторону.) Ах, как я зол! Как я зол!

Попова. Я не желаю разговаривать с нахалами! Извольте убираться вон!

Пауза.

Вы не уйдете? Нет?

Смирнов. Нет.

Попова. Нет?

Смирнов. Нет!

Попова. Хорошо же! (Звонит.)

IX

Те же и Лука.

Попова. Лука, выведи этого господина!

Лука (подходит к Смирнову). Сударь, извольте уходить, когда велят! Нечего тут..

Смирнов (вскакивая). Молчать! С кем ты разговариваешь? Я из тебя салат сделаю!

Лука (хватается за сердце). Батюшки!.. Угодники!.. (Падает в кресло.) Ох, дурно,
Страница 173

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
дурно! Дух захватило!

Попова. Где же Даша? Даша! (Кричит.) Даша! Пелагея! Даша! (Звонит.)

Лука. Ох! Все по ягоды ушли... Никого дома нету... Дурно! Воды!

Попова. Извольте убираться вон!

Смирнов. Не угодно ли вам быть повежливее?

Попова (сжимая кулаки и топая ногами). Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!

Смирнов. Как? Что вы сказали?

Попова. Я сказала, что вы медведь, монстр!

Смирнов (наступая). Позвольте, какое же вы имеете право оскорблять меня?

Попова. Да, оскорбляю... ну, так что же? Вы думаете, я вас боюсь?

Смирнов. А вы думаете, что если вы поэтическое создание, то имеете право оскорблять безнаказанно? Да? К барьеру!

Лука. Батюшки!.. Угодники!.. Воды!

Смирнов. Стреляться!

Попова. Если у вас здоровые кулаки и бычье горло, то, думаете, я боюсь вас? А? Бурбон вы этакий!

Смирнов. К барьеру! Я никому не позволю оскорблять себя и не посмотрю на то, что вы женщина, слабое создание!

Попова (стараясь перекричать). Медведь! Медведь! Медведь!

Смирнов. Пора, наконец, отрешиться от предрассудка, что только одни мужчины обязаны платить за оскорбления! Равноправность так равноправность, черт возьми! К барьеру!

Попова. Стреляться хотите? Извольте!

Смирнов. Сию минуту!

Попова. Сию минуту! После мужа остались пистолеты... Я сейчас принесу их сюда... (Торопливо идет и возвращается.) С каким наслаждением я влеплю пулю в ваш медный лоб! Черт вас возьми! (Уходит.)

Смирнов. Я подстрелю ее, как цыпленка! Я не мальчишка, не сентиментальный щенок, для меня не существует слабых созданий!

Лука. Батюшка родимый!.. (Становится на колени.) Сделай такую милость, пожалей меня, старика, уйди ты отсюда! Напужал до смерти, да еще стреляться собираешься!

Смирнов (не слушая его). Стреляться, вот это и есть равноправность, эмансипация! Тут оба пола равны! Подстрелю ее из принципа! Но какова женщина? (Дразнит.) «Черт вас возьми... влеплю пулю в медный лоб...» Какова? Раскраснелась, глаза блестят... Вызов приняла! Честное слово, первый раз в жизни такую вижу...

Лука. Батюшка, уйди! Заставь вечно бога молить!

Смирнов. Это – женщина! Вот это я понимаю! Настоящая женщина! Не кислятина, не размазня, а огонь, порох, ракета! Даже убивать жалко!

Лука (плачет). Батюшка... родимый, уйди!

Смирнов. Она мне положительно нравится! Положительно! Хоть и ямочки на щеках, а нравится! Готов даже долг ей простить... и злость прошла... Удивительная женщина!

Х

Те же и Попова.

Попова (входит с пистолетами). Вот они, пистолеты... Но, прежде чем будем драться, вы извольте показать мне, как нужно стрелять... Я ни разу в жизни не держала в руках пистолета.

Лука. Спаси, господи, и помилуй... Пойду садовника и кучера поищу... Откуда эта напасть взялась на нашу голову... (Уходит.)

Смирнов (осматривая пистолеты). Видите ли, существует несколько сортов пистолетов... Есть специально дуэльные пистолеты Мортимера, капсюльные. А это у вас револьверы системы Смит и Вессон, тройного действия с экстрактором, центрального боя... Прекрасные пистолеты!.. Цена таким минимум 90 рублей за пару... Держать револьвер нужно так... (В сторону.) Глаза, глаза! Зажигательная женщина!

Попова. Так?

Смирнов. Да, так... Засим вы поднимаете курок... вот так прицеливаетесь... Голову немножко назад! Вытяните руку, как следует... Вот так... Потом вот этим пальцем надавливаете эту штучку – и больше ничего... Только главное правило: не горячиться и прицеливаться не спеша... Стараться, чтоб не дрогнула рука.

Попова. Хорошо... В комнатах стреляться неудобно, пойдемте в сад.

Смирнов. Пойдемте. Только предупреждаю, что я выстрелю в воздух.

Попова. Этого еще не доставало! Почему?

Смирнов. Потому что... потому что... Это мое дело, почему!

Попова. Вы трусили? Да? А-а-а-а! Нет, сударь, вы не виляйте! Извольте идти за мною! Я не успокоюсь, пока не пробью вашего лба... вот этого лба, который я так ненавижу! Трусили?

Смирнов. Да, трусил.

Попова. Лжете! Почему вы не хотите драться?

Смирнов. Потому что... потому что вы... мне нравитесь.

Попова (злой смех). Я ему нравлюсь! Он смеет говорить, что я ему нравлюсь! (Указывает на дверь.) Можете!

Смирнов (молча кладет револьвер, берет фуражку и идет; около двери останавливается, полминуты оба молча глядят друг на друга; затем он говорит, нерешительно подходя к Поповой). Послушайте... Вы всё еще сердитесь?... Я тоже чертовски взбешен, но, понимаете ли... как бы этак выразиться... Дело в том, что, видите ли, такого рода история, собственно говоря... (Кричит.) Ну, да разве я виноват, что вы мне нравитесь? (Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.) Черт знает, какая у вас ломкая мебель! Вы мне нравитесь! Понимаете? Я... я почти влюблен!

Попова. Отойдите от меня – я вас ненавижу!

Смирнов. Боже, какая женщина! Никогда в жизни не видал ничего подобного! Пропал! Погиб! Попал в мышеловку, как мышь!

Попова. Отойдите прочь, а то буду стрелять!

Смирнов. Стреляйте! Вы не можете понять, какое счастье умереть под взглядами этих чудных глаз, умереть от револьвера, который держит эта маленькая бархатная ручка... Я с ума сошел! Думайте и решайте сейчас, потому что если я выйду отсюда, то уж мы больше никогда не увидимся! Решайте... Я дворянин, порядочный человек, имею десять тысяч годового дохода... попадаю пулей в подброшенную копейку... имею отличных лошадей... Хотите быть моею женой?

Попова (возмущенная, потрясает револьвером). Стреляться! К барьеру!

Смирнов. Сошел с ума... Ничего не понимаю... (Кричит.) Человек, воды!

Попова (кричит). К барьеру!

Смирнов. Сошел с ума, влюбился, как мальчишка, как дурак! (Хватает ее за руку, она вскрикивает от боли.) Я люблю вас! (Становится на колени.) Люблю, как никогда не любил! Двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня, но ни одну из них я не любил так, как вас... Разлимонился, рассиропился, раскис... стою на коленях, как дурак, и предлагаю руку... Стыд, срам! Пять лет не влюблялся, дал себе зарок, и вдруг втюрился, как оглобля в чужой кузов! Руку предлагаю. Да или нет? Не хотите? Не нужно! (Встает и быстро идет к двери.)

Попова. Постойте...

Смирнов (останавливается). Ну?

Попова. Ничего, уходите... Впрочем, постойте... Нет, уходите, уходите! Я вас ненавижу! Или нет... Не уходите! Ах, если бы вы знали, как я зла, как я зла! (Бросает на стол револьвер.) Отекли пальцы от этой мерзости... (Рвет от злости платок.) Что же вы стоите? Убирайтесь!

Смирнов. Прощайте.

Попова. Да, да, уходите!.. (Кричит.) Куда же вы? Постойте... Ступайте, впрочем. Ах, как я зла! Не подходите, не подходите!

Смирнов (подходя к ней). Как я на себя зол! Влюбился, как гимназист, стоял на коленях... Даже мороз по коже дерет... (Грубо.) Я люблю вас! Очень мне нужно было влюбиться в вас! Завтра проценты платить, сенокос начался, а тут вы... (Берет ее за талию.) Никогда этого не прощу себе...

Попова. Отойдите прочь! Прочь руки! Я вас... ненавижу! К ба-барьеру!

Продолжительный поцелуй.

XI

Те же, Лука с топором, садовник с граблями, кучер с вилами и рабочие с дрекольем.

Лука (увидев целующуюся парочку). Батюшки!

Пауза.

Попова (опустив глаза). Лука, скажешь там, на конюшне, чтобы сегодня Тоби вовсе не давали овса.

Занавес

Предложение

Шутка в одном действии

Действующие лица

Степан Степанович Чубуков, помещик.

Наталья Степановна, его дочь, 25-ти лет.

Иван Васильевич Ломов, сосед Чубукова, здоровый, упитанный, но очень мнительный помещик.

Действие происходит в усадьбе Чубукова. Гостиная в доме Чубукова.

I

Чубуков и Ломов (входит во фраке и белых перчатках).

Чубуков (идя к нему навстречу). Голубушка, кого вижу! Иван Васильевич! Весьма рад! (Пожимает руку.) Вот именно сюрприз, мамочка... Как поживаете?

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Ломов. Благодарю вас. А вы как изволите поживать?

Чубуков. Живем помаленьку, ангел мой, вашими молитвами и прочее. Садитесь, покорнейше прошу... Вот именно, нехорошо соседней забывать, мамочка моя. Голубушка, но что же вы это так официально? Во фраке, в перчатках и прочее. Разве куда едете, драгоценный мой?

Ломов. Нет, я только к вам, уважаемый Степан Степаныч.

Чубуков. Так зачем же во фраке, прелесть? Точно на Новый год с визитом!

Ломов. Видите ли, в чем дело. (Берет его под руку.) Я приехал к вам, уважаемый Степан Степаныч, чтобы беспокоить вас одной просьбой. Неоднократно я уже имел честь обращаться к вам за помощью, и всегда вы, так сказать... но я, простите, волнуясь. Я выпью воды, уважаемый Степан Степаныч. (Пьет воду.)

Чубуков (в сторону). Денег приехал просить! Не дам! (Ему.) В чем дело, красавец?

Ломов. Видите ли, Уважай Степаныч... виноват, Степан Уважаемыч... то есть, я ужасно волнуюсь, как изволите видеть... Одним словом, вы один только можете помочь мне, хотя, конечно, я ничем не заслужил и... и не имею права рассчитывать на вашу помощь...

Чубуков. Ах, да не размазывайте, мамочка! Говорите сразу! Ну?

Ломов. Сейчас... Сию минуту. Дело в том, что я приехал просить руки у вашей дочери Натальи Степановны.

Чубуков (радостно). Мамуся! Иван Васильевич! Повторите еще раз – я не расслышал!

Ломов. Я имею честь просить...

Чубуков (перебивая). Голубушка моя... Я так рад и прочее... Вот именно и тому подобное. (Обнимает и целует.) Давно желал. Это было моим всегдашним желанием. (Пускает слезу.) И всегда я любил вас, ангел мой, как родного сына. Дай бог вам обоим совет и любовь и прочее, а я весьма желал... Что же я стою, как болван? Опешил от радости, совсем опешил! Ох, я от души... Пойду позову Наташу и тому подобное.

Ломов (растроганный). Уважаемый Степан Степаныч, как вы полагаете, могу я рассчитывать на ее согласие?

Чубуков. Такой, вот именно, красавец и... и вдруг она не согласится! Влюблена, небось, как кошка и прочее... Сейчас! (Уходит.)

II

Ломов (один).

Ломов. Холодно... Я весь дрожу, как перед экзаменом. Главное – нужно решиться. Если же долго думать, колебаться, много разговаривать да ждать идеала или настоящей любви, то этак никогда не женишься... Брр!.. Холодно! Наталья Степановна отличная хозяйка, недурна, образованна... чего ж мне еще нужно? Однако у меня уж начинается от волнения шум в ушах. (Пьет воду.) А не жениться мне нельзя... Во-первых, мне уже 35 лет – возраст, так сказать, критический. Во-вторых, мне нужна правильная, регулярная жизнь... У меня порок сердца, постоянные сердцебиения, я вспыльчив и всегда ужасно волнуюсь... Сейчас вот у меня губы дрожат и на правом веке живчик прыгает... Но самое ужасное у меня – это сон. Едва только лягу в постель и только что начну засыпать, как вдруг в левом боку что-то – дерг! и бьет прямо в плечо и в голову... Вскликаю как сумасшедший, похожу немного и опять ложусь, но только что начну засыпать, как у меня в боку опять – дерг! И этак раз двадцать...

III

Наталья Степановна и Ломов.

Наталья Степановна (входит). Ну вот, ей-богу! Это вы, а папа говорит: поди, там купец за товаром пришел. Здравствуйте, Иван Васильевич!

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Ломов. Здравствуйте, уважаемая Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Извините, я в фартуке и неглиже... Мы горошек чистим для сушки. Отчею вы у нас так долго не были? Садитесь...

Садятся.

Хотите завтракать?

Ломов. Нет, благодарю вас, я уже кушал.

Наталья Степановна. Курите... Вот спички... Погода великолепная, а вчера такой дождь был, что рабочие весь день ничего не делали. Вы сколько копен накопили? Я, представьте, сжидничала и скосила весь луг, а теперь сама не рада, боюсь, как бы мое сено не сгнило. Лучше было бы подождать. Но что это? Вы, кажется, во фраке! Вот новость! На бал едете, что ли? Между прочим, вы похорошили... Вправду, зачем вы таким франтом?

Ломов (волнуясь). Видите ли, уважаемая Наталья Степановна... Дело в том, что я решился просить вас выслушать меня... Конечно, вы удивитесь и даже рассердитесь, но я... (В сторону.) Ужасно холодно!

Наталья Степановна. В чем дело?

Пауза.

Ну?

Ломов. Я постараюсь быть краток. Вам, уважаемая Наталья Степановна, известно, что я давно уже, с самого детства, имею честь знать ваше семейство. Моя покойная тетушка и ее супруг, от которых я, как вы изволите знать, получил в наследство землю, всегда относились с глубоким уважением к вашему батюшке и к покойной матушке. Род Ломовых и род Чубуковых всегда находились в самых дружественных и, можно даже сказать, родственных отношениях. К тому же, как вы изволите знать, моя земля тесно соприкасается с вашей. Если вы изволите припомнить, мои Воловьи Лужки граничат с вашим березняком.

Наталья Степановна. Виновата, я вас перебыю. Вы говорите «мои Воловьи Лужки»... Да разве они ваши?

Ломов. Мои-с...

Наталья Степановна. Ну, вот еще! Воловьи Лужки наши, а не ваши!

Ломов. Нет-с, мои, уважаемая Наталья Степановна.

Наталья Степановна. Это для меня новость. Откуда же они ваши?

Ломов. Как откуда? Я говорю про те Воловьи Лужки, что входят клином между вашим березняком и Горелым болотом.

Наталья Степановна. Ну, да, да... Они наши...

Ломов. Нет, вы ошибаетесь, уважаемая Наталья Степановна, – они мои.

Наталья Степановна. Опомнитесь, Иван Васильевич! Давно ли они стали вашими?

Ломов. Как давно? Насколько я себя помню, они всегда были нашими.

Наталья Степановна. Ну, это, положим, извините!

Ломов. Из бумаг это видно, уважаемая Наталья Степановна. Воловьи Лужки были когда-то спорными, это – правда; но теперь всем известно, что они мои. И спорить тут нечего. Изволите ли видеть, бабушка моей тетушки отдала эти Лужки в бессрочное и в безвозмездное пользование крестьянам дедушки вашего батюшки за то, что они жгли для нее кирпич. Крестьяне дедушки вашего батюшки пользовались безвозмездно Лужками лет сорок и привыкли считать их как бы своими, потом же, когда вышло положение...

Наталья Степановна. И совсем не так, как вы рассказываете! И мой дедушка, и прадедушка считали, что ихняя земля доходила до Горелого болота – значит, Воловьѣ Лужки были наши. Что ж тут спорить? – не понимаю. Даже досадно!

Ломов. Я вам бумаги покажу, Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Нет, вы просто шутите или дразните меня... Сюрприз какой! Владеем землей чуть ли не триста лет, и вдруг нам заявляют, что земля не наша! Иван Васильевич, простите, но я даже ушам своим не верю... Мне не дороги эти Лужки. Там всего пять десятин, и стоят они каких-нибудь триста рублей, но меня возмущает несправедливость. Говорите что угодно, но несправедливости я терпеть не могу.

Ломов. Выслушайте меня, умоляю вас! Крестьяне дедушки вашего батюшки, как я уже имел честь сказать вам, жгли для бабушки моей тетушки кирпич. Тетушкина бабушка, желая сделать им приятное...

Наталья Степановна. Дедушка, бабушка, тетушка... ничего я тут не понимаю! Лужки наши, вот и всё.

Ломов. Мои-с!

Наталья Степановна. Наши! Хоть вы два дня доказывайте, хоть наденьте пятнадцать фраков, а они наши, наши, наши!.. Вашего я не хочу и своего терять не желаю.. Как вам угодно!

Ломов. Мне, Наталья Степановна, Лужков не надо, но я из принципа. Если угодно, то, извольте, я вам подарю их.

Наталья Степановна. Я сама могу подарить вам их, они мои!.. Всё это, по меньшей мере, странно, Иван Васильевич! До сих пор мы вас считали хорошим соседом, другом, в прошлом году давали вам свою молотилку, и через это самим нам пришлось домолачивать свой хлеб в ноябре, а вы поступаете с нами, как с цыганами. Дарите мне мою же землю. Извините, это не по-соседски! По-моему, это даже дерзость, если хотите...

Ломов. По-вашему выходит, значит, что я узурпатор? Сударыня, никогда я чужих земель не захватывал и обвинять меня в этом никому не позволю... (Быстро идет к графину и пьет воду.) Воловьѣ Лужки мои!

Наталья Степановна. Неправда, наши!

Ломов. Мои!

Наталья Степановна. Неправда! Я вам докажу! Сегодня же pošлю своих косарей на эти Лужки!

Ломов. Что-с?

Наталья Степановна. Сегодня же там будут мои косари!

Ломов. Ая их в шею!

Наталья Степановна. Не смеете!

Ломов (хватается за сердце). Воловьѣ Лужки мои! Понимаете? Мои!

Наталья Степановна. Не кричите, пожалуйста! Можете кричать и хрипеть от злобы у себя дома, а тут прошу держать себя в границах!

Ломов. Если бы, сударыня, не это страшное, мучительное сердцебиение, если бы жилы не стучали в висках, то я поговорил бы с вами иначе! (Кричит.) Воловьѣ Лужки мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломов. Мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломов. Мои!

IV

Те же и Чубуков.

Чубуков (входя). Что такое? О чем кричите?

Наталья Степановна. Папа, объясни, пожалуйста, этому господину, кому принадлежат Воловьи Лужки: нам или ему?

Чубуков (ему). Цыпочка, Лужки наши!

Ломов. Да помилуйте, Степан Степаныч, откуда они ваши? Будьте хоть вы рассудительным человеком! Бабушка моей тетушки отдала Лужки во временное, безвозмездное пользование крестьянам вашего дедушки. Крестьяне пользовались землей сорок лет и привыкли к ней, как бы к своей, когда же вышло Положение...

Чубуков. Позвольте, драгоценный... Вы забываете, что именно крестьяне не платили вашей бабушке и тому подобное, потому что Лужки тогда были спорными и прочее... А теперь всякая собака знает, вот именно, что они наши. Вы, значит, плана не видели!

Ломов. А я вам докажу, что они мои!

Чубуков. Не докажете, любимец мой.

Ломов. Нет, докажу!

Чубуков. Мамочка, зачем же кричать так? Криком, вот именно, ничего не докажете. Я вашего не желаю и своего упускать не намерен. С какой стати? Уж коли на то пошло, милаша моя, ежели вы намерены оспаривать Лужки и прочее, то я скорее подарю их мужикам, чем вам. Так-то!

Ломов. Не понимаю! Какое же вы имеете право дарить чужую собственность?

Чубуков. Позвольте уж мне знать, имею я право или нет. Вот именно, молодой человек, я не привык, чтобы со мною разговаривали таким тоном и прочее. Я, молодой человек, старше вас вдвое и прошу вас говорить со мною без ажитации и тому подобное.

Ломов. Нет, вы просто меня за дурака считаете и смеетесь надо мною! Мою землю называете своею да еще хотите, чтобы я был хладнокровен и говорил с вами по-человечески! Так хорошие соседи не поступают, Степан Степаныч! Вы не сосед, а узурпатор!

Чубуков. Что-с? Что вы сказали?

Наталья Степановна. Папа, сейчас же пошли на Лужки косарей!

Чубуков (Ломову). Что вы сказали, милостивый государь?

Наталья Степановна. Воловьи Лужки наши, и я не уступлю, не уступлю, не уступлю!

Ломов. Это мы увидим! Я вам судом докажу, что они мои!

Чубуков. Судом? Можете подавать в суд, милостивый государь, и тому подобное! Можете! Я вас знаю, вы только, вот именно, и ждете случая, чтобы судиться и прочее... Кляузная натура! Весь ваш род был сутяжный! Весь!

Ломов. Прошу не оскорблять моего рода! В роду Ломовых все были честные и не было ни одного, который находился бы под судом за растрату, как ваш дядюшка!

Чубуков. А в вашем Ломовском роду все были сумасшедшие!

Наталья Степановна. Все, все, все!

Чубуков. Дед ваш пил запоем, а младшая тетушка, вот именно, Настасья Михайловна, бежала с архитектором и прочее...

Ломов. А ваша мать была кривобокая. (Хватается за сердце.) В боку дернуло... В голову ударило... Батюшки!.. Воды!

Чубуков. А ваш отец был картежник и обжора!

Наталья Степановна. А тетка – сплетница, каких мало!

Ломов. Левая нога отнялась... А вы интриган... Ох, сердце!.. И ни для кого не тайна, что вы перед выборами под... В глазах искры... Где моя шляпа?

Наталья Степановна. Низко! Нечестно! Гадко!

Чубуков. А сами вы, вот именно, ехидный, двуличный и каверзный человек! Да-с!

Ломов. Вот она, шляпа... Сердце... Куда идти? Где дверь? Ох!.. Умираю, кажется... Нога волочится... (Идет к двери.)

Чубуков (ему вслед). И чтоб ноги вашей больше не было у меня в доме!

Наталья Степановна. Подавайте в суд! Мы увидим!

Ломов уходит пошатываясь.

У

Чубуков и Наталья Степановна.

Чубуков. К черту! (Ходит в волнении.)

Наталья Степановна. Каков негодяй? Вот и верь после этого добрым соседям!

Чубуков. Мерзавец! Чучело гороховое!

Наталья Степановна. Урод этакий! Присвоил себе чужую землю, да еще смеет браниться.

Чубуков. И эта кикимора, эта, вот именно, куриная слепота осмеливается еще делать предложение и прочее! А? Предложение!

Наталья Степановна. Какое предложение?

Чубуков. Как же! Приезжал за тем, чтоб тебе предложение сделать.

Наталья Степановна. Предложение? Мне? Отчего же ты раньше мне этого не сказал?

Чубуков. И во фрак потому нарядился! Сосиска этакая! Сморчок!

Наталья Степановна. Мне? Предложение? Ах! (Падает в кресло и стонет.) Вернуть его! Вернуть! Ах! Вернуть!

Чубуков. Кого вернуть?

Наталья Степановна. Скорей, скорей! Дурно! Вернуть! (Истерика.)

Чубуков. Что такое? Что тебе? (Хватает себя за голову.) Несчастный я человек! Застрелюсь! Повешусь! Замучили!

Наталья Степановна. Умираю! Вернуть!

Чубуков. Тьфу! Сейчас. Не реви! (Убегает.)

Наталья Степановна (одна, стонет). Что мы наделали! Вернуть! Вернуть!

Чубуков (вбегает). Сейчас придет и прочее, черт его возьми! Уф! Говори сама с ним, а я, вот именно, не желаю...

Наталья Степановна (стонет). Вернуть!

Чубуков (кричит). Идет он, тебе говорят. О, что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом! Зарежусь! Обязательно зарежусь! Выругали человека, осрамили, выгнали, а всё это ты... ты!

Наталья Степановна. Нет, ты!

Чубуков. Я же виноват, вот именно!

В дверях показывается Ломов.

Ну, разговаривай сама с ним! (Уходит.)

VI

Наталья Степановна и Ломов.

Ломов (входит, изнеможенный). Страшное сердцебиение... Нога онемела... в боку дергает...

Наталья Степановна. Простите, мы погорячились, Иван Васильевич... Я теперь припоминаю: Воловьѣ Лужки в самом деле ваши.

Ломов. Страшно сердце бьется... Мои Лужки... На обоих глазах живчики прыгают...

Наталья Степановна. Ваши, ваши Лужки... Садитесь...

Садятся.

Мы были неправы...

Ломов. Я из принципа... Мне не дорога земля, но дорог принцип...

Наталья Степановна. Именно принцип... давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Ломов. Тем более, что у меня есть доказательства. Бабушка моей тетушки отдала крестьянам дедушки вашего батюшки...

Наталья Степановна. Будет, будет об этом... (В сторону.) Не знаю, с чего начать... (Ему.) Скоро собираетесь на охоту?

Ломов. По тетеревам, уважаемая Наталья Степановна, думаю после жнитва начать. Ах, вы слышали? Представьте, какое у меня несчастье! Мой Угадай, которого вы изволите знать, захромал.

Наталья Степановна. Какая жалость! Отчего же?

Ломов. Не знаю... Должно быть, вывихнул или другие собаки покусали... (Вздыхает.) Самая лучшая собака, не говоря уж о деньгах! Ведь я за него Миронову 125 рублей заплатил.

Наталья Степановна. Переплатили, Иван Васильевич!

Ломов. А по-моему, это очень дешево. Собака чудесная.

Наталья Степановна. Папа дал за своего Отката 85 рублей, а ведь Откатай куда лучше вашего Угадай!

Ломов. Откатай лучше Угадай? Что вы! (Смеется.) Откатай лучше Угадай!

Наталья Степановна. Конечно, лучше! Откатай, правда, молод, еще не опсовел, но по ладам и по розвязи лучше его нет даже у Волчанецкого.

Ломов. Позвольте, Наталья Степановна, но ведь вы забываете, что он подуздоват, а подуздоватая собака всегда непоимиста!

Наталья Степановна. Подуздоват? В первый раз слышу!

Ломов. Уверяю вас, нижняя челюсть короче верхней.

Наталья Степановна. А вы мерили?

Ломов. Мерил. До угонки он годится, конечно, но если на-завладай, то едва ли..

Наталья Степановна. Во-первых, наш Откатай породистый, густопсовый, он сын Запрягая и Стамески, а у вашего муругопекого не доберешься до породы.. Потом стар и уродлив, как кляча..

Ломов. Стар, да я за него пяти ваших Откатаев не возьму.. Разве можно? Угадай – собака, а Откатай.. даже и спорить смешно.. Таких, как ваш Откатай, у всякого выжлятника – хоть пруд пруди. Четвертная – красная цена.

Наталья Степановна. В вас, Иван Васильевич, сидит сегодня какой-то бес противоречия. То выдумали, что Лужки ваши, то Угадай лучше Откатая. Не люблю я, когда человек говорит не то, что думает. Ведь вы отлично знаете, что Откатай во сто раз лучше вашего.. этого глупого Угадая. Зачем же говорить напротив?

Ломов. Я вижу, Наталья Степановна, вы считаете меня за слепого или за дурака. Да поймите, что ваш Откатай подуздovat!

Наталья Степановна. Неправда.

Ломов. Подуздovat!

Наталья Степановна (кричит). Неправда!

Ломов. Что же вы кричите, сударыня?

Наталья Степановна. Зачем же вы говорите чушь? Ведь это возмутительно! Вашего Угадая подстрелить пора, а вы сравниваете его с Откатаем!

Ломов. Извините, я не могу продолжать этого спора. У меня сердцебиение.

Наталья Степановна. Я заметила: те охотники больше всех спорят, которые меньше всех понимают.

Ломов. Сударыня, прошу вас, замолчите.. У меня лопается сердце.. (Кричит.) Замолчите!

Наталья Степановна. Не замолчу, пока вы не сознаетесь, что Откатай во сто раз лучше вашего Угадая!

Ломов. Во сто раз хуже! Чтоб он издох, ваш Откатай! Виски.. глаз.. плечо..

Наталья Степановна. А вашему дурацкому Угадаю нет надобности издыхать, потому что он и без того уже дохлый!

Ломов (плачет). Замолчите! У меня разрыв сердца!!

Наталья Степановна. Не замолчу!

VII

Те же и Чубуков.

Чубуков (входит). Что еще?

Наталья Степановна. Папа, скажи искренно, по чистой совести: какая собака лучше – наш Откатай или его Угадай?

Ломов. Степан Степанович, умоляю вас, скажите вы только одно: подуздovat ваш Откатай или нет? Да или нет?

Чубуков. А хоть бы и так? Велика важность! Да зато во всем уезде лучше собаки нет и прочее.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Ломов. Но ведь мой Угадай лучше? По совести!

Чубуков. Вы не волнуйтесь, драгоценный... Позвольте... Ваш Угадай, вот именно, имеет свои хорошие качества... Он чистопсовый, на твердых ногах, крутобедрый и тому подобное. Но у этой собаки, если хотите знать, красавец мой, два существенных недостатка: стара и с коротким щипцом.

Ломов. Извините, у меня сердцебиение... Возьмем факты... Извольте припомнить, в Маруськиных зеленях мой Угадай шел с графским Размахаем ухо в ухо, а ваш Откатай отстал на целую версту.

Чубуков. Отстал, потому что графский доезжачий ударил его арапником.

Ломов. За дело. Все собаки за лисицей бегут, а Откатай барана трепать стал!

Чубуков. Неправда-с!.. Голубушка, я вспылчив и, вот именно, прошу вас, прекратим этот спор. Ударил потому, что всем завидно на чужую собаку глядеть... Да-с! Ненавистники все! И вы, сударь, не без греха! Чуть, вот именно, заметите, что чья собака лучше вашего Угадая, сейчас же начинаете того, этого... самого... и тому подобное... Ведь я всё помню!

Ломов. И я помню!

Чубуков (дразнит). И я помню... А что вы помните?

Ломов. Сердцебиение... Нога отнялась... Не могу.

Наталья Степановна (дразнит). Сердцебиение... Какой вы охотник? Вам в кухне на печи лежать да тараканов давить, а не лисиц травить! Сердцебиение...

Чубуков. Вправду, какой вы охотник? С вашими, вот именно, сердцебиениями дома сидеть, а не на седле болтаться. Добро бы охотились, а то ведь ездите только за тем, чтобы спорить да чужим собакам мешать и прочее. Я вспылчив, оставим этот разговор. Вы вообще, вот именно, не охотник!

Ломов. А вы разве охотник? Вы ездите только за тем, чтобы к графу подмазываться да интриговать... Сердце!.. Вы интриган!

Чубуков. Что-с? я интриган? (Кричит.) Замолчать!

Ломов. Интриган!

Чубуков. Мальчишка! Щенок!

Ломов. Старая крыса! Иезуит!

Чубуков. Замолчи, а то я подстрелю тебя из поганого ружья, как куропатку! Свистун!

Ломов. Всем известно, что – ох, сердце! – ваша покойная жена вас била... Нога... виски... искры... Падаю, падаю!..

Чубуков. А ты у своей ключницы под башмаком!

Ломов. Вот, вот, вот... лопнуло сердце! Плечо оторвалось... Где мое плечо?.. Умираю! (Падает в кресло.) Доктора! (Обморок.)

Чубуков. Мальчишка! Молокосос! Свистун! Мне дурно! (Пьет воду.) Дурно!

Наталья Степановна. Какой вы охотник? Вы и на лошади сидеть не умеете! (Отцу.) Папа! Что с ним? Папа! Погляди, папа! (Взвизгивает.) Иван Васильевич! Он умер!

Чубуков. Мне дурно!.. Дыханье захватило!.. Воздуху!

Наталья Степановна. Он умер! (Треплет Ломова за рукав.) Иван Васильич! Иван Васильич! Что мы наделали? Он умер! (Падает в кресло.) Доктора, Доктора! (Истерика.)

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Чубуков. Ох!.. Что такое? Что тебе?

Наталья Степановна (стонет). Он умер!.. умер!

Чубуков. Кто умер? (Поглядев на Ломова.) В самом деле помер! Батюшки! Воды! Доктора! (Подносит ко рту Ломова стакан.) Выпейте!.. Нет, не пьет... Значит, умер и тому подобное... Несчастнейший я человек! Отчего я не пускаю себе пулю в лоб? Отчего я еще до сих пор не зарезался? Чего я жду? Дайте мне нож! Дайте мне пистолет!

Ломов шевелится.

Оживает, кажется... Выпейте воды!.. Вот так...

Ломов. Искры... туман... Где я?

Чубуков. Женитесь вы поскорей и – ну вас к лешему! Она согласна! (Соединяет руки Ломова и дочери.) Она согласна и тому подобное. Благословляю вас и прочее. Только оставьте вы меня в покое!

Ломов. А? Что? (Поднимаясь.) Кого?

Чубуков. Она согласна! Ну? Поцелуйтесь и... и черт с вами!

Наталья Степановна (стонет). Он жив... Да, да, я согласна...

Чубуков. Целуйтесь!

Ломов. А? кого? (Целуется с Натальей Степановной.) Очень приятно... Позвольте, в чем дело? Ах, да, понимаю... Сердце... искры... Я счастлив, Наталья Степановна... (Целует руку.) Нога отнялась...

Наталья Степановна. Я... я тоже счастлива...

Чубуков. Точно гора с плеч... Уф!

Наталья Степановна. Но... все-таки, согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатая.

Ломов. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже!

Чубуков. Ну, начинается семейное счастье! Шампанского!

Ломов. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже! Хуже! Хуже!

Чубуков (стараясь перекричать). Шампанского! Шампанского!

Занавес

Примечания

Условные сокращения

Архивохранилища

ГБЛ – Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей (Москва).

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва).

ГЦТМ – Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Рукописный отдел (Ленинград).

ЛГТБ – Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

ЛТМ – Ленинградский театральный музей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ЦГАМ – Центральный государственный архив г. Москвы.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Вокруг Чехова – М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. Изд. 4-е. М., «Московский рабочий», 1964.

Записки ГБЛ – Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей (вып. VIII. А. П. Чехов. М., 1941; вып. 16. М., 1954).

ЛН – «Литературное наследство», т. 68. Чехов. М., Изд-во АН СССР, 1960.

Письма Ал. Чехова – Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., Соцэкгиз, 1939 (Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина).

Слово – «Слово». Сборник второй. К десятилетию смерти А. П. Чехова. Под ред. М. П. Чеховой. Книгоиздательство писателей в Москве, 1914.

Чехов – Антон Чехов. Пьесы. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1901 <Сочинения, том VII1>; Пьесы. Второе дополненное издание. СПб., 1902 <Сочинения, том VII2>.

Чехов в воспоминаниях – А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., ГИХЛ, 1960. Чехов в воспоминаниях, 1954 – Чехов в воспоминаниях современников. Второе, дополненное издание. М., ГИХЛ, 1954.

Чехов. Лит. архив – А. П. Чехов. Сборник документов и материалов. М., Гослитиздат, 1947 (Литературный архив, т. I. ГАУ МВД СССР. ЦГЛА СССР).

Чеховский сб. – Чеховский сборник. Найденные статьи и письма. Воспоминания. Критика. Библиография. М., Изд. Общества А. П. Чехова и его эпохи, 1929.

В ссылках на настоящее издание указываются серия (Сочинения или Письма), том (римскими цифрами) и страницы (арабскими).

1

В одиннадцатый том входят пьесы Чехова, написанные с 1878 по 1888 год.

Первая юношеская пьеса («Безотцовщина») при жизни Чехова не публиковалась и была напечатана по авторской рукописи в 1923 г. Н. Ф. Бельчиковым. Хронологически за нею следует драматический этюд «На большой дороге», запрещенный в 1885 г. цензурой. Остальные четыре пьесы: «Лебединая песня (Калхас)», «Иванов», «Медведь», «Предложение» – неоднократно печатались и ставились, начиная с 1887 г.; все они вошли затем в сборник «Пьесы», выпущенный в 1897 г. А. С. Сувориным, и в марксовское издание сочинений Чехова.

В 1886 г. Чеховым была написана сцена-монолог «О вреде табака», тогда же опубликованная в «Петербургской газете» и включенная в сборник «Пестрые рассказы». В 1902 г. пьеса была радикально переделана (см. т. XIII Сочинений).

В настоящем издании «Безотцовщина» печатается по автографу (ЦГАЛИ); «Лебединая песня (Калхас)», «Медведь», «Предложение» – по т. VII (1901) издания А. Ф. Маркса (тексты этих пьес во втором издании т. VII в 1902 г. стереотипно повторяли первое); драматический этюд «На большой дороге» – по рукописному цензурному экземпляру (ЛГТБ); ранняя редакция «Иванова» – по машинописному цензурному экземпляру (ГЦТМ).

Все пьесы располагаются в хронологическом порядке (по времени написания), при этом первая драма «Безотцовщина» и драматический этюд «На большой дороге» не отнесены в раздел «Неопубликованное. Неоконченное»: не напечатанные при жизни Чехова, они были подготовлены автором к постановке и полностью завершены.

Отдельные «мелочишки» – сценки, юморески, подписи к рисункам, фельетоны, пародии

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru и т. д., написанные в драматической форме, но не предназначенные для сценического исполнения, – помещены в соответствующих томах прозы: «Дура, или Капитан в отставке» – «сценка из несуществующего водевиля» (1883), «Нечистые трагики и прокаженные драматурги» – «ужасно-страшно-возмутительно-отчаянная трагедия» (1884) – в т. II; «Идеальный экзамен» (1884), «Кавардак в Риме» – «комическая странность в 3-х действиях, 5-ти картинах, с прологом и двумя провалами» (1884), «Язык до Киева доведет» (1884), «Господа обыватели» – «пьеса в двух действиях» (1884), «У постели больного» (1884), «На Луне» – «сцена, не попавшая в феерию Лентовского „Путешествие на Луну“» (1885) – в т. III; «Драма» (1886) – в т. V; «Перед затмением» – «отрывок из феерии» (1887) – в т. VI.

Рукопись «Безотцовщины» сохранилась без заглавного листа. Название пьесы восстанавливается по письму Ал. П. Чехова от 14 октября 1878 г. (см. стр. 396). В воспоминаниях младшего брата Чехова, Михаила Павловича, неоднократно упоминалось то же название. Неизвестно, изменил ли его Чехов впоследствии, но единственным заголовком, подтвержденным документально, остается «Безотцовщина». Это заглавие соответствует также идейному замыслу пьесы.

Сам факт обнаружения после смерти Чехова его большой юношеской пьесы принципиально важен для понимания творчества Чехова в целом. Даже близко знакомые Чехову люди, например, И. Л. Леонтьев (Щеглов), полагали, что «Медведь» – первая его пьеса: «Драматургом же сделался он, можно сказать, нечаянно, попав однажды в театр Корша на представление заигранной одноактной пьески „Победителей не судят“...» (Чехов в воспоминаниях, 1954, стр. 150). Существование ранней драмы ясно свидетельствует, что Чехов-художник начинал свой писательский путь не с водевилей, не с простеньких юмористических безделушек и мелочишек, не требующих особенного таланта и труда, а с большой четырехактной драмы, которую предполагал поставить на сцене Малого театра в бенефис М. Н. Ермоловой.

Уже в первых суждениях о пьесе, тогда еще не напечатанной (см. в примечаниях выдержки из статей 1914 г.), высказывалась справедливая мысль о близости ранней драмы к пьесе «Иванов». Сопоставление идейного замысла и основных персонажей пьес (Платонов – Иванов, Трилецкий – Львов, Софья Егоровна – Саша) приводит к выводу, что «Безотцовщина» была использована Чеховым как драматургический материал для «Иванова». Фамилия Войницев возобновилась в Войницком из «Лешего» и «Дяди Вани». Персонажи «Трех сестер» (Ирина, Тузенбах) тоскуют по работе, но «труду в поте лица». Исток этой идеи также заложен в первой пьесе (монолог Софьи Егоровны в д. III, явл. 1). Сюжетная основа последней комедии Чехова – «Вишневый сад» – может быть сопоставлена с мотивом продажи имения в «Безотцовщине».

Далекий и явственный след оставил в книгах зрелого Чехова образ конокрада Осипа, предшественник бродяги Мерика из драматического этюда «На большой дороге» и рассказа «Воры» (1890). Осип – психологический прототип Дымова из «Степи» и родоначальник целой группы «вольных» людей из рассказов 1883–1887 гг. («Он понял!», «Егеря», «Агафья», «Свирель», «Мечты» и др. См. подробнее о связи первой драмы с последующими пьесами и рассказами: Н. К. Пиксанов. Романтический герой в творчестве Чехова (образ конокрада Мерика). – Чеховский сб.; Л. Осипова. «Пьеса без названия» и ее проблематика. – В кн: А. П. Чехов. Сборник статей и материалов. Вып. 2. Ростов н/д, 1960; М. П. Громов. Первая пьеса Чехова. – В кн: Литературный музей А. П. Чехова. Таганрог. Сборник статей и материалов. Вып. 3. Ростов н/д, 1963). Обширная литература о первой пьесе существует за рубежом. В частности, в книге «Чехов...» Даниэль Жиллес писал: «„Платонов“ – это кулисы, из-за которых чеховские типы выйдут на свет рампы в „Иванове“, „Трех сестрах“, „Вишневом саде“ <...> Этот молодой человек, вчера еще подросток, несомненно, глубокий драматург. В первой же своей попытке он пробует опрокинуть существующие драматические правила и заменить их своими. Мало того, что он ничего не заимствует у своих предшественников, он стремится революционизировать театр своего времени, создавая пьесу без сюжета, комедию, основа которой, в своем третьем измерении, глубоко драматична» (Daniel Gillès. *Ychékhov ou le spectateur désenchanté*. Julliard, 1967, p. 81–83).

Под заглавием «Безотцовщина», заключенным в редакторские скобки, пьеса печаталась в т. XII Полного собрания сочинений А. П. Чехова, вышедшем в 1933 г. (под редакцией А. В. Луначарского и С. Д. Балухатого). В 20-томном Полном собрании сочинений и писем (т. 12, м., 1949) и в 12-томном Собрании сочинений (т. 9, м., 1963) это заглавие было снято, и драма помещена под редакторским обозначением: «<Пьеса без названия>».

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

С начала 1930-х гг. ранняя пьеса Чехова в сокращенных режиссерских вариантах и под разными названиями шла в театрах Западной Европы: в Лондоне, Праге, Турине, Милане, Риме. В 1956 г французский режиссер Жан Вилар показал ее в Бордо на театральном фестивале. О польских постановках 1962 и 1963 гг. см.: Ренэ Сливовский. Польская инсценировка «Пьесы без названия» («Платонов» А. П. Чехова). – В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971.

В СССР драма была поставлена к столетию со дня рождения Чехова. В 1957–1960 гг. Псковский, Московский драматический, Казахский русский драматический театр, Театр им. Вахтангова и другие показали ее в различных сценических редакциях. Большинство постановок прошло с названием «Платонов».

2

Драматические этюды «На большой дороге» и «Лебединая песня (Калхас)» представляют собой авторские переделки рассказов «Осенью» (1883) и «Калхас» (1886).

Известно, что рассказы Антоши Чехонте очень скоро вошли в репертуар эстрадного чтения. В 1883 г. Чехов писал брату Александру Павловичу: «...на литературных вечерах рассказываются мои рассказы» (13 мая 1883 г.; о том же – М. Е. Чехову, 18 января 1887 г.).

При переделке сохранялся основной драматический конфликт, оставались неизменными многие реплики и диалоги, но действие обычно расширялось, вводились дополнительные персонажи и сцены.

Специально для театра были написаны два водевиля: «Медведь» и «Предложение».

Хотя в письмах Чехова можно найти много иронических и даже бранных слов о своих «сценических безделках», очевидно, что малым комическим формам Чехов придавал большое значение и не видел принципиальной разницы между большими и маленькими пьесами: «Между большой пьесой и одноактной разницы только количественная» (А. С. Суворину, 14 октября 1888 г.). После успеха «Медведя» в театре Корша (преьера – 28 октября 1888 г.) Чехов писал шутливо Леонтьеву (Щеглову): «Я сделаюсь популярным водевилистом? Эка, хватили! Если во всю свою жизнь я с грехом пополам нацарапаю с десяток сценических безделиц, то и на том спасибо. Для сцены у меня нет любви <...> В этот сезон напишу один водевильчик и на этом успокоюсь до лета. Разве это труд? Разве тут страсть?» (2 ноября 1888 г.). Но спустя три дня он сетовал в письме Н. А. Лейкину: «Жаль, что у меня нет времени и охоты писать юмористику для сцены» (5 ноября 1888 г.). И 23 декабря того же года: «Когда я испишусь, то стану писать водевили и жить ими. Мне кажется, что я мог бы писать их по сотне в год. Из меня водевильные сюжеты прут, как нефть из бакинских недр» (Суворину).

В 1888 г., едва отправив в «Северный вестник» повесть «Степь», Чехов закончил водевиль «Медведь» и признавался по этому поводу: «Ах, если в „Северном вестнике“ узнают, что я пишу водевили, то меня предадут анафеме! Но что делать, если руки чешутся и хочется учинить какое-нибудь тру-ла-ла! Как ни стараюсь быть серьезным, но ничего у меня не выходит <...> Должно быть, планида моя такая» (Я. П. Полонскому, 22 февраля 1888 г.).

Тогда же в разговорах с друзьями-литераторами Чехов заметил, что водевиль – «не пустяки», что «ничего нет труднее, как написать хороший водевиль. И как приятно написать его!!», а Леонтьеву (Щеглову) советовал не бросать водевили: «Это благороднейший род и который не всякому дается!» (Чехов в воспоминаниях, 1954, стр. 152).

В одном из писем Суворину сказано: «Про Сократа легче писать, чем про барышню или кухарку. Исходя из этого, писание одноактных пьес я не считаю легкомыслием <...> Если водевиль пустяки, то и пятиактные трагедии Буренина пустяки» (2 января 1894 г.).

В Ялте, тяжело больной, Чехов говорил И. А. Бунину, вспоминая «Тамань» Лермонтова: «Вот бы написать такую вещь да еще водевиль хороший, тогда бы и умереть можно!» (И. А. Бунин. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 9, М., 1967, стр. 185).

Водевили Чехова шли с большим успехом на профессиональных сценах, в том числе

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru столичных «императорских театров», и чрезвычайно быстро перешли в провинцию и репертуар любителей театрального искусства (см. подробно в примечаниях к пьесам «Медведь» и «Предложение»).

12 сентября 1889 г. М. П. Чехов извещал из Москвы двоюродного брата в Таганроге: «У нас теперь три драматических театра: 1. Горевой, 2. Абрамовой и 3. Корша. Четвертый – императорский (Малый). Смотри – не хочу! Во всех трех каждый день жарят Антошины пьесы: у Горевой – „Предложение“, у Абрамовой – „Медведь“, а у Корша – „Иванов“» (ЛН, стр. 857). В конце 80 – начале 90-х гг. шутка «Медведь» ставилась также в Харькове, Киеве, Полтаве, Новочеркасске, Таганроге, Ревеле, Кронштадте, Томске, Иркутске, Тифлисе, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Воронеже, Костроме, Симбирске, Пензе. 20 декабря 1889 г. В. В. Билибин писал Чехову: «„Медведь“ и „Предложение“ завоевали всю Россию» (ГБЛ).

3

Самое значительное произведение, созданное Чеховым-драматургом в 80-е гг., – пьеса «Иванов».

В этом томе помещена ранняя редакция этой пьесы (написана и поставлена на сцене в 1887 г.), отнесенная Чеховым к жанру «комедии». В 1888 и 1889 гг. пьеса переделывалась, в результате чего была создана другая редакция, где все действие концентрируется вокруг центрального героя. И произошла коренная перестройка жанрово-стилистической структуры пьесы, которую Чехов назвал теперь уже «драмой». Текст ее печатается в т. XII.

Некоторым современникам ранняя редакция пьесы казалась более удачной и нравилась больше, чем окончательная. Например, артист В. Н. Давыдов поначалу даже отказывался играть в «драме» и безусловное предпочтение отдавал «комедии», которую в свое время принял горячо и с восторгом (письмо Чехову от 22 января 1889 г. – ГБЛ). Позже артистка М. А. Крестовская, несмотря на то что на сцене уже прочно утвердился текст «драмы», все-таки просила Чехова выслать для спектакля в Вологде не «драму», где, по ее мнению, «очень много пропусков в роли Иванова и вообще урезок в пьесе», а непременно первоначальную редакцию (3 октября 1896 г. – ГБЛ).

Замышляя эту пьесу, Чехов «лелеял дерзкую мечту суммировать всё то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и своим „Ивановым“ положить предел этим писаньям» (Суворину, 7 января 1889 г.).

Среди этих «писаний» можно назвать повесть И. И. Ясинского (Максима Белинского) «Бунт Ивана Иваныча» (1882 г.; переиздана в 1886 г.). «О ней Чехов потом говорил мне, – вспоминал Ясинский, – что она дала ему мысль написать своего „Иванова“, возведя безвольного русского человека в „перл создания“» (Иер. Ясинский. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М. – Л., 1926, стр. 108).

Другое произведение, которое могло послужить толчком к написанию «Иванова», – драма И. В. Шпажинского «Сам себе враг», опубликованная в 1887 г. (см.: В. Е. Хализев. Русская драматургия накануне «Иванова» и «Чайки». – «Филологические науки», 1959, № 1, стр. 23).

В некоторых персонажах «Иванова» современники узнавали черты реальных лиц, которые могли явиться прототипами при создании пьесы. Так, В. П. Бегичев, в прошлом светский лев и злой остряк, с которым Чехов познакомился в Бабкине в 1885 г., послужил, по мнению М. П. Чехова, «оригиналом для графа Шабельского» (Михаил Чехов. Об А. П. Чехове. – «Журнал для всех», 1905, № 7, стр. 415; М. П. Чехова. Из далекого прошлого. М., 1960, стр. 47; ср.: А. В. Амфитеатров. А. П. Чехов. Еще о письмах Антона Чехова. – Собр. соч., т. 14, СПб., 1912, стр. 181–182). Сама фамилия Шабельских, широко известная, коренная на Дону, воспринималась современниками как «уж чересчур существующая» и «известная в литературе» (В. Л. Кигн-Дедлов. Беседы о литературе. А. П. Чехов. – «Книжки Недели», 1891, № 5, стр. 208; здесь говорилось о рассказе Чехова «Пустой случай», в котором тоже встречалась фамилия Шабельских. Она была использована и в другом рассказе – «Зиночка»). В качестве прототипа Зинаиды Савишны называлась некая Федосья Васильевна, богатая вдова и владелица большой усадьбы под Таганрогом, затем – жена И. П. Селиванова, у которого Чехов гостил в 1875 г.: «Эту Федосью Васильевну А. П. описывал потом не раз в своих произведениях, и она послужила для него прототипом для его Зююшки с ее кружовным вареньем в драме „Иванов“» (см.: М. П. Чехов. Антон Чехов на каникулах. – Чеховский сб., стр.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru 105; Чехов в воспоминаниях, стр. 80).

Но прежде всего пьеса «Иванов» – итог собственных раздумий Чехова о «сломленном», «потерянном» поколении 80-х гг. Сам Чехов считал, что своим Ивановым он «создал тип, имеющий литературное значение» (Ал. П. Чехову, 10 или 12 октября 1887 г.). В образе Иванова запечатлено знамение времени: нравственная болезнь современного человека, его душевная усталость, «собачья старость», «брюзжащая молодость» – характерные признаки русской жизни переломной эпохи.

Стремление осмыслить социально-психологический тип «лишнего человека» своего времени отразилось в ряде произведений Чехова 80-х гг.: и в самой первой пьесе (Платонов), и в рассказах – таких, как «На пути» (Лихарев). Но с наибольшей яркостью и остротой черты «сломленного» человека выступили в образе Иванова.

Работа над «Ивановым» проходила в пытливых исканиях новой драматургической формы. Приступая к пьесе, Чехов полемически противопоставлял ее произведениям «современных драматургов», которые «начинают свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами». Чехов ставил перед собой принципиально новую художественно-эстетическую задачу и сам сформулировал ее: «Я хотел оригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела (хотя не сумел воздержаться от шутов), никого не обвинил, никого не оправдал...» (Ал. П. Чехову, 24 октября 1887 г.). В этом заявлении уже намечены некоторые существенные признаки новой драмы – драмы «чеховского» типа.

Однако «новое» еще соседствовало в «Иванове» со «старым». В построении драматического действия Чехов отстаивал традиционный принцип ударности «концовок» и стремился располагать наиболее эффектные и впечатляющие эпизоды в конце актов, «под занавес»: «... все действие веду мирно и тихо, в конце даю зрителю по морде» (Ал. П. Чехову, 10 или 12 октября 1887 г.). Однако в качестве безусловно удавшейся ему в пьесе сцены он сам называл отнюдь не эффектную «концовку», а как раз срединную, «проходную» сцену – «душу захватывающее поэтическое место», «поэтический коротенький диалог», когда в момент «кабацкого» веселья гостей Шабельский вспоминает покойную Сарру (ему же, 20 ноября 1887 г.).

Присутствовавший на премьере в театре Корша М. П. Чехов рассказывал впоследствии о шумных и разноречивых толках, вызванных пьесой: «Театр был переполнен. Одни ожидали увидеть в „Иванове“ веселый фарс в стиле тогдашних рассказов Чехова, помещавшихся в „Осколках“, другие ждали от него чего-то нового, более серьезного, – и не ошиблись. Успех оказался пестрым: одни шикали, другие, которых было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но в общем „Иванова“ не поняли, и еще долго потом газеты выясняли личность и характер главного героя. Новизна замысла и драматичность приемов автора обратили на него всеобщее внимание как на драматурга, и с этого момента начинается его официальная драматургическая деятельность» (Вокруг Чехова, стр. 187).

Написав «Иванова», Чехов вступил (16 ноября 1887 г.) в члены Общества русских драматических писателей и оперных композиторов и шутливо именовал себя: «Шиллер Шекспирович Гёте». Т. Л. Щепкина-Куперник вспоминала, что после постановки «Иванова» Корш считал Чехова «своим автором» (Чехов в воспоминаниях, 1954, стр. 323).

Однако постановкой пьесы Чехов остался неудовлетворен. Шум, крики и шиканье, которыми сопровождалось первое представление, создали в театре атмосферу, близкую той, какая царила впоследствии на премьере «Чайки» в день ее провала (см.: Вокруг Чехова, стр. 278). После трех спектаклей «Иванов» был снят с репертуара. По утверждению одного из близких знакомых Чехова, это огорчило его «и несколько охладило его симпатии к коршевской труппе <...> Охлаждение к коршевской труппе вызвало у Чехова временное охлаждение и к писанию пьес, в частности, к писанию „Гамлета, принца датского“» (А. Грузинский-Лазарев. Пропащие романы и пьесы Чехова. – «Энергия», сб. III. СПб., 1914, стр. 172–173).

Пьеса «Иванов» вызвала в печати самые противоречивые отзывы. Один из критиков отметил, что «таким смешением похвал и протестов не дебютировал ни один из авторов последнего времени» («Новое время», 1887, 22 ноября, № 4215).

Чехов был глубоко задет замечанием «Московского листка» о «безнравственном» и «циническом» элементе в пьесе (1887, 22 ноября, № 325). Другие критики хотя и

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru отмечали, что пьеса «нова», «оригинальна», «своеобразна», вносит «какую-то свежую струю», однако необычность ее драматургической формы воспринималась ими скорее негативно – как неумение автора, отсутствие у него должного опыта, знаний сценических условий, как невольное пренебрежение «законами сцены» и т. д.

Несмотря на состоявшийся дебют Чехова-драматурга, он в глазах большей части публики и критики остался «молодым беллетристом», «талантливым беллетристом-медиком», «начинающим писателем», «молодым талантом», автором небольших рассказов и вышедшего в свет в сентябре 1887 г. сочувственно встреченного сборника «В сумерках».

4

Остаются неизвестными драматические сочинения Чехова, относящиеся к 1870–1880-м гг.:

1. «Тарас Бульба», самый ранний литературный замысел Чехова, намерение переделать повесть Н. В. Гоголя в трагедию (1873–1874 гг.). См.: Scriba <Е. А. Соловьев-Андреевич>. А. П. Чехов по воспоминаниям родственников. – «Приазовский край», 1904, № 180.

2. «Нашла коса на камень» (1878), водевиль. Ал. П. Чехов сообщал о своем впечатлении от пьесы 14 октября 1878 г.: «„Нашла коса на камень“ написана превосходным языком и очень характерным для каждого там выведенного лица, но сюжет у тебя очень мелок. Это последнее писание твое я, выдавая для удобства за свое, читал товарищам, людям со вкусом и между прочим С. Соловьеву, автору „Жених из ножевой линии“.[65] Во всех случаях ответ был таков: „Слог прекрасен, уметь существует, но наблюдательности мало и житейского опыта нет. Со временем, qui sait?, [66] сможет выйти дельный писатель“» (Письма Ал. Чехова, стр. 51).

3. «Недаром курица пела» (1878), водевиль. М. П. Чехов вспоминал: «Будучи учеником VII класса, Антон Павлович написал <...> ужасно смешной водевиль „Недаром курица пела“ и прислал <...> нам в Москву для прочтения <...> Куда девался водевиль – не знаю» (Вокруг Чехова, стр. 74).

4. «Бритый секретарь с пистолетом», водевиль. Начало 80-х гг. М. П. Чехов вспоминал об этом «нескромном водевиле»: «В этом водевиле выведена была редакция журнала с двухспальной кроватью. Один из сотрудников принес для напечатания бездарное стихотворение. И вот Ант. П. должен был специально сочинить именно бездарное стихотворение, в котором четыре раза должно было повторяться слово „стремглав“. Вот это стихотворение:

Прости меня, мой ангел белоснежный,
Подруга дней моих и идеал мой нежный,
Что я, забыв любовь, стремглав туда бросаюсь,
Где смерти пасть... О, ужасаюсь!..

<.....>

Уйду обратно в гроб с прослезненными глазами.[67]

„Последняя строчка несколько тяжеловата, – говорит редактору герой водевиля, – но ведь главное – уметь прочесть“» («Новое слово», 1907, кн. 1, стр. 199; «О Чехове». М., 1910, стр. 267–268). «...Водевиль этот Чехов в театральную цензуру не посылал, и о судьбе его я, к сожалению, ничего не знаю» (М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924, стр. 8). 5. Водевиль, над которым Чехов работал в конце октября 1883 г.: «Никуда не хожу, не работаю. Занимаюсь медициной и стряпаю плохой водевиль» (И. П. Чехову, вторая половина октября 1883 г.).

6. Пародия на пьесу Б. М. Маркевича «Чад жизни». Лейкин писал Чехову 19 февраля 1884 г.: «Пародия на пьесу Б. Маркевича была уже набрана, когда я получил Ваше письмо с просьбой не печатать пародии, и я ее велел разобрать» (ГБЛ). О замысле пародии Чехов рассказывал в письме Лейкину 30 января 1884 г.: «„Чад жизни“ писан в граде Воскресенске в минувшее лето, почти на моих глазах. Знаю я и автора, и его друзей, которых он нещадно третирует своей сплетней в „Безднах“ и „Переломах“... Ашанин (бывший директор театра Бегичев), Вячеславцев (бывший певец Владиславлев) и многие другие знакомы со мной семейно... Можно будет посплетничать, скрывшись под псевдонимом». Вместо пародии (написанной, вероятно, в драматургической форме) Чехов напечатал фельетонную заметку о пьесе Маркевича в «Осколках московской жизни» (1884, № 7, 18 февраля).

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

7. «Гамлет, принц датский» (1887), водевиль. Писался для театра Корша (осенью 1887 г. здесь шли репетиции «Иванова») на основе рассказа «Юбилей» (1886). О работе над пьесой Чехов сообщал в письме к М. В. Киселевой 14 января 1887 г.: «Начал другую, но не кончил, ибо некогда» («первая пьеса» – только что законченная тогда «Лебединая песня»).

По словам А. С. Лазарева (Грузинского), Чехов передал ему написанную часть водевиля в конце октября 1887 г.: «Я начал, а заканчивать лень. Я слишком занят и утомлен „Ивановым“. Пишите конец, обработаем вместе...» (А. С. Лазарев–Грузинский. Пропавшие романы и пьесы Чехова. – «Энергия», сб. III. СПб., 1914, стр. 165–173).

В переданном Чеховым материале содержался перечень действующих лиц, к которым Лазарев (Грузинский) при желании мог добавить еще несколько лиц, а также текст, к которому следовало дописать от 200 до 250 строк.

«Соль пьески», по словам мемуариста, состояла в критике театральных порядков. Действие происходило за кулисами провинциального театра во время репетиции «Гамлета». «Среди критики театральных порядков предполагалось коснуться легкости закулисных нравов (Офелия должна была похода изменять Гамлету) и жестоко пощипать провинциальных антрепренеров за кулачество, некультурность и т. п. Взгляд на них у Чехова был самый мрачный».

Лазарев (Грузинский) излагал чеховский план водевиля: «Первое действие начиналось сборами на репетицию. Раньше других являлись два актера, из которых один – Тигров (фамилия принадлежала Чехову), игравший роль отца Гамлета, рассказывал о своих многолетних актерских скитаниях по глухим провинциальным городам. В его очень забавном, в общем, рассказе была одна чисто чеховская черточка: „Придешь, в „Гранд-отеле“ остановишься – в каждой захолустной норе или „Европейская“, или „Гранд-отель“ есть...“ Первое действие должно было закончиться скандалом и общим кавардаком.

Во втором действии предполагалось дать сцену из „Гамлета“».

15 ноября 1887 г. Чехов писал Лазареву (Грузинскому): «<...> гг. актеры, когда я вкратце рассказал им содержание „Гамлета, принца датского“, изъявили горячее желание играть его не позже января, т. е. возможно скорее. Куй железо, пока горячо. Написано ли у Вас что-нибудь? Выходит ли требуемое? Совладали ли с сюжетом и с сценическими условиями? Как бы там ни было, поспешите написать мне подробно, что Вами придумано, написано и что имеется в проекте. Одновременно пришлите мне и мою рукопись (бандеролью), оставив у себя копию. Я суммирую свое с Вашим, подумаю и не замедлю сообщить Вам свои намерения и прожекты. Условия: 1) сплошная путаница, 2) каждая рожа должна быть характером и говорить своим языком, 3) отсутствие длиннот, 4) непрерывное движение, 5) роли должны быть написаны для: Градова, Светлова, Шмитгофа, Киселевского, Соловцова, Вязовского, Валентинова, Кошевой, Красовской и Бороздиной, 6) критика на театральные порядки, без критики наш водевиль не будет иметь значения».

В ответном письме от 22 ноября Лазарев (Грузинский) делился с Чеховым своими планами и затем излагал содержание I-го и схему II актов, где упоминаются герои рассказа «Юбилей» – Тигров, Борщов, Бабельмандебский. В воспоминаниях Лазарев (Грузинский) так оценивал проделанную им работу над водевилем: «Непривычка писать для сцены сказалась в том, что, вместо скандала и общего кавардака, в первом акте получилось много диалогов, хотя и забавных и довольно живых».

В середине двадцатых чисел ноября Лазарев (Грузинский) отправил Чехову вариант I акта. «Я отослал ему рукопись и конспект I-го акта, как он у меня сложился в голове, в субботу, а вчера, в понедельник, послал более подробное изложение I-го акта (сообразив, что конспект вышел слишком кратким)...» (письмо к Н. М. Ежову от 29 ноября 1887 г. – ЦГАЛИ).

После постановки «Иванова», 26 ноября, Чехов написал подробное, по пунктам, письмо Лазареву (Грузинскому):

«1) У Вас „Гамлет“ весь состоит из диалогов, которые не имеют органической связи. Диалоги немислимы. Нужно, чтобы с каждым явлением число лиц росло по прогрессии <...> Громоздя эпизоды и лица, связывая их, Вы достигнете того, что сцена в продолжение всего действия будет полна и шумна.

2) Вы забываете, что Тигровы и К° во всё время чувствуют на себе глаза публики. Стало быть, немислим допрос, производимый Вами Гамлетом у Офелии. Тут довольно одной вспышки и шума. Гамлет возмущен, но в то же время маскирует свое несчастье.

3) Представитель печати может говорить только из оркестра. Кой черт понесет его на сцену? Он говорит коротко и солидно. Тип Белянкина.

4) Во 2-м действии необходимо дать сцену из „Гамлета“ <...>

5) Конец I-го действия у Вас ходулен. Нельзя так оканчивать. В интересах 2-го действия Вы должны кончить примирением партий. Ведь во 2-м действии Тигров играет тень Гамлета! 6) Кстати: роль Тигрова для Градова.

7) Судя по Вашему конспекту, Вы будете далеко не коротки. Не забывайте, что половина времени уйдет у актеров на беготню.

8) <...> возня с водевилем полезна для Вас: набьете руку».

Давались в письме и указания о положении сцены «по отношению к публике» (см. т. II Писем, стр. 156).

Как думал Лазарев (Грузинский), Чехов, после неуспеха пьесы «Иванов» на сцене театра Корша, охладел к работе над водевилем. Возможно, что другой причиной прекращения работы Чехова было неверие в силы соавтора, который не имел никакого опыта драматурга.

8. «Сила гипнотизма» (1887), водевиль. Его замысел Чехов импровизировал зимой 1887 г. при встрече с Леонтьевым (Щегловым) в Петербурге (запись в дневнике Щеглова 11 декабря 1887 г. – ЛН, стр. 480). В своих воспоминаниях Щеглов изложил «сценарий»: «Какая-то черноглазая вдовушка вскружила головы двум своим поклонникам: толстому майору с превосходнейшими майорскими усами и юному, совершенно безусому, аптекарскому помощнику. Оба соперника – и военный, и штатский – от нее без ума и готовы на всякие глупости ради ее жгучих очей, обладающих, по их уверению, какой-то особенной, демонической силой. Происходит забавная любовная сцена между соблазнительной вдовушкой и толстым майором, который, пыхтя, опускается перед вдовушкой на колени, предлагает ей руку и сердце и клянется, что из любви к ней пойдет на самые ужасные жертвы. Жестокая вдовушка объявляет влюбленному майору, что она ничего не имеет против его предложения и что единственное препятствие к брачному поцелую... щетинистые майорские усы. И, желая испытать демоническую силу своих очей, вдовушка гипнотизирует майора, и гипнотизирует настолько удачно, что майор молча поворачивается к двери и направляется непосредственно из гостиной в первую попавшуюся цирюльню. Затем происходит какая-то водевильная путаница, подробности которой улетучились из моей головы, но в результате которой получается полная победа безусого фармацевта. (Кажется, предприимчивый жених, пользуясь отсутствием соперника, подсыпает вдовушке в чашку кофе любовный порошок собственного изобретения.) И вот в тот самый момент, когда вдовушка падает в объятия аптекаря, в дверях появляется загипнотизированный майор, и притом в самом смешном и глупом положении: он только что сбросил свои великолепные усы... Разумеется, при виде коварства вдовушки „сила гипнотизма“ моментально кончается, а вместе с тем кончается и водевиль.

Помню, над последней сценой, то есть появлением майора без усов, мы оба очень смеялись. По-видимому, „Силе гипнотизма“ суждено было сделаться уморительнейшим и популярнейшим из русских фарсов, и я тогда же взял с Чехова слово, что он примется за эту вещь, не откладывая в долгий ящик» (Чехов в воспоминаниях, 1954, стр. 143).

Когда, после постановки «Медведя», Леонтьев (Щеглов) напомнил о «Силе гипнотизма», Чехов ответил 2 ноября 1888 г.: «„Силу гипнотизма“ я напишу летом – теперь не хочется». «Когда несколько лет спустя, – вспоминал Леонтьев (Щеглов), – в одно из наших московских свиданий я попенял Чехову, отчего он не написал обещанного водевиля, Чехов задумчиво, как бы про себя, проговорил:

– Ничего не поделаешь... нужного настроения не было! Для водевиля нужно, понимаете, совсем особое расположение духа... жизнерадостное, как у

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru свежее испеченного прапорщика, а где его возьмешь, к лешему, в наше паскудное время?.. Да, Жан, написать искренний водевиль далеко не последнее дело!» (там же, стр. 151).

После смерти Чехова Леонтьев (Щеглов) сам написал пьесу: «Сила гипнотизма, шутка в 1 действии Антона Чехова и Ивана Щеглова» (1910).

9. «Гром и молния» (1888), водевиль. Замысел изложен в письме к Суворину 23 декабря 1888 г.: «Я придумал для Савиной, Давыдова и министров водевиль под заглавием „Гром и молния“. Во время грозы я заставлю земского врача Давыдова заехать к девице Савиной. У Давыдова зубы болят, а у Савиной несносный характер. Интересные разговоры, прерываемые громом. В конце – женю».

* * *

Тексты подготовил, примечания составил и вступительную статью написал М. П. Громов; пьесу «Иванов», примечания к ней и часть вступительной статьи – И. Ю. Твердохлебов.

<Безотцовщина>

Впервые – «Неизданная пьеса А. П. Чехова». Документы по истории литературы и общественности. Выпуск 5. Изд. «Новая Москва», 1923. (Текст приготовил к печати и снабдил предисловием и примечаниями Н. Ф. Бельчиков).

Печатается по автографу (ЦГАЛИ).

1

Сохранившийся автограф пьесы – одиннадцать самодельных (сшитых нитками) тетрадей. В первой тетради утрачены два листа: начальный, где, по всей видимости, обозначено заглавие пьесы, и двенадцатый – с большей частью явления 4 первого действия. По авторской ремарке, в 4 явлении на сцене Анна Петровна, Глагольев 1, Венгеревич 1, Войнищев и Бугров. В сохранившемся тексте – лишь небольшой диалог Бугрова с Войнищевым и никак не связанная с этим диалогом заключительная реплика Венгеревича 1.

Рукопись беловая, но затем проведена большая авторская правка – главным образом, зачеркивания: синим, красным, затем черным карандашом и, наконец, бледными чернилами. В нескольких местах вместо зачеркнутого написан новый текст, отдельные листы подклеены; правка проводилась в несколько приемов и в разное время.

В результате зачеркиваний возникла несообразность: в первом действии опущен конец 14 вместе с началом 15 явления, и два явления объединились в одно. Однако последующие явления не были перенумерованы автором. В дальнейшем два явления обозначены одной цифрой: 20. В нашем издании эти неточности исправлены.

На сохранившемся первом, чистом, листе – карандашная запись рукой Чехова, почти совсем стершаяся, обращенная к М. Н. Ермоловой. Читаются отдельные слова: «Посылаю Вам <...> Мар<ия> Ник<олаевна>. Не пугайтесь. Половина зачеркнута. Во многих местах <...> нуждается еще <...> <Уважа>ющий А. Чехов».

Рукопись пьесы поступила в Государственный архив в 1920 г. Как рассказывает Н. Ф. Бельчиков, в московском банке Русско-Азовского общества находились личные сейфы вкладчиков. Здесь хранились письма, документы, бумаги, ценные или памятные вещицы и т. д. Здесь был и сейф М. П. Чеховой. В нем обнаружилась рукопись пьесы – в том самом виде, в каком она была опубликована в 1923 г. Н. Ф. Бельчикову запомнился еще лежавший в том же сейфе шитый голубым бисером старинный ридикюль, возможно принадлежавший Е. Я. Чеховой.

Нужно отметить важную особенность: это единственная рукопись Чехова, хранившаяся многие годы в сейфе. Все остальные его рукописи, в сущности, вообще не хранились.

В печати первые сведения о большой пьесе, написанной Чеховым в молодости, появились значительно раньше того, как был обнаружен ее текст.

В 1907 г. М. П. Чехов напечатал воспоминания (и повторил их в 1910 году), где рассказывал о нескольких утраченных пьесах: «Будучи учеником VII класса, Антон Павлович написал большую драму „Безотцовщина“ и ужасно смешной водевиль „Недаром

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru курица пела“ и прислал их нам в Москву для прочтения. Я долго берег эти произведения, но, приехав затем в Москву поступать в университет, Антон Павлович отобрал их от меня и „Безотцовщину“ разорвал на мелкие кусочки...». Сообщалось еще о другой большой пьесе, написанной уже не в Таганроге, а в Москве и тоже уничтоженной: «Во второй же год по приезде в Москву Ант. Павл. написал еще одну большую драму с конокрадами, стрельбой, женщиной, бросающейся под поезд, и т. п. Я переписывал эту драму, и у меня от волнения холодело под сердцем <...> Драмату эту Ант. П., тогда студент второго курса, лично отнес к М. Н. Ермоловой на прочтение и очень желал, чтобы она поставила ее в свой бенефис. Не знаю, что ответила брату г-жа Ермолова, только мои старания четко переписать драму так и пропали даром: пьеса вернулась обратно и была разорвана автором на мелкие куски. От нее уцелела только одна фамилия Войницкий, которая воскресла потом в „Дяде Ване“» (М. Чехов. Об А. П. Чехове. – «Новое слово», 1907, № 1, стр. 198–199; Об А. П. Чехове. Воспоминания. – Сб. «О Чехове». М., 1910, стр. 267). Приблизительно то же писал М. П. Чехов в 1912 г. в биографическом очерке, предпосланном изданию писем Чехова. («Письма А. П. Чехова», т. II (1888–1889), изд. М. П. Чеховой. М., 1912, стр. IV.)

Итак, М. П. Чехов полагал, что существовали две большие пьесы молодого Чехова, уничтоженные автором: «Безотцовщина» и еще одна, которую Михаил Павлович переписывал, но названия ее не запомнил. Когда в 1923 г. была опубликована «Неизданная пьеса», М. П. Чехов сообщил, что переписывал он именно ее (М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924, стр. 10). В последней редакции своих воспоминаний, изданных в 1933 г. и вышедших в свет одновременно с XII томом Полного собрания сочинений А. П. Чехова, где пьеса была напечатана под заглавием «Безотцовщина», Михаил Павлович исключил из текста упоминания об уничтожении Чеховым обеих драм («Вокруг Чехова». М. – Л., 1933, стр. 58, 88).

О существовании рукописи и о содержании ранней пьесы в печати стало известно еще в 1914 г., когда отмечалось 10-летие со дня смерти Чехова и появилось множество статей и мемуаров о нем. В газете «Русские ведомости» некто Эн. поместил статью «Неизвестные пьесы Чехова», где сообщалось: «Дело в том, что рукопись этой пьесы, очень толстая тетрадь, без заглавной страницы, существовала много позднее того времени, к которому относится воспоминание об учиненной Чеховым казни над его драмой. А раз так, совершенно не исключается возможность, что рукопись уцелела и затем, что пережила она писавшего ее. М. П. Чехов, которому принадлежит воспоминание, передает, что он переписывал пьесу, что переписанный им экземпляр был у Ермоловой, и этот же экземпляр затем изорван в клочки. Но, очевидно, писанный чеховскою рукою подлинник не подвергся той же печальной участи» («Русские ведомости», 1914, 31 мая, № 124).

Спустя неделю в той же газете появилась статья, подписанная Z: «Несколько дней назад в „Русских ведомостях“ приводились сведения и соображения, позволяющие сделать вывод, что юношеская пьеса Чехова, будто бы уничтоженная автором, в действительности им уничтожена не была и что, вероятно, рукопись этой драмы уцелела и до сих пор. Со слов лица, которому сравнительно недавно довелось читать эту пьесу, можем сообщить некоторые, хотя и отрывочные, подробности о самой драме, о главных контурах ее содержания и изображенных в ней персонажей.

В пьесе, оставленной Чеховым без названия (по крайней мере никаких следов его не уцелело), можно довольно ясно различить эмбрионы некоторых будущих чеховских произведений. Уже влекли к себе внимание молодого писателя некоторые образы, роились некоторые художественные замыслы, которые лишь много позднее получили полноту выражения, улеглись в формы законченные и отчетливые, а тогда были лишь смутны и сбивчивы; еще не выносила их его творческая фантазия. Но иногда отдельные черточки, отдельные факты целиком повторялись в позднейших произведениях. Ближе всего юношеская драма, технически очень несовершенная, но уже отмеченная печатью чеховского таланта, к „Иванову“». Далее сообщалось, что в центре пьесы – Платонов, «как бы первый эскиз Иванова»; излагалось содержание драмы и делалось сопоставление с пьесой «Иванов» (Z. Неизвестная драма Чехова. – «Русские ведомости», 1914, 8 июня, № 131).

В тот же день «Театральная газета» перепечатала сообщение «Русских ведомостей», добавив: «Каковы бы ни были достоинства и недостатки этой пьесы, она не может не представлять, хотя бы лишь для истории чеховского творчества, большой интерес. И нужно желать ее опубликования» («Неизвестные пьесы Чехова». – «Театральная газета», 1914, 8 июня, № 131).

Корреспонденту «Московской газеты» М. П. Чехова сообщила (в Ялте): «Недавно мною, при разборе архива брата, найдена большая пьеса без названия, написанная в восьмидесятых годах» (С. Алексеев. В обители Чехова. – «Московская газета», 1914, 7 июля, № 323). Пьеса не была напечатана; рукопись была положена на хранение в банк.

С. Д. Балухатый, комментируя собрание сочинений Чехова 1929 г., полагал, что обнаруженная рукопись и упомянутая М. П. Чеховым «Безотцовщина» – одна и та же пьеса. В книге «Чехов-драматург» Балухатый отметил: «... именно в эти годы Чехов пишет первую свою большую пьесу, имеющую исключительное значение для понимания общественных оценок начинающего писателя. Пьеса эта – „Безотцовщина“, написанная Чеховым в 1878–1881 годах, сохранившаяся в рукописи и не доведенная им до печати (под „Безотцовщиной“ мы разумеем пьесу, изданную впервые в 1923 году и сохранившуюся в рукописи без заглавия)» (С. Балухатый. Чехов-драматург. Л., 1936, стр. 57).

2

Первое достоверное сведение о пьесе содержится в письме Ал. П. Чехова от 14 октября 1878 г., отправленном из Москвы в Таганрог: «Ты напоминаешь о „безотцовщине“. Я умышленно молчал. Я знаю по себе, как дорого автору его детище, а потому... В безотцовщине две сцены обработаны гениально, если хочешь, но в целом она непростительная, хотя и невинная ложь. Невинная потому, что истекает из незамутненной глубины внутреннего мирозерцания. Что твоя драма ложь – ты это сам чувствовал, хотя и слабо и безотчетно, а между прочим ты на нее затратил столько сил, энергии, любви и муки, что другой больше не напишешь. Обработка и драматический талант достойны (у тебя собственно) более крупной деятельности и более широких рамок. Если ты захочешь, я когда-нибудь напишу тебе о твоей драме посерьезнее и поделнее, а теперь только попрошу у тебя извинения за резкость всего только что сказанного. Я знаю, что это тебе неприятно – но делать нечего – ты спросил, а я ответил, а написать что-либо другое я не смог бы, потому что не смог бы обманывать тебя, если дело идет о лучших порывах твоей души» (Письма Ал. Чехова, стр. 50–51).

Из письма ясно, что Чехов послал из Таганрога драму, в которой выразились «лучшие порывы души», на которую он затратил «столько сил, энергии, любви и муки», что Александр Павлович даже выразил сомнение – сможет ли Чехов написать что-либо подобное еще раз. Самое слово – безотцовщина – в автографе Ал. П. Чехова написано со строчной, а не с прописной буквы, но поставлено в кавычки и явно означает название.

В последующих письмах Ал. П. Чехова «Безотцовщина» больше не упоминается. В 1879 г., окончив гимназию, Чехов переехал в Москву.

Таганрожец А. В. Петров, письмоводитель у священника В. А. Бандакова, находился в переписке с семьей Чеховых. В конце 1881 г. он спрашивал: «А драма Ант. Павл. когда будет отпечатана?» (ГБЛ). Петров, таким образом, был знаком с пьесой и в 1881 г. справлялся о ней. Слово «драма» вполне подходит к бурным конфликтам пьесы.

Исследование всех биографических фактов, анализ сохранившейся рукописи дают возможность утверждать, что посланная из Таганрога «Безотцовщина» и драма без заглавного листа – одна и та же пьеса.

При сличении чеховских автографов 1877–1879 гг. с рукописью пьесы никаких существенных различий в почерке обнаружить не удалось. Зато целый ряд характерных грамматических, языковых и других косвенных признаков заставляет считать, что пьеса в своем основном тексте (чернила) была закончена в Таганроге.

В автографе довольно много южных диалектизмов: «не рипите» (д. I, явл. 3; первоначально: «не репите»); «садится на первое попавшееся стуло» (д. I, явл. 10; то же – в д. IV, явл. 3: «Дай стуло»); «пхает его» (д. III, явл. 10; то же – д. II, к. 1, явл. 15; к. 2, явл. 13); «мне бывает страшно скучно за ней» (д. I, явл. 1; то же – в явл. 5 первого действия); «я, впрочем, маклеровать не стану» (д. I, явл. 1 и др.). Подобные диалектизмы можно встретить у Чехова и позднее, но уже чрезвычайно редко; в пьесе их – множество. Характерны неправильные грамматические формы и ошибки: преехала (д. II, явл. 6); с преждними (д. I, явл. 3) и др.

Некоторые фактические данные, извлеченные из текста пьесы, также позволяют отнести ее к таганрогскому времени.

В пьесе упоминается смерть Н. А. Некрасова («Петрин. <...> А на лбу роковые слова: продается с публичного торга! Щербук. Это Некрасова... Говорят, помер Некрасов...» – д. II, к. 2, явл. 8). Некрасов умер 27 декабря 1877 г. (по старому стилю).

Жена Платонова Саша читает книгу Захер-Мазоха «Идеалы нашего времени», переведенную на русский язык в 1877 г.

Разумеется, эти даты сами по себе не могут служить основой для точного хронологического приурочения ранней чеховской пьесы. Но в ней нет зато и событий, которые произошли бы после 1878 г.

Трудно допустить, чтобы Чехов на протяжении четырех лет мог написать две совершенно различные драмы, из которых дошедшая до нас равна двум увесистым пьесам. Ведь как раз в это время он заканчивал гимназию, выпускные экзамены должны были отнять у него много времени и сил, и начал учиться на медицинском факультете, самом трудоемком факультете того времени.

Наконец, – и это самое главное – идейный строй, смысл пьесы, жизненный материал, на котором она основана, вполне соответствуют заглавию «Безотцовщина».

По авторской ремарке, «действие происходит ... в одной из южных губерний». Все содержание драмы связано с Таганрогом, его окрестностями и обусловлено жизненным опытом Чехова-гимназиста. Мир, в котором живут персонажи драмы, соответствует Таганрогу конца 70-х гг.: южная провинция России, угольные шахты, полуразоренные помещики, купцы и кабатчики, власть денег, «мир глупцов... глупцов набитых, невылазных, безнадежных...» С этим миром гимназист Чехов сталкивался во время степных путешествий в Криничку, Княжую, Крепкую, Рогозяную Балку, в окрестностях усадеб Платонова, Кравцова, Селиванова. В одном из официальных документов тогдашнего времени – «Раскладке налога на недвижимые имущества 3-й александровской части г. Таганрога на 1880 год» – можно увидеть имена, перешедшие в пьесу. Под № 694 там упомянут, например, генерал Платонов (жил, по-видимому, рядом с гимназией), а под № 815 – некий корнет Греков; его дома располагались где-то неподалеку от здания театра. Тот же генерал Платонов упомянут в более поздней корреспонденции из газеты «Южный край», перепечатанной «Московским листком» (1883, 19 июня, № 167): «Из Таганрога в „Южн. край“ пишут: „Большое волнение среди нашего общества произвело случившееся ночью на 9-ое июня происшествие, заключающееся в следующем: молодой человек, по ремеслу печник, тяжело ранил офицера Платонова, сына генерала Платонова“».

В пьесе идет отчаянный спор отцов и детей: Платонов с гневом вспоминает покойного отца; полны цинизма отношения молодого Глагольева с богатым отцом; дети Трилецкого стыдятся своего отца; Щербук ненавидит своих дочерей. Дети не устроены и несчастны, потому что у них нет отцов, которых можно было бы уважать.

Все содержание пьесы прямо соответствует заглавию «Безотцовщина» (подробнее см.: М. П. Громов. Первая пьеса Чехова. – В кн.: Литературный музей А. П. Чехова. Таганрог. Сборник статей и материалов. Вып. 3. Ростов н/Д, 1963).

3

В сохранившейся рукописи – несколько слоев авторской правки. Первые по времени – сокращения синим (в нескольких местах – красным) карандашом; затем, снова по всему тексту, правка велась черным карандашом. Последний слой правки – бледные чернила.

Правка производилась в трех основных планах.

Прежде всего сокращался объем непомерно длинной драмы. Значительная часть текста: отдельные слова, фразы в диалогах и монологах, целые эпизоды, явления и даже персонажи были просто изъяты. Зачеркнуто было около двух авторских листов.

В нескольких случаях Чехов, взамен зачеркнутого, написал новые варианты соответствующих сцен; текст становился более кратким, менялись персонажи, их взаимоотношения (особенно показателен пример – явл. 9 третьего действия: Войнищев приходит ночью убить Платонова).

Наконец, третий вид правки – сокращения и замены, явно учитывающие возможность цензурных затруднений при постановке или печатании: инвективы Платонова об отце, воспоминания Трилецкого о севастопольской кампании.

Нет никаких данных для того, чтобы определить временные промежутки, отделяющие разные слои правки. Можно предполагать (поскольку рукопись оставалась у Ал. П. Чехова в Москве, а не была отправлена в Таганрог), что вся редакция пьесы делалась Чеховым после приезда в Москву, в 1879–1881 гг.

Авторская правка, при всей ее значительности, не создала новой редакции всей пьесы; однако можно говорить о разных редакциях некоторых сцен.

Самая первоначальная правка (синим карандашом) прежде всего устраняла длинноты в тексте, разные пояснительные реплики, предварявшие ход событий (см. варианты). Смысл не менялся; текст становился более кратким и оттого более драматичным.

Но большая часть перемен, в том числе и первоначальных зачеркиваний, имела другую, помимо сокращения, цель. Устранялись плоские шутки, грубые выражения, еврейские жаргонизмы. Сняты, например, шутка Трилецкого о «постном лице» Анны Петровны; его признание, что он дерется с Грековой; его резкие слова о Платонове: «а ваш Платонов по меньшей мере скот» (д. I, явл. 1). В том же духе сокращены реплики Ивана Ивановича (д. I, явл. 6), Щербука (д. I, явл. 14), Анны Петровны (д. I, явл. 15; д. II, к. 2, явл. 17). Вычеркнута насмешливая жаргонная фраза, обращенная Трилецким к Венгеровичу (д. I, явл. 3); вообще сокращены разговоры о евреях (д. I, явл. 13).

Сценичность пьесы, драматизм действия усилены тем, что сняты некоторые прямые суждения, открытые оценки. Например, прямой ответ Венгеровича I, почему ему не нравится Платонов (д. I, явл. 3); объяснение Войницева, почему он, кончив университет, нигде не служит (д. I, явл. 5); разговор о том, что Платонов всего школьный учитель, и его откровенное признание на эту тему (д. I, явл. 13); слова Платонова о том, что Войницев любит жену, «как Адам любил свою Еву» (д. I, явл. 22) и т. п.

Некоторые перемены коснулись характеров действующих лиц. Вычеркнут горячий монолог Войницева, обращенный к старому Глагольеву, но адресованный всем «отцам» («Счастье наше, что вы силы не имеете...» – д. I, явл. 2): обличительная тирада – не в характере мягкого, благонамеренного, «женоподобного, сентиментального» Войницева. Роль критика и судьи – себя самого и окружающих – целиком отдана в пьесе Платонову; но и в его речах ослаблены ноты резонерства и неумеренного самобичевания (д. II, к. 1, явл. 11 и 18; к. 2, явл. 9). Особенно значительна в этом плане правка явл. 9 третьего действия и 6 явл. четвертого действия: столкновение Платонова с Войницевым. В первоначальном (зачеркнутом синим карандашом) тексте – мелодраматическая сцена: Войницев, после патетических монологов, поднимает кинжал, чтобы убить спящего Платонова; тот вскакивает, кричит «Назад!!» и потом сам произносит монолог, исполненный отчаяния и сострадания к Войницеву. Потом, встретившись с Войницевым в их доме, Платонов уговаривает его «не пачкать своих рук преступлением», отказаться от мести и обещает сам убить себя: «Самоубийца человечнее убийцы! Хочешь моей смерти? Хочешь, чтоб я перестал жить?» – «Хочу», – отвечает Войницев.

На отдельном листке, вклеенном в рукопись, находится другая, сильно отличающаяся от первой, редакция явл. 9 третьего действия. Войницев, плача, кротко упрекает Платонова: «Ты меня убил... Ты это знаешь? Благодарю... Мне что? Бог с тобой... Пусть. Значит так тому и быть...»; потом, рыдая, просит отдать ему Софью («Спаси, голубчик!.. Ведь она моя! Моя!»). Платонов просит его уйти: «Я застрелюсь... Клянусь честью!» В ответ Войницев машет рукой и произносит: «Не надо... Бог с вами!» В итоге с особым драматизмом звучит заключающий сцену монолог Платонова, проклинающего себя.

В следующем слое авторской правки (черным карандашом) продолжалось прежде всего сокращение текста. Оно началось со списка действующих лиц: исчезли дочери Щербука: Верочка 40 лет и Лизочка 25 лет. Соответственно в тексте были сняты все места, связанные с ними. Сняты разговор Анны Петровны и Саши о маленьком Коле, сыне Платонова; большой диалог Войницева с Сашей о женитьбе (д. I, явл. 5); разговор Трилецкого с той же Сашей о том, как она потолстела (д. I, явл. 7). Зачеркнуты воспоминание Трилецкого о бабушке и о его письме про «факультеты»,

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
ненужные «для нежного сословия» (д. II, к. 1, явл. 11); вся сцена столкновения
Платонова с Петриным, который собирается опротестовать векселя покойного
генерала Войничева и тем наказать Анну Петровну (д. II, к. 2, явл. 8). Более
краткими стали монологи Платонова (д. I, явл. 15; д. II, к. 2, явл. 5).

Некоторые вычерки, однако, едва ли можно объяснить одним стремлением к
лаконизму. Таково признание Ивана Ивановича в явл. 3 первого действия: «На войне
был, сотни тысяч имел на руках, а ни копейки у Российской империи не взял...
Одним жалованьем довольствовался...» Этот намек на повальное казнокрадство во
время Крымской войны мог быть снят по соображениям цензурным, как и воспоминание
старого Трилецкого о встрече и разговоре с царем.

Тот же характер носит зачеркивание смелых, резких, обличительных слов Платонова
об отце в явл. 5 первого действия – подробный рассказ о его смерти; «Тяжело
вспоминать ~ Он, видите ли, умирал с сознанием того, что он славный малый!»;
«Сижу я у его изголовья ~ Говорит, а сам зубами скрежещет...» (см. варианты к стр.
21). Второй отрывок был просто вычеркнут; взамен первого появилось сравнительно
нейтральное: «Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно.
Умер так, как умирают честные люди».

По-видимому, теми же мотивами объясняются два вычерка во втором действии (к. 2,
явл. 5): «А когда вы, милостивый государь, перестанете с вашим папашей
воздвигать кабаки? А когда я перестану быть ревностнейшим посетителем ваших
кабаков? Когда исчезнут Венгеровичи и не будут есть чужого хлеба Платоновы?
Когда?»; «Молодежь, молодежь!.. ~ Мы и не живя сумеем умереть!»

Уточнялись характеры действующих лиц. Снято, например, замечание Ивана
Ивановича, что в молодости он «Печорина и Базарова разыгрывал» (д. II, к. 1,
явл. 3; Базаров, впрочем, остался: «Базаристей меня и человека не было...»);
зачеркнуты некоторые пошловато-вульгарные обороты в речи Анны Петровны («Ах ты
мой зюмбумбунчик этакий!» – д. II, к. 2, явл. 6); ее признание: «Когда был жив
мой генерал, я сильно пила... Пила, пила, пила... И буду пить!» (д. II, явл. 5).

К последнему слову авторской правки (бледные чернила) относятся небольшие
стилистические перемены и вставки взамен зачеркнутого. Н. Ф. Бельчиков замечал
по этому поводу: «Автор руководился <...> стремлением распространить, дополнить
текст, внести сглаживающие изменения в местах, где сокращения только разъяли
связный текст, и дать новые редакции вместо сокращенных мест» («Неизданная пьеса
А. П. Чехова», стр. 8–9). Новые тексты вместо зачеркнутых даны для отрывка 5
явл. первой картины второго действия, 9 и 10 явл. третьего действия, 6 явл.
четвертого действия (см. варианты).

После всех исправлений и зачеркиваний в рукописи ее текст все-таки достигал
почти десяти авторских листов, что вдвое превышало объем, возможный для обычного
спектакля. Вероятно, и после этого продолжалась авторская работа над пьесой, и к
этому этапу следует отнести слова Чехова, обращенные к М. Н. Ермоловой:
«Половина зачеркнута» – в карандашной записи на первом листе рукописи.

М. П. Чехов писал о пьесе в 1924 г.: «Она, сколько припоминаю, была сделана по
образцу французских мелодрам, изобиловала диалогами, и когда я мальчиком
переписывал ее в двух экземплярах для цензуры, то у меня от ее интриги
захватывало дух и холодело под сердцем. М. Н. Ермолова осталась недовольна этой
пьесой, и автор подверг ее перестройке, но и в измененном виде пьеса так и не
увидела света вплоть до самого 1923 года, когда ее издал Централархив» (М. П.
Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924, стр. 9–10).

На Большой дороге
Впервые – «Слово». Сборник второй. К десятилетию смерти А. П. Чехова. Под
редакцией М. П. Чеховой. Книгоиздательство писателей в Москве, 1914, стр. 8–36:
На большой дороге. Драматический этюд в одном действии. А. Чехонте.

Сохранилась рукописная копия – цензурный экземпляр пьесы: На большой дороге.
Драматический этюд в одном действии. А. Чехонте. На обложке – штампель с датой
представления в цензуру «29 мая 1885» и запретительная резолюция цензора: «К
представлению признано неудобным. 20-го сентября 1885 г. Цензор драматических
сочинений Кейзер-фон-Нилькгейм». На обороте – заглавие с полной фамилией
автора и помета карандашом: «К запрещению» (ЛГТБ).

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Печатается по тексту цензурного экземпляра.

Чехов написал драматический этюд, видимо, осенью 1884 г. Он сообщил Н. А. Лейкину 4 ноября 1884 г.: «В эту неделю не посылаю Вам несколько рассказов, ибо был все время болен и занят: пишу маленькую чепуху для сцены – вещь весьма неудачную...» (Такого рода критические отзывы о рассказах и сценках, посылавшихся не в «Осколки», а в другие издания, обычны в письмах Чехова тех лет: редактор «Осколков» был ревнив к тому, что не попадало в его журнал.)

В драматическом этюде «На большой дороге» Чехов воспользовался своим рассказом «Осенью», напечатанным в сентябре 1883 г. в журнале «Будильник» (см. т. II Сочинений).

Из рассказа были взяты место действия (кабак дяди Тихона) и основной конфликт: несчастный, опустившийся барин тщетно вымаливает рюмку водки, отдает кабатчику медальон с портретом неверной и все еще любимой жены, а случившийся тут же мужичонка узнает своего барина и рассказывает его историю.

Переделывая рассказ для сцены, Чехов значительно увеличил его объем – более чем втрое. О людях, укрывшихся от осеннего дождя в кабаке дяди Тихона, в рассказе сообщалось кратко: «В кабаке дяди Тихона сидела компания извозчиков и богомольцев». В пьесе они стали действующими лицами: богомолки Назаровна и Ефимовна, старик-странник Савва, прохожий фабричный Федя. Драматический конфликт был усилен введением нового действующего лица – бродяги Егора Мерика, у которого в прошлом тоже несчастная любовь и который чуть не убивает жену барина, неожиданно появившуюся в кабаке. (Образ конокрада Мерика, напоминающий Осипа в пьесе «Безотцовщина», позднее возник в рассказе «Воры», 1890 г. См. об этом статью: Н. К. Пиксанов. Романтический герой в творчестве Чехова. Образ конокрада Мерика. – «Чеховский сборник». М., 1929).

Рассказ «Осенью» заканчивался авторским риторическим вопросом: «Весна, где ты?» Сцена «На большой дороге» – драматическими восклицаниями Мерика: «Тоска! Злая моя тоска! Пожалейте меня, люди православные!»

Пьеса была представлена в драматическую цензуру в мае 1885 г. и 20 сентября того же года запрещена к представлению по рапорту цензора Е. И. Кейзер-фон-нилькегейма: «Действие происходит ночью, в кабаке на большой дороге. Среди всяких бродяг и проходимцев, зашедших в кабак обогреться и переночевать, оказывается разорившийся дворянин, который умоляет целовальника дать ему выпить в долг. Из разговора выясняется, что дворянин запил с горя вследствие того, что жена бросила его в день свадьбы. Случайно, чтобы укрыться от непогоды, попадает в кабак барыня, в которой несчастный пропойца узнает свою вероломную подругу. Один из посетителей кабака, сочувствующий пьяному дворянину, замахивается на нее топором, но его удерживают, и драматический этюд оканчивается неудавшимся покушением. Мрачная и грязная пьеса эта, по моему мнению, не может быть дозволена к представлению». На рапорте цензора надпись: «Запретить. Е. Феоктистов. 20 сент. 1885 г.» (ЦГИА, ф. 776, оп. 24, ед. хр. 4, л. 58; Чехов. Лит. архив, стр. 259–260).

М. П. Чехов вспоминал: «Этюд этот был запрещен драматической цензурой потому, что в нем был выведен пропившийся помещик. Я помню, что в вернувшемся из Петербурга цензурованном экземпляре этой пьесы всюду было многозначительно подчеркнуто синим карандашом слово „барин“, очевидно, слово это тогда считалось священным, и пропившийся барин не мог быть выводимым на сцене в кабаке» (М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924, стр. 10). Об этой пьесе М. П. Чехов упоминал в своих воспоминаниях и раньше, однако называл ее по памяти неточно: «Барин» («Новое слово», 1907, кн. 1, стр. 199; «О Чехове». М., 1910, стр. 267).

19 ноября 1911 г. М. П. Чехова обратилась в Главное управление по делам печати с прошением о выдаче «копии пьесы А. П. Чехова „Барин“, написанной им в 1883, 1884, 1885 или 1886 годах» (ЦГИА, ф. 776, оп. 25, ед. хр. 987).

В начале 1912 г. газета «Русские ведомости» сообщила о находке пьесы в анонимной заметке «Неизвестная пьеса Чехова»: «Те, которые читали „На большой дороге“, отзываются об этом драматическом этюде, написанном еще совсем в старых формах, как о произведении очень тонкого письма и большой художественной прелести. Лишь конец, по их отзыву, – несколько сгущенный» («Русские ведомости», 1912, 10

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru февраля, № 33). Рецензент замечал еще, что в изображении «сбившихся с жизненного пути людей Чехов был как бы предшественником Максима Горького и его „На дне“».

11 февраля в более пространной заметке «Русских ведомостей» рассказывалось содержание пьесы. «Этюд не может, конечно, идти в сравнение с теми произведениями Чехова, которые дали ему славу драматурга. Но и в нем, во многих частностях, в отдельных фразах из разговора ночующих в кабаке на большой дороге чеховское перо чувствуется. И сквозь густую фабулу пробиваются местами тонкие чувства и меткие наблюдения».

В 1914 г., когда отмечалось 10-летие со дня смерти Чехова, пьеса была опубликована М. П. Чеховой в сборнике «Слово», вышедшем под ее редакцией. Тогда же пьеса была поставлена на сцене Малаховского театра (под Москвой). В ней участвовали: Гарин (Борцов), Рындина (Борцова), Нелидов (Мерик), Ворогумин (Федя), Биллер (Назаровна), Блюменталь-Тамарина (Ефимовна), Кручинин (Савва). Вступительное слово перед спектаклем прочел Ю. Соболев.

В газете «Русское слово» 2 июля 1914 г. был напечатан отклик на спектакль, повторенный 4 июля «Обозрением театров» (В. Н. <В. А. Никольский?>. Новая пьеса Чехова. – «Русское слово», 1914, 2 июля, № 151; «Обозрение театров», 1914, 4 июля, № 2486). «Только местами, – замечал рецензент, – вспыхивают на протяжении этой, сильно растянутой пьесы, искры чеховского таланта, то разгораясь и ярко освещая чрезвычайно жизненную фигуру прохожего фабричного Федя, в речах которого чувствуется будущий Епиходов, то потухая под пером неопытного драматурга.

Во всяком случае, для истории чеховского драматического творчества эта недавно открытая пьеса является чрезвычайно ценною, и литературная критика не замедлит, конечно, заняться этим этюдом».

Но литературная критика в ту пору не откликнулась на пьесу, а театральная критика, в лице Эм. Бескина, отозвалась резко отрицательно. «Это – не Чехов», – восклицал Бескин. Не зная, что пьеса была запрещена цензурой, он полагал, что Чехов «скрыл ее» и сетовал: «А еще лучше бы – оставить „На большой дороге“ как биографический документ, в книге, и не пересаживать его на сцену». О самом драматическом этюде Бескин писал: «В нем нет еще совсем будущего автора „Вишневого сада“, нет его элегии, а есть, напротив, та мелодраматическая подчеркнутость, которой грешил Чехов в период своего еще не сложившегося пера. Нам известно о мелодраме „с ужасами“, которую молодой Чехов написал и снес М. Н. Ермоловой. Вернувшись от Ермоловой, он разорвал в клочки и сжег эту мелодраму. „На большой дороге“ разнится от этой мелодрамы, вероятно, только тем, что Чехов не успел разорвать ее» (Эм. Бескин. «На большой дороге». – «Театральная газета», 1914, 6 июля, № 27).

Эта рецензия осталась единственным театральным откликом на постановку Малаховского театра. Публикация «Театральной газеты» представляет, однако, большой интерес – фотографиями первых исполнителей и сцен из спектакля.

Лебединая песня
(Калхас)

Впервые – сборник «Сезон», 1887, вып. 1, стр. 52–53 (ценз. разр. 11 января 1887 г.). Раздел: Для сцены и эстрады. Заглавие: Калхас. Драматический этюд в 1 действии. Подпись: Ант. Чехов.

В 1888 г. вышло в свет литографированное издание: Лебединая песня (Калхас). Драматический этюд в одном действии А. П. Чехова. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной (ценз. разр. 9 ноября 1888 г.).

Перепечатано в журнале «Артист», 1889, кн. II, октябрь (ценз. разр. 14 октября 1889 г.).

Включено в сборник «Пьесы» (1897).

Вошло в издание А. Ф. Маркса.

Сохранилась рукопись – цензурный экземпляр пьесы: Калхас. Драматический этюд в 1 действии А. П. Чехова. На обложке – штампель с датой представления в цензуру: «7 янв<аря> 1888» и резолюция цензора: «К представлению дозволено. Цензор дра<матических> соч<инений> Альбединский. 7 января 1888» (ЛГТБ).

Печатается по тексту: Чехов, т. VII, стр. 119–129.

Драматический этюд «Калхас» был написан Чеховым в самом конце 1886 или начале 1887 г. – по одноименному рассказу, опубликованному в «Петербургской газете» 10 ноября 1886 г. (см. т. V Сочинений; о таганрогских реалиях в рассказе и соответственно в пьесе – там же, стр. 664).

14 января 1887 г. Чехов сообщал М. В. Киселевой: «Я написал пьесу в 4-х четвертушках. Играть она будет 15–20 минут. Самая маленькая драма во всем мире. Играть в ней будет известный Давыдов, служащий теперь у Корша. Печатается она в „Сезоне“, а посему всюду разоидется. Вообще маленькие вещи гораздо лучше писать, чем большие: претензий мало, а успех есть... что же еще нужно? Драму свою писал я 1 час и 5 минут».

В сборнике «Сезон» пьеса была напечатана в сокращенном виде: не было всей второй половины пьесы, где Светловидов, вспоминая актерскую молодость, читает отрывки из пьес. Действие кончалось словами Никиты Иваныча: «Петрушка! Егорка! кто тут есть? Боже, свеча тухнет!» 5 сентября 1889 г. Чехов писал Ф. А. Куманину, издателю журнала «Артист»: «<...> в „Сезон“ я дал только часть первого монолога».

В конце 1887 г., в связи с постановкой пьесы в театре Корша, была изготовлена рукопись для представления в драматическую цензуру. «Вернувшись вчера от вас, – писал Чехов в конце декабря В. Н. Давыдову, – я усадил своих братцев за переписку, – „Калхас“ готов и посылается Вам в двух экземплярах».

Сравнительно с публикацией пьесы в «Сезоне», текст цензурной рукописи несколько расширен, в речь Светловидова внесены характерно разговорные, порою комические обороты: «Хвалю, мамочка!»; «Пьян! Уф!»; «...а на душе холодно и темно, как в погребке. Если здоровья не жаль, то хоть бы старость–то свою пощадил, шут Иваныч...»; «Смерть–матушка не за горами...»; «Жутко, черт подери... По спине мурашки забегали...»; «Зарыл я талант» и т. п. Роль Никиты немного сокращена (см. варианты). Текст пьесы заканчивался монологом из «Отелло»: «О, если бы угодно было небу...»

9 февраля 1888 г. Чехов сообщал в Таганрог Г. М. Чехову: «19 февраля в Москве идет моя новая пьеса, но маленькая, в одном действии». Киселевым – в Бабкино: «В пятницу идет моя паршивенькая пьеска в одном акте...» (А. С. Киселеву, 15 февраля 1888 г.). И брату Ал. П. Чехову – в Петербург: «19-го идет моя новая пьеска в одном действии» (15 февраля 1888 г.).

Премьера в театре Корша состоялась 19 февраля 1888 г. Роли исполняли: Светловидова – В. Н. Давыдов, Никиты Иваныча – Ф. П. Вязовский (первые исполнители помечены на титульном листе литографированного издания пьесы). Сохранилось воспоминание М. П. Чехова: «Я был тогда на первом представлении. Этюд этот был мне известен во всех подробностях, потому что я его переписывал не раз. И, батюшки–светы, сколько в него вставил тогда „отсебятины“ Давыдов! И про Мочалова, и про Щепкина, и про других актеров, так что едва можно было узнать оригинал!» (М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924, стр. 17). Позднее М. П. Чехов добавил: «Но в общем вышло недурно и так талантливо, что брат Антон не обиделся и не возразил» (Вокруг Чехова, стр. 206).

Вскоре пьесу захотел поставить актер Малого театра А. П. Ленский.

Для постановки на сцене императорского театра требовалось, помимо цензурного разрешения, одобрение Театрально–литературного комитета.

В марте 1888 г. Чехов просил у Давыдова «цензурованного „Калхаса“» (письмо между 7 и 10 марта). 23 апреля писал ему же: «Если „Калхас“ не потерялся, то пришлите; если же потерялся, то черт с ним, не хлопчите».

В театральную цензуру был представлен новый вариант конца 2-го явления, в котором изменен монолог из «Отелло» (вместо «О, если бы угодно было небу...» – «Прости покой, прости, мое довольство...»; этот же монолог из трагедии Шекспира в переводе П. И. Вейнберга Чехов цитирует в письме к Е. М. Линтваревой от 9 октября 1888 г.). На обложке прежнего цензурного экземпляра наложена новая резолюция цензора: «Разрешено и под заглавием „Лебединая песня“. Цензор драматических сочинений Альбединский. 18 октября 1888». На «Приложении» – дата

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
представления в цензуру: «15 окт<ября> 1888» и резолюция: «К представлению
дозволено. С.–Петербург. 18–го октября 1888 г. Цензор драматических сочинений
Альбединский».

17 октября 1888 г. Чехов писал А. Н. Плещееву, бывшему членом
Театрально-литературного комитета при дирекции императорских театров: «На сих
днях Жан Щеглов притащит к Вам мою одноактную пьесу „Калхас“, или „Лебединая
песня“. Нельзя ли прочесть ее в Литературном комитете и пропустить? Достоинства
в пьесе отсутствуют; значения ей я не придаю никакого, но дело в том, что
Ленскому хочется во что бы то ни стало сыграть ее на Малой сцене. Прошу не
столько я, сколько Ленский».

Пьеса была рассмотрена Театрально-литературным комитетом 22 октября на заседании
под председательством Д. В. Григоровича и одобрена (см. «Театр и жизнь», 1888, №
166). В этот день Плещеев извещал Чехова: «Сегодня мы Вашего „Калхаса“ читали и
пропустили. У меня дома даже переписали второй экземпляр, так как в комитет
нужно было представить два» (ЛН, стр. 335).

26 октября Чехов сообщал Ленскому: «...сегодня я был у Вас и оставил „Калхаса“ и
копию. Когда цензурованный экземпляр перестанет быть нужным, то, будьте добры,
возьмите его от режиссера и сохраните: он пойдет к Рассохину».

Я назвал „Калхаса“ „Лебединой песней“. Название длинное, кисло-сладкое, но
другого придумать никак не мог, хотя думал долго. Простите, что я так долго
возился с пьесой. Дело в том, что ей пришлось пройти в этот раз два чистилища:
драматическую цензуру и комитет. Если бы не цензура, то она давно уже была бы у
Вас».

В Малом театре пьеса поставлена не была, хотя 16 ноября Чехов писал брату
Александру Павловичу: «К числу пьес, предполагаемых к постановке на казенной
сцене, пока относятся две: „Медведь“ и „Лебединая песня (Калхас)“».

В 1889 г. к Чехову обратился издатель «Артиста» Куманин с просьбой о разрешении
поместить в журнале все драматические произведения Чехова, «хотя бы они и были
напечатаны ранее в газетах» (ГБЛ).

«Из всех немногочисленных пьес моих, – отвечал Чехов 5 сентября, – можно
напечатать только одну, а именно „Лебединую песню (Калхас)“, драматический этюд
в одном действии, который шел когда-то у Корша и, кажется, пойдет в Малом
театре. Пьеса эта была раньше напечатана в „Сезоне“ Кичеева, но не целиком, а в
сильно сокращенном виде <...> Эту „Лебединую песню“ можно достать у Рассохина.
Есть она и у меня, буде пожелаете».

9 сентября Куманину был послан экземпляр – видимо, литография. Текст,
опубликованный в журнале «Артист», полностью совпадает с литографированным, за
исключением одной поправки: сняты слова «с большой, седой бородой» (о Никите
Иваныче, в списке действующих лиц). Тексту пьесы в журнале предпослан рисунок Л.
О. Пастернака: декламирующий Светловидов и робко прижавшийся к левому углу сцены
Никита Иваныч. Впоследствии художник вспоминал: «<...> я невнимательно прочел
сценарий, где было сказано, что суфлер с бородой, и я нарисовал его бритым... Мне
рассказывали, что когда Чехов увидел мой рисунок, он тут же „побрил“ суфлера, т.
е. вычеркнул из манускрипта слова „с бородой“. По этому поводу мы с ним
обменялись письмами» (Л. О. Пастернак. Записи разных лет. М., 1975, стр. 41).

10 октября 1889 г. Чехов писал Куманину: «Что же касается „Калхаса“, то в
прошлый сезон о нем был у меня с Ленским разговор; собирались ставить и всё
откладывали. Теперь же я до поры до времени не хотел бы напоминать об этом ни
печатно, ни устно. Рисунок Пастернака очень хорош. Простите, что задержал».

Однако 19 января 1890 г. пьеса Чехова исполнялась в Александринском театре в
бенефис П. М. Свободина. Как сообщал сам Чехов И. М. Кондратьеву, Условие на
постановку в этом театре «Лебединой песни» было заключено по 28 декабря 1891 г.
(письмо 28 декабря 1889 г.).

22 декабря 1894 г. пьеса была одобрена драматической цензурой «к представлению
на народных театрах» (резолюция на экземпляре ЛГТБ).

При включении «Лебединой песни» в сборник «Пьесы» в тексте были сделаны

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
небольшие перемены. Возраст Светловидова вместо 58–68 лет; соответственно бенефисный спектакль посвящен не 35-летию, а 45-летию его службы в театре. Сокращен (на четыре стиха) монолог из «Отелло», но добавлены две заключительные реплики и отрывок из монолога Чацкого. Как и в других пьесах сборника, несколько изменены грамматические формы речи: вместо «перед ней», «со мной» и т. п. – стало «перед нею», «со мною». Однако в существительных («всему причиною», «его женою») – перемена обратная; стало: «его женой», «всему причиною». Значительно сократилось число восклицательных знаков и многоточий.

В собрании сочинений текст пьесы сохранен почти без изменений. В списке действующих лиц вместо «Василий Васильевич» помечено: «Василий Васильич» и в тексте сделана одна стилистическая поправка: «Гляжу в яму» – вместо «Гляжу на яму».

Чешский переводчик Б. Прусик писал Чехову 26 ноября (9 декабря) 1901 г.: «Высылаю афиши Национального театра в Праге, где играли в моем переводе Вашу „Лебединою песню“ с огромным успехом. Хлопочу, чтобы сыграли все Ваши одноактные пьесы» (ГБЛ; ЛН, стр. 243–244).

При жизни Чехова «Лебединая песня (Калхас)» переводилась на болгарский, немецкий, польский, сербскохорватский и чешский языки.

Иванов
Ранняя редакция (1887 г.)

Впервые – отдельное литографированное издание: Иванов. Комедия в 4 действиях и 5 картинах Антона Чехова. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной (ценз. разр. 10 декабря 1887 г.; вышло в свет с 24 по 31 января 1888 г.; отпечатано 110 экз.).

Сохранилось два списка с текстом ранней редакции: экземпляр театральной цензуры (далее везде – ценз. 871; ЛГТБ) и общей цензуры (далее везде – ценз. 872; ГЦТМ).

Печатается по тексту ценз. 872.

1
Ценз. 871 – первоначальный сценический вариант пьесы, текст машинописного оттиска (ремингтон), который был отпечатан в октябре 1887 г., до премьеры спектакля, и 2 ноября представлен на утверждение театральной цензуры. На обложке – заглавие: Иванов. Комедия в 4-х действиях и пяти картинах. Слово «комедия» переправлено позднее в цензуре на «драма» – в соответствии с подзаголовком окончательной редакции пьесы. Там же – штампель с датой регистрации в цензуре: «2 ноя<бря> 1887» и резолюция цензора: «К представлению дозволено. Цензор др<аматических> соч<инений> кейзер-фон-Нилькгейм. 6 ноября 1887 года», а также его предупредительная надпись: «с исключ<ениями>».

Цензор в двух местах пьесы исключил «неудобные» с его точки зрения слова – в реплике Лебедева, обращенной к Иванову: «того и гляди, к тебе товарищ прокурора прискачет... Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель [, и изменник]» (д. III, явл. 5), и в отзыве Львова о родителях Сарры и их вероисповедании: «они точно хотят удивить [Иегову] своим религиозным закалом» (д. III, явл. 6).

Текст машинописного оттиска не выправлен и содержит большое число разного рода ошибок, пропусков, искажений. Очевидные описки, естественно, в варианты не включаются, однако само их наличие в огромном количестве в тексте оттиска заставляет с осторожностью подходить к определению авторской причастности в ряде разночтений, отраженных в вариантах (например: черт подери/черт побери, уж/уже и т. п.).

Ценз. 872 – отредактированный и подготовленный к публикации текст машинописного оттиска с авторской правкой, который был отпечатан в ноябре 1887 г., уже после премьеры (не позднее 24 ноября): Иванов. Комедия в 4 действиях и 5 картинах Антона Чехова. На обложке оттиска – дата представления в общую цензуру: «8 декабря 1887» и резолюция цензора: «Дозволено цензурою. С.-Петербург. 10 декабря 1887 г. И<сполняющий> д<олжность> цензора Пеликан», а также его предупредительная надпись: «С исключениями».

Тексту пьесы предпослано на отдельном листе авторское уведомление (автограф) о

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
первой ее постановке: «Первый раз была поставлена в „Русском театре Корша“ в Москве, 19 ноября 1887 г., при следующем составе...» (далее шел перечень всех действующих лиц и исполнителей). Этот лист перечеркнут цензором, который внизу приписал: «Может быть напечатано только на экземпляре, одобренном драматической цензурой».

В тексте пьесы цензор сделал вычерки в восьми местах, в которых, видимо, по его мнению, неосторожно затрагивались «догматы христианской веры» и «нравственные приличия», что запрещалось цензурным уставом. Первый из вычерков – в оскорбительном отзыве Шабельского о Сарре (Анне Петровне) и ее игре на рояле: «туше возмутительное... [Семитическое, перхатое туше, от которого на десять верст пахнет чесноком...]» (д. I, явл. 2). Другой вычерк – имя Иеговы, исключенное ранее и театральным цензором (см. выше). Следующий – в обращении Львова к Иванову, где снова речь идет о Сарре: «Вы человек, которому она пожертвовала всем: [и верой,] и родным гнездом, и покоем совести...» (д. III, явл. 6); еще один вычерк – в реплике самой Сарры: «Жила я с тобой пять лет, томилась и болела, [что изменила своей вере], но любила тебя...» (д. III, явл. 10).

В двух других местах цензор исключил упоминания о боге и судьбе (провидении), выступающие на фоне заниженной лексики или в комическом контексте: в словах Лебедева «Ну, да что делать, [судьбе кукиша не покажешь...]» (д. IV, к. 2, явл. 3) и в реплике Боркина в сцене его полушутовского признания в любви: «[О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек...] Что же еще сказать тебе? Выходи, вот и все» (там же, явл. 6).

В сценах объяснения Боркина с Бабакиной сделаны еще два вычерка – в двусмысленно звучащих репликах, в которых можно было усмотреть намек на их близость: в словах Бабакиной «[Что хотите], а насчет денег – очень вами благодарна», где цензор вычеркнутые слова заменил своими: «Как хотите» и т. д. (д. II, явл. 12), а также в реплике Боркина: «Правда, я пользовался взаимностью [в самых широких размерах], но это не удовлетворяло меня» (д. IV, к. 2, явл. 6).

Литографированное издание пьесы (далее везде – лит. 87) не является достоверным источником текста: хотя оно и было перепечатано с авторизованного текста Ценз. 872, однако при копировании пьесы писец допустил множество отклонений от оригинала: фамилия Косых, которую Чехов склонял (Косыха, Косыху), в тексте литографии во всех случаях унифицирована; вместо «езжай» всюду проставлено «уезжай»; в реплике Иванова «Я женился на Анне...» имя передано с искажением: «Ане»; «взволнованно» заменено на «взволнованная», «одеться» на «одеваться» и т. д. Еще более небрежно копиист отнесся к пунктуации оригинала и часто вместо многоточий в конце фраз проставлял точки или восклицательные знаки.

Об источниках текста и ранней редакции «Иванова» см. также: С. Балухатый. К истории текста и композиции драматических произведений Чехова. «Иванов» (1887–1889–1903 гг.). – «Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР», 1927, т. XXXII; А. П. Скафтымов. Пьеса Чехова «Иванов» в ранних редакциях. – В кн.: А. Скафтымов. Нравственные искания русских писателей. М., 1972; И. Ю. Твердохлебов. К творческой истории пьесы «Иванов». – В сб.: В творческой лаборатории Чехова. М., 1974.

2

По свидетельству В. Г. Короленко, Чехов в одну из первых встреч в Москве (весной 1887 г.) сообщил ему о намерении писать драму в четырех действиях: «...устремив на меня свои прекрасные глаза с выражением внезапно созревающей мысли, он сказал:

– Слушайте, Короленко... Я приеду к вам в Нижний.

– Буду очень рад. Смотрите же – не обманите.

– Непременно приеду... Будем вместе работать. Напишем драму. В четырех действиях. В две недели. Я засмеялся <...>

– Нет, Антон Павлович. Мне за вами не ускакать. Драму вы пишете один, а в Нижний все-таки приезжайте». (В. Короленко. Памяти Антона Павловича Чехова. – «Русское богатство», 1904, № 7, отд. II, стр. 218; Чехов в воспоминаниях, стр. 142–143).

В сентябре 1887 г. Ф. А. Корш предложил Чехову написать что-нибудь для своего театра, и таким образом перед ним открылась реальная возможность поставить на

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
сцене свою будущую пьесу в том же театральном сезоне. Позднее П. А. Сергеенко, припомнив одну из своих бесед с Чеховым летом 1889 г., привел его рассказ об этом предложении Корша: «Как-то был я в театре Корша. Шла новая пьеса. Вычурная, препротивная. Ни складу, понимаешь, ни ладу. Я и начал, что называется, разносить пьесу. А Корш ехидно и говорит: „А вот вы вместо того, чтобы критиковать, лучше взяли бы да сами написали пьесу“. Я говорю: „хорошо, и напишу“. Так и произошел „Иванов“» (П. А. Сергеенко. О Чехове. – «Нива». Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения, 1904, № 10, стлб. 217–218).

О разговоре Чехова с Коршем вспоминал также М. П. Чехов: «Встретившись как-то с Ф. А. Коршем в его же театре в фойе, Чехов разговорился с ним о пьесах вообще. Тогда там ставили легкую комедию и водевиль, серьезные же пьесы были не в ходу, и, зная, что Чехов был юмористом, Корш предложил ему написать пьесу. Условия оказались выгодными, и брат Антон принялся за исполнение» (Вокруг Чехова, стр. 186).

Первое упоминание самого Чехова о пьесе содержится в его письме к М. В. Киселевой от 13 сентября 1887 г.: «Два раза был в театре Корша, и в оба раза Корш убедительно просил меня написать ему пьесу. Я ответил: с удовольствием. Актеры уверяют, что я хорошо напишу пьесу, так как умею играть на нервах. Я отвечал: мерсі. И, конечно, пьесы не напишу <...> мне решительно нет никакого дела ни до театров, ни до человечества... Ну их к лешему!»

Однако в конце сентября Чехов все же принялся за пьесу. 10 или 12 октября он сообщал Ал. П. Чехову: «Пьесу я написал нечаянно, после одного разговора с Коршем. Лег спать, надумал тему и написал. Потрачено на нее 2 недели или, вернее, 10 дней, так как были в двух неделях дни, когда я не работал или писал другое». И позднее он с шуточной пренебрежительностью отзывался о пьесе как непредвиденном драматическом «выкидыше» (А. Н. Плещееву, 23 января 1888 г.). Видимо, со слов самого Чехова создалась легенда, повторявшаяся затем мемуаристами, о легком и скоропалительном создании пьесы: «Написана она была совершенно случайно, наспех и сплеча» (Вокруг Чехова, стр. 186); «„Иванов“ был набросан чуть ли не на пари с Коршем в какие-нибудь две недели» (И. Л. Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове. – Чехов в воспоминаниях, 1954, стр. 151); «Написал он „Иванова“ в восемь дней, залпом» (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, стр. 14).

Пьеса хотя и была написана быстро, но создавалась с большим творческим напряжением. По свидетельству одного из очевидцев, Чехов, засев за пьесу, «повесил на дверь аншлаг „очень занят“» (А. Грузинский. Шипы и тернии в жизни Чехова (Из моих воспоминаний). – «Южный край», 1904, 18 июля, № 8155). Поглощенный работой, Чехов, по словам Н. М. Ежова, казался «пасмурным», «задумчивым», «молчаливым» «и как будто не в духе» (Н. М. Ежов. Юмористы 80-х годов прошлого столетия. – ЦГАЛИ, ф. 189, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 9, 9 об.).

Таким же «несколько рассеянным, недовольным и как будто утомленным» запомнился Чехов и Короленко, который застал его за писанием драмы: «Он вышел из своего рабочего кабинета, но удержал меня за руку, когда я, не желая мешать, собрался уходить».

– Я действительно пишу и непременно напишу драму, – сказал он. – „Иван Иванович Иванов“ ... Понимаете? Ивановых тысячи... обыкновеннейший человек, совсем не герой... И это именно очень трудно... Бывает ли у вас так: во время работы, между двумя эпизодами, которые видишь ясно в воображении, – вдруг пустота...

– Через которую, – сказал я, – приходится строить мостки уже не воображением, а логикой?..

– Вот, вот...

– Да, бывает, но я тогда бросаю работу и жду.

– Да, а вот в драме без этих мостков не обойдешься...» (Чехов в воспоминаниях, стр. 143).

Эта встреча Короленко с Чеховым произошла, видимо, 26 или 27 сентября 1887 г. (в тот день Чехов читал ему заметку из «Нового времени» от 25-го числа, а 28-го она

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
была уже отослана им Киселевой). В течение трех последовавших за этим недель почти прекратилось участие Чехова в газетах и журналах – случай небывалый в его писательской практике до тех пор. Н. А. Лейкин, ничего не зная о работе Чехова над пьесой, забрасывал его вопросами: «Что значит, что Вы ничего не пишете? Уж не больны ли?»; «Вот уже месяц ни одного рассказа от Вас для „Осколков“!» (8 сентября, 12 ноября – ГБЛ). В письмах этого времени сам Чехов объяснял: «Да, я долго не писал...»; «Наверное, Вы сердитесь, что я не шлю рассказов. Увы, я никуда не шлю их!»; «Пишу я целый день и до того дописался, что стало противно держать в руках перо»; «был сильно занят в последнее время»; «было много срочной работы»; «Не бываю ни в театрах, ни в гостях, так что мамаша и тетя Ф<едосья> Я<ковлевна> прозвали меня за домоседство „дедом“» (Лейкину, 11 сентября, 7 октября; Г. М. Чехову, 17 октября 1887 г.). К 5 октября пьеса была закончена. В этот день Чехов известил Ежова: «Моя пьеса готова. Если Вы не раздумали помочь мне, то пожалуйста завтра...» Ежов вспоминал впоследствии, что Чехов обратился с просьбой к нему как хорошему теще «прийти и прочитать ему вслух пьесу» (за эту помощь во время своего «обручения с Мельпоменой» он шуточно называл потом Ежова «шафером» пьесы).

По словам Ежова, «на столе лежала толстейшая тетрадь, четко, красивым и своеобразным почерком Чехова переписанная». Ежов прочел пьесу вслух от начала до конца, без перерыва. Чехов «слушал и все время молчал <...> очевидно, взвешивая и оценивая им самим написанное». Ежов читал «с изумлением», так как вместо ожидаемой веселой комедии в чеховском жанре встретил «мрачную драму, переполненную тяжелыми эпизодами». Пьеса ему не пришлась по душе, многих сцен он не понимал, сам Иванов «не представлялся убедительным, и чего ему хотелось, чего он добивался, решить было трудно» (указ. соч., лл. 9,9 об). Правда, тогда, в 1887 г. Ежов иначе формулировал свои впечатления о пьесе и в письме к Чехову от 23 ноября называл, например, финальную сцену III акта «дивным и глубоко трагическим местом»: «По-моему, такая сцена должна потрясти зрителей сильнее, чем „разэффектнейшая“ мелодрама „Вторая молодость“ Невежина, где публика плачет при прощании ссылаемого с родными <...> В ссоре же Иванова нет никаких подчеркнутых обстоятельств, а одна ужасная драма» (ГБЛ).

Окончив пьесу, Чехов отозвался о ней с удовлетворением: «Пьеса у меня вышла легкая, как перышко, без одной длинноты. Сюжет небывалый» (Ал. П. Чехову, 6 или 7 октября). В следующем письме он снова повторял: «Сюжет сложен и не глуп» (10 или 12 октября). Чехов отметил и недостатки своей пьесы: считал, что удалось отделать лишь «немногие действительно сильные и яркие места; мостики же, соединяющие эти места, ничтожны, вялы и шаблонны». В том же письме он замечал далее: «Чувствую, что мои дамы, кроме одной, разработаны недостаточно»; несколько позже он писал, что в пьесе есть «2 прекрасные женские роли» (Лейкину, 4 ноября). Ал. П. Чехов, работавший в редакции «Нового времени», сообщил 9 октября: «Известие о твоей комедии „Иванов“ встречено в редакции весьма сочувственно. Ждут чего-то великого. Петерсен ликует» (Письма Ал. Чехова, стр. 177).

Текст готовой пьесы был тогда же передан в театр. Впоследствии В. А. Гиляровский, описывая одно из своих посещений семьи Чеховых, уточнил, со слов Ивана Павловича, обстоятельства сдачи пьесы: «Пришел Иван Павлович. Припомнил, как он по поручению брата носил к Коршу первую пьесу – „Иванова“ <...> „Отдал пьесу. Понравилась Коршу“» (Вл. Гиляровский. Заметки. Накануне у М. П. Чеховой. – «Голос Москвы», 1910, 17 января, № 13; ср. также: Чехов в воспоминаниях, стр. 113).

Сообщая о первом впечатлении, произведенном пьесой, Чехов отметил «похвалы, ей расточаемые»: «Всем нравится. Корш не нашел в ней ни одной ошибки и греха против сцены...» (Ал. П. Чехову, 10 или 12 и 21 октября).

Артист В. Н. Давыдов впоследствии вспоминал, что в артистической уборной театра Корша он получил от озабоченного Чехова сверток с пьесой: «Вернувшись из театра, сел читать. Ужасно мне пьеса понравилась. Едва дождался утра и бросился к Антону Павловичу на квартиру <...> Застал его дома и тут же категорически заявил, что „Иванова“ надо непременно играть» (В. Н. Давыдов. Кое-что о Чехове. Рукопись ЛГТМ; ср. также: Александр Плещеев. Что вспомнилось. Актеры и писатели. Т. III. СПб., 1914, стр. 113). Давыдов утверждал, что именно с этого момента стал горячим приверженцем Чехова-драматурга: «Я не помню, чтобы другое какое-либо произведение меня так захватило, как это. Для меня стало ясно до очевидности, что предо мною крупный драматург, проводящий новые пути в драме» («У В. Н.

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Давыдова». – «Одесские новости», 1904, 12 июля, № 6362. Подпись: Ъ).

В своих письмах Чехов сообщал, что Давыдов однажды (это было 26 октября) затащил его к себе, «продержал до трех часов ночи», нашел в пьесе «пять превосходных ролей», уверял, что в ней все «тонко, правильно, чинно и благородно», и отнесся к ней «горячо, с восторгом» (Ал. П. Чехову, 29 октября). Давыдов, по словам Чехова, был убежден, что «Иванов» «лучше всех пьес, написанных в текущий сезон» (Лейкину, 4 ноября), что он «написал вполне законченную вещь и не сделал ни одной сценической ошибки» (Ежову, 27 октября); там же Чехов отметил: «Давыдов <...> понял Иванова так, как именно я хочу».

3

После премьеры спектакля в театре Корша Чехов задумал выпустить пьесу отдельным литографированным изданием и сдать ее в театральную библиотеку для рассылки по провинции. Чтобы получить право на публикацию, необходимо было снова представить пьесу в цензуру – уже не драматическую, а общую. С этой целью к 24 ноября им был подготовлен новый текст ранней редакции – исправленный и доработанный (Ценз. 872).

В текст пьесы были введены дополнительно (видимо, частично с учетом сценической интерпретации пьесы) авторские ремарки: Плачет, Пьет, Смеется, Встает, Поет, Идя за ней, Пауза и т. п.

Рукой Чехова в экземпляре Ценз 872 вычеркнуты слова Саши, характеризовавшие Иванова: «Честен, великодушен, доверчив, мягок, как воск» (д. II, явл. 3). В речи персонажей опущен ряд просторечных и обиходно-фамильярных оборотов, например: «в графини лезет... Ах, волк те заешь...» (в речи Дудкина – д. IV, к. 1, явл. 2), «помер» заменено на «умер» (в речи Бабакиной), «нетусь» на «нет» (в речи лакея) и т. п.

В исправленном тексте простые предложения трансформировались в сложные, точки заменялись многоточиями или восклицательными знаками (подобные различия в вариантах не отражены), например: Ах, да – чуть было не забыл. /Ах, да! Чуть было не забыл...; Дядя, закрой окно./ Дядя, закрой окно!.. и т. п.

Отредактированный экземпляр пьесы Чехов послал 24 ноября в редакцию «Нового времени». До представления пьесы в цензуру с ней познакомилась А. С. Суворин, В. П. Буренин, А. Н. Маслов (Бежецкий) и другие лица. Прибыв вскоре и сам в Петербург, Чехов писал оттуда, что «самое живое, нервное участие» в пьесе принял Суворин: он был сильно возбужден ею, держал у себя Чехова по целым часам и «трактовал» о ней (Давыдову, 1 декабря).

Передавая мнение своих литературных «судей» в Петербурге, Чехов сообщал, что пьеса произвела на них «очень недурное впечатление», что, по их мнению, «характеры достаточно рельефны, люди живые, а изображаемая в пьесе жизнь не сочинена», «язык безукоризнен». Особое одобрение вызвала сцена IV акта, «где Иванов прибегает перед венцом к Саше. Суворин в восторге от этого места» (там же).

Однако драматургическое построение пьесы вызвало у петербургских ее ценителей серьезные претензии. Отступления от привычных канонов были восприняты с явным неодобрением: «Пьеса написана небрежно. С внешней стороны она подлежит геенне огненной и синедрону». Буренин нашел, что «в первом действии нет завязки, – это не по правилам». Указывалось также, что финал пьесы составляет «сценическую ложь» и должен быть переделан. Наконец, в целях разъяснения Иванова Суворин советовал «дать ему монолог» (там же).

Мысли о переделке пьесы зародились у Чехова буквально на следующий день после того, как он увидел «Иванова» на коршевской сцене. Он с огорчением отметил тогда прямолинейно-вульгарное исполнение актерами комедийных сцен («балаган и кабак»), «длиннейший, утомительный антракт» между двумя картинами в IV акте и непонятую «охладевшей и утомленной публикой» развязку пьесы (Ал. П. Чехову, 20 ноября). В этих замечаниях Чехова содержались первоначальные наброски плана предстоящих изменений: исключение комедийных сцен с шаферами, объединение двух картин в одну и переделка финала, по поводу которого Чехов писал: «У меня есть вариант».

После премьеры Чехов как будто был преисполнен решимости произвести такую переделку немедленно: «Второй раз пьеса идет 23-го, с вариантом и с изменениями

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru – я изгоняю шаферов» (там же). Однако это намерение вряд ли было реализовано: все существенные изменения текста подлежали обязательному предварительному утверждению драматической цензурой, но никаких «вариантов» Чехов туда не представлял. Да и не было у него в то время необходимого расположения к работе и не заглохли еще воспоминания о неудачной коршевской постановке и приеме, оказанном пьесе московскими рецензентами. Он сам признавался: «...мне после Москвы так опротивела моя пьеса, что я никак не заставляю себя думать о ней: лень и противно» (Чеховым, 3 декабря).

И все же какая-то попытка ввести в текст некоторые исправления была предпринята им сразу же после премьеры: об этом свидетельствуют карандашные пометы (вычерки в тексте и отчерки на полях), сохранившиеся на страницах только что отпечатанного тогда машинописного оттиска пьесы (Ценз. 872).

Чехов наметил в оттиске вычерк (затем он был стерт) двух явлений последнего акта – как раз тех «балаганных» сцен, исполнением которых он был недоволен, исключил шуточную свадебную заповедь свахи в III акте (явл. 3), вычеркнул несколько шутовских реплик Боркина и Шабельского и некоторые другие места, связанные с комедийной жанровой основой пьесы.

Намеченная в оттиске правка носила сугубо предварительный характер, она не перешла тогда в текст пьесы и не была учтена в вышедшем вскоре в свет литографированном издании – это правка «дальнего прицела», которая была связана с перспективой будущей перестройки пьесы, с еще не до конца осознанным творческим планом перестройки пьесы из «комедии» в «драму».

К осуществлению этого плана Чехов вернулся только через год, но уже и в 1887 г. о предстоящей переделке пьесы говорилось в литературных кругах как о деле вполне решенном. Например, редактор «Будильника» сообщал тогда своим читателям: «Можно быть уверенным, что „Иванов“ в новой обработке удовлетворит большинству» (<В. Д. Левинский.> Театрально-музыкальные заметки неписанных рецензентов. – «Будильник», 1887, № 50, 25 декабря, стр. 7. Подпись: Свой).

4

Премьера пьесы состоялась в Москве 19 ноября 1887 г. на сцене Русского драматического театра Корша в бенефис Н. В. Светлова. Роли исполнили: Иванова – В. Н. Давыдов, Анны Петровны – А. Я. Глама-Мещерская, графа Шабельского – И. П. Киселевский, Лебедева – Л. И. Градов-Соколов, Зинаиды Савишны – З. П. Бороздина, Саши – Н. Д. Рыбчинская, Львова – П. Ф. Солонин, Бабакиной – Б. Э. Кошева, Косых – Ф. П. Вязовский, Боркина – Н. В. Светлов, Дудкина – В. И. Валентинов, Авдотьи Назаровны – Е. Ф. Красовская. Декорации I акта были выполнены художником А. С. Яновым, товарищем Н. П. Чехова.

Постановка «Иванова» была поручена режиссеру М. В. Аграмову. Ближайшее участие в ней принял Давыдов, которому, по словам одной из участниц спектакля, «был обязан театр появлением на сцене первой серьезной чеховской пьесы» (А. Я. Глама-Мещерская. Воспоминания. М. – Л., 1937, стр. 257). А. А. Плещеев также считал Давыдова «крестным отцом „Иванова“» (Александр Плещеев. Что вспомнилось, стр. 113). Глама-Мещерская вспоминала, что «пьесу Чехова ставили с любовью, с редким вниманием, ибо уже тогда все, начиная с Корша, возлагали большие надежды на молодого автора» (указ. соч., стр. 258).

Будущие участники спектакля сначала собирались у Чехова: «Они читали пьесу и распределяли между собою роли. Антон очень волновался и говорил, что „все бы это было хорошо, если бы артисты проявляли больше жизненных инстинктов“» (А. А. Долженко. Воспоминания родственника об Антоне Павловиче Чехове. – В кн.: А. П. Чехов. Сб. статей и материалов. Ростов н/д, 1959, стр. 342). Перечислив имена бывавших тогда у Чехова артистов, мемуарист упомянул также имя артистки Г. И. Мартыновой, которая в окончательный состав исполнителей не вошла, но, видимо, сначала намечалась на роль Саши. Чехов надеялся, что «Давыдов и Киселевский будут блестящи», и писал, что «Давыдов с восторгом занялся своею ролью» (Лейкнну, 4 ноября). Гламе-Мещерской роль также была передана, по ее словам, «согласно желанию автора» (А. Я. Глама-Мещерская. Воспоминания, стр. 257). Однако Рыбчинская, назначенная на роль Саши, «неохотно бралась за нее» (там же). С неудовольствием взялся за свою роль и Киселевский. Чехов позднее вспоминал: «Он всюду ходил и жаловался, что его заставляют играть такого сукиного сына, как мой граф» (Суворину, 30 декабря 1888 г.).

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

24 октября Чехов с беспокойством писал о работе над пьесой в театре: «Актеры не понимают, несут вздор, берут себе не те роли, какие нужно, а я воюю, верю, что если пьеса пойдет не с тем распределением ролей, какое я сделал, то она погибнет. Если не сделают так, как я хочу, то во избежание срама пьесу придется взять назад». Чехов разделял в это время опасения Давыдова, что пьеса «у Корша шлепнется, так как играть ее решительно некому» (Ал. П. Чехову, 29 октября); «она неминуемо провалится благодаря бедности коршевской труппы» (Лейкину, 4 ноября 1887 г.).

26 октября Корш подписал условие, по которому он получил «исключительное право постановки в Москве» пьесы до 1 июня 1888 г. (Чехов. Лит. архив, стр. 82). 2 ноября он известил Чехова о посылке пьесы в цензуру и предложил «окончательно решить некоторые вопросы постановки» (ГБЛ). Их встреча, состоявшаяся 3 ноября, убедила Чехова, что «Корш – купец, и ему нужен не успех артистов и пьесы, а полный сбор», и он снова хотел взять свою пьесу назад и передать ее Малому театру (Лейкину, 4 ноября).

Вместо обещанных десяти репетиций было назначено всего четыре (Ал. П. Чехову, 20 ноября). Глама-Мещерская вспоминала, что Чехов на них «постоянно присутствовал, но он скромно сидел в партере и в режиссерскую постановку совсем не вмешивался; актерам никаких замечаний не делал» (А. Я. Глама-Мещерская. Воспоминания, стр. 258).

Однако из писем самого Чехова видно, что репетиции сильно его волновали и постановка отняла у него много нервной энергии. Он признавался, что пьеса «заездила и утомила» его (Лейкину, 4 ноября). Об этом времени Чехов вспоминал несколько позже: «Мне кажется, что я весь ноябрь был психопатом»; «В голове такое умопомрачение...»; «После пьесы я так утомился, что потерял способность здраво мыслить и дельно говорить» (Ал. П. Чехову, 24 ноября; Лазареву (Грузинскому), 26 ноября). И. Н. Потапенко писал в своих воспоминаниях: «Чехов часто говорил об особом авторском психозе, которым заболевает человек, ставящий пьесу.

– Я сам испытал это, когда ставил „Иванова“, – говорил он и описывал болезнь: „Человек теряет себя, перестает быть самим собой, и его душевное состояние зависит от таких пустяков, которых он в другое время не заметил бы: от выражения лица помощника режиссера, от походки выходного актера...“» и т. д. (И. Н. Потапенко. Несколько лет с А. П. Чеховым. – «Нива», 1914, № 28, стр. 551; Чехов в воспоминаниях, стр. 344). Лейкин всячески уговаривал Чехова не вмешиваться в постановку, находил это совершенно излишним и рекомендовал всецело положиться на режиссера и исполнителей. В письме от 12 ноября 1887 г. он горячо убеждал в этом Чехова, ссылаясь при этом на свой собственный опыт драматурга и опыт Суворина: «Напрасно Вы так бьетесь с Вашей пьесой. Конечно, постановка пьесы для Вас новинка, первая пьеса Вас волнует, но нужно быть хладнокровнее. Я сам волновался при постановке моей первой пьесы, но потом бросил, когда ставились последующие <...> Делал я обыкновенно так: являлся на одну, последнюю репетицию, предоставляя постановку пьесы режиссеру. Это самое лучшее. Скажу Вам по опыту: я даже не понимаю, как это автор может ставить пьесу. Автор постановке только мешает, стесняет актеров и в большинстве случаев делает только глупые указания. Суворин то же самое говорит. Я был у него и передавал содержание Вашего письма» (ГБЛ).

На эти доводы Чехов отвечал 15 ноября: «Ваши строки относительно постановки пьес повергли меня в недоумение <...> На сие отвечу Вам сице: 1) автор хозяин пьесы, а не актеры; 2) везде распределение ролей лежит на обязанности автора, если таковой не отсутствует; 3) до сих пор все мои указания шли на пользу и делалось так, как я указывал; 4) сами актеры просят указаний <...> Если свести участие автора к нолю, то получится черт знает что... Вспомните-ка, как Гоголь бесился, когда ставили его пьесу! Разве он не прав?»

За несколько дней до премьеры Чехов писал Лазареву (Грузинскому): «К 19-му ноября я готовлюсь, как к венцу» (15 ноября 1887 г.). На первом спектакле присутствовала вся семья Чехова и многие его знакомые. По воспоминанию очевидца (С. Ф. Рассохина), Чехов «ни за что не хотел выходить на вызовы, и его почти вытащили артисты, во главе с В. Н. Давыдовым, игравшим Иванова. Смущенно раскланивался А. П. и бессознательно отвечал на одобряющие пожатия руки Давыдова» (<Ф. А. Мухортов>. Дебюты Чехова-драматурга. «Иванов» и «Медведь» у Корша. – «Раннее утро», 1910, 17 января, № 13. Подпись: Ор).

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

О состоявшейся премьере Чехов писал брату: «Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шканья, и никогда в другое время им не приходилось слышать стольких споров, какие видели и слышали они на моей пьесе» (Ал. П. Чехову, 20 ноября). В следующем письме он снова повторял, что «на первом представлении было такое возбуждение в публике и за сценой, какого отродясь не видел суфлер, служивший в театре 32 года» (ему же, 24 ноября).

М. П. Чехов позднее тоже вспоминал: «Это было что-то невероятное. Публика вскакивала со своих мест, одни аплодировали, другие шикали и громко свистели, третьи топали ногами. Стулья и кресла в партере были сдвинуты со своих мест, ряды их перепутались, сбились в одну кучу, так что после нельзя было найти своего места; сидевшая в ложах публика встревожилась и не знала, сидеть ей или уходить. А что делалось на галерке, то этого невозможно себе и представить: там происходило целое побоище между шикавшими и аплодировавшими» (Вокруг Чехова, стр. 187–188).

Некоторые зрители, в частности, художники И. И. Левитан, Ф. О. Шехтель, Н. П. Чехов, находили, что пьеса на сцене «до того оригинальна, что странно глядеть. В чтении же это незаметно» (Ал. П. Чехову, 24 ноября). Будущий театральный критик Н. Е. Эфрос, присутствовавший на спектакле, утверждал впоследствии, что «несмотря на некоторую грубость коршевского исполнения, нивелировавшего оригинальность новых драматургических методов, – эта оригинальность, специально чеховское – они дошли до зрителей, хотя бы до более молодой их части, они произвели впечатление, захватили, особенно в первом акте, у Чехова – лучшим и наиболее „чеховском“» (Николай Эфрос. Московский Художественный театр. 1898–1923. М. – П., 1924, стр. 26).

Очевидное недовольство зрительного зала вызвал последний акт пьесы и особенно развязка, казавшаяся, видимо, недостаточно драматургически подготовленной и малоэффективной (в первой редакции пьесы Иванов умирал естественной смертью – тихо и для всех незаметно). Чехов сам отмечал, что «публика не понимает этой смерти» (Ал. П. Чехову, 20 ноября). В печати говорилось, что окончание пьесы было «встречено относительно холодно» («Новости дня», 1887, 20 ноября, № 319, отд. Театр и музыка). Один из очевидцев потом писал, что публике «особенно странной казалась развязка» (Д. Я. <Д. Я. Языков>. Краткий очерк двадцатипятилетней деятельности театра Ф. А. Корша. 1882–1907. М., 1907, стр. 37). Эфрос, наконец, прямо заявлял, что «финал резко настроил против пьесы, даже произвел что-то вроде скандала» (Николай Эфрос, указ. соч., стр. 26).

На следующий день после премьеры к Чехову на дом явился известный драматург В. А. Крылов и предложил кое-что в пьесе «исправить», «изменить», «прибавить» – «с тем, чтобы он, Крылов, шел за полуавтора и чтобы гонорар делился между ними пополам». Удивленный Чехов «деликатно ему отказал» (Вокруг Чехова, стр. 188; ср. также: А. Федоров. А. П. Чехов. – «Южные записки», 1904, № 32, 18 июля, стр. 10).

На втором спектакле, состоявшемся 23 ноября 1887 г., вместо актрисы Рыбчинской, у которой внезапно заболела дочь, в роли Саши выступила без репетиций Е. В. Омутова (позднее она в «Иванове» играла Сарру). Через много лет она вспоминала, что Чехов на другой день прислал ей только что вышедшую в свет свою книгу «Пестрые рассказы» с надписью: «Евгении Викторовне Омутовой, спасшей мою пьесу» (письмо к Чехову от 18 января 1904 г. – ГБЛ).

Вскоре выбыл еще один участник спектакля, игравший доктора Львова. Чехов, находившийся тогда уже в Петербурге, получил известие об этом от брата Михаила Павловича, который 7 декабря 1887 г. сообщал ему в числе других новостей: «7., Пьеса твоя еще ни разу не давалась и в течение всей этой недели даваться не будет, ибо –

8., У Солонина при смерти отец, и сам Солонин уехал в Саратов: некому играть врача» (ГЛМ). Таким образом, надежды Чехова на то, что «пьеса пойдет много раз» (Ал. П. Чехову, 21 октября 1887 г.), не оправдались. Он с досадой отзывался о постановке «Иванова» в театре Корша, находил, что его пьесу там «пакостили», «коверкали», «ломали»; он полагал, что «после коршевской игры ни один человек из публики не понял Иванова» (Чеховым, 3 декабря). Чехов указывал на «режиссерские промахи» и «неуверенность» актеров: «Роль знали только Давыдов и Глама, а остальные играли по суфлеру и по внутреннему убеждению». Особенно возмутило его

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
исполнение последнего акта: «Выходят шафера; они пьяны, а потому, видишь ли, надо клоунничать и выкидывать коленцы. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас» (Ал. П. Чехову, 20 ноября).

Свою авторскую неудовлетворенность постановкой Чехов, приехав в Петербург, высказал Суворину. Присутствовавший при разговоре фельетонист «Нового времени» В. С. Лялин в очередной газетной заметке передал его содержание и, не называя имен, сообщил о «беседе с молодым автором-драматургом», «о бесчисленных „фантазиях“, допущенных гг. актерами при исполнении его пьесы» и «авторских страданиях, пережитых при первом представлении»: «Один актер, например, совсем не знал роли и говорил что бог на душу положит, не имея никакого понятия о лице, которое он призван изображать; другой, имевший такое понятие, т. е. знавший, кого он должен играть, совсем однако не знал что и как он будет играть, полагаясь во всем на суфлера; комик безбожно перевирал текст, играя, как говорится, совсем из другой оперы».

Подразумевая, без сомнения, сцену графа Шабельского с Лебедевым из IV акта, о которой Чехов упоминал также в приведенном выше письме от 20 ноября 1887 г., фельетонист далее писал: «Сцена такая, например: X., сидя за роялем, под влиянием разных воспоминаний, начинает плакать; Z. спрашивает его, о чем он плачет; X. продолжает плакать, не отвечая на слова; публика недоумевает. В чем дело? X., оказывается, просто забыл, зачем он плачет; что плакать нужно – он помнил, а зачем нужно – забыл. Автор сидит в это время в ложе и все это видит – видит, что местами он сам не узнает своей пьесы, до того она переиначена и искажена. Каково ему в это время? Публика между тем, которая пьесы не знает, судит о ней по искаженному тексту, и этот суд иногда окончательный».

Продолжая свой рассказ, фельетонист в следующем номере газеты сообщил, как «драматическая премьерша, перепутавшая одну пьесу с другой, в конце третьего действия залилась вдруг слезами. Бедный автор вне себя вбегает на сцену. „Что вы сделали! – кричит он. – Помилосердствуйте! Вы должны были разгневанной выбежать вон в конце действия, а вы вдруг заплакали!“ – „Ах, извините, отвечала премьерша, я перепутала: я вчера в третьем действии плакала, ну вот я и сегодня заплакала..“» (Петербургец. Маленькая хроника. – «Новое время», 1887, 29 ноября, № 4222; 30 ноября, № 4223).

При всех возможных неточностях этого рассказа он представляет несомненный интерес, поскольку основан на действительных фактах, сообщенных Чеховым. Сам Чехов, однако, был возмущен бестактной выходкой «нововременского балбеса», который «поднес в газете такую фигу коршевской труппе»; он опасался, что после этой публикации «Корш снимет с репертуара» пьесу (Чеховым, 3 декабря 1887 г.).

В том же сезоне «Иванов» был поставлен и на провинциальной сцене. 7 ноября 1887 г. Чехов сообщал Киселевой, что его пьеса «уже пущена в обращение» и на той же неделе (то есть до премьеры в Москве) «пойдет в Саратове с Андреевым-Бурлаком в одной из главных ролей». О том же он упоминал и в письме к Ал. П. Чехову от 10 ноября.

Однако документальных сведений об этом спектакле нет. Действительно, труппа товарищества артистов под управлением Г. М. Коврова с участием приглашенного из Москвы В. Н. Андреева-Бурлака гастролировала в саратовском городском театре с 12 по 24 ноября 1887 г. Но ни в объявленном газетами репертуаре, ни в печатных откликах на прошедшие спектакли пьеса Чехова не упоминалась (см.: Ж. С. Норец. Был ли «Иванов» поставлен в Саратове в 1887 году? – «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института», т. 460, 1970, стр. 140–144).

В Харькове 1 и 14 января 1888 г. «Иванов» ставился труппой товарищества артистов с участием Е. Я. Неделина (Иванов), М. И. Свободиной-Барышевой (Анна Петровна) и А. В. Анненской (Саша). 12 и 28 мая та же труппа сыграла «Иванова» в Екатеринославе. 19 февраля 1888 г. «Иванов» был поставлен в Ставрополе товариществом драматических артистов под управлением С. Н. Томского в бенефис артистки С. С. Багрицкой, исполнявшей роль Бабакиной (об этой постановке Чехов упоминал 7 апреля 1888 г. в письме А. Н. Маслову-Бежецкому). 27 октября пьеса шла в Ярославле в исполнении труппы артистов под управлением Н. А. Борисовского (Лебедев) с участием Е. В. Горской, В. А. Агреновой, С. С. Расатова и т. д.

Впоследствии Г. Г. Ге вспоминал, что он «один из первых» ставил пьесу Чехова в

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru провинции и участвовал в ней: «Поставил я ее в Ковне, где она прошла с огромным успехом. Спустя год „Иванов“ с немалым успехом прошел в Астрахани. С тех пор эта пьеса стала любимой в провинции» (Л. Львов. Артисты о Чехове (Воспоминания, встречи и впечатления). Г. Г. Ге. – «Новости и Биржевая газета», 1904, 23 августа, № 232).

5

В печати впервые об «Иванове» сообщалось 9 октября 1887 г. – на страницах «Нового времени»: «Ан. П. Чеховым, как мы слышали, написана комедия в четырех действиях, под заглавием: „Иванов“. Сюжет пьесы нов. Первая постановка на сцену предполагается в Москве» (№ 4171, отд. Театр и музыка). Эта «коммерческая заметка» была напечатана по просьбе самого Чехова, который в письме к Ал. П. Чехову от 6 или 7 октября сообщил ее примерный текст для передачи в редакцию.

31 октября та же газета кратко характеризовала пьесу: «Слышавшие „Иванова“ говорят, что это – очень оригинальная, симпатичная вещь. В постройке пьесы замечается такое искусство, такая умелость, что трудно даже признать ее первым драматическим опытом молодого автора» (<А. Д. Курепин.> Московский фельетон. – «Новое время», 1887, 31 октября, № 4193. Подпись: К.). Извещение о готовившейся «новинке в театре Корша» было напечатано также в «Петербургской газете» (30 октября, № 298), а с 11 ноября анонсы стали публиковаться и московской прессой.

После премьеры одним из первых обрушился на пьесу П. И. Кичеев, который назвал ее «глубоко безнравственной, нагло-цинической путаницей понятий», «отвратительнейшей стряпней», «цинической дребеденью», автора – «бесшашным клеветником на идеалы своего времени». В Иванове он увидел не «героя переживаемого нами времени», а просто «отъявленного негодяя», совершающего «гнусные выходы», «негодяя, которому нет названия», «негодяя, попирающего все и божеские и человеческие законы» (Петр Кичеев. По театрам. – «Московский листок», 1887, 22 ноября, № 325; см. также письма Чехова А. С. Киселеву и Ал. П. Чехову от 24 ноября). Словам Кичеева о «негодяйстве» Иванова почти буквально вторил Л. И. Пальмин в своем письме Лейкину, написанному в день опубликования статьи Кичеева: «Герой пьесы – невыразимый негодяй, каких и в жизни редко найдешь, но которому автор, очевидно, сочувствует, – может возбудить только чувство омерзения. Во всех сценах нет ничего ни комического, да ничего и драматического, а только ужасная, омерзительная, циническая грязь, производящая отталкивающее впечатление» (см.: Г. А. Бялый. Русский реализм конца XIX века. Изд. ЛГУ, 1973, стр. 158).

В том же тоне и также свидетельствуя о полном непонимании объективной манеры драматургического письма Чехова была выдержана и рецензия С. Н. Филиппова, который обнаружил в пьесе «беспардонное лганье на человеческую природу», «выдумку», «незнание жизни» и аттестовал ее как «десятидневную стряпню», результат «психопатического творчества», «недоношенный плод противузаконного сожительства авторской невменяемости и самого тупого расчета». Иванова он тоже рассматривал как «заведомого мерзавца», «форменного негодяя», «вопиющего мерзавца» («Театр Корша». – «Русский курьер», 1887, 25 ноября, № 325. Подпись: Ph.).

Во взгляде обоих рецензентов на пьесу в обнаженно-вульгарной форме проявилось смешение плана изображения и авторского «я». Они подошли к оценке главного героя пьесы с меркой тех персонажей, которые в самой пьесе трактовали Иванова как заведомого «подлеца». Они отвергли пьесу за то, что автор «симпатизирует своему герою», рисует как «слабохарактерного только и симпатичного страдальца» (Кичеев), «навязывает симпатичнейшие ярлыки» и представляет его «благороднейшим представителем человеческой породы» (Филиппов).

Авторитетный критик «Московских ведомостей» С. В. Флеров-Васильев отнесся к пьесе в целом благожелательно и писал о ней в спокойно-сдержанном тоне (Чехов отметил, что в газете пьесу «похвалили» – Ал. П. Чехову, 24 ноября). В рецензии говорилось: «На театре г. Корша идет новая комедия с оригинальным названием „Иванов“. Это первый драматический опыт г. Чехова, автора целого ряда небольших рассказов, недавно появившихся отдельной книгой под заглавием „В сумерках“. Г. Чехов начинающий писатель и совсем еще молодой человек. Это чувствуется уже из самой пьесы <...> я не скажу, чтоб это было произведение зрелое. Напротив, в нем много ошибок, ошибок неопытности и неумения. Но оно талантливо».

Критик находил, что «при всей неопытности автора» ему удалось показать в пьесе

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru «живые лица», в которых «тенденции нет никакой». Правда, главный герой представлен рецензентом несколько однопланово: «Иванов прекрасный человек, умный, честный, трудолюбивый, преданный своему делу и отдающий ему всю душу; он безупречный общественный деятель и слывет за умника во всем уезде». Видимо, сознавая, что в пьесе характер Иванова показан гораздо более сложным и выходит за рамки набросанного им портрета, критик склонен был объяснить это расхождение только неопытностью и неумением драматурга: «Я до конца дожидался разъяснения мне автором характера Иванова. Разъяснения этого не последовало. Автор виноват <...> Я думал сначала, что автор намеренно держит его в первых актах в полутени, чтобы потом одним эффектным сценическим поворотом бросить на него полный свет. Этого не случилось. Г. Чехов просто не справился со своим героем» (С. Васильев. Театральная хроника. XII. – «Московские ведомости», 1887, 23 ноября, № 323).

Новый подход к Иванову высказали рецензенты, полагавшие, что негероическое изображение «героя» пьесы входило в творческие планы драматурга. Так, в анонимной корреспонденции «из Москвы», напечатанной в «Новом времени» и принадлежавшей А. Д. Курепину (его авторство подтверждается письмом Чехова к Ал. П. Чехову от 24 ноября 1887 г.), утверждалось, что главное лицо пьесы было «задумано автором оригинально». Далее говорилось: «Герои пьес обыкновенно отличаются яркими достоинствами или столь же яркими недостатками; у Иванова нет ни тех, ни других. Это – заурядный человек, честный, но не сильный характером; не он создает себе жизнь, а жизнь зачастую распоряжается им». Однако основной конфликт в пьесе был трактован Курепиным суженно – только как столкновение честной личности с враждебной внешней средой, как поединок Иванова со сплетней, которая, «измучивши Иванова, окончательно добивает его...» («Новое время», 1887, 22 ноября, № 4215, отд. Театр и музыка).

Стремлением глубже проникнуть в авторский замысел отличалась статья неизвестного автора, написанная в форме письма в редакцию газеты «Новости дня», которую Чехов назвал «длинной защитительной речью» (В. Н. Давыдову, 1 декабря). Нападки на пьесу автор статьи объяснил тем, что рецензенты просто «не отгадали» смысл явлений и характеры лиц, не поняли, что пьеса Чехова скроена не шаблонно, не по известной мерке, что именно в этом и состоит ее особый интерес.

Разъясняя возникшие недоумения, автор статьи писал так, будто ему были хорошо известны авторские намерения: «Об Иванове сложилось мнение как раз в том духе, какой нежелателен был автору, вне всякого сомнения, имевшему в виду, что найдется много близоруких людей, составляющих себе убеждения наотмашь. Он нарочно вывел в пьесе несколько посторонних лиц, толкующих об Иванове вкривь и вкось как о человеке безнравственном, бесчестном, и этим как бы хотел предостеречь зрителей от неверного понимания; случилось же наоборот. Иванов не был понят, лучше – его не хотели понять, не хотели признать его живым лицом...».

В статье утверждалось, что Чехов поставил в пьесе целый ряд вопросов животрепещущей важности: ему удалось «схватить выдающиеся черты типичного характера», «вывести его на свет божий, представить его нашим глазам как живую действительность». В понимании рецензента Иванов – обыкновенный, средний, «дюжинный человек, без запаса твердых убеждений, при полном отсутствии характера», который страдает «общепризнанным теперь» недугом – «нервной импотенцией, если можно так выразиться». При этом существенно, что драматичность положения героя автор статьи не свел только к конфликту между ним и пошлым обществом, но отметил также противоречия в «духовной сфере» Иванова, обнаружил в нем самом «целый мир адских мук и терзаний, от которых он не может освободиться» («Еще два слова об „Иванове“ (Письмо в редакцию)». – «Новости дня», 1887, 30 ноября, № 329, отд. Театр и музыка. Подпись: N.).

Медведь

Впервые – «Новое время», 1888, 30 августа, № 4491, стр. 2–3. Заглавие: Медведь. Шутка в одном действии. Подпись: А. П.

В 1888 г. вышло в свет литографированное издание: Медведь. Шутка в одном действии Ан. Чехова. Посвящается Н. Н. Соловцову. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной (ценз. разр. 4 октября 1888 г.).

Перепечатано в журнале «Артист», 1890, кн. 6, февраль, и в приложении к журналу «Будильник», 1893, №№ 40–42 от 10, 17 и 24 октября.

Включено в сборник «Пьесы» (1897).

Вошло в издание А. Ф. Маркса.

Сохранилась рукопись – цензурный экземпляр пьесы: Медведь. Шутка в одном действии Ан. Чехова. Посвящается Н. Н. Соловцову. На обложке штамп с датой представления в цензуру: «22 сен<тября> 1888» и резолюция цензора: «К представлению дозволена, с разрешения г. начальника. См. рапорт 24 сентября 1888. Цензор дра<матических> соч<инений> С. Донауров. 27 сентября 1888» (ЛГТБ).

Печатается по тексту: Чехов, т. VII, стр. 5–23.

1

Чехов написал пьесу в феврале 1888 г., вскоре после окончания повести «Степь» (отправлена в журнал «Северный вестник» 3 февраля 1888 г.). 22 февраля он сообщил И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «Ничего не делаю. От нечего делать написал водевиль „Медведь“». И в тот же день Я. П. Полонскому: «От нечего делать написал пустыньский французистый водевильчик под названием „Медведь“. <...> На „Степь“ пошло у меня столько соку и энергии, что я еще долго не возьмусь за что-нибудь серьезное».

Сохранилось воспоминание А. С. Лазарева (Грузинского) о том, как зимой 1888 г. Чехов читал свою пьесу: «Взял со стола тоненькую тетрадь и, стоя посреди комнаты, жестикулируя, меняя голос, прочел нам очень живую и веселую пьеску. Это был только что законченный им „Медведь“. Читал Чехов мастерски – известно, что в ранней юности он не без успеха выступал на сцене; всю пьеску он прочел свободно, не задыхаясь, не спадая с голоса, хотя от публичных выступлений на литературных вечерах уклонялся и тогда и позже, ссылаясь на слабость голоса, на быструю утомляемость» (Чехов в воспоминаниях, стр. 170).

В «Новом времени» пьеса была напечатана без подписи, с инициалами: А. П. Угадавший подлинное имя автора А. Н. Плещеев спрашивал Чехова 13 сентября 1888 г.: «А ведь это Вы написали в „Новом времени“ шутку „Медведь“? Мне кажется, на сцене она была бы очень забавна. Я по некоторым штришкам узнаю Вашу руку» (ЛН, стр. 330). Леонтьев (Щеглов) делился своим впечатлением от пьесы: «Ваш „Медведь“ мне очень понравился – написано бегло, ярко и сжато, именно так, как надо писать подобные вещи. Здесь Савина и Сазонов, а в Москве Мартынова и Соловцов могут сделать безделке популярность» (12 сентября 1888 г. – ГБЛ).

14 сентября Чехов ответил Леонтьеву (Щеглову): «Вам нравится „Медведь“? Коли так, pošлю его в цензуру».

23 сентября цензор драматических сочинений С. И. Донауров дал отрицательное заключение: «Неблагоприятное впечатление, производимое этим более чем странным сюжетом, увеличивается вследствие грубости и неприличия тона всей пьесы, и поэтому я полагаю бы, что к представлению на сцене оно совершенно не пригодно» (ЦГИА; Чехов. Лит. архив, стр. 261).

Запрещения, однако, не последовало. Начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов, прочитав рапорт цензора, наложил резолюцию: «Я эту пьесу читал. Мне кажется, что следовало бы исключить из нее некоторые грубые выражения, а что касается сюжета, то при всей пустоте его, он не содержит ничего предосудительного» (там же). В тексте было вычеркнуто несколько грубых фраз. В явл. 5 слова Смирнова: «Вы узнаете у меня Сидорову козу и Кузькину мать, в рот вам дышло, сто чертей и одна ведьма!» (заменено словами: «Узнаете вы меня!»); в явл. 8 – его суждения о женщинах: «шкодливы, как кошки, трусливы, как зайцы...»; в явл. 9 – слова Поповой: «Бревно грубое!»

Чехов после прохождения пьесы в цензуре заметил в письме от 2 октября А. С. Суворину: «„Медведь“ пропущен цензурой (кажется, не безусловно) и будет идти у Корша. Соловцов жаждет играть его».

Пьеса ставилась и перепечатывалась в дальнейшем без слов, исключенных цензурой. В настоящем издании они также не восстанавливаются, поскольку этого не сделал сам Чехов в сборнике «Пьесы» и в прижизненном собрании сочинений; редактируя в конце жизни ранние сочинения, он обычно освобождал их от экспрессивных слов и выражений, подобных тем, какие содержатся в первопечатном тексте «Медведя».

Рукопись, представленная в цензуру, несколько отличалась от газетной публикации:

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
была обозначена фамилия автора, появилось посвящение Н. Н. Соловцову. В репликах Смирнова сняты: «черт меня возьми совсем? Как я могу не сердиться?» (явл. 4) и «Мокрого места не останется!» (явл. 9); в речи Поповой – дважды повторенное «Вы нахал!» (явл. 9). Внесены небольшие стилистические поправки (в основном – перестановка слов).

Литографированное издание, повторившее утвержденный театральная цензурой текст, вышло около 10 октября 1888 г. В журналах «Артист» и «Будильник» водевиль перепечатывался без авторской правки (в «Артисте» нет посвящения Соловцову; в «Будильнике» появилось довольно много опечаток).

Чехов внес новые изменения в текст лишь в 1896 г., для сборника «Пьесы». Вместо пяти явлений стало одиннадцать: первое явление разбито на три, второе – на четыре, третье – на три, и лишь два последних явления остались, как были; в связи с этим изменены порядковые номера. Снято посвящение Соловцову, появившееся снова в марксовском издании. В тексте сделано несколько поправок: в словах Луки «Горничные и кухарки» – на «горничная и кухарка»; в его обращении к Поповой: «Молодые, красивые» – на «Молодая, красивая». Вычеркнута одна фраза в монологе Смирнова о женщинах (явл. 8) и сняты его нападки на турнюр («не позабыли надеть турнюр», «Хоть турнюр, хоть ямочки на щеках»). Упоминание о «турнюре» все-таки осталось – в явл. 6, но и оно исчезло при подготовке текста для собрания сочинений. В сборнике «Пьесы» нет сердитой реплики Поповой: «Через год получите!» (явл. 8), обострявшей и без того горячий конфликт.

Для собрания сочинений Чехов внес в текст «Медведя» лишь несколько поправок. В речи Луки литературное «да уж поздно будет» заменено народным: «ан поздно будет»; в одежде Смирнова вместо шляпы появилась фуражка (ремарка в явл. 10); в двух случаях изменены слова (одно вставлено, одно поправлено).

Как и в других пьесах, вошедших в марксовское издание, в тексте «Медведя» существенно изменена пунктуация: сокращено число многоточий, меньше стало восклицательных знаков.

2

В середине октября 1888 г. Чехов писал А. Н. Маслову (Бежецкому) о предстоящей постановке «Медведя» в театре Корша и «Лебединой песни» в Малом театре: «В этот сезон у меня пойдут две одноактных штуки: одна у Корша, другая на казенной сцене. Обе написаны между делом. Театра я не люблю, скоро утомляюсь, но водевили люблю смотреть». И добавлял шутливо: «Верую я в водевиль и как автор: у кого есть 25 десятин земли и 10 сносных водевилей, того я считаю обеспеченным человеком – вдова его не умрет с голоду».

Премьера «Медведя» в театре Корша состоялась 28 октября 1888 г. Роли исполняли Н. Д. Рыбчинская (Попова), Н. Н. Соловцов (Смирнов), Н. В. Светлов (Лука). Вечер был посвящен бенефису Светлова; давали, кроме «Медведя», «Очаровательный сон» Антропова (переделка повести Достоевского «Дядюшкин сон») и «Завтрак у предводителя» Тургенева. Наибольший успех, по отзывам театральных критиков, имела пьеса Чехова. Автор присутствовал на спектакле; его дважды вызывали.

2 ноября 1888 г. Чехов описывал этот спектакль Леонтьеву (Щеглову): «Соловцов играл феноменально. Рыбчинская была прилична и мила. В театре стоял непрерывный хохот; монологи обрывались аплодисментами. В 1-е и 2-е представление вызывали и актеров и автора. Все газеты, кроме Васильева, расхвалили... Но, душа моя, играют Соловцов и Рыбчинская не артистически, без оттенков, дуют в одну ноту, трусят и проч. Игра топорная. <...> Видаюсь с Тихоновым. Он советует послать „Медведя“ в Александринку». Леонтьев (Щеглов), отвечая Чехову, советовал то же: «Савина, если захочет, наделает чудеса из Вашей грациозной „Поповки“, а Сазонов, хотя и будет „дуть в одну ноту“, но с Савиной сыграется как нельзя лучше...» (ГБЛ). На втором спектакле в театре Корша (31 октября 1888 г.) Попову играла А. Я. Глама-Мещерская. «После первого представления, – рассказывал Чехов 2 ноября в письме Леонтьеву (Щеглову), – случилось несчастье. Кофейник убил моего медведя. Рыбчинская пила кофе, кофейник лопнул от пара и обварил ей всё лицо. Второй раз играла Глама, очень прилично. Теперь Глама уехала в Питер и, таким образом, мой пушной зверь поневоле издох, не прожив и трех дней. Рыбчинская обещает выздороветь к воскресенью».

3 ноября 1888 г. Чехов сообщил Плещееву: «Мой „Медведь“ прошел у Корша шумно», а 5 ноября писал Н. А. Лейкину: «У меня с большим успехом идет у Корша шутка

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
„Медведь“. По всем видимостям, этот медведь надолго прилипнет к репертуару, а в провинции и на любительских сценах его будут часто разделявать». Игрой актеров он был, однако, по-прежнему недоволен и 10 ноября написал Плещееву: «Мой „Медведь“ в Москве идет с большим успехом, хотя медведь и медведица играют неважно».

Тогда же М. П. Чехов приглашал двоюродного брата Г. М. Чехова приехать в Москву: «Теперь в театре идет новая пьеса Антона „Медведь“, за которую публика всякий раз вызывает автора и рукоплещет ему с азартом. Приезжай, посмотришь. А посмотреть стоит» (ЛН, стр. 857).

7 ноября 1888 г. экземпляр литографированного издания был отправлен в Театрально-литературный комитет. Суворину в этот день Чехов писал: «Все мне советовали послать „Медведя“ в Александринку. У Корша публика рыгает, не переставая, хотя Соловцов и Рыбчинская играют совсем не артистически. Я с сестрой сыграли бы лучше». И Леонтьеву (Щеглову), который должен был отвезти пьесу в Комитет: «Если пьесу одобряют, то свободный экземпляр возьмите и вручите актеру или актрисе по своему усмотрению. Вы рекомендуете Савину и Сазонова? Хорошо. Тихонов рекомендует Далматова и Васильеву... И это хорошо. То есть, мне решительно всё равно, так как питерской труппы я не знаю».

12 ноября пьеса была представлена в Комитет и одобрена «большинством голосов» к представлению на сцене императорских театров (резолюция на обложке литографированного издания – ЛГТБ; письмо Плещеева от 16 ноября 1888 г. – ЛН, стр. 338).

Суворин сообщил Чехову о желании М. Г. Савиной играть в «Медведе». «Благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за Савину, т. е. за весть о ней, – отвечал Чехов 11 ноября. – Я думаю, она отлично разделала бы медведицу. Но представьте мою маленькую беду! Жан Щеглов, которому я послал 2 экз. „Медведя“ для Театрально-литературного комитета, сегодня пишет мне, что он по совету В. П. Буренина снес моего „Медведя“ Абариновой к ее бенефису. Тон у Жана Щеглова радостный: счастливчик, мол, тебя удостоили! Боюсь, как бы не произошла неловкость. Про Савину я слышал много хорошего, Абариновой совсем не знаю, а потому не имею причин разделять радостный тон Щеглова. В ответ на его письмо написал, что я Савиной дал уже согласие». В письме к Леонтьеву (Щеглову), отправленном в тот же день, Чехов назвал Савину «высокоталантливой и божественной».

«Савина хочет играть моего „Медведя“ – она была у Суворина, взяла мой адрес и номер с „Медведем“. В Москве он идет с треском, пойдет и в провинции шибко. Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь» (Плещееву, 13 ноября 1888 г.).

18 ноября Чехов просил брата Александра Павловича: «Если случится узнать, когда в Александринке пойдет мой „Медведь“, то уведошь». Ал. П. Чехов отвечал шутливо 22 ноября: «Завтра же я еду к Савиной и, если она соизволит принять меня во фраке, немедленно отпишу, ибо „Медведя“ хочет и хлопчет ставить она» (Письма Ал. Чехова, стр. 223).

Условие с дирекцией императорских театров на постановку «Медведя» было заключено лишь 29 января 1889 г. (ЦГАЛИ). Между тем первое литографированное издание разошлось так быстро, что понадобилось второе. Уже 23 декабря 1888 г. Чехов писал Суворину: «„Медведь“ печатается вторым изданием. А Вы говорите, что я не превосходный драматург».

В феврале 1889 г. и второе издание пьесы было «на исходе» (Суворину, 20 февраля 1889 г.).

На сцене Александринского театра водевиль «Медведь» «прошел с фурором» (письмо Плещеева Чехову, 7 февраля 1889 г. – ЛН, стр. 344). Премьера состоялась 6 февраля 1889 г. Роли исполняли: М. Г. Савина (Попова), Н. Ф. Сазонов (Смирнов), К. А. Варламов (Лука).

Чехов не был доволен игрой Сазонова: «Сазонов скверно играет в „Медведе“. Это очень понятно. Актеры никогда не наблюдают обыкновенных людей. Они не знают ни помещиков, ни купцов, ни попов, ни чиновников. Зато они могут отлично изображать маркеров, содержанок, испитых шулеров, вообще всех тех индивидуумов, которых они случайно наблюдают, шатаясь по трактирам и холостым компаниям. Невежество

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
ужасное!» (Суворину, 25 ноября 1889 г.).

Вскоре пьеса «Медведь» перешла на провинциальные, частные и любительские сцены.

В одном из писем конца 1888 г. Чехов шутил по поводу того, что его «Медведя» «играют у министров» (Суворину, 19 декабря 1888 г.; речь шла о домашних спектаклях у министра финансов И. А. Вышнеградского и в министерстве иностранных дел; здесь роли исполняли профессиональные актеры: М. Г. Савина, Н. Ф. Сазонов, К. А. Варламов, В. Н. Давыдов). Позднее А. А. Хотяинцева, встретившаяся с Чеховым в Ницце в конце 1897 г., вспоминала его слова: «А вы играли в моем „Медведе“? Нет? Очень приятно, а то каждая почти барышня начинает свое знакомство со мной: „А я играла вашего „Медведя“!“» (ЛН, стр. 610).

О том, с каким триумфом шла пьеса в театрах Москвы и в провинции, рассказывал М. П. Чехов: «Антошиного „Медведя“ ставили у себя на домашних сценах министр финансов и министр иностранных дел; говорят, что весь высший свет хохотал, глядя на пьесу Антона. На той неделе „Медведь“ пойдет на императорской сцене, а сейчас уже в 11-й раз его жарят в Русском драматическом театре в Москве» (письмо Г. М. Чехову, 14 декабря 1888 г. – ЛН, стр. 857). По сведениям, содержащимся в письме М. П. Чехова от 12 марта 1889 г., пьесу «Медведь» играли тогда в Москве, Харькове, Калуге, Полтаве, Новочеркасске, Таганроге, Ревеле, Кронштадте, Томске, Киеве, Туле, Тифлисе, Казани, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме, Симбирске. 12 марта 1889 г. в письме к двоюродному брату Георгию в Таганрог М. П. Чехов передавал просьбу старшего брата: «Антоша просит тебя очень убедительно выслать ему или афишку „Медведя“ или тот № „Таганрогского вестника“, где о нем говорится» (ЛН, стр. 858).

Артист Е. Я. Неделин, исполнитель роли Иванова в Харьковском товариществе драматических актеров, писал Чехову 18 февраля 1889 г.: «Такое же спасибо примите и за Медведя, которого я играл уже 5 раз, а 6-ой раз играю в прощальный спектакль 19-го февраля. „Медведь“ имел очень большой успех и служил большей приманкой для публики, чем капитальная пьеса спектакля; здесь все положительно восторгаются этой пьеской, и приемам нет конца – спасибо!» (ГБЛ).

Известно, что одним из первых публичных выступлений В. Э. Мейерхольда было исполнение роли Луки в «Медведе», поставленном пензенским кружком любителей драматического искусства в начале 1890-х гг. (см. ЛН, стр. 417).

В Москве о праве ставить пьесу спорили театр Корша и новый театр – Абрамовой (просуществовал один сезон в 1889/1890 г.). 18 сентября 1889 г. Чехов писал Леонтьеву (Щеглову): «<...> из-за „Медведя“ Корш ругается с Абрамовой: первый тщетно доказывает свое исключительное право на сию пьесу, а абрамовский Соловцов говорит, что „Медведь“ принадлежит ему, так как он сыграл его уже 1817 раз. Сам черт не разберет!»

С 19 по 30 апреля 1889 г. в Одессе гастролировало Товарищество московских драматических артистов (с участием петербургских актеров), ставившие пьесы «Иванов» и «Медведь». В письме к брату Александру Павловичу Чехов просил собрать «Новороссийский телеграф» с 15 апреля по 1 мая или «соответствующие номера» «Одесского вестника»: «Возьми и скорее вышли мне заказную бандеролью, чем премного меня обяжешь». В «Новороссийском телеграфе» за время гастролей столичных артистов подробных рецензий не появилось; о «Медведе» же было сказано, что он служит «блестящим подтверждением истины, что для живого, оригинального, искреннего таланта нет избитых и пустяжных тем» («Новороссийский телеграф», 1889, 25 апреля, № 4399).

Когда в 1890 г. по дороге на Сахалин Чехов был в Сибири, там в разных городах шли «Медведь» и «Предложение». Газета «Восточное обозрение» отмечала превосходное, живое исполнение в иркутском театре шуток Чехова – «бытовых сцен из повседневной будничной жизни», написанных в «гоголевском духе» («Восточное обозрение», 1889, 22 октября, № 43; 1890, 15 и 29 апреля, №№ 15 и 17). В газете «Владивосток» (1889, 22 и 29 января, №№ 4 и 5) говорилось, что «прошел очень хорошо» новый водевиль «Медведь» с участием Молчанова и Стрельской (сведения о сибирских газетах сообщены М. Л. Семановой). 3 февраля 1892 г. Чехов смотрел «Медведя» в Воронеже, когда поехал по делам организации помощи голодающим (письмо к М. П. Чеховой).

11 апреля 1895 г. водевиль был поставлен в Обществе искусства и литературы

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru («Русские ведомости», 1895, № 98). Зимой 1900 г. на вечере, устроенном Обществом в Охотничьем клубе на Воздвиженке, присутствовал Л. Н. Толстой. Были поставлены «Свадьба» и «Медведь». Как писала 16 декабря О. Л. Книппер, Толстой «смеялся до упаду, и ему понравилось» («Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер», т. I. М., 1934, стр. 242).

В сентябре 1895 г. Ал. П. Чехов послал брату в письме вырезку из «Кубанских областных ведомостей», где сообщалось о постановках «Медведя» и «Предложения»: «В „Кубанских областных ведомостях“ пишут о Вас: „Весь эффект прекрасного водевиля А. Чехова „Предложение“ пропадал, благодаря удивительному незнанию своих ролей г-жою Невериной и г. Дорошенко; только г. Касиненко и заслуживает внимания“».

И в том же номере анонсируют: „Сегодня, в воскресенье, пойдет малорусская драма в 5 действ. „Ой, не ходы, Грыцю, та на вечерници“, Соч. М. П. Старицкого, и водевиль „Медведь“, Соч. А. Чехова“» (Письма Ал. Чехова, стр. 314–315).

В 1898 г. «Медведь» шел на сцене Малого театра с участием А. П. Щепкиной (Попова), Н. М. Подарина (Смирнов) и П. Я. Рябова (Лука). По этому поводу к Чехову обращалась 26 сентября 1898 г. Т. Л. Щепкина-Куперник, и Чехов дал согласие на постановку. (Сохранился договор дирекции императорских театров с Чеховым на представление «Медведя» – ЦГТМ; см. стр. 297.)

Критические отзывы на постановки «Медведя» были немногочисленны.

Шумно откликнулись газеты лишь на первую постановку – в театре Корша. Газета «Новости дня» сообщала: «Новая пьеса „Медведь“, <...> данная вчера в бенефис Н. В. Светлова на сцене театра Корша, прошла очень бойко; автор дважды был дружно вызван вместе с г-жой Рыбчинской и г. Соловцовым, исполнявшими роли в этой пьесе. <...> Бенефициант был встречен публикой аплодисментами и подарком» (1888, 29 октября, № 1910). Через два дня в той же газете была напечатана подробная рецензия на спектакль: «Полная юмора игра г-жи Рыбчинской и г. Соловцова много способствовала успеху пьесы. Фраза Елены: „Я с удовольствием влеплю пулю в ваш медный лоб“ – была покрыта гомерическим аплодисментом. Соловцову аплодировали всей залой во время самого действия» (1 ноября, № 1913). В газете «Театр и жизнь» рецензент, подписавшийся Н. П., писал: «„Медведь“ – это форменная шутка, построенная на „невозможном“ анекдоте и не претендующая на жизнь или „естественность“». <...> Благодаря великолепной игре г-жи Рыбчинской и г. Соловцова публика хохотала до упаду. Автора вызывали. Театр был полон. Бенефицианта встретили очень ласково и поднесли ему серебряный сервиз на плато, покрытом цветами» (1888, 30 октября, № 172).

«Русские ведомости» отмечали в разделе «Театр и музыка»: «Самой интересной пьесой бенефиса была новая одноактная шутка г. Ант. Чехова „Медведь“. Это очень грациозная вещица, написанная хорошим языком и с большим талантом. Это шутка, но в ней много жизненного <...> Пьеска дышит свежестью таланта и оригинальностью сцен <...> Автора шумно вызывали два раза» (31 октября, № 300).

В «Русском курьере» заметка появилась тоже 31 октября (№ 301; подписана: С. Ф.): «Маленькая одноактная шутка г. Антона Чехова „Медведь“ – хорошенькая и грациозная вещица. Только ее следует разыгрывать очень тонко. Она вся состоит, особенно мужская роль в ней, из многочисленных переходов и психологических нюансов. Несмотря на простоту рисунка характера этой роли, в ней заключается такой благодарный материал для тонкого исполнения художника-артиста, что последний может преподнести публике настоящий перл». Сочувственный отзыв поместил и журнал «Будильник»: «Наша публика совсем отвыкла от „оригинального“ и „задорного“; между тем в маленькой шутке Чехова она встретила сразу и грубую житейскую правду, и душевную психологию, и невероятный фарс, и яркие искры молодого таланта» (Свой. Театрально-музыкальные заметки неприсяжных рецензентов. – «Будильник», 1888, 6 ноября, № 43, стр. 6).

Две рецензии были отрицательны. Об одной из них упоминал Чехов в письме к Леонтьеву (Щеглову) – отзыв С. Васильева (псевдоним театрального критика С. В. Флерова): «В пьесе три действующие лица: вдова, гость, лакей. Это нечто вроде французских proverbes; различие лишь в том, что те, при всей своей внешней простоте, обдуманы и обработаны до мельчайших подробностей, как настоящие „кабинетные“ вещицы, между тем как г. Чехов допускает такую вопиющую невозможность, как вызов женщины на дуэль. Эта необдуманная подробность тем

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
более бросается в глаза, что на ней построен перелом пьесы, перемена отношений между двумя лицами.

Г. Соловцов, играющий роль „медведя“, очень верно берет темп, нужный для такого рода вещиц; но даже и при этой быстроте темпа нет возможности „скользнуть“ по неправдоподобности вызова женщины на барьер» («Московские ведомости», 1888, 31 октября, № 302).

В другом отзыве подчеркивалось обилие в пьесе бранных слов: «В чем же кроме этого заключается комизм „Медведя“?... Мы все видим в Чехове крупный талант, но несомненно ложно направленный... „Медведь“ – шутка, но не шуточными последствиями грозит она молодому писателю. Это опасный путь, Чехов!» («Русское слово», 1888, 5 ноября, № 45).

С нападками, неловко завуалированными комплиментами, выступил и рецензент «Новостей и Биржевой газеты» (подпись: XII): «Это – ходульная, но, в то же время, чрезвычайно ловко написанная вещица, – талантливый гротеск, не требующий от зрителя ничего, кроме доброго расположения духа.

Как автор коротеньких рассказцев г. Чехов имеет крупный успех среди читающей публики; наоборот, его „большие“ вещи не имели успеха ни в публике, ни среди рецензентов. Та же участь постигла его и на сцене: громоздкая и притязательная комедия его „Иванов“ провалилась; „Медведь“ имел и будет иметь успех – как очень милый пустячок, услаждающий нетребовательную публику <...>. Я уверен, что г. Чехов и не мечтал заявиться с этим пустячком на сцене театра, смысл существования которого исчерпывается высокопробным репертуаром, а не материальной стороной дела, не сборами...

В „Медведе““ сказывается слабая сторона автора как драматурга: он „манерничает“, „ломается“... Как в „Иванове“ он угостил нас неестественным выходом какого-то „винтера“, сокрушающегося о потерянной взятке, так и тут: лишняя осьмушка овса, которую неутешная вдовица приказывает дать любимой лошади ее покойного мужа и которую она отменяет после того, как воинственный сосед завоевывает ее сердце (veni, vidi, vici)[68] – прямо-таки комична!» («Новости и Биржевая газета», 1888, 19 ноября, № 320).

В одной из рецензий было высказано мнение, которое затем утвердилось в литературе о Чехове: «Кстати, нельзя не заметить, что основной мотив вещицы названного автора аналогичен с мотивом, на котором построена одноактная комедия „Победителей не судят“» («Русский курьер», 1888, 31 октября, № 301).

По воспоминаниям Леонтьева (Щеглова), самый замысел «Медведя» возник у Чехова после того, как он увидел в театре Корша одноактную комедию Н. Самойлова «Победителей не судят», представляющую собой переделку французского водевиля Пьера Бертонна «Les jurons de Cadillac», в которой «восхищали в шестидесятых годах в Михайловском театре петербургскую публику г-жа Напताल-Арно и г. Дьёдонне. У Корша отличались г-жа Рыбчинская и г. Соловцов» (Чехов в воспоминаниях, 1954, стр. 150). Главную роль исполнял Н. Н. Соловцов.

В пьесе Самойлова действуют также три лица: графиня (молодая вдова), князь Головин (моряк) и лакей. Сюжет строится на укрощении грубого, но добродушного моряка великосветской красавицей: она обещает выйти за него замуж, если он выдержит испытание – в положенные полчаса разговора не употреблять грубых слов. Однако в этом водевиле очень мало общего с пьесой Чехова. Леонтьев (Щеглов) справедливо отмечал, что пьеска Самойлова – «довольно-таки топорная». Вероятно лишь то, что Чехов писал свой водевиль, учитывая будущего исполнителя – Соловцова. «Водевиль этот был написан Чеховым под впечатлением игры и внешности артиста театра Корша Н. Н. Соловцова. Это был огромного роста, неуклюжий, с громким голосом, но довольно талантливый актер, жаловавшийся на то, что его постоянно затирают и не дают ему хороших ролей» (М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина», стр. 15).

Еще в 1889 г. к Чехову обратился В. К. Миткевич, офицер и литератор, с просьбой о разрешении перевести пьесу на французский язык. Чехов ответил 12 августа 1889 г.: «Против Вашего желанья перевести моего „Медведя“ я ничего не имею. Напротив, это желание льстит мне, хотя я заранее уверен, что на французской сцене, где превосходные водевили считаются сотнями, русский водевиль, как бы удачно он написан ни был, успеха иметь не будет».

Миткевич собирался поехать во Францию и там поставить пьесу. Поездка не состоялась, и в 1893 г. он вновь обращался с той же просьбой (письмо Миткевича от 27 сентября 1893 г. переправил брату Ал. П. Чехов. – Письма Ал. Чехова, стр. 496). На это письмо Чехов, вероятно, не ответил.

В 1898 г. завязалась переписка с лектором по русской литературе в Париже Я. С. Мерпертом. Мерперт просил Чехова прислать какую-нибудь пьесу в одном действии, кроме «Медведя», для устраиваемого в Париже русским кружком спектакля в ноябре – декабре 1898 г. Чехов послал сборник «Пьесы», а в последующих письмах рекомендовал водевили других русских писателей: Ив. Щеглова, В. В. Билибина, П. П. Гнедича.

Особенной популярностью пользовался водевиль в Чехословакии (впервые поставлен в г. Брно 17 октября 1889 г.). Зденек Неedly в статье, посвященной творчеству Чехова, писал: «Знаменательно то, что уже в первые годы проникновения Чехова к нам шутка „Медведь“ после Национального театра получила распространение и в провинции, где наши любительские кружки с увлечением играли ее в городах и деревнях, даже недостаточно сознавая, что играют произведение иностранного автора» (ЛН, стр. 776).

При жизни Чехова пьеса «Медведь» была переведена на болгарский, венгерский, немецкий, польский, румынский, сербско-хорватский, словацкий и чешский языки.

Предложение

Впервые – литографированное издание: Предложение. Шутка в одном действии А. Чехова. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной (ценз. разр. 27 декабря 1888 г.).

Напечатано в газете «Новое время», 1889, 3 мая, № 4732. Подпись: А. П.

Перепечатано в журнале «Артист», 1889, кн. III, ноябрь.

Включено в сборник «Пьесы» (1897).

Вошло в издание А. Ф. Маркса.

Сохранилась рукопись – цензурный экземпляр пьесы: Предложение. Шутка в одном действии А. Чехова. На обложке – штампель с датой представления в цензуру: «9 ноя<бря> 1888» и резолюция цензора: «К представлению дозволено. Цензор драматических сочинений Альбединский. 10 ноября 1888» (ЛГТБ). корректура последней страницы текста из журнала «Артист» с исправлением Чехова и надписью: «Корректуру прошу впредь присылать с подлинником. Нелишне назвать номер „Нового времени“, а о том, что пьеса шла в Красном Селе, я полагаю, следует печатать не внизу, а наверху. А. Чехов» – находилась в Красноярском краевом архиве («Красноярский рабочий», 1940, 29 февраля, № 49). Нынешнее ее местонахождение неизвестно.

Печатается по тексту: Чехов, т. VII, стр. 24–42, с исправлением.

27 октября 1888 г., извещая А. С. Суворина о постановке «Медведя» в театре Корша, Чехов сообщал о «Предложении»: «Написал я еще один водевиль: две мужские роли, одна женская». И в тот же день – Е. М. Линтваревой: «Весь октябрь я ничего не делал. Приводил в порядок свои сценические безделки». 7 ноября пьеса была отправлена в Петербург, в театральную цензуру. И. Л. Леонтьеву (Щеглову) Чехов писал в этот день – с обычной в отношении своих водевилей шутливостью: «Я нацарапал специально для провинции паршивенький водевильчик „Предложение“ и послал его в цензурию. Просил в прошении выслать в библиотеку Рассохина. Если, ангел, будете в цензуре, то скажите Крюковскому, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский и что я купно с Рассохиным слезно молим цензурную гидру не задерживать водевиля в карантине. Водевильчик пошловатенький и скучноватенький, но в провинции пойдет: две мужские роли и одна женская. „Предложение“ ставить в столицах не буду».

Сам Чехов постановку пьесы предполагал лишь осенью будущего, 1889 года. В письме 23 ноября 1889 г. к Леонтьеву (Щеглову) он заметил по этому поводу: «Я держусь такого правила: пишу пьесы зимою, но не для зимы, а для осени. „Медведя“ и „Предложение“ я написал за полгода до начала сезона. Иначе трудно

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
конкурировать».

Литографированное издание Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной по тексту совпадает с рукописной копией, посланной в цензуру. Еще в конце 1888 г. был решен вопрос о печатании пьесы в «Новом времени» (см. ниже письмо Ф. А. Куманину).

5 марта 1889 г. Чехов известил секретаря Общества русских драматических писателей и оперных композиторов И. М. Кондратьева (сведения для каталога пьес, разрешенных к постановке): «<...> моя пьеса „Предложение“ будет напечатана под псевдонимом „А. П.“».

Пьеса была поставлена в Петербурге Столичным артистическим кружком 12 апреля 1889 г. Энтузиасту этой постановки, Леонтьеву (Щеглову), Чехов писал 11 марта 1889 г.: «<...> В. Н. Давыдов хотел сыграть его на Александринке, по крайней мере, говорил об этом. Вы спросите у него. Если он не рассчитывает играть в „Предложении“, то даю Вам карт-бланш, делайте с моей пресловуто-глупой пьесой что угодно, хоть сигарки из нее лепите».

15 марта Леонтьев (Щеглов) ответил, что Давыдов «ничего не имеет против того, чтобы пьеса шла в Столичном артистическом кружке» и «готовые роли уже розданы по принадлежности», а 19 марта переслал Чехову печатный бланк Н. И. Костромитинова, учредителя и директора кружка, с приглашением на репетицию трехактного «Дачного мужа» Щеглова и «Предложения» Чехова. На бланке обращение: «Ответьте поскорее, не томите» (ГБЛ). Чехов подтвердил согласие на постановку, но в письме 12 апреля сетовал на чрезмерность рекламы (объявления в «Новом времени»): «Вы чуть ли не с самого октября долбите во всех газетах ежедневно про мое „Предложение“. Зачем это? Про маленькое нельзя писать много, надо быть скромным и не давать своему имени мелькать, как пузыри в луже».

Значит, мое „Предложение“ на казенной сцене уж не пойдет. Делайте с ним, что хотите. Чем чаще будете ставить, тем, конечно, лучше, ибо прибыльнее».

Посылая водевиль в «Новое время», Чехов просил Суворина не печатать раньше мая (письмо 22 апреля 1889 г.).

«Предложение» появилось в газете 3 мая – в несколько измененном, сравнительно с первоначальным текстом, виде. Чехов сделал стилистические поправки и ряд сокращений. Ослаблялась внешняя, скандальная сторона столкновения, отчего его внутренняя сущность выдвинулась рельефнее. В последних явлениях были вычеркнуты примирительные реплики Натальи Степановны и Ломова, а также урезонивающие слова Чубукова (см. варианты).

5 мая 1889 г. Ал. П. Чехов сообщал брату: «Твое „Предложение“, напечатанное фельетоном, очень понравилось публике» (Письма Ал. Чехова, стр. 232). 22 мая Чехову писал А. Н. Плещеев: «Читал я в „Новом времени“ „Предложение“. Это ужасно смешно, и на сцене будет гораздо забавнее „Медведя“. Нельзя без хохота читать. Мы читали в компании» (ГБЛ; Слово, стр. 264).

9 августа 1889 г. «Предложение» было поставлено в Красносельском театре, о чем на другой день Чехову сообщал игравший в пьесе П. М. Свободин; роли исполняли, кроме него, Ильинская (Наталья Степановна) и Варламов (Чубуков): «Хохот стоял в зале непрерывный <...> Вызывали нас два раза, – чего не бывает в официально-чинном Красносельском театре» (письмо от 10 августа 1889 г. – Записки ГБЛ, вып. 16, стр. 195–196). 24 августа о том же писал В. В. Билибин (ГБЛ), а 16 сентября – Плещеев: «Ваше „Предложение“ имело, говорят, огромный успех» (ЛН, стр. 351).

По этому поводу Чехов заметил в письме Леонтьеву (Щеглову): «Мне пишут, что в „Предложении“, которое ставилось в Красном Селе, Свободин был неподобен; он и Варламов из плохой пьесенки сделали нечто такое, что побудило даже царя сказать комплимент по моему адресу. Жду Станислава и производства в члены Государственного совета».

В сентябре 1889 г. к Чехову обратился Куманин, редактор журнала «Артист», с просьбой перепечатать «Предложение», Чехов ответил 5 сентября: «Мое „Предложение“ было уже напечатано в „Новом времени“ № 4732, куда я обещал его еще в прошлом году. Что касается напечатания этой пьесы в „Артисте“, то оно едва ли возможно. Не в моей власти разрешать печатать то, что уже было однажды

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
напечатано в газете и за что мною уже получены деньги. Неловко. Если, конечно, Суворин разрешит перепечатать с соответственным примечанием, что эта-де пьеса была раньше помещена в „Новом времени“, то я ничего не буду иметь против». 23 октября Чехов сам написал Суворину, и в ноябре «Предложение» было перепечатано в «Артисте» с примечанием о первой публикации в «Новом времени». Судя по напечатанному здесь тексту, в корректуре Чехов внес небольшие поправки. Возможно, по цензурным причинам в репликах действующих лиц исчезли слова: «боже мой», «слава богу».

В Москве «Предложение» было поставлено 3 сентября 1889 г. – в театре Горевой, только что открывшемся (в тот же вечер шла «Гроза» Островского). Рецензент «Московских ведомостей» С. Васильев (критически отзывавшийся раньше о «Медведе» в театре Корша) теперь заметил, что «Предложение» – «очень свежая и милая безделка»: «Это очень забавная маленькая вещь, написанная с несомненным сценическим талантом и прекрасно разыгранная гг. Сашиным (Ломов) и Волховским (Чубуков). Роль дочери играет г-жа Велизарий; первый выход ее был очень хорош; в дальнейшем ходе пьесы исполнительница суетилась несколько более чем нужно» (С. Васильев. Театральная хроника. – «Московские ведомости», 1889, 4 сентября, № 244).

После нескольких спектаклей водевиль был снят с репертуара по желанию Чехова. 18 сентября он заметил в письме Леонтьеву (Щеглову): «С моими водевилями целая революция. „Предложение“ шло у Горевой – я снял с репертуара». За два дня до этого П. Д. Боборыкин (заведовавший в ту пору в театре Горевой репертуаром) написал Чехову: «Я передал Горевой Вашу просьбу <...> Препятствовать она Вам не будет, а я могу только пожалеть о том, что Вам у нас не понравилось. Против пустоты залы я не имею иных средств, кроме репертуара и труппы: репертуар – мой только с 18 сентября; труппа была составлена хозяйкой театра, а не мною» (ГБЛ).

В Александринском театре «Предложение» впервые было поставлено 12 сентября 1889 г. Свободин сообщал Чехову, что пьеса «до слез нравится публике», и добавлял о первом спектакле: «<...> Публика непременно желала вызвать с нами вместе автора и до того настоятельно, что покорнейшему слуге Вашему пришлось, наконец, доложить, что автора в театре нет...» (ГБЛ).

Позднее Свободин в письме к Чехову высказал свое мнение о водевилях, в которых играл: «Что же касается изящного и талантливого пустяка „Медведя“ и такового же „Предложения“, так это даже удивительно, какой черт научает Вас так писать для театра, в котором Вы... хотел сказать, ничего не смыслите, да уж бог с Вами! Так мастерски писали и пишут лучшие европейские писатели <...> Вот чем и объясняется „бессмертие и неколебание“ „Медведя“ и „Предложения“» (ГБЛ). А. И. Сумбатов-Южин решил ставить «Предложение» в Малом театре. Премьера состоялась 20 февраля 1891 г. Роли исполняли: Наталья Степановна – Н. А. Никулина, Ломов – Н. И. Музиль, Чубуков – В. А. Макшеев. Чехов присутствовал на утреннем спектакле 24 февраля (22 февраля с просьбой о билетах он обращался к режиссеру Малого театра А. М. Кондратьеву).

Как и водевиль «Медведь», «Предложение» сделалось сразу «любимейшим детищем провинциальных сцен» (воспоминания Леонтьева-Щеглова. – Чехов в воспоминаниях, стр. 151).

Оказавшись в мае 1890 г. по дороге на Сахалин в Томске, Чехов писал родным: «В Томске на всех заборах красуется „Предложение“». Пьеса была поставлена 10 мая местным драматическим обществом. В газете «Сибирский вестник» спектакль был назван «выдающимся событием». Водевиль был хорошо сыгран, а «местами даже мастерски», «особенно был неподдельно комичен Л. М. Ленин и возбуждал взрывы хохота. Очень хорош был также М. Г. Пепеляев и весьма живо и бойко вела роль Н. М. Пепеляева». Зрители много раз вызывали актеров («Сибирский вестник», 1890, 13 мая, № 53).

18 марта 1892 г. «Предложение» было одобрено драматической цензурой «к представлению в народных театрах» (резолуция на экземпляре ЛГТБ).

В мае 1901 г. к Чехову обращался А. И. Куприн; в Ялте устраивался любительский спектакль, Куприн должен был играть Чубукова (ЛН, стр. 379).

Включая пьесу в сборник и затем в собрание сочинений, Чехов внес несколько поправок.

В сборнике «Пьесы» изменилась разбивка на явления: вместо шести стало семь (выделен в самостоятельное явление монолог Ломова). В последнем споре Натальи Степановны с Ломовым исключены повторные реплики: «Лучше!» – «Хуже!».

В последнем авторизованном тексте (марксовское издание) были еще сделаны некоторые сокращения. Появились слова: «здоровый, упитанный, но очень мнительный помещик» в характеристике Ломова.

И в сборнике, и в собрании сочинений проводилась небольшая стилистическая и грамматическая редакция. Исправлены такие выражения, как «давали вам своей молотилки», «Дайте мне ножа!», «Дайте мне пистолета!»

По воспоминаниям А. С. Лазарева (Грузинского), для «Предложения» Чехов пользовался находившейся в его библиотеке книгой Дрианского «Записки мелкотравчатого», откуда взял «оригинальные охотничьи термины» (Чехов в воспоминаниях, стр. 114).

В 1890 г. пьеса была поставлена в Пражском национальном театре режиссером Франтишеком Коларом (премьера 30 мая). Публика встретила ее одобрительно, причем особенно понравилась роль Ломова в исполнении замечательного актера Индржиха Мошны. Отзывы же критики в основном были отрицательными, что отчасти объяснялось неудачным переводом.

Известный поэт Ярослав Врхлицкий упрекал автора в целом ряде художественных погрешностей, но при всем этом его захватило неподдельное веселье чеховской шутки. Он считал, что имеется мало пьес, где зритель так смеялся бы от всей души. «Русский юмор, – писал он, – действительно великолепен, может быть, – я не боюсь этого богохульства, – великолепнее, чем русский пафос. Не знаю почему, но во время представления этой пьески Чехова мне вспомнилось знаменитое определение русского смеха, которое дает Гоголь в „Мертвых душах“...» («Нás Národa», 1890, 3 июня, № 151). «Удивительная это была комедия, – вспоминал позднее рецензент газеты „Národní listy“. – Кто-то на сцене страдал, корчился от боли, а весь театр смеялся» (1901, 22 апреля, № 111. – ЛН, стр. 754).

При жизни Чехова пьеса была переведена на английский, болгарский, венгерский, немецкий, сербскохорватский и чешский языки.

1
мой ангел (франц.).

2
Здоровый дух в здоровом теле. (лат.)

3
Я хочу вам рассказать, рассказать... – Первые строки из популярной в конце 70-х и начале 80-х годов песенки К. франца «Стрелочек».

4
ваше превосходительство!.. (франц.)

5
Далее утрачен лист рукописи.

6
О мертвых или хорошо, или ничего (лат.).

7
обо всех или ничего, или правда (лат.).

8

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Без сомнения (франц.).

9
Ляпис... дистиллированной воды (лат.).

10
Простой продукт (лат.).

11
кое-что (франц. quelque chose).

12
Что-то слышится родное в звонких песнях ямщика!.. – Из стихотворения Пушкина
«Зимняя дорога» (1826).

13
«Граф Глагольев» (франц.).

14
Базаристей меня ~ Штоф унд крафт! – В романе Тургенева «Отцы и дети» (гл. X)
Базаров советует Аркадию дать отцу читать книгу немецкого естествоиспытателя и
философа Л. Бюхнера (1824–1899) «Stoff und Kraft» («Материя и сила»). Книга,
написанная в духе вульгарного материализма, вышла в русском переводе в 1860 г. и
вскоре стала настольной книгой среди молодого поколения «нигилистов».

15
Ничего (лат.).

16
Оставьте всякую надежду! (итал.) – Надпись на вратах ада (Данте. Божественная
комедия. Ад, песнь третья).

17
мой отец (франц.).

18
прелестна! (франц.).

19
Тысячу извинений (франц.).

20
дорогой мой (франц.).

21
«Захер Мазох ~ наконец замирали...» – Имеется в виду роман австрийского писателя
Л. Захер-Мазоха (1836–1895) «Идеалы нашего времени», переведенный на русский
язык в 1877 г. Пьесу Захер-Мазоха «Unsere Sclaven» (русский перевод 1876 г. –
«Рабы и владыки») Чехов упоминал в письме к брату Александру Павловичу (апрель
1883 г.).

22
Сколько счастья, сколько муки... – Слова припева из старинного «цыганского»
романса «В час роковой...» (слова и музыка неизвестного автора).

23

Звон победы раздавайся... – Из стихотворения Г. Р. Державина «Хор для кадрили», написанного в 1791 г. по поводу взятия Измаила и положенного на музыку О. А. Козловским.

24

А на лбу роковые слова: продается с публичного торга! – Из стихотворения Н. А. Некрасова «Убогая и нарядная». См. также юмореску 1883 г. «Лист» (т. II, стр. 112 и 500).

25

кстати (франц.).

26

И этому злодею ~ могла отдаться ты!.. – Слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (д. III, сцена 4).

27

Я люблю, ты любишь, он любит... (лат.)

28

Пошлите, моя милая! (нем.)

29

Летающие мушки... (франц.)

30

Комедия окончена! (итал.)

31

...царя Эдипа, выколовшего себе глаза! – Эдип ослепил себя, узнав с ужасом, что роковое предсказание дельфийского оракула сбылось и он стал, вопреки своей воле, убийцей отца и супругом матери. Миф об Эдипе разработан Софоклом в трагедиях «Эдип-царь» и «Эдип в Колоне».

32

Положите хранение устом! – Часть стиха в одном из псалмов: «Положи, господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих» (Псалтирь, псалом 140, ст. 3).

33

Ты пренебреги, как говорит Счастливец... – В комедии А. Н. Островского «Лес» в авторском тексте этой реплики нет, однако она прочно закреплена в театрально-сценической традиции актерского исполнения. Начиная с В. Н. Андреева-Бурлака, исполнители роли Счастливецва вставляют ее в последней сцене пьесы (во время монолога Несчастливецва «Аркадий, нас гонят...» и т. д.).

34

...Nicolas-voilà... – Из популярных в 80-е гг. куплетов, исполнявшихся, в частности, с большим успехом В. Н. Давыдовым. Впоследствии артист Александринского театра Ю. М. Юрьев писал о нем: «А его „Николя, вуаля-а-а-а“ – своего рода шедевр» (Ю. М. Юрьев. Записки, т. I. М. – Л., 1963, стр. 439).

35

идите-ка сюда (нем. kommen sie her).

36

...мадам Анго или Офелия... – Персонажи оперетты Ш. Лекока «Дочь мадам Анго» и трагедии Шекспира «Гамлет».

37

...pschutt... – пшют, прозвище, обозначавшее праздного прожигателя жизни, модного щеголя и вертопраха с манерами человека «высшего общества».

38

...Поймешь ли ты души моей волненье... – Популярный в 80-е гг. романс Н. С. Ржевской.

39

...кукуевец – слово, широко употреблявшееся с нарицательным оттенком в журналистике и обиходной речи в 80-е гг., в том числе – в фельетонах и рассказах Чехова, и обозначавшее тип бесчестного дельца и хапуги. Получило распространение в связи с происшедшей в 1882 г. близ деревни Кукуевки (под Мценском) крупной железнодорожной катастрофой. Расследование ее причин и поиски виновников «кукуевки» вскрыло царившие на Московско-Курской железной дороге беспорядки, преступную безответственность, служебные злоупотребления и хищничество.

40

Кто это (франц.).

41

...свинья в ермолке ~ Моветон... – Из письма Хлестакова Тряпичкину в комедии Гоголя «Ревизор» (д. V, явл. 8).

42

...первый заем стоит уже 270, а второй без малого 250... – в 1887 г. наблюдалось значительное повышение биржевого курса пятипроцентных внутренних выигрышных (лотерейных) займов 1864 г. и 1866 г., имевших преимущественный спрос в среде мелких держателей капитала. Уровня цен, названного Бабакиной, сторублевые билеты этих займов достигли в августе 1887 г. (в сентябре уже превысили его).

43

Люблю в тебе я прошлые страданья... – Из стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю...», положенного на музыку. Наиболее известны романсы П. П. Булахова, Ф. Г. Голицына и А. И. Шишкина.

44

Знаем, как вы плохо в шашки играете... – Слова Ноздрева, обращенные к Чичикову – из «Мертвых душ» Гоголя (т. I, гл. 4).

45

Я вновь пред тобою. – Начальные строки «цыганского» романса на слова стихотворения В. И. Красова «Стансы» («Опять пред тобой я стою очарован...»).

46

Прошу вас (франц. je vous prie).

47

У Франции политика ясная ~ Драться не будут. – Милитаристская политика Германии привела в 1887 г. к резкому обострению отношений с Францией. Перспектива франко-германской войны трижды в течение 1887 г. (в январе – феврале, апреле и

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
сентябре) выступала на первый план и волновала общественное мнение европейских стран.

48

...Жомини да Жомини, а о водке ни полслова. – Из стихотворения Д. В. Давыдова «Песня старого гусара».

49

Повторим! (лат.)

50

Здесь: карман (от франц. *enrocher* – класть в карман).

51

Доктор, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь... – Перефразировка строк из «Докторской серенады» В. Х. Давингофа (слова А. М. Ушаковой); в подлиннике: «Доктор, друг, меня спасите, смерти страшно я боюсь...»

52

Явилась ты, как пташка к свету... – Из романа Е. С. Шашиной «Три слова» (текст О. П. Павловой); в подлиннике: «Явился ты!.. Как пташка к свету, неслась к тебе душа моя...»

53

Понимаете? (франц.)

54

...акциями Скопинского банка. – Намек на нашумевшее в 1884 г. судебное дело о злоупотреблениях и крахе банка в г. Скопине Рязанской губернии (см. «Картинки из недавнего прошлого» – т. III Сочинений, а также фельетон «Дело Рыкова и комп.» – т. XVI).

55

У Гоголя две крысы, сначала понюхали, а потом ушли... – Городничий в «Ревизоре» рассказывает, что ему снились «две необыкновенные крысы», которые «пришли, понюхали – и пошли прочь» (д. I, явл. 1).

56

Да не сиди, Сашенька, не сиди... – Одна из «каравайных» песен свадебного обряда, которую подружки невесты поют в день перед венцом, до девичника.

57

...марш из «Бокаччио»... – Из I акта оперетты Ф. Зуппе (1879).

58

...точно Тит Титыч... – По имени купца Брускова из комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856).

59

Обычаи заменяют законы (лат.).

60

все мое ношу с собой (лат.).

Пьесы. 1878–1888. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

61

О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек... – Цитата из «Оды, выбранной из Иова, глава 38, 39, 40 и 41» Ломоносова. Тот же стих и так же некстати произносит Хлестаков в момент объяснения с Марьей Антоновной в «Ревизоре» Гоголя (д. IV, явл. 12).

62

я вас прошу (франц. je vous prie).

63

Очи черные, очи страстные... – Начальные слова цыганского романса на стихи Е. П. Гребенки (муз. Г. Софусь).

64

..шепот, робкое дыханье... – Начальная строка стихотворения А. А. Фета.

65

Ал. П. Чехов ошибся: С. П. Соловьев – переводчик комедии «Жених каких мало и невеста каких много». Комедию «Жених из ножевой линии» написал А. М. Красовский.

66

кто знает? (франц.).

67

Полный текст стихотворения см. в т. XVIII Сочинений.

68 пришел, увидел, победил! (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!